

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 101

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2026

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.В. Ольховик*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, В.А. Уткин. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2026. – Ч. 101. – 408 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-908040-44-0 (отд. кн.)

В сборник включены статьи преподавателей и аспирантов высших учебных заведений, научных и практических работников – участников Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 30 января – 1 февраля 2025 г.).

Статьи посвящены актуальным проблемам различных отраслей права и юридической науки, содержат предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере юриспруденции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-908040-44-0 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2026

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Д.П. Аветисян

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ КОНСТИТУЦИОННОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА

По справедливому замечанию авторов, специфика связи конституционного права с уголовным состоит в том, что эта связь характеризует вертикальные (иерархические) отношения¹. Конституция РФ (РА) является исходным началом для всех отраслей права.

Особенности функций конституционных норм в сфере уголовно-правового регулирования зависят от вида конституционной нормы и уголовно-правовых норм, с которыми они связаны. Например, функция ограничения пределов уголовной репрессии предоставляет гарантию от произвольного вмешательства от имени государства в сферу прав и свобод человека и гражданина под видом защиты от преступных посягательств².

Важное значение в контексте взаимосвязи с уголовным правом представляют конституционные нормы – запреты. Так, в ст. 26 Конституции Республики Армения³ содержится запрет на применение пыток, насилия, а также жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения. Аналогичная норма закреплена и в ст. 21 Конституции Российской Федерации⁴. Этот запрет реализован во многих уголовно-правовых нормах.

Вместе с тем конституционные положения входят в систему нормативно-правовых норм, без обращения к которым нельзя применить уголовно-правовую норму. В этой системе конституционные нормы в

¹ Малинин В.Б. Энциклопедия уголовного права. Т. 1: Понятие уголовного права. 2-е изд. СПб. : ПГУ им. А.С. Пушкина, 2008. С. 449.

² Указ. соч. С. 452.

³ Конституция Республики Армения: принята референдумом 5 июля 1995 г. (с изменениями и дополнениями от 27 ноября 2005 г. и 6 декабря 2015 г.).

⁴ Конституция Российской Федерации: принята в всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с изменениями от 1 июля 2020 г.).

силу своей природы занимают особое положение, играют главенствующую роль, чем нормы иных отраслей права. Так, в ст. 78 Конституции Республики Армения закреплён принцип соразмерности ограничения фундаментальных прав и свобод человека, а в ст. 79 – принцип правовой определенности.

Обобщая изложенное, мы согласны с позицией тех авторов, которые особенности конституционно-правового регулирования уголовной политики сводят к следующему:

- нормы Конституции имеют высшую юридическую силу при формировании и реализации задач уголовной политики, разработки и принятия уголовного закона;

- Конституция является исходной правовой базой для принятия концепции национальной безопасности, в том числе и безопасности человека, включающей в себя доктрину противодействия преступности;

- конституционное регулирование обеспечивает единство уголовной политики на всей территории государства;

- конституционные нормы устанавливают основные права и свободы человека и гражданина, которые определяют основные приоритеты концепции уголовной политики и ее реализации;

- Конституция регулирует правовые основы контроля уголовной политики, определяет круг субъектов, правомочных осуществлять контроль в этой сфере. Однако УК РА и РФ нуждаются, в «конституционализации». Это требование должно быть одним из главных векторов реформирования уголовного законодательства наших стран¹.

Таким образом, познание сущности уголовного права возможно только посредством изучения межотраслевых связей и особенностей взаимосвязи с конституционным правом.

¹ Аветисян С.С. Приоритеты и перспективы нового Уголовного кодекса Республики Армения (социально-правовая концепция). Ереван : Изд-во РАУ, 2004. С. 85.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕПРЕОДОЛИМОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ (ПСИХОТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Как принято в науке уголовного права, деяние, признаваемое преступным, должно быть сознательным и волевым¹. И если по обстоятельствам физического принуждения вопросов практически не возникает (так как в этом случае отсутствует волевой компонент), то к обстоятельствам принуждения психического такие вопросы есть. Если потерпевший подвергается физическому воздействию (чтобы, например, вынудить его нарушить правила безопасности на охраняемом объекте), то имеются признаки физического воздействия, преодолимость которого зависит от разных моментов. А если те же самые действия совершаются без нанесения увечий потерпевшему, т.е. при воздействии психическом? Как оценить, преодолимо ли было это воздействие или нет? Ведь от этого ответа будет зависеть, привлекаем ли мы лицо, которое все-таки было потерпевшим от угрозы, например, убийства или причинения вреда здоровью себе или близким/или другим людям, находившимся рядом; уничтожения имущества; потери репутации вследствие распространения сведений, к уголовной ответственности, хоть и со смягчающими обстоятельствами?

Уберем более очевидный момент – угроза убийством. Здесь мы можем оценить эту угрозу как непреодолимую (хотя и не безусловно). Вынося решение по делу, Верховный Суд РФ пояснил, что «обязательным признаком такой угрозы является ее реальность. Оценкой реальности угрозы является субъективный и объективный критерии. Субъективный критерий характеризуется намерением виновного осуществить угрозу и восприятием потерпевшим этой угрозы как опасной

¹ См.: Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие : [для студентов, бакалавров, магистрантов, аспирантов, преподавателей юридических вузов / А.Г. Антонов, О.А. Беларева, М.Т. Валеев и др.] ; под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000533651>

для жизни. При этом угроза должна быть очевидной для потерпевшего»¹. Другими словами, потерпевший осознает, что у него фактически **два выбора** – умереть или выполнить чужую волю. Можем ли мы наказывать человека за то, что он выбрал свою жизнь и «помог» преступнику? В условиях морали современного общества – нет. Значит, при угрозе жизни посредством устных запугиваний психическое принуждение непреодолимо. Но здесь есть вопрос о других интересах. Что ценнее для индивида – собственная жизнь или безопасность его близких; безопасность близких или безопасность других людей и т.д. А какие приоритеты у следователя или у судьи, который будет рассматривать это дело? Это не имело бы значения, но ведь в ст. 17 УПК РФ сказано, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему **внутреннему убеждению**, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». А внутренне убеждение относительно конкретного дела, хотя и формируется в процессе его изучения, но закладывается все же задолго до него, в том числе на приоритетах, которые у того же судьи имеются.

Данные приоритеты индивида зависят не только от его свойств, сформированных воспитанием, принадлежностью к профессии и прочим социальным группам, но прежде всего от того, насколько он способен воспринимать те или иные установки, задаваемые изначально родителями и всеми теми, кого принято называть ближним и дальним кругом социального общения. Но хотя человек и становится личностью в процессе социализации, тем не менее в эту социализацию он не входит «чистым листом бумаги: многие личностные свойства закладываются изначально, т.е. в процессе онтогенеза и последующей социализации индивид приобретает новые черты, которые «накладываются» на уже заложенные. Так, волевой компонент, хоть и поддается коррективке в процессе жизнедеятельности, определяется во многом изначально имеющимися у индивида свойствами.

Говоря о волевом компоненте, играющем определяющую роль в поведении человека в момент психического принуждения, необходимо отметить, что чем сильнее воля отдельного индивида, тем более он спо-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 № 82-УД21-7-К7.

собен сопротивляться принуждению. В ситуации принуждения мы получаем примерно следующую формулу: человек с развитыми волевыми потенциалами, следовательно, с развитой способностью к саморегуляции, в момент принуждения *будет способен* взять свое состояние (страх, тревогу, панику, гнев – все то, что лишает человека способности мыслить в критической ситуации *здравом*) под контроль и принимать решение не под влиянием эмоций, а под влиянием своих собственных внутренних *убеждений*. Здесь мы снова приходим к выводу о необходимости учета приоритетов и самого сопротивляющегося (не сопротивляющегося) принуждению и приоритетов тех, кто будет оценивать его деяния. Следовательно, мы приходим к выводу о разности преодолемости (непреодолимости) психического принуждения для разных лиц.

Принимая во внимание возможность использования психотипологического подхода для определения свойств, присущих тому или иному человеку, мы можем предположить, что разные типы¹ будут реагировать на процесс принуждения по-разному: к примеру, истероидный тип будет нацелен на сохранение целостности себя самого и при условиях, угрожающих его жизни и здоровью, окажется в ситуации непреодолимости принуждения – для данного типа не существует выбора по типу «я – другие», для него всегда есть только «я». С другой стороны, для параноидного типа принуждение вполне может оказаться преодолимым, если параноида будут пытаться принудить совершить что-то, противоречащее его внутренним убеждениям. Разумеется, для каждого психотипа вариант выбора будет свой, но, учитывая ограниченный объем данного исследования, мы приводим как пример лишь два типа.

¹ Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 499–511; Психология индивидуальных различий. Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 288–318; Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика, некоторые общие соображения и данные // Психология индивидуальных различий. Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 262–269.

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПРАВЛЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Решение о назначении мер воспитательного воздействия оставлено на усмотрение суда – УК РФ не предусматривает никаких ситуаций, в которых суд был бы обязан назначить подобные меры, освободив несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от наказания. Сказанное актуализирует вопрос: что необходимо установить суду для принятия решения о воздействии на несовершеннолетнего мерами воспитательного характера?

Главный вопрос, на который суд должен найти ответ, состоит в том, можно ли добиться исправления несовершеннолетнего мерами воспитательного воздействия? Исследователи отмечают, что «определение возможности... исправления по итогам применения указанных мер» является самым сложным¹. На самом деле суду необходимо определить те положительные свойства личности несовершеннолетнего, на которые можно опереться в процессе воздействия, и те негативные свойства, которые следует корректировать при помощи мер воспитательного воздействия. Только так можно составить прогноз о возможности исправления подростка. В теории для этого предложено использовать понятие «исправимость»².

Определение исправимости ставит перед судом задачу установления и оценки многих факторов, определяющих поведение в будущем. Не может быть сомнений, что точность такого прогноза целиком и полностью зависит от того, насколько полной будет характеристика не только совершенного преступления и обстоятельств его совершения, но и личности самого несовершеннолетнего.

¹ Тюрина И.Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2016. С. 100–102.

² Анферова О.А., Анферов А.А. Производство по применению принудительных мер воспитательного воздействия как предпосылка для нового уровня развития молодого поколения // Гуманитарные исследования. 2006. № 2. С. 71.

Немногочисленная практика применения судами мер воспитательного воздействия вскрывает серьезную проблему – обоснование решений о возможности исправления несовершеннолетних воспитательными мерами нередко является формальным. Многие исследователи обращают внимание на «очень скудные сведения о личностных особенностях правонарушителя», идентичность характеристик, представленных педагогами, инспекторами ПДН. Если первые акцентируют внимание на отношении к учебному процессу, выполнению домашних заданий, отношениям в коллективе, то вторые в справках-характеристиках, представляемых в уголовные дела, шаблонно указывают, как правило, срок постановки на учет и совершение несовершеннолетним административных правонарушений. Сведения о совершении преступления впервые, раскаянии в содеянном, положительных характеристиках по месту жительства и учебы, проживании совместно с родителями¹ не позволяют понять – окажутся ли эффективными воспитательные меры, информация о том, что несовершеннолетний не состоит на профилактических учетах, сама по себе не свидетельствует о возможности исправления с применением ПМБВ².

Для решения вопроса о возможности исправления с применением ПМБВ необходимо собрать особенные сведения о несовершеннолетнем: как он относится к содеянному, осознал ли он социальную обоснованность запрета подобного поведения (почему оно запрещено под угрозой уголовного наказания), вредоносность своего деяния, его негативные последствия, принимал ли он меры к примирению с потерпевшим, заглаживанию причиненного его действиями вреда; каковы реальные взаимоотношения в семье, как близкое окружение относится к содеянному и может ли семья осуществлять контроль поведения несо-

¹ Постановление Ревдинского городского суда № 1-13/2020 1-390/2019 от 14 января 2020 г. по делу № 1-13/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DVCWAbC8dKVp/?page=10®ular>; Постановление Староминского районного суда № 1-53/2020 от 23 апреля 2020 г. по делу № 1-53/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/10zwOLEmDrQg/?page=7®ular>; Постановление Пятигорского городского суда № 1-473/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 1-473/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6qWwOQVOIc5m/?page=2®ular>

² Филиппова Е.О. Понятие, сущность, цели принудительных мер воспитательного воздействия // Концепт. 2016. № 03 (март). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16051.htm>

вершеннолетнего. Если в материалах дела имеются сведения о действиях, направленных на заглаживание причиненного вреда, судам с особой тщательностью необходимо установить, какое участие в этом принимал сам несовершеннолетний. К сожалению, нередко в судебных решениях о применении ПМВВ прямо указывается, что вред возмещен родителями, причины, по которым сам виновный не принимал в этом участия, не выясняются.

Показательным можно назвать судебное решение, основанное среди прочих доказательств на заключении комиссии экспертов, которые провели комплексное обследование несовершеннолетнего и представили в суд подробную профессиональную его характеристику. В ней, в частности, нашло отражение изменение взаимоотношений несовершеннолетнего и его матери, которая сначала устранилась от воспитания ребенка и утратила с ним контакт, но затем отношения в семье наладились, воспитательный контроль усилился. Кроме того, отмечена положительная динамика в результате выполнения несовершеннолетним плана индивидуальной работы по ликвидации пробелов, уровень мотивации к обучению повысился, он выполнял задания, посещал занятия, снизился уровень агрессии к одноклассникам и учителям. Решение о применении ПМВВ суд обосновал тем, что несовершеннолетний проживает и воспитывается матерью, которая в настоящее время принимает участие в его воспитании и в настоящее время за ним осуществляется надлежащий надзор, отношения в семье наладились, ранее подсудимый не привлекался к уголовной и административной ответственности, характеризуется в целом положительно, сделал для себя выводы, имеет цели и стремления в жизни¹.

Решение о применении ПМВВ может быть принято только при наличии у суда весомых аргументов, позволяющих прогнозировать возможность исправления несовершеннолетнего мерами воспитательного воздействия.

¹ Постановление Кузьминского районного суда г. Москва № 1-392/2021 от 02.04.2021. URL: mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/cases/docs/content/...

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОБРОВОЛЬНОСТИ ПРИ ЯВКЕ С ПОВИННОЙ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что явка с повинной является важным институтом уголовного права, способствующим раскрытию и расследованию преступлений. При этом ключевым признаком явки с повинной выступает добровольность сообщения лица о совершенном преступлении. Однако в правоприменительной практике возникают существенные трудности при оценке добровольности явки с повинной, что может приводить к необоснованному признанию или непризнанию данного обстоятельства в качестве смягчающего наказание.

Действующее законодательство не содержит четкой формулировки явки с повинной как института уголовного права, хотя данный правовой механизм регламентируется несколькими нормативными актами. В частности, упоминания о нем присутствуют в УК РФ¹ (п. «и» ст. 61, ч. 1 ст. 75, ч. 3 ст. 78, ч. 2 ст. 83) и УПК РФ (ст. 142)². Изучение юридической доктрины позволяет охарактеризовать явку с повинной как самостоятельное заявление (устное или документальное) правонарушителя в компетентные органы, содержащее информацию о совершенном им противоправном деянии.

Определяющей характеристикой явки с повинной является ее добровольная природа, что находит подтверждение в разъяснениях высшей судебной инстанции – Пленума Верховного Суда РФ (Постановление № 58 от 22.12.2015)³. В п. 29 указанного документа подчеркива-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. (дата обращения: 19.01.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. (дата обращения: 19.01.2025).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного

ется, что явка с повинной, рассматриваемая как фактор смягчения ответственности, заключается в самостоятельном, инициативном признании лицом своей причастности к совершенному преступлению. Принцип добровольности подразумевает полную автономию в принятии решения – преступник действует исключительно по собственному побуждению, без внешнего давления обращаясь в органы правопорядка.

В системе форм деятельного раскаяния явка с повинной занимает особое место, являясь его начальным этапом. От иных форм деятельного раскаяния (способствование раскрытию преступления, возмещение ущерба и др.) явка с повинной отличается тем, что представляет собой первоначальный добровольный акт признания вины¹.

Критерии оценки добровольности явки с повинной представляют собой добровольность как ключевой критерий явки с повинной, который определяется через систему объективных и субъективных признаков. К объективным критериям относятся: отсутствие принуждения, реальная возможность уклонения от ответственности, своевременность обращения до выдвижения официального подозрения, соблюдение процессуального порядка оформления с разъяснением прав, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Субъективные критерии характеризуются осознанным решением лица о явке с повинной без внешнего давления, а также мотивами (раскаяние, стремление к исправлению, сострадание к потерпевшему, желание смягчить ответственность). Комплексная оценка указанных критериев позволяет установить действительную свободу волеизъявления лица при обращении в правоохранительные органы.

Проблема разграничения добровольности и вынужденности явки с повинной требует всесторонней оценки как объективных, так и субъективных критериев. Правоприменительная практика показывает, что явка с повинной не может быть признана добровольной, если она получена под физическим или психическим принуждением, является следствием задержания с поличным или предъявления неопровержи-

наказания» // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. (дата обращения: 19.01.2025).

¹ Рунов Р.О. Юридическая природа деятельного раскаяния // Юность. Наука. Культура : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 18 декабря 2020 года. Саранск : ЮрЭксПрактик; Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 356–360.

мых доказательств вины. Вместе с тем сам факт нахождения лица в местах принудительного содержания не свидетельствует автоматически о недобровольности явки с повинной¹.

В целях совершенствования уголовно-правового регулирования оценки добровольности явки с повинной представляется необходимым законодательное закрепление четких критериев добровольности в нормах УПК РФ. Целесообразно дополнить ст. 142 УПК РФ положениями, определяющими основные признаки добровольности: отсутствие физического или психического принуждения, наличие реальной возможности уклониться от уголовной ответственности, своевременность обращения (до момента, когда лицу стало достоверно известно о выдвинутом подозрении).

Проведенное исследование явки с повинной как института уголовного и уголовно-процессуального права позволяет сделать следующие основные выводы. Явка с повинной представляет собой важный правовой институт, способствующий как раскрытию преступлений, так и реализации принципов справедливости и гуманизма при назначении наказания. Ключевым критерием правовой оценки явки с повинной выступает добровольность обращения лица в правоохранительные органы, которая должна определяться на основе комплекса объективных и субъективных признаков. Анализ научных подходов показывает необходимость совершенствования законодательного регулирования данного института путем четкого закрепления критериев добровольности, унификации требований к процессуальному оформлению явки с повинной и конкретизации условий ее учета в качестве смягчающего обстоятельства. Реализация предложенных изменений позволит повысить эффективность применения норм о явке с повинной и обеспечить единообразие правоприменительной практики при соблюдении прав и законных интересов лиц, добровольно сообщивших о совершенном преступлении.

¹ Смолькова И.В. Является ли явка с повинной признанием обвиняемым своей вины? // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 114–119.

СЛОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ФОРМ СОУЧАСТИЯ В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Институт соучастия в уголовном праве России является одним из основных и фундаментальных, что, однако, не исключает возникновения проблем теоретического и практического характера. Так, в настоящее время в законотворческой деятельности существует тенденция к конструированию норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) таким образом, что некоторые виды совершения групповых преступлений образуют самостоятельные составы преступлений. Так, например, еще в первоначальной редакции Уголовного кодекса в нормах Особенной части была криминализована деятельность организованных групп (ст. 208 – «Организация незаконного вооруженного формирования», 209 – «Бандитизм») и преступных сообществ (ст. 210 УК РФ – «Организация преступного сообщества (преступной организации)»), необходимость в чем диктовалась повышенной степенью опасности создания таких объединений. Видится, что подобный законодательный прием порождает противоречия с положениями гл. 7 Общей части УК РФ, в рамках которой устанавливаются теоретические основы института соучастия в преступлении, что, в свою очередь, нарушает принцип системности уголовного закона.

При этом для того чтобы провести сравнительное исследование института соучастия в Общей части и Особенной части УК РФ, необходимо проанализировать основные формы соучастия. Кроме того, именно вопрос о формах соучастия является основополагающим для построения конкретных составов преступления.

Анализ генезиса представления о формах соучастия в отечественной уголовно-правовой науке дает возможность выделить ряд особенностей.

В дореволюционный период, по сравнению с последующими, научные исследования на рассматриваемую тему немногочисленны и не отличаются конкретной критериальностью в рамках выделения форм соучастия, в том числе наблюдается смешение понятий форм и видов соучастия (Д.А. Дриль)¹.

¹ Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб., 1912. С. 153.

Советский период отличается разнообразием работ на тему соучастия в преступлении, анализ которых позволяет выделить четыре подхода к классификации форм соучастия:

– совиновничество и соучастие в тесном смысле слова (М.И. Ковалев)¹; критерий деления, лежащий в основе, – степень вовлеченности в совершении преступления;

– простое соучастие, соучастие, квалифицированное предварительным соглашением соучастников, и соучастие особого рода, т.е. преступная организация (А.Н. Трайнин)²; критерий деления, лежащий в основе – степень организованности, согласования и устойчивость взаимодействия между соучастниками;

– соучастие без предварительного соглашения и соучастие с предварительным соглашением (А.А. Пионтковский)³; критерий деления, лежащий в основе, – характер взаимодействия между соучастниками и степени дифференциации их ролей;

– соучастие с предварительным сговором, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация); критерий деления, лежащий в основе, – степень согласованности и организованности действий соучастников (П.И. Гришаев, Г.А. Кригер)⁴.

В постсоветский период российские учёные продолжили развивать теорию соучастия, предлагая новые подходы к классификации его форм. Эти концепции часто учитывали изменения в уголовном законодательстве (УК РФ 1996 г.) и современные вызовы, связанные с организованной преступностью.

А.И. Рарог и В.С. Комиссаров выделяют следующие формы: группа лиц без предварительного сговора (минимальная согласованность), группа по предварительному сговору (планирование ролей), организованная группа (устойчивость, систематичность), преступное сообщество (масштабность, иерархия)⁵. Классификация по степени организованности группы, в основе уровень – структурированности и устойчивости преступной группы.

¹ Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Часть вторая. Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Свердловск, 1962. С. 199–200.

² Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 111–112.

³ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 563.

⁴ Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 33.

⁵ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2003. С. 289.

А.В. Наумов и В.Н. Кудрявцев приводят свою классификацию по функциональным ролям: соисполнительство (все участники выполняют объективную сторону), соучастие с разделением ролей (организатор, подстрекатель, пособник, исполнитель)¹. Основанием деления выступает распределение функций между соучастниками.

Таким образом, для выделения форм соучастия, как и для любой классификации, необходимо определить критерии, которые позволят в полной мере учесть особенности объединения участников преступления. Представляется, что совокупность объективных и субъективных признаков соучастия является наиболее важным и емким основанием для выделения форм соучастия. Исходя из такого подхода, предлагаются следующие формы соучастия: простое соучастие без предварительного сговора, простое и сложное соучастие с предварительным сговором, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Также следует отметить, что использование понятия «вид соучастия» создаст сложности с отграничением от видов соучастников, тем самым выделять необходимо лишь формы соучастия.

А.В. Васеловская

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1960 ГОДА²

Развитие законодательства о принудительном лечении психически больных лиц, представляющих опасность для себя и (или) окружающих, имеет богатую историю, начинающуюся, по разным оценкам ученых, в XII–XIV вв. В советский период система принудительного психиатрического лечения начинает приобретать черты, схожие с современной системой оказания психиатрической помощи гражданам, но вместе с тем и отражает в себе специфику государственной политики советского времени.

¹ Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 337.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00386. URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00386/>

Одним из основных законодательных актов советского периода, определившим систему принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) практически на столетия (начиная с 1960-х гг. и вплоть до 1997 г.) стал Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.

Отметим наиболее важные, на наш взгляд, аспекты правового регулирования принудительных мер медицинского характера по Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. (далее – УК РСФСР 1960 г.).

1. В качестве видов ПММХ УК РСФСР 1960 г. предусматривал только стационарное лечение, предполагающее изоляцию лица от общества. Амбулаторное наблюдение и лечение у врача-психиатра уголовный закон 1960 года не содержал.

2. Изначально УК РСФСР 1960 г. предусматривал два вида ПММХ: помещение в психиатрическую больницу общего типа и помещение в психиатрическую больницу специального типа.

В 1988 г. на основании указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 05.01.1988 система ПММХ была изменена как в части наименований видов принудительных мер, так и в части их количества. В результате внесенных в гл. 6 УК РСФСР 1960 г. изменений была сформирована трехзвенная система ПММХ, предусматривающая помещение в психиатрическую больницу с обычным, усиленным и строгим наблюдением.

Полагаем, что в качестве положительного момента закрепления подобной системы ПММХ можно отметить законодательно установленную возможность дифференциации применения принудительного лечения исходя из различной степени опасности психически больных лиц, т.е. применение ко всем не единой меры изоляции лица от общества в психиатрическом стационаре, а предусмотрение различных условий содержания и психиатрического наблюдения (обычное, усиленное и строгое) в зависимости от состояния здоровья лица.

3. В качестве критериев выбора вида ПММХ УК РСФСР 1960 г. содержал в себе два критерия: психическое состояние лица и характер совершенного им деяния. Так, например, помещение в психиатрическую больницу с усиленным наблюдением было возможно, только если лицо совершило общественно опасное деяние, не связанное с посягательством на жизнь граждан.

Следует отметить, что в последующем при принятии Уголовного кодекса РФ 1996 г. законодатель отошел от такого подхода и в качестве

единственного критерия определения вида ПММХ указал только на особенности психического состояния лица, тем самым законодательно закрепив положение о том, что ПММХ не носят возмездного характера¹ и применяются к лицу не за совершение общественно опасного деяния, а в связи с ним².

4. В УК РСФСР 1960 г. в части правовой регламентации ПММХ присутствовала характерная для советского периода времени «стигматизирующая» терминология в части характеристики лиц, страдающих психическими расстройствами: субъекты, к которым могло быть применено принудительное лечение, именовались в уголовном законе достаточно устаревшим и стигматизирующим термином «душевнобольной», несмотря на то, что в медицинской практике уже использовалась терминология «психические заболевания» и «лица, страдающие психическими расстройствами».

5. Уголовным законом 1960 г. была предусмотрена возможность применения ПММХ к алкоголикам и наркоманам. Принудительное лечение к таким лицам применялось наряду с наказанием. Важно отметить, что уголовный закон в ст. 62 помимо уголовно-правовых отношений регламентировал по сути и гражданско-правовые отношения по признанию алкоголиков и наркоманов ограниченно дееспособными и установлению над ними попечительства, что свидетельствовало о несовершенстве законодательного регулирования в части разграничения отраслевой принадлежности норм.

Нормы о принудительном лечении алкоголиков и наркоманов в последующем были исключены из УК РФ 1996 г. Вместе с тем положительный эффект от данной меры в советский период всё же был, а потому сама по себе концепция принудительного лечения лиц, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, заслуживает внимания и отдельной, более детальной проработки.

В качестве заключения отметим, что система ПММХ по УК РСФСР 1960 г. имела как положительные черты (например, впервые устанавливалась четкая дифференциация ПММХ с учетом степени обществен-

¹ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск, 2018. С. 29–30.

² Бавсун М.В. Методологические основы уголовно-правового воздействия. М., 2012. С. 9.

ной опасности психически больного лица), так и определенные отрицательные либо спорные моменты (использование стигматизирующей терминологии, наличие некоторых положений, указывающих на возмездность принудительного лечения, и др.), что, безусловно, должно быть принято во внимание при анализе и разработке направлений совершенствования современной системы принудительных мер медицинского характера.

А.Т. Вельтмандер

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Преступление и наказание – это, безусловно, базовые для уголовного права категории. И на первый взгляд может показаться, что научный потенциал их исследования должен быть давно исчерпан. Вместе с тем основополагающий характер указанных категорий на самом деле не нивелирует научного интереса к ним. В первую очередь, это обусловлено многочисленными изменениями в уголовном законодательстве, влияющими на правоприменительную практику и на теоретические наработки в уголовно-правовой науке. Как и в подавляющем большинстве случаев, для указанных категорий характерно диалектическое единство, которое, с одной стороны, определяет зависимость назначаемого наказания от характера и степени общественной опасности преступления, с другой – санкции статей Уголовного кодекса Российской Федерации наглядно демонстрируют общественную опасность преступления в зависимости от вида и размера возможного наказания. При этом учитывая, что смертная казнь в настоящий момент на территории Российской Федерации не применяется, наибольшую общественную опасность, очевидно, имеют те преступления, за совершение которых предусмотрено пожизненное лишение свободы. В свою очередь, из этой группы преступлений наибольшей общественной опасностью должны обладать те деяния, за совершение которых предусмотрен максимальный срок лишения свободы, а также возможность назначения дополнительных наказаний. С этой точки зрения в настоящий момент наибольшей общественной опасностью обладает преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 210 Уголовного кодекса Российской

Федерации (организация преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии), за совершение которого помимо пожизненного лишения свободы предусмотрена возможность назначения наказания в виде лишения свободы от 15 до 20 лет с ограничением свободы от 1 до 2 лет и штрафом до 5 млн руб. С учётом данного подхода (определения общественной опасности деяния в зависимости от размера наказания) убийство при наличии квалифицирующих признаков будет находиться только в третьем десятке преступлений. Санкция ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает наказание в виде лишения свободы от 8 до 20 лет с ограничением свободы от 1 года до 2 лет. В целом это далеко не единственный пример, наглядно показывающий необходимость реализации системного подхода в определении санкций статей Уголовного кодекса Российской Федерации в целях исключения подобного рода несогласованностей. В частности, санкции статей для преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 131 (ч. 5 ст. 132 УК РФ), не отличаются от санкций за совершение деяния, закреплённого в ч. 6 ст. 134 УК РФ, иными словами, законодатель «вынес за скобку» применение насилия в данном случае, уравнив максимальное наказание за совершение указанных преступлений. Не меньший интерес представляет собой возможность назначения более тяжкого наказания за прохождение обучения к диверсии, нежели за саму диверсию, наличие санкций статей Особенной части УК Российской Федерации, предусматривающих возможность назначения наказания в виде лишения свободы от 15 до 20 лет, но не предполагающих возможности назначения пожизненного лишения свободы (ч. 6 ст. 222.1 УК РФ, ч. 3 ст. 223.1 УК РФ), с одновременным закреплением возможности назначения за преступление, предусмотренное ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, наказания от 10 до 15 лет (т.е. лишения свободы не в максимальном размере) с возможностью назначения пожизненного лишения свободы. Всё это, безусловно, требует особого внимания со стороны как правоприменителей, так и научного сообщества. Кроме того, необходимо привести санкции статей Особенной части УК Российской Федерации в единую систему, которая бы отражала общественную опасность каждого деяния.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

По статистическим данным, на начало 2025 г. 5,56 млрд человек используют глобальную сеть¹. Легкий доступ к информационно-телекоммуникационным сетям (далее – ИТС) и широкие возможности, которые они предоставляют, делают их привлекательным инструментом для жизни, в том числе и для совершения преступлений. Таковы закономерности развития этого этапа исторического развития человечества, именуемого 4-й промышленной революцией, когда во все сферы нашей жизни проникают информационные технологии, и мы очень быстро к этому привыкаем.

Меняются и подходы к оценке степени общественной опасности новых способов совершения преступлений. Впервые признак «использование ИТС» появился в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в ст. 185.3 «Манипулирование рынком» (статья была введена Федеральным законом от 30.10.2009 № 241-ФЗ). В настоящее время 18 составов разд. VII УК РФ «Преступления против личности» (здесь и далее данные приводятся по состоянию на 04.03.2025 г.) содержат квалифицирующий признак «использование ИТС» в том или ином виде, что составляет порядка 27% от общего числа статей разд. VII УК РФ.

Повышенная степень общественной опасности деяний предполагает установление повышенного размера наказания по сравнению с основным составом. В науке уголовного права сформулировано одно из правил построения квалифицированных составов преступлений, согласно которому «одноименные квалифицирующие признаки должны

¹ Статистика интернета и соцсетей на 2025 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2025-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 04.03.2025).

иметь одинаковое влияние на наказание, пропорциональное изменению характера и степени общественной опасности деяний с соответствующими квалифицирующими признаками»¹.

Анализ влияния квалифицирующего признака на размер наказания в виде лишения свободы в статьях раздела VII УК РФ представлен в таблице.

Влияние квалифицирующего признака «использование ИТС» на наказание в виде лишения свободы в санкциях статей разд. VII УК РФ

Состав преступления	Кратность
Ч. 2 ст. 151.2	3,0
П. «д» ч. 2 ст. 110; п. «в» ч. 2 ст. 119; п. «з» ч. 2 ст. 127; ч. 3 ст. 137	2,5
П. «и» ч. 2 ст. 126	2,4
П. «и» ч. 2 ст. 117	2,3
Ч. 3 ст. 110.1 (для ч. 1); п. «е» ч. 2 ст. 127.2	2,0
П. «и» ч. 2 ст. 112	1,7
Ч. 2 ст. 110.2	1,5
П. «о» ч. 2 ст. 105; ч. 3 ст. 110.1 (для ч. 2); п «и» ч. 2 ст. 111; п. «б» ч. 2 ст. 151	1,3
П. «б» ч. 3 ст. 133; п. «б» ч. 2 ст. 150	1,2
П. «д» ч. 2 ст. 115; ч. 2 ст. 128.1	–

Примечание. «–» – лишение свободы не предусмотрено в санкции.

Вид и размер наказания должны быть определены в санкции исходя из всех объективных и субъективных признаков состава преступления, но при этом отвечать требованиям пропорциональности, а также внутривидовой согласованности.

Е.И. Глазкова

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА НЕЗАКОННОЙ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ

Нелегальный оборот спиртных напитков наносит ущерб российской экономике, а также негативно сказывается на здоровье населения.

¹ Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 22.

С целью противодействия теневой торговле такой продукцией в ст. 171.4 УК РФ установлена уголовная ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции.

Согласно статистическим данным, в 2024 г. по ст. 171.4 УК РФ было осуждено 548 лиц, что свидетельствует о достаточно частом применении данной статьи в судебной практике¹. Однако при квалификации указанного деяния существуют проблемы в определении предмета преступления.

Предметом данного преступления выступает алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция. Согласно Распоряжению Правительства РФ от 29.12.2020 № 3650-р, напитки брожения, квасы и напитки с содержанием этилового спирта от 0,5 до 1,2% не относятся к алкогольной продукции. При этом мороженое с этиловым спиртом более 0,5% объема готовой продукции было исключено из данного распоряжения. Представляется, что при продаже такой продукции следует руководствоваться правилами реализации алкоголя, в противном случае мороженое с этиловым спиртом более 0,5% об. может выступать предметом преступления по ст. 171.4 УК РФ.

Одним из признаков предмета рассматриваемого деяния является отнесение его к пищевой продукции, что по-разному оценивается в практике судебных органов.

К примеру, Седьмым кассационным судом общей юрисдикции было отмечено, что эксперт не смог решить вопрос о пригодности приобретенной у подсудимого жидкости для производства алкогольной продукции и не смог отнести ее к пищевой продукции, однако это не исключает наличие в его действиях состава преступления². Уголовная ответственность наступает за продажу как алкогольной, так и спиртосодержащей продукции для пищевых целей, т.е. лицо, продающее такую жидкость, должно понимать и осознавать, что она приобретается в целях ее употребления в пищу. Для установления этого обстоятельства не требуется заключение эксперта.

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.01.2025).

² Кассационное определение Седьмого кассационного суда от 02.12.2021 г. по делу № 77-5593/2021. URL: https://kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18763774&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 25.01.2025).

Брянский областной суд придерживается иной позиции, при определении виновности лица ссылается на заключение эксперта, который установил, что изъятая жидкость является спиртосодержащей пищевой продукцией непромышленного изготовления¹. Представляется наиболее правильным подход, при котором экспертным путем устанавливается состав исследуемой жидкости и определяется возможность ее употребления человеком в пищу.

Ряд авторов указывают на то, что для отнесения объекта исследования к пищевой продукции необходимо не только установление сырьевого происхождения спирта этилового, но и признание в целом объекта пригодным (безопасным) к употреблению в пищу². С такой точкой зрения следует согласиться, поскольку в зависимости от состава спиртосодержащей продукции возможно квалифицировать преступление по ст. 171.4. УК РФ и отграничить его от иных составов преступления, в частности, от незаконного оборота сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта и др.

Белокатайским межрайонным судом Республики Башкортостан при рассмотрении дела в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ³, назначена экспертиза, при проведении которой установлено, что представленная жидкость не отвечает требованиям безопасности для жизни и здоровья человека при ее потреблении, так как является непищевой, превышение массовой концентрации сивушных масел и сложных эфиров при попадании в организм человека может повлечь негативные последствия для жизни и здоровья. Действия подсудимого были переквалифицированы на ч. 1 ст. 238 УК РФ.

¹ Апелляционное постановление Брянского областного суда от 08.02.2024 г. по делу № 22-138/2024. URL: https://oblsud--brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11863572&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 25.01.2025).

² Нудель С.Л., Зайцев О.А., Кашепов В.П. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 247–254.

³ Приговор Белокатайского межрайонного суда Республики Башкортостан по делу от 18.09.2023 г. № 1-174/2023. URL: https://belokataisky--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=122810417&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

Зачастую суд излишне вменяет осужденному признак продажи одновременно алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. Так, Советским районным судом Ставропольского края установлено, что действия обвиняемого подлежат квалификации по ст. 171.4 УК РФ как незаконная розничная продажа алкогольной продукции¹. Органами предварительного расследования действия подсудимого ошибочно дополнительно квалифицированы как незаконная розничная продажа спиртосодержащей пищевой продукции. Обвиняемый осуществил незаконно розничную продажу алкогольной продукции, соответствующую ГОСТу, а не спиртосодержащую пищевую продукцию, и в силу данных обстоятельств обвинение в незаконной розничной продаже спиртосодержащей пищевой продукции подлежит исключению.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что действующее законодательство нуждается в доработке в части определения предмета преступления, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ. В частности, следует указать на возможный способ изготовления алкогольной продукции, более четко разграничить между собой алкогольную и спиртосодержащую продукцию, указать, каким образом устанавливается принадлежность рассматриваемой продукции к пищевой, что позволит разрешить проблему с правильной квалификацией состава рассматриваемого преступления.

О.В. Ермакова

ОЦЕНКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Информатизация общественной жизни, безусловно, оказывает существенное влияние на уголовное законодательство. В частности, происходящие процессы криминализации, дифференциации уголовной ответственности отражают масштабность таких процессов. При этом

¹ Приговор Советского районного суда Ставропольского края по делу от 31.03.2021 г. № 1-60/2021. URL: https://sovetsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=179184363&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

обоснованность законодательных решений видится достаточно спорной, поскольку предложенные предписания закона не согласуются с положениями уголовно-правовой доктрины, а сформированные конструкции вызывают проблемы толкования и правоприменения. Вследствие изложенных обстоятельств видится необходимым выявить достоинства и недостатки уголовной политики в сфере IT-преступлений.

К числу положительных законодательных решений в части криминализации следует отнести введение ст. 272.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные.

Обоснованность такого решения подтверждается как потребностью общества в регулировании данных отношений (в частности, персональные данные используются лицами для совершения иных преступлений), так и пробельностью уголовного закона в этой части.

До введения в УК РФ ст. 272.1 существовала лишь ст. 137, предусматривающая ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. При этом возможность квалификации действий по сбору персональных данных по ст. 137 УК РФ достаточно сомнительна, поскольку предметом указанного состава преступления являются сведения, составляющие личную или семейную тайну. Несмотря на неопределенность понятия «тайна», очевидно, что это данные, которые скрываются от окружающих¹. В свою очередь, персональные данные, которые подлежат вводу при совершении различных операций, нельзя отнести к тайне. На основании изложенного следует сделать вывод, что установление уголовной ответственности за незаконный оборот персональных данных соответствует основаниям криминализации.

Уголовная политика в части дифференциации уголовной ответственности и конструирования IT-преступлений, наоборот, характеризуется бессистемностью.

В частности, в составе кражи был выделен такой квалифицирующий признак, связанный с предметом преступления в виде электронных денег (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). К числу недостатков данного решения необходимо отнести следующие:

¹ Бунова И.И. О предмете нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 38–42.

1. В остальных преступлениях, в которых предметом выступают деньги, такой квалифицирующий признак отсутствует (например, ст. 159–163, 174–174.1 УК РФ).

2. В цивилистической науке деньги выступают разновидностью имущества. При этом разновидности денежных средств (наличные, безналичные, электронные, цифровые) значения не имеют.

3. Признание хищения электронных денег тяжким преступлением достаточно сомнительно, особенно если учитывать тот факт, что все разновидности денежных средств обладают равным правовым статусом.

В науке уголовного права учеными разработаны правила создания квалифицированных составов. В частности, Е.В. Рогова указывает, что данная конструкция создается в случаях повышения общественной опасности¹. При этом указанная форма преступного деяния не должна быть более распространенной, чем та, которая указана в основном составе. Анализ составов преступлений, содержащих квалифицированный признак использования информационно-телекоммуникационных технологий, свидетельствует о нарушении изложенных правил. Например, большинство фактов сбыта наркотических средств трудно представить совершаемыми без использования интернета. Соответственно, вывод о том, что в указанных случаях имеется существенное повышение общественной опасности, сомнителен².

Таким образом, происходящие в законе процессы криминализации и дифференциации уголовной ответственности находятся в зависимости от информатизации общества. При этом сам факт реагирования уголовной политики на потребности регулирования данных общественных отношений следует признать позитивным. Однако принятые решения не всегда основываются на разработках теории уголовного права, вследствие чего порождают вопросы обоснованности.

¹ Рогова Е.В. Основание дифференциации уголовной ответственности // Проблемы современного российского законодательства. Иркутск: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2013. С. 322–326.

² Ермакова О.В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М. : Юрлитинформ, 2022. С. 275.

ЛИШЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО, ВОИНСКОГО ИЛИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ, КЛАССНОГО ЧИНА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ СХОДНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ

Уголовный кодекс РФ не упоминает о «системе уголовных наказаний». Наиболее удачно сформулировал определение системы уголовных наказаний В.А. Уткин, понимая под этим доктринальным термином «социально и криминологически обусловленную целостную совокупность взаимосвязанных наказаний, необходимых и достаточных для адекватного уголовно-карательного противодействия существующей в обществе преступности с учетом типовых характеристик личности отдельных категорий преступников»¹. Несомненным достоинством приведенного определения является указание на объективные основания системы наказаний, ее полноту и ограниченность, цель и функцию системы наказаний.

Однако решение охранительных задач уголовного закона возможно не только уголовными наказаниями. Эти задачи стоят и перед иными мерами уголовно-правового характера, а также другими мерами уголовно-правового принуждения.

Понятие мер государственного уголовно-правового принуждения является общим для понятия наказания и помимо последнего включает в себя и иные меры, реализуемые вне зависимости от желания лиц, совершивших преступление (общественно опасное деяние).

На основании анализа ст. 2, 6, 7 Уголовного кодекса РФ, в которых указано, что иные меры уголовно-правового характера применяются к лицу за совершение преступления, учеными делается обоснованный вывод, что в таких мерах должен отражаться метод кары как сущностный для уголовно-правового регулирования². С этих позиций к иным

¹ Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127.

² Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск, 2018. С. 82–85.

мерам уголовно-правового характера относят условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, судебный штраф, испытательный срок при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания¹.

В связи с многообразием форм уголовно-правового воздействия вопрос о месте лишения званий, чина и наград в системе наказаний и сходных мер принуждения не случаен. Многие исследователи либо констатируют объединение в этом наказании пяти самостоятельных видов наказаний², либо озвучивают разнообразные предложения, например, о разделении этого наказания на пять самостоятельных видов наказаний³, об исключении лишения званий, чина, наград из системы наказаний, предусмотрев его в качестве меры уголовно-правового характера⁴, об исключении лишения званий, чина, наград из системы наказаний и закреплении его как конституционно-правовой санкции⁵, об исключении лишения только государственных наград и почетных званий как вида наказания⁶. Есть и предложения обратного направления – о трансформации ст. 47 УК РФ в наказание в виде «лишения различных прав», в том числе путем включения в нее и лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград с расширением области его применения⁷.

В юридической литературе обоснованно отмечается, что «по юридической природе наказание в виде лишения специального, воинского

¹ Ольховик Н.В. Эффективность исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 51–59.

² Доктринальные и законодательные понятия в современном уголовном праве России : учеб. пособие : в 7 т. / К.А. Долгополов, Т.Г. Жукова, С.А. Иванов [и др.]. Т. 2. Ростов н/Д : Соколовская С.Н., 2013. С. 219.

³ Зими́на А.Н. Правовые проблемы законодательной регламентации срока отбывания наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 3. С. 84.

⁴ Коновалова С.И. Система наказаний в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 22–23.

⁵ Сердобинцева Е.В. К вопросу о конституционно-правовой ответственности в сфере государственных наград // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 8. С. 36.

⁶ Трофимов Е.В. Наградное право : учеб. пособие. СПб., 2017. С. 305–306.

⁷ Подройкина И.А. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы. М. : Юстицинформ, 2017.

или почетного звания, классного чина и государственных наград не отличается от иных видов уголовных наказаний»¹. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград включено в систему уголовных наказаний, что имеет глубокие исторические основания. Лишение чина как мера наказания фигурировало уже в междукняжеских договорах XIV в.² Во времена Ивана Грозного широко применялась опала, которая могла заключаться в отнятии чина и отказе в просьбах, милостях, наградах³. Соборным уложением устанавливалось наказание в виде отнятия чести – лишение чина и звания⁴. Позднее это наказание трансформировалось в лишение прав состояния, а в Своде законов Российской империи – в лишение всех и некоторых прав состояния в том числе и Уголовных уложениях 1845 и 1903 гг. После революции наказание в виде «ограничения в правах» в том числе включало в себя возможность лишения орденов Красного Знамени и Трудового Знамени и других знаков отличия и почетных званий. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал такое наказание, как поражение прав, дополняемое лишением только ордена Красного или Трудового Знамени при утверждении такого решения Президиумом ВЦИК. Все следующие за первым УК источники уголовного закона также содержали в себе нормы о

¹ Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Проблемы правового регулирования исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества : науч.-практ. пособие / под ред. Э.В. Лядова. Рязань : Академия права и управления федеральной службы исполнения наказаний, 2015. С. 43.

² Подосенов О.Я. Уголовное право России периода сословно-представительной монархии (сер. XVI – сер. XVII в.) : учеб. пособие. Красноярск, 2000. С. 19. Цит. по: Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006. С. 172.

³ Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права : Московское государство – Российская империя / [Соч.] В.Н. Латкина, прив.-доц. С.-Петербур. ун-та. СПб. : Тип. Я.И. Либермана, 1888. С. 62, 167–169.

⁴ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Т. I: Часть Общая / пер. Н. Неклюдова. СПб., 1865. С. 190; Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права : Московское государство – Российская империя / [соч.] В.Н. Латкина, прив.-доц. С.-Петербур. ун-та. СПб. : Тип. Я.И. Либермана, 1888. С. 163, 169, 178; Он же. Лекции по истории русского права. СПб. : Тип. С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1892. С. 228; Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII. СПб., 1887. С. 283–285.

наказании, содержательно близком к современному лишению званий, чина и государственных наград.

Относительно идеи дробления этого наказания на несколько видов, полагаем, что это только приведет к нежелательному и недопустимому появлению «избыточных наказаний, конкурирующих между собой, дублирующих друг друга...»¹ и, безусловно, тут же породит мнения о необходимости их скорейшего объединения. Но и объединение норм ст. 47 и 48 УК РФ неоправданно, так как первая имеет выраженный превентивный характер, в связи с чем достаточно аргументированно высказываются предложения об изменении статуса этого наказания на меру безопасности².

Полагаем, что нет веских оснований ни для одной из предложенных трансформаций головного закона, а лишение званий, чина и наград имеет самостоятельное значение и свое место в системе уголовных наказаний.

И.О. Кравченко

ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Индивидуализация наказания является важным составляющим элементом в системе уголовно-правовых средств обеспечения экокriminalогической безопасности, так как предполагает персонализацию наказания в интересах достижения его целей в каждом конкретном случае³. Оче-

¹ Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 128–129.

² Уткин В.А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3(82). С. 58–61. EDN RQARNV.

³ Ольховик Н.В. О социально-криминологических основаниях применения (назначения и исполнения) наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 108–114; Назаров С.В., Тунчик Т.С. К вопросу об индивидуализации уголовной ответственности и ее влиянии при исполнении наказания в виде лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 4 (61). С. 105.

видно, что только справедливое наказание, включающее уравни- тельно-распределительный характер, а также «весомый заряд субъек- тивизма»¹, способно выполнить охранительную и предупредительную задачу уголовного закона.

В гл. 26 УК РФ содержатся 52 санкции, в которых альтернатива в выборе основных наказаний сводится к восьми вариантам. Кроме того, больше половины санкций рассматриваемой главы являются кумуля- тивными и закрепляют 68 вариантов объединения основных и допол- нительных наказаний. Соответственно, анализируя санкции уголовно- правовых норм гл. 26 УК РФ, можно сделать вывод, что законодатель достаточно детально проработал вопрос дифференциации ответствен- ности и предоставил суду хороший инструмент для индивидуализации наказания за экологические преступления. Однако, к сожалению, за та- кой красивой ширмой скрыто много проблем.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что арест, лише- ние права занимать определенные должности или заниматься опреде- ленной деятельностью, а также ограничение свободы в качестве основ- ных наказаний установлены в санкциях данной главы формально, на практике они не используются и влияния на решение вопроса об инди- видуализации наказания не оказывают. Принудительные работы, хотя и имеют достаточно масштабное распространение в санкциях статей гл. 26 УК РФ, но за период с 2019 по 2023 г.² только 0,3% лицам, осуж- денным за совершение экологических преступлений, было назначено данное наказание. Наказания, непосредственно связанные с исполне- нием определенного вида работ, при единообразном отражении в санк- циях имеют различные варианты практической реализации и представ- ляют два различных подхода суда к трактовке характеристик личности экологического преступника в соотношении с современными тенден- циями организации трудовой жизни в сельской местности. Штраф в качестве основного наказания за экологические преступления преду- смотрен в 61% санкций гл. 26 УК РФ, но в указанный период суды его задействовали на практике только в отношении 13,8% осужденных

¹ Мамедова Ф.Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 153.

² Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания (за 2019–2023 гг.). Судебный департамент при Верховном Суде РФ. 2024 г. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.10.2024).

экологических преступников, что ярко свидетельствует о низком потенциале данного наказания в решении проблемы индивидуализации наказаний.

Лишение свободы на определенный срок предусмотрено в 85% санкций гл. 26 УК РФ и поэтому может быть признано самым распространенным наказанием. Такое решение законодателя не соответствует современным тенденциям ограниченного применения данного наказания в отношении лиц, совершивших преступления, не представляющие повышенную общественную опасность. Неудивительно, что суды обращаются к такой альтернативе крайне редко. В частности, в рассматриваемый период только в отношении 5,8% экологических преступников было назначено лишение свободы к реальному отбытию. Таким образом, данное наказание становится лишь декларацией широких возможностей индивидуализации наказаний, выполняющей роль устрашения, но не являющееся реальным, действенным инструментом государственного принуждения в сфере обеспечения экокriminalогической безопасности. Кроме того, использование законодателем популярного в настоящее время варианта определения размера наказания без указания его нижнего предела стирает грань между основным и квалифицированным составом преступления, между разными по степени общественной опасности квалифицированными составами преступлений, а также между разными категориями преступлений. Формируется слишком широкий ореол возможностей вариации размера наказания в виде лишения свободы в рамках одной статьи, например, ст. 260, 261 УК РФ.

Примечательно, что наметилась тенденция к минимальному использованию потенциала дополнительных наказаний при привлечении виновных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений. В целом в рассматриваемый период дополнительное наказание экологическим преступникам было назначено только 5,8% осужденным. При этом 73% санкций гл. 26 УК РФ закрепляют дополнительное наказание в квалифицированных составах экологических преступлений, что направлено на расширение границ индивидуализации наказаний. Единственным наказанием, которое суды используют для усиления воздействия основного наказания, является лишение права занимать определенную должность и заниматься определенной деятельностью, которое в указанный период было назначено 4,7% осужденным экологическим преступникам.

В настоящее время можно отметить серьезные проблемы, возникающие при назначении наказаний за экологические преступления в сфере обеспечения индивидуального подхода к решению данного вопроса. Наказания, предусмотренные в санкциях гл. 26 УК РФ, зачастую не могут быть назначены в силу несоответствия характеристикам личности виновного, или степени общественной опасности совершенного деяния, или объективным категориям, характеризующим организацию жизни в сельской местности.

В.В. Лусаускайте

ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ МАРОДЕРСТВА ПО ст. 356.1 УК РФ

Мародерство – весьма интересный состав преступления с точки зрения юридической оценки его признаков и выявления недостатков конструкции нормы. Достаточно большое количество научных публикаций посвящено его исследованию.

Как отмечают многие исследователи, само общественно опасное деяние мародерства по многим признакам совпадает с определением хищения, закрепленным в примеч. 1 к ст. 158 УК РФ. Действительно, по своей природе мародерство фактически является хищением, однако в специфических условиях, повышающих общественную опасность деяния. Авторы научных публикаций едины во мнении о том, что мародерство может быть выражено в форме кражи, разбоя, грабежа¹. Определение необходимости и проблемности признания мародерства в контексте различных форм хищения зависит от характеристики других признаков: причиненного ущерба, как признака объективной стороны и потерпевшего (представлено в рамках соответствующего параграфа работы).

В диспозиции нормы отсутствует важный для хищения признак объективной стороны – причинение ущерба собственнику или иному

¹ Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Мародерство: анализ основных и факультативных признаков состава преступления // Вестник военного права. 2023. № 1. С. 64.

владельцу этого имущества. Такое исключение было сделано законодателем намеренно. Для понимания использованного подхода необходимо знать исторические факты мародерства, имевшие место в больших масштабах в период двух мировых войн. Следствием такой безнаказанности, негуманности и вседозволенности государства признали преступный характер таких действий и отнесли деяние к военным преступлениям. В основе такой позиции лежат сами международные обязательства по необходимости установления ответственности и пресечения фактов мародерства в соответствии со ст. 15 Женевской конвенции об участии раненных и больных в вооруженном конфликте 1949 г. То есть государство взяло на себя правовое бремя признавать преступным любые факты мародерства для исключения таких фактов в принципе, проявления уважения в отношении умерших и формирования определенной правовой культуры посредством установления общего запрета. Следовательно, первоначально установление уголовной ответственности за мародерство направлено на защиту личности с учетом ее особенного состояния (раненый, убитый) и только в связке с этой сферой его имущества вне зависимости изначально от его стоимостного характера.

В данном случае также необходимо учитывать особенности совершения мародерства. Как правило, это преступление совершается в отношении раненных или погибших в вооруженном конфликте (что указано и в самой диспозиции нормы). Соответственно, при квалификации с учетом признаков хищения возникает вопрос оценки причиненного ущерба в результате мародерства, совершенного в отношении убитого. В случае мародерства не имеет значения первоначальный размер для признания деяния именно преступлением. Таким образом, законодатель изначально устанавливает общественную опасность вне зависимости от данного признака.

Предложения по корректировке конструкции состава ч. 1 ст. 356.1 УК РФ посредством исключения из самого состава характеристики преступления и установлении лишь отсылки к понятию хищения, данному в примеч. 1 к ст. 158 УК РФ¹, является некорректным, поскольку не учитывается специфика самого деяния. Поскольку признак ущерба имеет значение при квалификации хищения в целом и установления

¹ Гончарова Ю.О. Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2023. Т. 17, № 2. С. 271.

его формы, мы не можем рассматривать их применение к мародерству по аналогии. Схожей позиции о непризнании мародерства как хищения придерживается В.В. Власенко¹. Изменение конструкции состава сужением категории потерпевших позволит сформировать понимание формы совершения мародерства.

М.А. Малетина

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ТОЛКОВАНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ В СОСТАВЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Ключевой особенностью законодательной конструкции состава превышения должностных полномочий является оценочный характер преступных последствий как в основном, так и квалифицированном составе (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Так, к числу обязательных признаков объективной стороны рассматриваемого состава преступления законодатель относит последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Анализ судебных решений различных инстанций показывает, что существенное нарушение прав и законных интересов граждан судами чаще всего связывается с причинением в результате преступных действий физического, морального вреда (качественная характеристика), материального ущерба (количественная характеристика). Существенным нарушением охраняемых законом интересов общества или государства, в свою очередь, суды признают нарушения правильной и законной деятельности правоохранительных органов; подрыв уважения и доверия к сотрудникам полиции; подрыв авторитета органов внутренних дел и т.п.

Перечень тяжких последствий, в свою очередь, приведен Верховным Судом РФ в п. 21 Постановления от 16.10.2009 № 19². При этом

¹ Власенко В.В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. № 9. С. 39.

² О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19, п. 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

следует отметить, что тяжкие последствия не имеют четких критериев определения, а сам перечень является открытым, что способствует рассогласованности позиций в сфере применения уголовно-правовых норм.

К примеру, в следственно-судебной практике встречаются решения, когда последствия в виде существенного ущемления и нарушения конституционных прав потерпевшего, подрыва авторитета органа, должностным лицом которого является виновный, признаются тяжкими и квалификация осуществляется по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Так, виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, был признан М., занимавший должность начальника филиала № ФГКУ Минобороны России по медицинской части. М. систематически требовал от сотрудников госпиталя передавать ему часть заработной платы, определяя каждый раз конкретных лиц и размер сумм, которые им надлежит сдать. Незаконно собранные денежные средства на общую сумму 3 572 700 руб. М. израсходовал на проведение ремонта в своем служебном кабинете силами подчиненных ему сотрудников¹.

В ходе судебного заседания квалифицирующий признак «с причинением тяжких последствий» (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ) был исключен. Основанием для принятия такого решения послужили разъяснения Пленума Верховного РФ о том, что при определении последствий от превышения должностных полномочий необходимо исходить, в частности, из размера материального ущерба, причиненного конкретному потерпевшему.

В отдельных судебных решениях такие последствия, как *незаконное привлечение лиц к уголовной ответственности, их задержание и избрание в отношении них меры пресечения, связанной с ограничением и лишением свободы в течение длительного времени, нарушение их прав на свободу и личную неприкосновенность* (выделено автором. – М.М.), наступившие в результате искусственного формирования и фиксации обстоятельств, послуживших основанием для предъявления обвинения лицам, заведомо не причастным к совершению преступления, суды признают не тяжким последствием, а существенным нарушением прав и законных интересов граждан. Свою позицию суды обосновывают от-

¹ Приговор Кяхтинского гарнизонного военного суда Республики Бурятия от 29 апреля 2022 г. по делу № 1-7/2022 // СПС «Гарант».

сутствием в тексте приговора обоснования признания указанных последствий тяжкими, поскольку они не согласуются с разъяснениями, содержащимися в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19.

Вместе с тем с учетом того, что приведенный в постановлении перечень тяжких последствий не является исчерпывающим, суды вышестоящей инстанции расширяют его путем признания таковыми в рамках рассмотрения одного и того же дела *незаконные задержание и привлечение лиц к уголовной ответственности, избрание в отношении них меры пресечения, связанной с ограничением и лишением свободы, нарушение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность* (выделено автором. – М.М.)¹.

Следует согласиться с указанной позицией, поскольку тяжесть последствий в каждом конкретном случае должна оцениваться с учетом специфики преступления, размера (объема) нарушений прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства, а также иных обстоятельств, связанных с нарушением в результате преступления таких последствий.

Таким образом, оценочный характер преступных последствий, заложенных законодателем в конструкцию основного и особо квалифицированного составов превышения должностных полномочий, способствует рассогласованности позиций в сфере применения уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Думается, что ключевым значением в преодолении правоприменительных затруднений может стать вынесение официальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

¹ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2017 г. № 69-П17ПРСС // СПС «Гарант».

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ НА НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Строгое соблюдение международных стандартов и их интеграция в национальную правовую систему в условиях военного положения приобретает особое значение ввиду сопутствующих ему непростых условий, введения ограничений и применения более строгих наказаний.

Ряд международных норм устанавливает обязательства для государств в сфере защиты прав человека, в том числе при назначении наказаний во время военных конфликтов. Комплексный обзор основных международных актов, регулирующих уголовное правосудие в условиях военного положения, показал, что их принципы и нормы находят отражение в российском законодательстве, преимущественно в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) и Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Особенности назначения уголовных наказаний в военное время в международных актах регулируются через принцип справедливого правосудия вне зависимости от обстановки, гуманизма и неприменения срока давности к наиболее серьезным преступлениям.

Так, Женевская конвенция «О защите гражданского населения во время войны» 1949 г. установила принцип, запрещающий осуждение без надлежащего судебного разбирательства, и гарантию сохранения основных прав гражданского населения даже в условиях войны (ст. 3), запрет пыток и жестокого обращения (ст. 32), гуманность к осужденным (ст. 37)¹. Эти положения нашли свое продолжение в Конституции (ст. 45, 46) и УК РФ (ст. 356). Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. дает возможность государствам вводить чрезвычайные меры в условиях угрозы безопасности². Данная норма

¹ Женевская конвенция «О защите гражданского населения во время войны» 1949 г. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540383/chapter/6c1cd64c4ef27b5d5b90eeb7b25f85dc/>

² Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/

отражена в Конституции (ст. 87) и Федеральном конституционном законе от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении». При этом продолжают действовать абсолютные запреты, включая право на жизнь и защиту от пыток, которые нельзя ограничивать даже в военное время (ст. 4). В УК РФ (ст. 357) реализованы нормы Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.¹, которая обязывает государства предотвращать геноцид и наказывать виновных, адаптируя свои уголовные системы для эффективного преследования (ст. 1, 5, 6), а также предусматривает возможность выдачи обвиняемых в геноциде другим государствам для преследования (ст. 7). В ст. 78 УК РФ установлена неприменимость срока давности за геноцид и военные преступления, что также оговорено в названной Конвенции.

Российский уголовный закон предусматривает ответственность за действия, запрещенные международными нормами. Например, УК РФ содержит положения о наказании за жестокое обращение с военнопленными (ст. 356), что соответствует Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г.², направленной на предотвращение нарушений прав военнопленных посредством ограничения выхода осужденных военнопленных за пределы учреждений (ст. 21), изъятие ценных вещей только для их безопасности (ст. 18), изоляция женщин-военнопленных во время сна и дисциплинарных взысканий для защиты их половой неприкосновенности (ст. 25, 97).

Таким образом, международные стандарты оказывают значительное влияние на разработку и реализацию национальной политики в сфере уголовного правосудия, формируя основу для гармонизации внутренних норм с глобальными принципами прав человека, что, в свою очередь, способствует обеспечению справедливости и правовой защищенности в каждом отдельном случае.

Хотя указанные документы играют важную роль в защите прав человека в военное время, ряд исследователей указывает на их слабые стороны. Так, Женевская конвенция 1949 г. критикуется за размытые формулировки, недостаточную правовую базу и «процедурные гарантии» для интернированных в немеждународных конфликтах, а также

¹ Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. URL: <https://base.garant.ru/2540376/>

² Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 года. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540382/>

за наличие ряда «правовых лагун», что ограничивает практическое применение стандартов и выявляет потребность в развитии международного гуманитарного права в условиях новых военных действий¹. Одним из недостатков Конвенции о предупреждении геноцида 1948 г. является узкий перечень объектов, на которые она распространяется, ограничиваясь только национальными, этническими, расовыми и религиозными группами². В современных реалиях этот список недостаточен, поскольку геноцид может происходить по политическим, социальным или культурным причинам. Предлагается расширить понимание охраняемых групп с учетом индивидуальных характеристик жертв, ввести запрет пропаганды геноцида на своих территориях³.

Таким образом, усматривается необходимость дальнейшего развития международных стандартов в части усиления механизмов защиты прав человека в условиях военного положения, уточнения процедур, связанных с уголовным преследованием и наказанием в условиях конфликта.

В.В. Медведева

**МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ СОСТАВНОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО п. «а»
ч. 3 ст. 158 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Вопросы, касающиеся правильной уголовно-правовой оценки составного преступления в отечественном уголовном праве, остаются всегда актуальными. Одним из ключевых аспектов является возможность деления составного преступления на самостоятельные преступления, входящие в его структуру⁴.

¹ Раджабов С.О. Женевские конвенции: 70 лет на защите жертв вооруженных конфликтов // Академический юридический журнал. 2019. № 3 (31). С. 82.

² Агыбаев А.Н. Конвенция ООН о геноциде 1948 года: некоторые концептуальные аспекты // Евразийский союз ученых. 2019. № 4-8 (61). С. 19.

³ Там же.

⁴ Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 252; Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук.

Составное преступление состоит из нескольких деяний, которые при иных обстоятельствах могут быть квалифицированы как отдельные преступления. Сложение таких деяний в одно преступление не следует рассматривать как простую механическую комбинацию, поскольку в уголовном праве для этого существует институт совокупности преступлений. Составное преступление имеет свои специфические цели, функции и задачи.

Так, составное преступление можно условно представить как совокупность преступлений, обладающую свойствами единичного сложного преступления. Входящие в его состав преступления в такой конфигурации нельзя рассматривать отдельно друг от друга, потому что в своем сочетании они образуют единый акт преступного поведения. Это значит, что любые общие нормы и правила квалификации распространяются на все деяние целиком.

Однако на практике указанный тезис соблюдается не всегда. При квалификации составного преступления возникает вопрос, как правильно применять ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Из анализа судебной практики можно выделить три разные ситуации, возникающие при квалификации кражи с проникновением в жилище:

1. Норма о малозначительности не применяется. Например, Первомайский районный суд г. Пензы (Пензенская область), Приговор № 1-241/2023 от 20 июля 2023 г. по делу № 1-241/2023¹, установил, что отсутствуют признаки малозначительности содеянного, предусмотренной ч. 2 ст. 14 УК РФ. Отметим, что было похищено два бака из

М., 2020. С. 189; Лопашенко Н.А. О некоторых проблемах в понимании малозначительного деяния по Уголовному кодексу РФ // Уголовное право. 2019. № 5. С. 65–78; Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 14; Иванчин А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6; Лобанова Л., Рожнов А. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. № 6.

¹ Приговор № 1-241/2023 от 20 июля 2023 г. по делу № 1-241/2023. Первомайский районный суд г. Пензы (Пензенская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nqaGmdKpgcY1/?page=9®ular-txt>

нержавеющей стали весом 3 кг, стоимостью 150 руб. каждый, алюминиевый таз весом 1,3 кг, стоимостью 130 руб., швейная машинка «Подольск» стоимостью 1 000 руб., а всего имущества на общую сумму 1 430 руб. Похожая ситуация наблюдается в других судебных решениях¹.

2. Норма о малозначительности применяется. Суд мотивирует свои решения тем, что «деяния с квалифицирующими признаками, без учета конкретных обстоятельств дела, не может свидетельствовать о невозможности признания этого деяния малозначительным»².

3. Норма о малозначительности применяется к одному из преступлений, входящих в составное преступление. Например, по делу А., укравшего при незаконном проникновении в жилище 1 000 руб., суд указал следующее. Несмотря на малозначительность действий подсудимого по хищению имущества, общественная опасность в данном случае заключается в незаконном проникновении в жилище, совершенном против воли проживающего в нем лица, поэтому содеянное подлежит переквалификации на ч. 1 ст. 139 УК РФ³. Суд мотивировал решение о выходе за пределы предъявленного обвинения тем, что положение виновного лица не ухудшается.

По нашему мнению, последняя ситуация обусловлена неправильным пониманием природы составного преступления. Считаем деление составного преступления на самостоятельные преступления, входящие в его состав, некорректным и противоречащим принципам уголовного права.

¹ Приговор № 1-56/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-56/2020 – Уголовное. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6AAadvxFaePdV/?regular-txt=>

² Апелляционное постановление № 22-6418/2020 от 8 октября 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3X1oyHeuJwN4/?page=5®ular-txt>

³ Постановление Карабудахкетского районного суда Республики Дагестан от 14 декабря 2018 г. по делу № 1-180/2018 // ГАС РФ «Правосудие».

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА ДАВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Изучение предпосылок возникновения института давности в уголовном праве России представляет собой важную задачу для понимания эволюции правовых норм, которые регулируют освобождение от уголовной ответственности. Этот институт не только отражает исторические изменения в восприятии справедливости и прав человека, но и демонстрирует, как социальные явления влияют на формирование законодательства. Осознание предпосылок введения сроков давности позволяет понять сущность института освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением данных сроков. Кроме того, исследование этих факторов может способствовать более глубокому анализу современных проблем уголовного права и его адаптации к требованиям времени.

Одним из первых отечественных нормативно-правовых актов, в которых имеется упоминание сроков давности, является Митрополичье правосудие. Ученые датируют его создание периодом между концом XIII и началом XVI вв. В п. 22 данного акта содержится упоминание института освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности: «а что ся деял за 3 годы, того не искати судом, ли что деялся при ином князи ли властелине, того не искати»¹, что подразумевает прекращение уголовного судопроизводства по прошествии трех лет после содеянного или в случае смены правителя. Данная норма права фактически устанавливает срок давности уголовной ответственности, равный трем годам, и является прообразом ныне действующих давностных норм. Такого мнения, в частности, придерживается Э.В. Георгиевский, который указывает, что Митрополичье правосудие – «фактически чуть ли не первое в истории русского уголовного права упоминало о конкретных сроках давности привлечения лица к уголовной ответственности»².

¹ Памятники русского права : в 8 вып. / под ред. Л.В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. С. 427.

² Георгиевский Э.В. Характеристика древнерусского уголовного закона и пространственно-временных принципов его действия // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 371. С. 131.

Одновременно с явной схожестью средневекового и современного институтов освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности видны и их отличия, а именно – наличие в рамках первого из них такого основания применения данных правовых норм, как смена фигуры правителя (властелина, князя), что, конечно, невозможно представить в действии в современном мире. Можно предположить, что в условиях политической нестабильности и постоянных конфликтов при смене правителя старые договоренности и обязательства становились неактуальными, следовало установление новых правил, а истечение сроков давности могло выступать неким инструментом для обновления правовых норм и восстановления контроля над территорией.

Дальнейшее развитие института давности произошло во времена Екатерины II. В 1785 г. были изданы Жалованные грамоты дворянству и городам, в которых так или иначе имелось упоминание о сроках давности в уголовно-правовом аспекте. В п. 14 Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства содержится привилегия для представителей последнего в виде освобождения от уголовной ответственности: «Всякаго рода преступления (благородного), коим десять лет прошло, и чрез таковое долгое время они не сделались гласны и по оным производства не было, все таковыя дела повелеваем отныне предать, есть ли где об них взыскатели, истцы или доносители явятся, вечному забвению»¹. Однако это не единственное сословие, обладающее данной прерогативой. Так, в Грамоте на права и выгоды городам Российской Империи в п. 89 подобное положение затрагивало уже городских обывателей, средний род и мещан. А.М. Быстриков и Б.В. Асаёнок заключают, что «приведенные положения можно отметить как сословную привилегию, исключающую вероятность реализации таких правовых принципов, как неотвратимость ответственности, справедливости и в большей мере равенства граждан перед законом»², с чем после проведенного анализа правовых источников можно согласиться лишь частично, так как дворянство было не единственным сословием, обладающим данной «экскурсией».

¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юрид. лит., 1987. С. 22.

² Быстриков А.М., Асаёнок Б.В. Причины и предпосылки возникновения сроков давности привлечения к уголовной ответственности в уголовном праве // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D: Экономические и юридические науки. 2017. № 5. С. 192.

Модернизация правовой системы при Екатерине II подчеркивает тенденцию гуманизации права, стремление к уменьшению произвола, приведение в действие принципа справедливости, широкое развитие которого было обусловлено усилением влияния европейских правовых традиций в связи с расцветом идеи прав человека, и в определенном смысле ограничение власти государства. Вместе с тем необходимость укрепления власти и доверия к государству со стороны населения наряду с вышеуказанным послужила предпосылкой создания исследуемого института, так как это способствовало формированию правовой определённости и стабильности.

Таким образом, закрепление в российском уголовном законодательстве правовых норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности отражает трансформацию в сознании граждан и органов управления идеи справедливости и приоритета прав человека, а также влияние социальных явлений на формирование законодательства.

И.А. Никитина

ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В РОССИИ

Рынок финансовых услуг в России находится в постоянном движении и развитии. Одновременно с ростом рынка нелегальными кредиторами создаются новые схемы хищения денежных средств. В последние годы в информационном пространстве выявляются случаи размещения публикаций о привлечении средств граждан лицами, которые фактически не осуществляют инвестиционную деятельность или функционируют с нарушением требований законодательства.

В условиях свободного доступа к информации подобные публикации содержат огромные социальные риски, вводят население в заблуждение и как следствие наносят вред общественным и государственным интересам.

Анализ данных контролирующих органов свидетельствует о наличии тенденции к увеличению выявленных нелегальных участников финансового рынка. Наиболее значительный рост отмечен среди финан-

совых пирамид, признаки которых выявлены у более чем 2 тыс. коммерческих структур¹. Современные технологии позволяют удешевить содержание новых проектов, привлекать клиентов в короткий срок посредством размещения информационных ресурсов в сети Интернет, мессенджерах и социальных сетях. Так, из выявленных Банком России нелегальных участников финансового рынка 98% составляют интернет-проекты².

Недобросовестные участники финансового рынка делают акцент на лиц, не обладающих достаточной степенью финансовой грамотности, как из числа молодого поколения, так и пожилого возраста.

Исходя из сложившейся практики, признаки финансовой пирамиды подразделяются на два вида: внешние признаки и признаки содержания. К числу основных внешних признаков деятельности финансовой пирамиды чаще всего относятся: массивная реклама в средствах массовой информации или размещение информации в сети Интернет, в том числе в социальных сетях, адресованная неограниченному кругу лиц; организация бизнеса на принципах сетевого маркетинга, когда доход инвестора/участника формируется за счет инвестиций/вложений привлекаемых им участников; публичное обещание высокой доходности, значительно превышающей рыночный уровень; гарантирование доходности и др.

К числу содержательных признаков деятельности финансовой пирамиды одновременно с внешними признаками относятся следующие: выплата дохода и предоставление выгоды участникам за счет денежных средств вновь привлеченных участников; отсутствие инвестиционной или иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств; осуществление расчетов с участниками преимущественно в наличной форме и др.³

¹ URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2023_2/ (дата обращения: 14.05.2025).

² URL: <https://tass.ru/ekonomika/23182757> (дата обращения: 14.05.2025).

³ Голубев С.Ю. Современные финансовые пирамиды: особенности трансформаций в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. Вып. 13. Иваново : Ивановский государственный политехнический университет, 2019. С. 19–21.

До изменений, внесенных в уголовное законодательство в 2016 г., действия лиц в связи с деятельностью финансовых пирамид квалифицировались по ст. 159 УК РФ. В целях борьбы с финансовыми пирамидами Федеральным законом № 78 от 30.03.2016 УК РФ дополнен ст. 172.2 (Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества).

Организаторы деятельности финансовой пирамиды могут не скрывать от инвесторов принципы работы, в том числе по погашению перед ними задолженности и получению дополнительной материальной выгоды за счет привлеченных в последующем средств других инвесторов. Привлекаемые впоследствии инвесторы также информируются о действительном содержании проводимых ими операций.

Если организация и деятельность финансовой пирамиды направлены на завладение имуществом инвесторов путем обмана последних относительно возврата тех средств, которые они вложили в дело, вследствие чего им причинен материальный ущерб, содеянное образует состав мошенничества¹.

Для квалификации по ч. 1 ст. 172.2 УК РФ должна отсутствовать инвестиционная и (или) предпринимательская деятельность в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств, а деятельность по организации привлечения денежных средств физических и (или) юридических лиц осуществлена в крупном размере².

Анализ современной правоприменительной практики показывает, что в настоящее время финансовые пирамиды действуют в различных организационно-правовых формах на базе или с использованием нефинансовых организаций, в том числе общества с ограниченной ответственностью и иностранных организаций, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях; финансовых организаций, в том числе кредитных потребительских кооперативов, сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

¹ Умолчание о существенных обстоятельствах инвестора также является типичной формой обмана вкладчиков. См.: Мысловский Е.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы современных нетрадиционных форм мошенничества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.

² Антонов В.Ф. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств либо иное мошенничество; вопросы квалификации // Безопасность бизнеса. 2020. № 5.

Организаторы современных финансовых пирамид часто маскируют свою противозаконную деятельность под вполне легальные схемы сетевого маркетинга, которые мошенничеством не считаются. Очень сложно выявить существенные отличия финансовых пирамид от сетевого маркетинга, отграничить законную деятельность от преступной. К существенным отличиям финансовых пирамид от сетевого маркетинга можно отнести следующее: финансовые пирамиды отличаются отсутствием какого-либо продукта, тогда как для сетевого маркетинга последний является важной составляющей; зависимость дохода от количества привлеченных лиц либо от объемов проданной продукции (если доход зависит только от того, сколько людей будут втянуты в систему, – это финансовая пирамида, а если доход зависит не только от количества привлеченных инвесторов, но и от объемов проданной продукции, – это сетевой маркетинг); в финансовых пирамидах доход имеют только инвесторы, которые вложились раньше большинства других инвесторов, тогда как в сетевом маркетинге уровень дохода зависит не от времени вложения средств, а от предпринимательских способностей и умения убеждать людей¹.

В то же время объединяет сетевой маркетинг и финансовые пирамиды запутанная система выплат, отсутствие информации о руководстве организации и постоянная мотивация.

Преступники все чаще используют пробелы правового регулирования, в результате чего совершаемые ими преступления все сложнее отличить от легальной деятельности на финансовом рынке. Происходит расширение межрегиональных связей преступников, растет уровень организованности преступных деяний.

¹ Гришина Е.Б. Вопросы соблюдения разумности сроков при доказывании мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 32.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МЕЛКИХ ХИЩЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ: ПАРАДОКСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Статья 158.1 УК РФ устанавливает ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию. При этом мелким хищением, согласно ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, признается хищение в форме кражи, мошенничества, присвоения или растраты на сумму, не превышающую две тысячи пятьсот рублей, при условии, что отсутствуют квалифицирующие признаки соответствующих составов преступлений, предусмотренные уголовным законом. Принимая во внимание незначительность вреда, причиняемого мелким хищением с административной преюдицией, и в целом невысокую типовую степень общественной опасности таких деяний, законодатель включает в санкцию несколько основных наказаний, наиболее суровым из которых является лишение свободы на срок до одного года. С учетом этого в правоприменительной практике можно было бы ожидать довольно мягкой уголовно-правовой реакции на совершение преступлений, предусмотренных ст. 158.1 УК РФ, в частности, относительно редкого назначения наказания в виде лишения свободы, преимущественного избрания видов наказаний из нижнего и среднего сегментов санкции (штрафа, обязательных работ) и широкого использования различных нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ). Однако анализ фактических данных свидетельствует об обратном.

Обращение к статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) позволяет определить удельный вес лиц, осужденных к различным видам наказаний. Согласно полученным данным, наиболее распространенным видом наказания, применяемым к лицам, осужденным за мелкие хищения с административной преюдицией, является лишение свободы¹. Так, в 2019–2023 гг. в структуре назначенных наказаний лишение свободы занимало около

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 25.01.2025).

60%, а в отдельные годы превышало этот показатель: в 2021 г. среди лиц, осужденных по ст. 158.1 УК РФ, удельный вес лиц, приговоренных к лишению свободы (в том числе с применением условного осуждения), составил 61,2%, в 2022 г. – 61,7%. Более того, не менее 40% лиц, в отношении которых были вынесены обвинительные приговоры по ст. 158.1 УК РФ, осуждались к реальному лишению свободы, а в 2022 и 2023 гг. данный показатель был еще выше и составлял 45,5 и 44,3% соответственно.

В то же время более мягкие наказания, предусмотренные санкцией, назначались судами гораздо реже. Например, удельный вес лиц, которым было назначено наказание в виде обязательных работ, в общем числе осужденных за мелкие хищения с административной преюдицией в рассматриваемый период колебался в интервале от 17,4% (2022 г.) до 20,2% (2020 г.). В целом доля лиц, которым назначались обязательные работы, по каждому году периода оказалась в два раза и более меньшей, чем доля лиц, которым суд определил в качестве наказания реальное лишение свободы. Еще менее распространено наказание в виде штрафа. Подсчет удельного веса лиц, которым был назначен штраф, в общем числе осужденных за преступление, предусмотренное ст. 158.1 УК РФ, и анализ динамики этого показателя позволяет выявить устойчивую тенденцию к его последовательному снижению: в 2019 г. он составлял 7,8%, в 2020 г. – 6,9%, в 2021 г. – 6,2%, в 2022 г. – 5,8%, в 2023 г. – 5,2%. Таким образом, практика назначения наказания за мелкие хищения с административной преюдицией характеризуется неоправданно жесткой для данного преступления степенью уголовной репрессии, что проявляется в смещении фактически назначаемых наказаний в верхний сегмент санкции и явном превалировании среди видов избираемых судами наказаний лишения свободы.

Частичное объяснение этому можно найти в особенностях личности лиц, совершающих уголовно наказуемые мелкие хищения. Высокая распространенность среди назначаемых наказаний лишения свободы говорит о наличии у значительной части таких лиц на момент совершения хищения неснятой или непогашенной судимости (исходя из положений ч. 1 ст. 56 УК РФ, назначение за впервые совершенное преступление небольшой тяжести наказания в виде лишения свободы оказывается возможным в крайне редких случаях). Это подтверждается и изучением данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 11.2): в исследуемый пятилетний период от 79,2% (2019 г.) до 85,8% лиц (2023 г.), осужденных

по ст. 158.1 УК РФ, на момент судебного рассмотрения дела имели не снятую или непогашенную судимость.

Однако признание при назначении наказания общественной опасности личности лица, совершившего преступления, большего значения, чем общественной опасности самого деяния, предопределяемой в первую очередь характером и размером причиненного вреда, противоречит фундаментальным положениям доктрины уголовного права. Заслуживает внимания и тот факт, что из числа осужденных за мелкое хищение с административной преюдицией, имевших на момент судебного разбирательства судимость, около 3/4 составляют лица с судимостью за преступления небольшой тяжести, причем существенная часть ранее совершенных ими преступлений – это уголовно наказуемые мелкие хищения либо кражи, предусмотренные ч. 1 ст. 158 УК РФ. Фактически лица, многократно совершающие мелкие хищения с административной преюдицией в пределах срока погашения судимости по предыдущему преступлению, попадают в ситуацию постоянного воспроизводства назначения им излишне суровых наказаний, не адекватных общественной опасности содеянного. Кроме того, наличие у таких лиц судимости за ранее совершенные преступления является абсолютным препятствием для освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 75, 76, 76.2 УК РФ, что еще более усугубляет их положение, несмотря на незначительный размер причиняемого имущественного ущерба. С учетом изложенного приходится констатировать, что уголовно-правовые последствия мелких хищений, находящие свое выражение в правоприменительной практике, не соответствуют общественной опасности этих деяний.

В.И. Плохова

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ И СОРАЗМЕРНОСТИ ПРИ ЗАКРЕПЛЕНИИ И ТОЛКОВАНИИ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 207.1-2 УК РФ

Толкование внесенных в апреле 2020 г. в УК РФ трех новых ст. 207.1-3 с момента принятия и до настоящего времени вызывает

много вопросов¹. Поэтому небезынтересен анализ их признаков сквозь призму требований принципов определенности и соразмерности. В настоящее время эти требования раскрыты в юридической литературе², толкуются практически в каждом решении Конституционного Суда РФ, в том числе применительно к нормам УК РФ³.

В результате исследования сделаны следующие выводы:

1. Нет чёткого разграничения уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации» и административно наказуемых деяний, предусмотренных ч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП РФ «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации». Два обзора Верховного Суда РФ (принятые через 20 дней после принятия закона), предлагающих разграничивать их по признаку публичности, не особенно поспособствовали этому. «Публичность в ст. 207.1 УК, отмечает Верховный Суд РФ, может проявляться не только в использовании для этого средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, но и в распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.»⁴. Отсюда признак

¹ См.: Правовое противодействие фейковизации информационного пространства : коллективная монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2025. 454 с.

² Алаторцев А.Ю. Правовая определенность уголовно-правового запрета : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018; Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020; Должиков А.В. Принцип соразмерности и основы конституционного строя // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 56–59; Бажанов А.А. Соразмерность как принцип права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2022.

³ Многие из них названы в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.02.2025 № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О.В. Панова» (www.pravo.gov.ru).

⁴ См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/

публичности в УК – более широкое понятие, включающее и предусмотренную в КоАП РФ публичность, т.е. в определенной части признаки преступления и административного правонарушения совпадают. Такое правовое регулирование нарушает требование определённости в разграничении видов ответственности и межотраслевой соразмерности. Другие признаки состава тоже не соответствуют этим требованиям.

2. Аспектология использованных в законах глаголов, характеризующих информацию: в УК РФ – представляющей угрозу (несовершенный вид глагола) и уже «создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан» (совершенный вид) в п. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, а в п. 10 «...повлекшее создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи...», позволяют заключить, что более общественно опасное деяние предусмотрено в КоАП РФ – менее репрессивной отрасли права, а менее общественно опасное – в УК РФ – самой репрессивной и крайней мере в системе правового регулирования. Правда, в обзоре Президиума ВС РФ добавлены новые признаки (последствия или угроза их наступления), при наличии которых возможна уголовная ответственность. Но встает вопрос о наличии таких полномочий у Президиума Верховного Суда РФ.

3. Указанные в названии ст. 207.2 УК РФ тяжкие последствия распространения заведомо ложной общественно значимой информации тоже отчасти не обосновывают такое регулирование. В диспозиции ч. 1 этой статьи в качестве тяжких последствий предусмотрены «повлекшие по неосторожности причинение вреда здоровью». Ни средней тяжести вред, ни легкий вред здоровью, причиненный по неосторожности, по УК и КоАП ненаказуемы. За счет чего в этой части возрастает общественная опасность? Общественно значимая информация, за заведомо ложное распространение которой предусмотрена уголовная ответственность по ст. 207.2 УК, сама по себе недостаточно определенная, и толкование ее переплетается со сведениями, названными в ст. 207.1 УК и ч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП РФ.

Таким образом, законодатель, не апробировав другие, менее репрессивные средства противодействия распространению заведомо ложной информации (фактчекинг, административную ответственность и др.), использовал неопределенные и несоразмерные общественной опасности средства. В связи с изложенным, полагаю, обоснована правоприменительная практика, не широко использующая уголовную ответственность в борьбе с этими видами преступлений.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Сравнительный анализ мер гуманизации уголовной ответственности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике позволяет выявить значительные различия в институциональных подходах к реализации этих механизмов.

В российской уголовно-правовой системе институт отсрочки отбывания наказания играет важную роль в реализации принципа гуманизма и защиты социальных ценностей, таких как материнство и детство. Данный институт применяется в отношении беременных женщин, единственных родителей несовершеннолетних детей, а также мужчин, осуществляющих родительские обязанности без участия второго родителя. Его основное назначение заключается в предотвращении изоляции от общества социально уязвимых категорий осужденных, что позволяет сохранить устойчивые семейные связи, обеспечить надлежащий уход за детьми и создать условия для ресоциализации.

Особенность российского подхода заключается в приоритетном внимании к интересам ребенка, который может пострадать в результате уголовного преследования родителя. Такая ориентация соответствует общему вектору развития уголовного законодательства на гуманизацию и индивидуализацию наказания, что подтверждается практикой применения отсрочек в контексте охраны семейных и демографических интересов.

Научная новизна исследования проявляется в выявлении нормативно-правовых и институциональных различий в подходах к отсрочке или смягчению наказания в различных системах права на примере России и Китайской Народной Республики. В отличие от российской модели китайская уголовно-правовая система не предусматривает специального института отсрочки отбывания наказания. Вместо него применяется механизм условного осуждения либо условно-досрочного освобождения. Тем самым основное внимание в китайской модели уделя-

ется не защите семейных ценностей, а превентивному и контролирующему потенциалу наказания, что отражает иной вектор уголовной политики¹.

В России институт отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) применяется в отношении беременных женщин, женщин, имеющих ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчин, имеющих ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющихся единственным родителем. Осуждённый может быть освобождён от наказания или ему может быть назначено более мягкое наказание после достижения ребёнком 14-летнего возраста. Исключение составляют лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и преступления террористической направленности. Отсрочка позволяет осужденным временно избежать изоляции для обеспечения ребенку надлежащего воспитания и ухода до достижения им 14-летнего возраста. По истечении этого срока суд может либо освободить осужденного от наказания, либо заменить его более мягким видом. Однако при отказе от воспитания ребенка или уклонении от родительской обязанности отсрочка может быть отменена и наказание исполняется в полном объеме.

Механизм условного осуждения в уголовном законодательстве Китая закреплён в ст. 72–77 УК КНР. Стоит обратить внимание на конкретные критерии его применения, так условное осуждение применяется к лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, включая несовершеннолетних, беременных женщин и лиц, достигших 75-летнего возраста. Одним из условий его назначения является отсутствие предыдущих судимостей и вероятность того, что осуждённый не совершит преступление повторно. При этом суд может наложить обязанности, связанные с контролем поведения, соблюдением административных требований, а также ограничением перемещений. Испытательный срок устанавливается от одного до пяти лет. При его успешном завершении наказание считается неотбытым².

Отдельный механизм условно-досрочного освобождения, предусмотренный ст. 81–86 УК КНР, применяется в отношении осуждённых,

¹ Истомина В.В., Симонова Е.К., Квасникова Т.В. Сравнительная характеристика наказаний в уголовно-правовой системе России и Китая // Право и управление. 2024. № 7. С. 312–314.

² Даосю Х. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. Х. Даосю, А.И. Коробеева, А.И. Чучаева. М. : Контракт, 2021. С. 58–60.

отбывших значительную часть наказания (не менее половины срока либо 10 лет при пожизненном лишении свободы), демонстрировавших положительное поведение, раскаяние и восприимчивость к мерам исправления. Освобождение возможно только при условии, что лицо не представляет опасности для общества. В течение испытательного срока (равного неотбытой части наказания либо 10 лет для пожизненно осуждённых) освобождённый находится под контролем органов по месту жительства, обязан соблюдать требования законодательства, докладывать о своих действиях и получать разрешение на смену места пребывания. Нарушение этих условий или совершение нового преступления влечёт отмену освобождения и налагает обязательство исполнения (отбывания) оставшейся части наказания¹.

В отличие от российской правовой модели, положения УК КНР не содержат норм, предусматривающих отсрочку отбывания наказания в связи с необходимостью воспитания ребёнка. Применение института освобождения от наказания не связано с семейным положением осуждённого, а определяется его поведением, риском рецидива и уровнем исправления.

Таким образом, институциональные различия демонстрируют разные векторы реализации гуманизации уголовной политики. Российская модель обеспечивает сохранение родительских функций и защиту интересов ребёнка. Китайская – реализует задачу ресоциализации через усиленный надзор и жёсткие формальные критерии допуска к освобождению от уголовного наказания.

А.С. Скороходова

ПОЛНОМОЧИЯ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ КАК СУБЪЕКТА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В соответствии со ст. 90 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или

¹ Даосю Х. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. Х. Даосю, А.И. Коробеева, А.И. Чучаева. М. : Контракт, 2021. С. 58–60.

средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения одной или нескольких принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ): предупреждения; передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложения обязанности загладить причиненный вред; ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего. УК РФ, а также иными федеральными законами не определен специализированный государственный орган, в полномочия которого входит исполнение ПМВВ; вместе с тем, в соответствии с п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – ПП ВС РФ № 1), органом, которому в соответствии со ст. 90 УК РФ может быть передан под надзор несовершеннолетний, а также органом, который вправе обращаться в суд с представлением об отмене принудительной меры воспитательного воздействия в случаях систематического ее неисполнения несовершеннолетним, является комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП), однако данное положение справедливо подвергается критике. Во-первых, Постановление Пленума ВС РФ носит рекомендательный характер и к законодательным источникам не относится, в то время как права и свободы человека и гражданина, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут быть ограничены только федеральным законом. Во-вторых, нельзя не согласиться с мнением Т.Г. Понятовской, которая вполне резонно ставит под сомнение полномочия КДН и ЗП в части исполнения ПМВВ, поскольку данный орган является коллегиальным, состав комиссии нормативными актами не определяется и многие из его членов действуют на общественных началах, даже не являясь государственными служащими. Кроме того, автор отмечает, что полномочия КДН и ЗП, определенные п. 5 ст. 11 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ)¹, ограничены положениями ст. 23.2 Кодекса Российской

¹ Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в пределах своей компетенции «...применяют меры воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей в случаях и порядке, которые

Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в соответствии с которыми КДН и ЗП может рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных рядом статей КоАП РФ; данные полномочия вопросов исполнения ПМВВ не касаются¹. КДН и ЗП не является государственным органом исполнительной власти и действует строго в рамках полномочий, определенных Федеральным законом № 120-ФЗ и отдельными статьями КоАП РФ. Не определены законодательно и полномочия по исполнению ПМВВ такими государственными органами, как подразделения по делам несовершеннолетних МВД России (далее – ПДН) и уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России (далее – УИИ). В соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ ПДН, проводит индивидуальную профилактическую работу с подростками, в отношении которых применяются ПМВВ, однако исполнение этих мер к полномочиям ПДН не отнесено. В сферу полномочий УИИ контроль за данной категорией подростков также не входит, поскольку они не имеют статуса осужденных, будучи освобожденными от уголовной ответственности в связи с применением ПМВВ.

Другие исследователи также критикуют наделение КДН и ЗП полномочиями по исполнению ПМВВ, расходясь, однако, во мнениях, какой орган все-таки должен их исполнять: некоторые авторы предлагают наделить такими полномочиями подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел², другие рассматривают ПМВВ

предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации».

¹ Понятовская Т.Г. Кто исполняет принудительные меры воспитательного воздействия? // *Oeconomia et Jus*. 2021. № 4. С. 71–76.

² Прокументов Л.М., Ольховик Н.В., Карелин Д.В. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление // *Rus. J. of crim.* 2020. Т. 14, № 2. С. 305–312; Тюрина И.Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как средство предупредительного воздействия // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2020. № 1. С. 286–292; Кушнаренко О.В., Текоева И.К. Актуальные проблемы назначения и исполнения принудительных мер воспитательного воздействия // *Достижения науки – сельскому хозяйству : материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года*. Т. I, ч. II. Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2017. С. 282–284.

как элемент системы пробации¹. Соглашаясь с последней группой авторов, полагаем, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России, обладая большим опытом и сформировавшейся практикой контроля за различными категориями осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в том числе несовершеннолетних, успешно выполняли бы возложенные на них функции по исполнению ПМВВ, в том числе в рамках реализации положений Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Однако положения, касающиеся работы с несовершеннолетними, в частности, в отношении которых применяются ПМВВ, в указанный выше закон, к сожалению, включены не были.

Для обеспечения реализации положений УК РФ о применении ПМВВ требуется закрепление на законодательном уровне статуса и полномочий субъектов исполнения этих мер, при этом наиболее целесообразным представляется в качестве специализированного органа, осуществляющего контроль за применением ПМВВ, определить уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России.

С.А. Ступина

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ

Проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых с применением насилия, не являются новыми для научного осмысления. Вместе с тем их анализ с учетом как традиционных, так и новых подходов, в том числе формируемых правоприменительной практикой, определяет возможные направления актуальных исследований.

По вопросам квалификации соучастия по ряду преступлений имеются соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые в определенной мере способствуют унификации правоприменительной практики по таким преступлениям.

¹ Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 9 (142). С. 112–118; Сережкина М.А. Принудительные меры воспитательного воздействия как элемент института пробации в РФ // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 2 (18). С. 122–127.

Поскольку насилие может быть как физическим, так и психическим, постольку совместное умышленное участие двух и более лиц в совершении умышленных преступлений, объективным признаком которых выступает тот или иной вид насилия, имеет некоторую специфику, находящую отражение в квалификации.

Так, например, по приговору Иркутского областного суда и апелляционному определению судебной коллегии по уголовным делам этого же суда, оставившему приговор в силе, лицо было осуждено как соучастник причинения тяжкого вреда здоровью группой лиц¹. При этом второму лицу, умышленно причинившему тяжкий вред здоровью потерпевшего, такой квалифицирующий признак не был вменен. Таким образом, суды первой и второй инстанции сочли возможным установить соучастие только в действиях одного лица, обосновав это тем, что совместность действий имеет место, поскольку подсудимый был осведомлен о том, что ранее потерпевшему другое лицо уже причинило вред. При этом не были приняты во внимание воля и согласие другого лица на совместное совершение преступления.

На такую ошибку указал суд кассационной инстанции, куда дело было передано постановлением судьи Верховного Суда РФ. При обосновании отсутствия совместности действий лиц были учтены такие критерии, как очередность нанесения вреда потерпевшему, поведение каждого из лиц в драке, действия первого из причинивших тяжкий вред после нанесения такого вреда, его осведомленность о последующих действиях другого, мотивы преступного поведения каждого.

Отсутствие совместности действий было установлено судом кассационной инстанции и по другому делу об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, согласно которому судами первой и апелляционной инстанций был вменен признак группы лиц². В этом случае при проверке законности приговора в порядке кассации было отмечено, что совместность действий лиц отсутствует в силу того, что причиненный потерпевшему тяжкий вред здоровью находится в причинной связи только с действиями одного лица, т.е. нет непосредственного

¹ Постановление президиума Иркутского областного суда от 17.04.2017 по делу № 44у-32/2017. URL: <https://actofact.ru/case-38OS0000-4u-361-2017-44u-32-2017-2017-03-01-2-2/> (дата обращения: 07.03.2025).

² Постановление президиума Брянского областного суда от 22.08.2018 по делу № 44-У-58/2018. URL: <https://actofact.ru/case-32OS0000-4u-583-2018-44u-58-2018-2018-05-29-2-2/> (дата обращения: 07.03.2025).

участия двух и более лиц в процессе причинения телесных повреждений, повлекших указанные в уголовном законе последствия¹, поскольку одно лицо сначала сбilo потерпевшего с ног, а подбежавший подсудимый уже один наносил удары, которые повлекли тяжкий вред здоровью.

По мнению суда, ключевым критерием при этом выступило то, что непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами означает, что исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с другими лицами.

Таким образом, можно констатировать, что при установлении совместности действий соучастников правоприменительная практика, в отдельных случаях учитывая традиционные критерии рассматриваемого института уголовного права, добавляет некоторые иные признаки, которые, как нам видится, так или иначе подтверждают устоявшееся в уголовном праве понимание совместного участия.

Несколько сложнее с установлением соучастия при совершении преступлений путем психического насилия, поскольку квалификация действий по осуществлению последнего отчасти связана и с субъективным восприятием потерпевшим высказываемых в его адрес угроз.

Так, в судебной практике имеет место установление соучастия в ситуации, когда при высказывании угрозы одним лицом, другое создавало своим присутствием численное превосходство и впечатление реальности непосредственного исполнения угроз, т.е. обеспечивало создание видимого численного превосходства и физической силы².

Исходя из таких решений, следует, что только определяемое предварительной договоренностью присутствие одних при непосредственном совершении другим лицом психического насилия можно определить как совместное участие при условии соответствующего восприятия этого насилия потерпевшим.

¹ Приговор Тамбовского районного суда от 01.12.2011 по делу № 22-2996. URL: <https://actofact.ru/case-14OS0000-22-2996-2011-2011-11-02-2-1/> (дата обращения: 07.03.2025).

² См., например: Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока от 30.05.2019 по делу № 1-11/2019. URL: <https://actofact.ru/case-25RS0005-1-11-2019-1-22-2018-1-344-2017-2017-07-12-2-0/> (дата обращения: 07.03.2025); Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 20.12.2016 по делу № 1-504/2016. URL: <https://actofact.ru/case-54RS0003-1-504-2016-2016-10-18-2-0/> (дата обращения: 07.03.2025).

Как нам видится, такое утверждение весьма спорно и нуждается в научном осмыслении, особенно с учетом расширения посредством развития цифровых технологий способов психического воздействия.

В.В. Тихонова

ТРУД КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ПРОБАЦИИ¹

Исправительно-трудовое воздействие как один из аспектов успешной ресоциализации и социальной адаптации личности осужденного неоднократно рассматривалось в трудах отечественных и зарубежных ученых-правоведов и психологов, среди которых можно отметить В.А. Уткина², Н.В. Ольховика³, А. Бандуру⁴ и др. Данный вопрос продолжает оставаться актуальным и по сегодняшний день.

Восприимая пробацию как систему мер, призванных не только возвратить лицо, совершившее преступление, к жизни в обществе путем оказания ему помощи в трудной жизненной ситуации, спровоцировавшей совершение им преступления, но и исправить его, справедливо судить о том, что существуют определенные инструменты, которыми пользуются субъекты пробации для достижения настоящих целей.

В качестве одного из таких инструментов выступает труд, являющейся целенаправленной деятельностью по созданию благ, удовлетворяющих как индивидуальные потребности человека, так и общественные⁵.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

² Уткин В.А. Бесплатный труд осужденных в местах лишения свободы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 11 (62). С. 25–30.

³ Olkhovik N.V. The Legal Grounds and Legislative Limits for Employing Persons who have Been Sentenced To Punishments which Do not Imply Isolation from Society. Labour Law in Russia: Recent Developments and New Challenges / N.V. Olkhovik, E.R. Radevich, V.M. Lebedev [et al.]. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars, 2014. 316 p. (Adapt labour studies book series). EDN WGVAFZ. P. 223–242.

⁴ Бандура А. Теория социального научения. СПб. : Евразия, 2000. 320 с.

⁵ Труд : [арх. 23 января 2023] // Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

Значимость трудовой занятости как фактора успешности пробации, выраженного в пониженном уровне рецидивной преступности и преступных намерений, исследовалась в зарубежных странах, где уже долгие годы существуют механизмы взаимодействия с осужденными. Показательными в данном случае являются именно лонгитюдные исследования, отображающие реальную действительность.

Так, в Соединенных Штатах Америки учёными Делавэрского университета совместно с Центром правовой политики института урбанистики в 2002–2005 г. было проведено исследование, в ходе которого 740 человек, осужденных за самые разные преступления, давали интервью по вопросам трудовой занятости после освобождения из мест лишения свободы¹.

Результаты интервью показали, что залогом успешного трудоустройства после освобождения из тюрьмы являются получение дополнительного образования в ходе отбывания наказания, активная жизненная позиция и трудовая занятость уже во время заключения, а также сохранение связи с предыдущим работодателем².

Было отмечено, что скорейшее трудоустройство в течение 2 месяцев после освобождения служит фактором удовлетворенности жизнью и повышенным уровнем самоконтроля среди лиц с судимостью. Также труд позволяет значительно снизить уровень правового цинизма и преступных намерений³.

В 2010 г. в Канаде были опубликованы результаты трёхлетнего исследования, проведенного учёными Мемориального университета Ньюфаундленда, целью которого являлось выявление перспектив и проблем трудоустройства лиц с судимостью⁴. Важно было выяснить, с какими сложностями сталкиваются вчерашние преступники в возрасте от 21 до 53 лет в попытках трудоустроиться самостоятельно.

Среди проблем, обнаруженных в ходе исследования, были отмечены:

а) низкий уровень предлагаемой заработной платы ввиду нежелания работодателей нанимать лиц с судимостью и как следствие узкий список предлагаемых вакансий исключительно среди профессий, где используется тяжелый физический труд;

¹ Visher Ch.A., Debus-Sherrill S.A., Yahner J. Employment After Prison: A Longitudinal Study of Former Prisoners // *Justice Quarterly*. 2010. 10 December.

² *Ibid.* P. 10.

³ *Ibid.*

⁴ Sheppard A., Ricciardelli R. Employment after prison: Navigating conditions of precarity and stigma // *European Journal of Probation*. 2020. № 12 (I). P. 34–52.

б) ориентированность теневой экономики на лиц с судимостью как источника вакансий, уровень дохода на которых способен закрыть человеческие потребности;

в) стигматизация лиц с судимостью.

Существующие проблемы и попытки их разрешить ухудшают криминогенную обстановку в целом, и все усилия по исправлению конкретного лица оборачиваются проблемами для государственного аппарата и экономики страны.

Официальная статистика в России¹ отображает, что занятость осужденных за 2019–2023 гг. приобретает тенденцию к потере интереса к возможностям обучения, а уменьшение числа безработных происходит крайне медленно (на 0,3% увеличилось количество работающих лиц с судимостью за последние 5 лет).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в России, как и за рубежом, существует проблема отсутствия достаточного интереса осужденных к трудовой занятости. Данный факт обусловлен низким уровнем образованности этих лиц, остракизмом, которому они подвергаются и, как следствие, крайне невыгодными для них предложениями на рынке труда.

Для разрешения существующих проблем важно организовывать мероприятия не только по содействию лицам с судимостью в процессах трудоустройства, но и по созданию специальных образовательных возможностей, а также мероприятия по созданию рабочих мест, способных удовлетворить интересы таких лиц и привлечь их к труду. В данном случае при появлении у них нового социального статуса полноценного члена общества и с приобретением ими дополнительных гарантий, мер поддержки и защиты у них появится больше мотивации вести законопослушный образ жизни, а уровень рецидивной преступности будет планомерно снижаться.

¹ См.: Статистика судимости Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2019–2023 годы URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 06.02.2025).

Д.О. Трофимов

«ВОЕННОЕ ВРЕМЯ» КАК ОСОБОЕ ВОЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ЗАКРЕПЛЕННОЕ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовая категория «военное время» закреплена в ст. 18 Федерального закона от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», согласно которой начало военного времени определяется моментом объявления состояния войны или фактического начала военных действий, а окончание – моментом объявления о прекращении военных действий и их фактическим прекращением.

Таким образом, фактически специальная военная операция, объявленная Президентом Российской Федерации (разрешение на использование Вооруженных Сил РФ за пределами страны дано Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации»), с самого начала проведения предопределяла условия военного времени на территориях фактического осуществления военных действий, осуществляемых в рамках спецоперации.

Следовательно, территориальный критерий для определения фактического содержания такого особого военного обстоятельства, как военное время, не менее важен, чем временной, поскольку военные действия могут осуществляться за пределами территории Российской Федерации, что предопределяет начало военного времени для нашей страны без официального объявления войны.

Таким образом, крайне сложно очертить границы содержания категории «военное время» ввиду ее максимально обобщающего характера и прийти в этом отношении к единообразному пониманию.

Военное время может обуславливать необходимость проведения общей либо частичной мобилизации в стране, но может фактически иметь место и без таковой. Военное время может предполагать проведение военных операций, боевых действий с использованием Вооруженных Сил РФ как в пределах нашей страны, так и за ее границей, с введением на определенных территориях военного положения и без такового.

Именно такое абстрактное понимание содержания категории «военное время» закреплено сегодня в действующем военном законодательстве, и из него следует исходить при изучении содержания соответствующего особого военного обстоятельства, а также его значения и целесообразности закрепления в тексте УК РФ, поскольку закрепление в тексте уголовного закона правовых категорий, закладываемых в восприятии их содержания правоприменителем максимальный уровень дискретности, является нецелесообразным при наличии в тексте закона иных категорий, характеризующихся большей степенью конкретизированности.

В этих целях необходимо соотнести «военное время» с иными ОВО, закрепленными Федеральным законом от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ. С этой целью следует поставить вопрос: «Какие конкретно обстоятельства включает “военное время” и не включает ли оно все иные ОВО, закрепленные в качестве таковых в действующем уголовном законе?»

Действительно, если поставить вопрос о взаимоисключаемости ОВО, то все остальные ОВО могут иметь место в отдельности. Возможно проведение мобилизации без объявления военного положения, ведения боевых действий (в особенности частичной мобилизации, которая может касаться экономики и производства страны, а не только призыва граждан в вооруженные силы), наличие вооруженного конфликта без проведения мобилизации и объявления военного положения, даже введение военного положения без фактического проведения боевых действий. Однако наличие самого по себе «военного времени» в отсутствие остальных ОВО в совокупности либо в различных сочетаниях невозможно.

Кроме того, если мы начнем анализировать обстоятельства, определяющие содержание «военного времени», то увидим, что меры по мобилизации экономики и производства страны, мероприятия по призыву граждан в войска, меры экономического, политического, административного, военного и иного характера, направленные на отражение и предотвращение агрессии против Российской Федерации, вводимые в стране в период военного положения, конкретные боевые действия, предпринимаемые в рамках вооруженных конфликтов, как раз-таки и составляют фактическое содержание «военного времени».

В этой связи следует рассматривать «военное время» не как особое военное обстоятельство, а как временное условие существования оных.

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ ПО ДВУОБЪЕКТНЫМ СОСТАВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В судебной практике при применении уголовно-правовой нормы о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, когда лицо обвиняется в совершении преступления, которое причиняет вред нескольким общественным отношениям, возникает ряд вопросов, требующих своего решения.

Указанные вопросы нашли свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», где сказано, что судам следует учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, в том числе особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, а также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», где обращается внимание, что прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 1, 2, 3 или 5 ст. 264 УК РФ, за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда. При принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим суду надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела. Принимая решение, следует оценить, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства.

Судебная практика исходит из того, что при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим по этой категории дел недостаточно уяснения мнения потерпевшего о заглаживании ему вреда, причиненного преступлением. Полномочие

суда отказать в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, несмотря на наличие о том заявления потерпевшего, направлено на достижение целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Действия, предпринятые по заглаживанию вреда, не свидетельствуют о восстановлении нарушенных в результате его преступных действий законных интересов общества и государства в сфере безопасности дорожного движения¹.

Само по себе возмещение материального ущерба и морального вреда не может безусловно свидетельствовать о заглаживании вреда, причиненного как дополнительному, так и основному объекту преступного посягательства. По этой причине отсутствие лично у потерпевшего претензий, а также его субъективное мнение о полном заглаживании вред, не может быть единственным подтверждением такого снижения степени общественной опасности преступления².

Однако в настоящее время в судебной практике не нашел своего решения ответ на вопрос, какие меры должно принять лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, для возмещения вреда основному объекту преступного посягательства. В этой связи заслуживает внимание решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которая указала, что утверждение в кассационном представлении о том, что преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ, имеет два объекта, а именно общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также здоровье и жизнь человека, является правильным. Вместе с тем указанное обстоятельство не дает основание для вывода, что уголовный закон в качестве условия для освобождения от уголовной ответственности за примирением сторон предусматривает принятие виновным мер для заглаживания вреда основному объекту преступления – общественным отношениям в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Такая позиция

¹ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2023 по делу № 77-466/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2024 по делу № 77-1927/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

основана на расширительном толковании уголовного закона и противоречит содержанию ст. 76 УК РФ. Утверждение в представлении о том, что для освобождения от уголовной ответственности необходимым является условие о заглаживании помимо вреда, причиненного потерпевшему, также и вреда, причиненного такому публичному объекту, как общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, на законе не основано¹.

Суд при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон должен выяснить, соответствует ли прекращение уголовного дела по данному основанию общественным интересам в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств с учетом характера нарушения правил дорожного движения и способны ли меры, которым ограничился суд, предотвратить в будущем подобные нарушения, поскольку прекращение уголовного дела не ограничивает лицо в праве управления транспортными средствами².

С.С. Уткина

СМЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ: ЗАКОН И ПРАКТИКА

В соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления признаются смягчающими наказание обстоятельствами. Но что конкретно следует понимать под ними, Кодекс не раскрывает.

Важность правильного их установления определяется тем, что при их наличии и отсутствии отягчающих наказание обстоятельств суд при назначении наказания обязан применить ч. 1 ст. 62 УК РФ, предусматривающую, что срок или размер наказания не могут превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.11.2023 № 82-УДП23-10-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2024 № 77-3604/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

В п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указано, что под явкой с повинной, которая в силу п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ является обстоятельством, смягчающим наказание, следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде.

При наличии в материалах уголовного дела письменного протокола явки с повинной, в котором лицо добровольно сообщает об обстоятельствах совершенного преступления, и информация, изложенная в нем, служит поводом для возбуждения уголовного дела, явка с повинной подлежит учету в качестве смягчающего наказание обстоятельства. При этом она должна быть признана смягчающим обстоятельством в случае непризнания протокола явки с повинной доказательством виновности осужденного (например, ввиду отсутствия защитника при получении явки с повинной), а также когда лицо в дальнейшем в ходе предварительного расследования или в судебном заседании не подтвердило сообщенные им сведения.

Апелляционным определением Томского областного суда в отношении осужденных Т. и Ц. в качестве смягчающего обстоятельства была учтена явка с повинной, не признанная судом первой инстанции, хотя соответствующие протоколы явок с повинной Т. и Ц. исследовались в суде первой инстанции. Мотивы такого непризнания явок суд в приговоре не привел, не указав также мотивов о необходимости учета этих явок в качестве иного смягчающего обстоятельства в соответствии с ч. 1 или 2 ст. 61 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции, устраняя допущенную ошибку, указал, что поводом для возбуждения уголовного дела в отношении Т. и Ц. послужили их явки с повинной (о чем прямо указано в постановлении), при которых они добровольно сообщили об обстоятельствах совершенного ими преступления, своих действиях и действиях других соучастников. До написания явок с повинной они не задерживались по подозрению в совершении данного преступления, а занятая в свою защиту в судебном заседании позиция Ц., возражавшего против обвинения, не препятствует учету явки с повинной в качестве смягчающего обстоятельства в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ¹.

¹ См.: Апелляционное определение Томского областного суда от 3 июля 2023 года по делу № 22-1231/2023.

Сложности на практике вызывают случаи, когда заявление о явке с повинной сделано в устном виде. Так, Томский районный суд при назначении наказания К. за два преступления, предусмотренные ст. 158.1 УК РФ, не усмотрел такого смягчающего обстоятельства, как явка с повинной¹. Государственный обвинитель обратился с апелляционным представлением, в котором настаивал на наличии данного смягчающего обстоятельства. Суд апелляционной инстанции установил, что К., давая объяснения, сообщила сотруднику полиции обстоятельства совершения ею хищений товаров из магазинов «Пятерочка» и «Ярче». При этом изложенные ею обстоятельства до того не были известны правоохранительным органам. После получения от К. объяснений в отношении нее были возбуждены уголовные дела.

Исходя из этого, суд апелляционной инстанции сделал вывод, что поскольку данных о причастности К. к совершенным преступлениям до дачи ею объяснений не имелось, а на момент дачи объяснений она задержана не была, К. добровольно сообщила о совершенных ею преступлениях, в связи с чем указанное обстоятельство подлежит признанию в качестве смягчающего наказание².

Важно, что явкой с повинной как смягчающим наказанием обстоятельством является именно добровольное сообщение лица о совершенном преступлении. Если оно было задержано на месте преступления либо вскоре после его совершения, такие сведения следует учитывать при назначении наказания как признание лицом своей вины в совершении преступления в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ либо при наличии к тому оснований, как активное содействие расследованию преступления.

Согласно п. 30 указанного постановления Пленума, активное содействие раскрытию и расследованию преступления следует учитывать в качестве смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ УК РФ, если лицо о совершенном с его участием преступлении либо о своей роли в преступлении представило органам дознания или следствия информацию, имеющую значение для раскрытия и расследования преступления, которая ранее не была известна и имела значение для расследования преступления.

¹ См.: Приговор Томского районного суда Томской области от 19 июня 2024 года по делу № 1-30/2024.

² См.: Апелляционное постановление Томского областного суда от 9 декабря 2024 года по делу № 2968/2024.

К примеру, Октябрьский районный суд г. Томска при назначении наказания Ч. за преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, в качестве смягчающего обстоятельства учел активное способствование Ч. расследованию преступления, оно выразилось в сообщении правоохранительным органам, в том числе при проверке показаний на месте, подробных сведений относительно обстоятельств своего участия в незаконном сбыте наркотических средств, ранее в полном объеме не известных правоохранительным органам¹.

В свою очередь, Томский районный суд Томской области, назначая наказание С. за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, не усмотрел оснований для учета такого смягчающего обстоятельства, как активное способствование раскрытию и расследованию преступления. В апелляционной жалобе защитник осужденного настаивал на его наличии. Но суд апелляционной инстанции не согласился с его доводами, поскольку в своих показаниях С. указал информацию, которая уже была известна органам дознания².

По вышеуказанному делу в отношении К., помимо явки с повинной, суд апелляционной инстанции усмотрел основания для признания в качестве смягчающих обстоятельств активного способствования раскрытию и расследованию преступления, поскольку ее действия помогли раскрыть оба преступления, исключив необходимость поиска лица, их совершившего³.

Таким образом, необходимо более тщательно подходить к анализу обстоятельств получения органами предварительного расследования заявлений о явках с повинной, а также фактов, свидетельствующих об очевидности совершенного преступления, исключающих необоснованное признание в качестве смягчающих наказание обстоятельств явок с повинной, активного способствования раскрытию и расследованию преступления.

¹ См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 6 сентября 2024 года по делу № 1-151/2024.

² См.: Приговор Томского районного суда Томской области от 14 марта 2024 года по делу № 1-147/2024; Апелляционное постановление Томского областного суда от 13 мая 2024 года по делу № 22-1136/2024.

³ См.: Апелляционное постановление Томского областного суда 9 декабря 2024 года по делу № 2968/2024.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ, КАК ПРИЗНАК ПОБОЕВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ч. 2 ст. 116.1 УК РФ

Законодатель, предусмотрев в ч. 2 ст. 116.1 УК РФ уголовную наказуемость за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, совершенных лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия, не дал легальной дефиниции такого деяния. В результате в практике применения данной статьи возникли вопросы, связанные с тем, что относить к таким преступлениям, а именно: преступления, в которых насилие составляет суть деяния (убийство, умышленный вред здоровью и др.), либо также преступления, в которых насилие является только способом их совершения (разбой, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и др.); только умышленные преступления, причиняющие вред жизни, здоровью, телесной и психической неприкосновенности человека, либо также неосторожные преступления, причиняющие вред этим ценностям; только энергетическое воздействие на организм человека, именуемое в уголовном законе насилием, либо также информационное воздействие на потерпевшего, именуемое в уголовном законе угрозой применения насилия.

На первый вопрос следует ответить положительно. К преступлениям, совершенным с применением насилия, следует относить как те деяния, в которых насилие составляет его суть, так и те преступления, в которых насилие является только способом их совершения. Данное обстоятельство обусловлено тем, что для большей части преступлений, совершенных с применением насилия, последнее является не самоцелью (насилием ради насилия), а средством достижения (реализации) чего-либо, например, цели воспрепятствования правомерной деятельности потерпевшего или мести за такую деятельность. В противном случае убийство, совершенное с указанными целью или мотивом, нельзя было бы отнести к преступлениям, совершенным с применением насилия. Кроме того, преступления, в которых насилие является способом их совершения, посягают на те объекты, которые характеризуют направленность всякого преступного насилия: жизнь, здоровье,

телесную и психическую неприкосновенность, половую свободу или половую неприкосновенность человека. Соответствующие объекты могут быть основными, как при убийстве, дополнительными, как при разбое, или факультативными, как при насильственном грабеже. Однако независимо от разновидности объекта посягательства насилие обладает причиняющим воздействием, без него деяние не было бы причиной преступного результата.

На второй вопрос следует ответить однозначно: к преступлениям, совершенным с применением насилия, относятся только умышленные преступления. При неосторожных деяниях вред жизни, здоровью, телесной и психической неприкосновенности человека причиняется не в результате насилия, а в результате нарушения общих или специальных правил предосторожности (охраны труда, производства различных работ и т.д.)¹. Нарушение подобных правил обуславливает, в отличие от насилия, опосредованный характер причинной связи при неосторожном преступлении, так как между деянием и результатом имеют место приводящие в причинную связь обстоятельства, например в виде источника повышенной опасности (машин, механизмов, взрывчатых веществ и т.д.). Эти обстоятельства обладают самостоятельным причиняющим воздействием, так как выходят из-под контроля неосторожно действующего лица. Кроме того, субъективно неосторожные деяния направлены, как правило, на достижение социально полезного или социально нейтрального результата, а не на негативное воздействие на организм человека или его психику².

На третий вопрос большая часть исследователей отвечает положительно, относя к насильственным преступлениям не только энергетическое воздействие на организм человека, именуемое в уголовном законе насилием, но и информационное воздействие на потерпевшего, именуемое в уголовном законе угрозой применения насилия. В литературе эти виды насилия именуются, соответственно, как насилие физическое и насилие психическое³. Такая позиция обоснована, так как и

¹ См.: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 13–14.

² См.: Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. С. 14.

³ См.: Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Омск, 1978. С. 5–6; Насильственная преступность. М., 1997. С. 6; Шеслер А.В. Состав преступления. Новокузнецк, 2026. С. 58–59.

при физическом насилии, и при психическом насилии осуществляется воздействие на организм человека помимо его воли или против его воли. Разница, которая положена в основу выделения этих видов насилия, состоит в том, что при физическом насилии воздействие осуществляется на тело человека, его внутренние органы, а при психическом насилии – на психику человека. Причем в ряде случаев достаточно не просто определить, какая разновидность воздействия имеет место. Например, в случаях воздействия на потерпевшего сильным звуком, в результате которого он теряет слух, подкрепления при разбое побоями угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья, гипноза, причиняющего смерть. Соответственно, непросто определить, какой вид насилия имеет место, исходя только из того, какое воздействие осуществлялось на потерпевшего: энергетическое или информационное. Полагаем, что основным критерием отнесения насилия к физическому или психическому должна быть направленность действий виновного. Если насильственные действия направлены против жизни, здоровья, телесной неприкосновенности, половой свободы и половой неприкосновенности человека, то имеет место физическое насилие. Если насильственные действия направлены против психической неприкосновенности человека, то имеет место психическое насилие. Это означает, что преступления, совершенные с угрозой насилием, не следует исключать из числа преступлений, совершенных с применением насилия. Законодателю следует лишь скорректировать действующую терминологию, разделив рассматриваемые преступления на две разновидности, а именно: на преступления с применением физического насилия и на преступления с угрозой его применения.

Таким образом, к преступлениям, совершенным с применением насилия, предусмотренным в ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, следует относить деяния, осуществляемые посредством энергетического или информационного воздействия на организм человека против или помимо его воли, направленные против его жизни, здоровья, телесной или психической неприкосновенности, половой свободы или половой неприкосновенности. Полагаем, что для единообразного понимания рассматриваемого термина в практике применения уголовного закона целесообразно дополнить ст. 116.1 УК РФ примечанием, раскрывающим его содержание.

КРИМИНОЛОГИЯ

А.Л. Агабекян

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОБАЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ¹

Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»² (далее – Закон о пробации в РФ) не содержит специальных норм, регулирующих применение пробационных мер в отношении несовершеннолетних. Приказ Минюста России о пробации № 350³ упоминает несовершеннолетних лишь применительно к оказанию социальной помощи и к содействию в трудоустройстве при реализации пенитенциарной и постпенитенциарной пробации, но не исполнительной. Между тем Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г., предусматривали широкое применение пробационных мер к несовершеннолетним на любом этапе применения наказаний и мер, особенно на досудебной стадии, а также при вынесении условных приговоров, отсрочки их исполнения и в ряде других случаев (п. 16, 17.1, 18.1)⁴.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

² Федеральный закон от 06.02.2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». Версия Проф., сетевая (дата обращения: 05.01.2025).

³ Приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 “О пробации в Российской Федерации”» // СПС «Консультант Плюс». Версия проф., сетевая (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)

В этой связи заслуживает внимания опыт таких постсоветских стран, как Армения¹, Казахстан², Кыргызстан³. В законах о пробации указанных государств уделено особое место нормам, регулирующим порядок применения пробации к лицам до 18 лет. Так, предусматривается самостоятельная гл. 13 в Армении и гл. 7 в Кыргызстане, посвященные особенностям реализации ювенальной пробации. Несмотря на то, что некоторыми учеными, например А.У. Аязбековой⁴, предлагалось ввести «ювенальную пробацию» в качестве отдельного вида пробации в Кыргызстане, этого не было сделано. С учетом того, что по состоянию на сентябрь 2022 г. в данной стране пробация применялась всего к 66 несовершеннолетним⁵, то о введении специального вида пробации не приходится говорить, что при этом не исключает учет особенностей данной категории «клиентов».

Закрепляя принцип дифференциации и персонификации пробации в ст. 5 Закона «О пробации» Армении, отмечается, что при реализации пробации служба должна учитывать «наилучший интерес несовершеннолетних». В Кыргызстане в ст. 35 Закона «О пробации» провозглашается принцип психолого-педагогического подхода к проводимым с детьми мероприятиям. Схожая норма отражена в ст. 18 Закона «О пробации» Казахстана.

Преимущество отмеченных законов перед аналогичным российским нормативным правовым актом заключается в том, что при реализации пробации предусмотрена обязанность службы учитывать криминологические особенности личности такого «клиента». Например, в Кыргызстане должно быть проведено социально-психологическое исследование личности ребенка (ч. 2 ст. 36), при работе с «клиентом»

1985 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 05.01.2025).

¹ Закон Республики Армения от 23 мая 2016 года № ЗР-48 «О пробации». URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=114798> (дата обращения: 05.01.2025).

² Закон Республики Казахстан «О пробации» от 30.12.2016 № 38-VI ЗПК. URL: <http://www.adilet.kz/rus/docs/Z1600000038> (дата обращения: 05.01.2025).

³ Закон КР от 24 февраля 2017 года № 34 «О пробации». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111517/edition/1103351/ru> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ См.: Аязбекова А.У. Современное развитие пробации в отношении детей в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 2 (8). С. 106.

⁵ Там же.

должны быть устранены причины беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, должны быть предприняты меры по профилактике преступности. В Казахстане предусмотрен учет индивидуальных и возрастных особенностей несовершеннолетнего (ст. 18). Впрочем, не приходится говорить лишь о достоинствах «ювенальной» пробации в данных странах, так как учеными выявляются и недостатки¹.

Анкетирование 1 823 «клиентов» исполнительной пробации в России, проведенное по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043, показало, что численность несовершеннолетних, в отношении которых применялась пробация, составило всего 0,6% (11 человек). Большинство из них обращались за психологической помощью, а также просили оказать содействие в получении образования. Из изученных 193 личных дел «клиентов» исполнительной пробации лишь один несовершеннолетний обратился с заявлением о прохождении пробационных мероприятий (получение психологической помощи). Учитывая незначительные количественные показатели таких «клиентов», а также заявительный характер пробации, стоит отказаться от создания специальной службы пробации для несовершеннолетних, как предлагалось Е.Л. Вороновой² и М.С. Иншаковой³. Вместе с тем потребность в учете особенностей применения пробационных мер к несовершеннолетним в деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций очевидна, для этого стоит предусмотреть в Законе о пробации в РФ соответствующие нормы, которые бы обязывали учитывать криминологические особенности реализации пробации в отношении несовершеннолетних.

¹ См.: Рахимбердин К.Х. Правовое регулирование пробации в законодательстве Республики Казахстан: современное состояние, проблемы и перспективы. Нур-Султан : ИП Кабдулова З.Т., 2023. С. 41.

² См.: Воронова Е.Л. Создание службы пробации для несовершеннолетних в России // Пенитенциарная наука. 2011. № 13. С. 77.

³ См.: Иншакова М.С. Система ювенальной юстиции и служба пробации для несовершеннолетних как условие снижения преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 96.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ИНТЕРЕСЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Интернет-ресурсы с динамизмом вошли в нашу жизнь. Ни одна сфера существования современного общества уже не может обойтись без IT-технологий, которые в равной степени определяют как перспективы развития, так и криминогенности. Распространенность и невозможность отказаться от нежелательного контента делают любого пользователя беззащитным перед лицом неочевидных опасностей.

Совершенствование инфо-телекоммуникационных технологий определило необходимость и незаменимость их в повседневной жизни. Ранее мы писали, что интернет-пространство стало не просто инструментом коммуникации (одновременное общение с неограниченным кругом лиц, обмен любыми информационными материалами, отсутствие формализованных требований и контроля), а полноправным институтом социализации. Массовость, доступность (возможность подключения любого технического устройства в любом организационно-территориальном пространстве), технические удобства (скорость передачи информации и смена контента), простота восприятия, отсутствие интеллектуальных, физических и материальных вложений, продолжительность влияния позволяют говорить не только об удобстве коммуникации, но и о замещении традиционных институтов социализации виртуальными¹.

В таких условиях главная цель социализации как процесса формирования личности, реализуемая через общение, становится недостижимой. Общение происходит в одностороннем порядке: добавили «друзей» в социальной сети, просмотрели обновления их страниц, а глаз друга, его эмоции и реакции не увидели. И здесь речь идет не о неис-

¹ Белоусова А.Н., Кулешова В.В. Виктимогенный механизм совершения преступлений в отношении несовершеннолетних с использованием социальных сетей и мессенджеров // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 1. С. 186–192.

кренности отношений, а об их отсутствии. По справедливому замечанию Т.А. Хагурова, «содержание такого общения обесценивает само понятие Дружбы и взамен предлагает суррогаты Смысла, Любви, Уважения, Долга, Верности»¹. А значит, компьютеризация не вытесняет, а разрушает духовно-нравственные связи. Ценными становятся только персональные личные интересы. А стереотипы современности ориентированы на получение удовольствий. Доминирование развлекательного контента, конечно, удовлетворяет потребность в удовольствиях, но не раскрывает смысла жизни, ее сложности, глубины существующих и возникающих проблем, не учит жить в реальных условиях, противостоять трудностям, справляться с разочарованиями и неприятностями, слушать другое, и не всегда лестное, мнение.

Виртуальность общения не требует соблюдения формализованных норм и правил поведения, исключает контроль со стороны родителей или педагогов и, следовательно, ответственность за аморальное или безнравственное поведение и возможное неодобрение или порицание со стороны оппонента.

Кроме того, большой поток неоднородной и неоднозначной информации в киберпространстве способен сформировать иллюзорные взгляды и ошибочные представления о происходящем, не просто нарушить процесс социализации, а повернуть его в криминогенное русло. В условиях широкого информационного поля разобраться в степени авторитетности и достоверности информации и ее источников крайне трудно любому потребителю.

Однако не столько информационная насыщенность, сколько ее бессистемность в содержательном плане представляет угрозу. Отсутствие четко сформулированных норм или правил поведения, критериев допустимого или запрещенного затрудняет определение вектора жизненного пути. В этой связи полагаем, что отсутствие четких требований к размещению и содержанию информации, форм ограничения доступа к ресурсам, способным негативно повлиять на нравственно-психологическое здоровье несовершеннолетних, и технических средств фильтрации опасного контента создает угрозу нормальному развитию ребенка.

¹ Хагуров Т.А. К вопросу о профилактике экстремизма в молодежной среде // Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции «Якаевские чтения» / отв. ред. Ю.Г. Макаренко. Краснодар, 2016. С. 158–162.

Но чтобы пресекать нежелательный контент, его следует знать. В условиях анонимности источника информации сделать это практически невозможно. Анонимность контента предполагает не только анонимность пользователя, но и анонимность источника, что опять же обесценивает личное общение и нивелирует цели социализации.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что сами пользователи (и здесь не имеют значения возраст, социальный опыт или уровень образованности) не подготовлены к особенностям коммуникации в киберпространстве. Виртуальность передачи и получения информации, финансовых и банковских операций, общения вне границ и расстояний обезличивает угрозы, исходящие из сети. К сожалению, родителям и подросткам не предложены инструменты, технологии защиты или алгоритм действий при столкновении с нежелательным контентом¹. Учитывая социальную незрелость несовершеннолетних, потенциальную криминогенность информационного пространства, в отношении последних как потребителей информации со стороны контролирующих органов должно быть властное предписание провайдером/администраторам социальных сетей, форумов, блогов и т.п. о соблюдении требований «безопасного интернета».

Н.Д. Бубербаев

ЦИФРОВИЗАЦИЯ – КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ КРУПНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. АСТАНА)

Особенностью крупного города, в том числе и г. Астана, является наличие специфических криминологически значимых факторов, влияющих на воспроизводство преступного поведения. В 1980–1990-х гг. советскими учеными был сформулирован ряд особенностей крупного города, влияющий как на воспроизводство, так и предупреждение преступности в нем². Эти особенности продолжают оставаться актуальными и по настоящее время.

¹ Белоусова А.Н., Ильиных В.В. Профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием социальных сетей и мессенджеров // *Общественная безопасность, законность и правопорядок* в III тысячелетии. 2023. № 9-1. С. 11–17.

² Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений : учеб. пособие для юрид. вузов и фак-тов. Минск : Университетское, 1986. С. 219.

Однако на современном этапе общественного развития одной из особенностей крупных городов, в частности г. Астана, является высокий уровень интеграции цифровых систем и продуктов в управлении городской инфраструктурой, финансовыми операциями и коммуникациями, обусловленный стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий.

В 2018 г. в столице Республики Казахстан было зарегистрировано 248 цифровых преступлений, их доля в структуре преступности составила 1%, в 2019 г. – 1 743 (9,9%), в 2020 г. – 2 748 (23,6%), в 2021 г. – 3 770 (27,9%), в 2022 г. – 4 403 (30%), в 2023 г. – 4 669 (31,4%), в 2024 г. – 4 621 (31,4%)¹.

Криминогенный потенциал цифровизации в условиях крупного города, как показало исследование, связан как с технологическими, так и социальными факторами, обеспечивающими совершение как цифровых, так и классических групп и видов преступлений.

Технологические факторы связаны, во-первых, с высокой развитостью и большим количеством цифровой инфраструктуры, доступным и высокоскоростным подключением к сети Интернет, в том числе через технологии беспроводной локальной сети – Wi-Fi, имеющиеся в открытом общественном доступе (в магазинах, кафе, в общественном транспорте и в иных общественных местах), облегчающие возможность совершения противоправных действий.

Во-вторых, доступность технологии анонимного подключения к информационно-коммуникационным сетям через «VPN», прокси-серверы и анонимные сети коммуникации, такие как «Tor», позволяют минимизировать риск обнаружения совершенных преступлений, аналогично как и лиц, их совершивших.

В-третьих, технологии, используемые в качестве инструментов для совершения преступлений, – это зашифрованные каналы связи, даркнет и инструменты для кибератак, ставшие доступными для широкого круга лиц, даже не обладающих профессиональными навыками в их применении.

В-четвертых, наличие большого количества незащищённых сетей, устаревшего программного обеспечения и слабой защищённости программных продуктов создает благоприятные условия для совершения преступных посягательств.

¹ По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 15.01.2025).

В-пятых, быстрое развитие технологических продуктов, таких как искусственный интеллект и блокчейн, способствует появлению новых форм, способов и средств преступной деятельности в цифровой среде, позволяющих криминальным элементам усваивать высокоэффективные технологические инструменты и методики, а также обходить существующие механизмы защиты, зачастую являющиеся неадаптированными к таким угрозам.

К социальным факторам, в первую очередь, следует отнести низкий уровень компьютерной грамотности отдельных групп населения (лица с низким уровнем образования или дохода, ограничивающим доступ к образованию и технологиям), не успевающих адаптироваться к новым технологическим условиям, когда городская среда становится все более цифровизированной. В результате они оказываются менее подготовленными к эффективному использованию современных средств защиты информации и персональных данных, что существенно повышает для них риск стать жертвой преступлений.

Во-вторых, высокая концентрация в крупных городах государственных и негосударственных организаций, предприятий, финансовых учреждений, ежедневно обрабатывающих огромные объемы транзакций и другие операции, осуществляемые в цифровом формате, а также граждан, активно использующих цифровые устройства (от компьютерной техники до мобильных смартфонов) и их продукты (мобильные приложения, интернет-банкинг, социальные сети и другие цифровые сервисы), увеличивает количество потенциальных объектов для преступных посягательств.

Рассмотренные криминогенные факторы преступности крупного города в эпоху цифровой трансформации не являются исчерпывающими, их нужно рассматривать как основу для научного осмысления и анализа в процессе дальнейших научных изысканий, результаты, которых позволят расширить и углубить знания о криминогенных факторах преступности крупного города.

Вместе с тем результаты анализа позволяют сделать вывод, что рассмотренные криминогенные факторы на современном этапе стали значимыми особенностями крупных городов, отражающими функциональные зависимости влияния интеграции цифровых технологий и их продуктов на воспроизводство как цифровых, так и классических групп и видов преступлений.

СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА КАК СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРОБАЦИИ¹

Показатели социально-ролевой характеристики личности несовершеннолетнего преступника имеют важное значение при разработке и реализации пробационных мероприятий².

Для целей эффективной реализации пробационных мероприятий, направленных на социализацию личности несовершеннолетнего преступника, необходимо учитывать качество выполнения несовершеннолетним до его осуждения социальных ролей в семье, в образовательном учреждении, в трудовом коллективе (если несовершеннолетний осуществляет временные или постоянные заработки), в кружках/секциях, в компании сверстников.

Поскольку семья является основным институтом социализации личности, а пробация направлена, в первую очередь, на ресоциализацию лиц, совершивших преступление, важнейшее значение с позиции социально-ролевой характеристики личности несовершеннолетнего преступника в данном контексте имеет качество выполнения им социальной роли члена семьи.

Качество это может раскрываться через более глубокий анализ сведений о психологических и эмоциональных контактах несовершеннолетнего с родителями или лицами, их заменяющими. Эти контакты могут быть как положительными, так и отрицательными. Несовершеннолетний может прислушиваться к мнению взрослых членов семьи, заботиться о престарелых родственниках, помогать дома по хозяйству, содействовать в воспитании младших братьев/сестер, ухаживать за домашними животными и т.д. Все это свидетельствует о положительном выполнении им соответствующей социальной роли в семье.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

² Ольховик Н.В. Рецидивная преступность несовершеннолетних, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2019. № 3 (40). С. 56–63.

Возможна и обратная ситуация, когда психоэмоциональные контакты между несовершеннолетним и взрослыми членами семьи преимущественно носят отрицательный характер, в домашних делах он им не помогает, не уважает семейные ценности и т.п. Такие сведения также необходимо принимать во внимание при разработке и реализации в отношении него пробационных мероприятий.

Важное значение для разработки эффективной стратегии ресоциализации несовершеннолетнего преступника имеют также сведения о качестве выполнения несовершеннолетним социальной роли обучающегося (в школе, колледже, вузе или ином образовательном учреждении). Так, сами по себе сведения о том, что осужденный является обучающимся, не означает, что у последнего имеются желание и планы продолжать обучение. Именно социально-ролевая характеристика лица раскрывает качество выполнения им социальной роли обучающегося (насколько успешно лицо проходило обучение, какова посещаемость, успеваемость и т.п.).

Таким образом, при анализе показателей социально-ролевой характеристики лица необходимо учитывать не только сам факт обучения в образовательном учреждении (факт трудоустройства), но и деятельность лица, выражающую его отношение к процессу обучения, работы, степень ответственности, добросовестности.

Тщательный анализ указанных сведений инспекторами, осуществляющими пробационные мероприятия, позволит не формально осуществлять эти меры, а ожидать от них положительного эффекта.

Д.В. Карелин

ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БРАЗИЛИИ

Предупреждение преступности несовершеннолетних уголовно-правовыми и специально-криминологическими мерами неразрывно связано с двумя возрастными границами лица как объекта предупреждения. Верхняя граница в большинстве случаев определяется возрастом, по достижении которого лицо считается совершеннолетним, а нижняя – минимальным возрастом уголовной ответственности.

В международных стандартах предупреждения преступности несовершеннолетних относительно этих границ содержатся положения

лишь рекомендательного характера, позволяющие учесть уровень психологического и социального развития, а также культурные, правовые и иные особенности государств.

В Конвенции ООН «О правах ребенка» (1989) рекомендации относительно верхней и нижней границы возраста ребенка как субъекта уголовной ответственности определены в ст. 1 и в ст. 40, п. 3 (а) соответственно. Так, «для целей настоящей Конвенции ребёнком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребёнку, он не достигает совершеннолетия ранее»; «Государства-участники устанавливают минимальный возраст, ниже которого дети предполагаются не способными нарушать уголовное законодательство»¹.

Аналогичные положения содержатся в «Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» (Пекинские правила, 1985). Правило 4.1 гласит, что «во всех правовых системах должны быть установлены четкие границы возраста, ниже которого ребенок не может нести уголовную ответственность»². Таким образом, правило не устанавливает единого (общего) стандарта возраста, но подчёркивает, что нижний порог должен быть четко определен, этот возраст должен соответствовать уровню развития ребёнка в конкретной стране.

Чуть более конкретную рекомендацию дал Комитет ООН по правам ребёнка в Общем комментарии № 10 (2007), указав, что «возраст уголовной ответственности не должен быть ниже 12 лет», и призвал страны повышать его как можно ближе к 14 годам.

В России, как и в большинстве зарубежных стран, эти две границы возраста уголовной деликтоспособности несовершеннолетних охватывают достаточно продолжительный период времени (от 14 до 18 лет). При этом и нижняя, и верхняя границы весьма существенно варьируют: от 12, 10 и даже 7 лет до 18, 19, 20 и даже 21 года.

Вместе с тем есть страны, в которых минимальный возраст уголовной ответственности совпадает с возрастом совершеннолетия.

¹ Конвенция ООН «О правах ребенка». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/

² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.). URL: <https://www.prlib.ru/item/1283421>

Так, в Конституции Федеративной Республики Бразилия (1988) нет отдельной статьи, которая прямо определяла бы возраст совершеннолетия. Однако Конституция Бразилии опосредованно признаёт, что именно 18-летие является порогом полной дееспособности. К такому выводу можно прийти через нормы, касающиеся избирательного права, военной службы и уголовной ответственности.

В частности, в ст. 228 Конституции Бразилии указано, что несовершеннолетние лица, т.е. лица, не достигшие 18 лет, не подлежат уголовной ответственности.

Непосредственно о совершеннолетии говорится в гражданском законодательстве Бразилии. Так, в ст. 5 Гражданского кодекса Бразилии (Lei nº 10.406/2002) закреплено, что «несовершеннолетие прекращается по достижении 18 лет, после чего лицо приобретает полную гражданскую дееспособность».

В соответствии со ст. 27 Уголовного кодекса Бразилии (Decreto-Lei nº 2.848/1940), «лица, не достигшие 18 лет, не подлежат уголовной ответственности и подлежат нормам, установленным специальным законодательством».

Таким образом, исходя из буквального толкования приведенных выше нормативных правовых актов Бразилии, следует вывод, что преступности несовершеннолетних как правового явления в Бразилии нет.

В бразильской научной литературе указывается, что фактически её (преступность несовершеннолетних) можно охарактеризовать как «нарушение» («infractional act»), которое представляет собой уголовные действия, совершаемые в обществе лицами в возрасте от 12 до 18 лет¹.

Означает ли это, что несовершеннолетние в Бразилии, нарушившие уголовно-противоправные запреты, выпадают из сферы предупреждения?

Ответ на этот вопрос содержится в ст. 228 Конституции Бразилии, в которой закреплено, что несовершеннолетние лица, т.е. лица, не достигшие 18 лет, не подлежат уголовной ответственности. Вместо этого они подлежат мерам, предусмотренным Законом (Статутом) о детях и

¹ Silveira F.M., Sousa F.J.S., Caetano A.L., Mendes C.H.M., Santos H.V.A., Santos R.C. Juvenile delinquency in Brazil and its legal implications // International Journal of Development Research. 2022. Vol. 12, Is. 03. P. 54521–54526. URL: <https://www.journalijdr.com/sites/default/files/issue-pdf/23922.pdf>. (дата обращения: 30.03.2025).

подростках № 8.069/1990 (Estatuto da Criança e do Adolescente, ECA) от 13 июля 1990 (вступил в силу в силу 27.09.90, далее – Статут, ECA). Этот Статут был принят для защиты прав детей и подростков и устанавливает принципы, которые должны руководить отношением общества и государства к несовершеннолетним. В случаях, прямо предусмотренных законом, Статут в исключительных случаях может быть применен к лицам в возрасте от восемнадцати до двадцати одного года.

В соответствии с ECA¹, возрастные категории определяются следующим образом: дети (criança) – лица, не достигшие 12 лет, и подростки (adolescente) – лица в возрасте от 12 до 18 лет. Эти возрастные категории используются для определения различных мер социальной защиты, которые могут быть применены к несовершеннолетним в зависимости от их возраста. Например, дети и подростки в этих возрастных группах могут быть подвержены различным видам поддержки и вмешательства со стороны государства, направленным на их развитие, образование и защиту.

В соответствии с ECA, к лицам от 12 до 18 лет могут быть применены социально-реабилитационные меры (medidas socioeducativas), которые не являются уголовным наказанием, но могут включать: предупреждение, обязательство возмещения ущерба, общественно полезные работы, ограничение свободы (до 3 лет, продлеваемо до 21 года), полную изоляцию (internação) – форма содержания в закрытом учреждении, а также возложение определенных обязанностей, например обязательное зачисление и посещение учебного заведения (matrícula e freqüência obrigatórias em estabelecimento oficial de ensino fundamental).

В самом общем виде указанные выше меры «напоминают» принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные ст. 90–92 Уголовного кодекса Российской Федерации. Полагаем, что их детальный сравнительный анализ, уяснение правовой природы этих мер, их места в системе предупреждения преступности несовершеннолетних могут (должен) быть предметом самостоятельного исследования.

¹ Закон № 8.069/1990 от 13 июля 1990 «Статут о детях и подростках» (Estatuto da Criança e do Adolescente, ECA). URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8069.htm#:~:text=A%20crian%C3%A7a%20e%20o%20adolescente%20t%C3%AAm%20direito%20C3%A0%20liberdade%2C%20ao,na%20Constitui%C3%A7%C3%A3o%20e%20nas%20leis (дата обращения: 30.03.2025).

И.И. Корнаков

ПРОБЛЕМАТИКА ВЫДЕЛЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ И ТЕОРИЙ

Основным понятием, используемым в криминологии применительно к детерминации преступности, можно считать термин «теория», который порой объединяется в «школы» или консолидируются иным термином.

Первым значимым употреблением термина «школа» в криминологии можно считать позицию Ч. Ломброзо, который употреблял термин «позитивистская школа» в контексте философско-этического учения светского толка, выступающего за развитие социальных учреждений, которое отождествлялось с именами Г. Спенсера, О. Конта и др.¹ Куда подробнее на идее позитивистской школы останавливался Э. Ферри, который указывал, что позитивистская школа уголовного права противостоит метафизической доктрине уголовного права. Последняя оперировала лишь легальным понятием преступления, в то время как новая школа основывается на иных методах изучения преступности, т.е. реального явления, посредством в том числе экспериментов и наблюдения как за социальными, так и биологическими причинами преступлений, потому она формируется из теорий биологических и антропологических, а также изучения уголовной статистики, которая отвечает на вопросы о социальной детерминации, а классическая (старая) школа – из уголовно-правовых теорий².

Известный американский криминолог Э. Сатерленда выделял 4 школы, которые разделял хронологически (по дате основания), детерминационно (по основе объяснения причин преступлений), методологически (с позиции преобладающего метода, методологии) и в этой связи разделял всю ту же Классическую-Неоклассическую школу (1765 год, гедонизм, кабинетное изучение преступности), Географическую (1830, экология, культура, соотношение населения как причины, изучаемые картографией и статистикой), Социалистическую (1850,

¹ Lombroso C. L'uomo delinquente : studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale ed alle discipline carcerarie. Milano, 1876. P. 87–88.

² Ferri E. Criminal sociology. New York, 1896. P. XVI.

экономический детерминизм, статистика), Типологическую, состоящую из Ломброзианской, Психиатрической и Интеллектуальной школ, и Социологическую школу (1915, группы и социальные процессы, клинические методы, статистика и полевые работы)¹.

В. Фокс выделял Классическую, Позитивистскую, Американскую и школу Социальной защиты. Но далее он начинает выделять 3 модели в современной криминологии: модель контроля, медицинскую и социогенную. При этом он употребляет термин «школа» применительно к Чикагскому университету (Чикагская школа), а в последующем крупные группы теорий начинает просто называть «теории»². Последнее характерно и для других зарубежных работ³.

Л.М. Прокументов в специальной работе по зарубежной криминологии разделял по приданию биологическому фактору большого значения школы на биосоциальные и социологические, внутри которых выделял группы теорий, состоящих из отдельных теорий⁴. Аналогично поступал и С.М. Иншаков, который разделял теории также по признаку их радикальности⁵. Чуть сложнее классификация у И.М. Клейменова, который выделял Классическую школу, Позитивистскую, Социалистическую, Постмодернистскую и Интегративную, которая подразумевает смешение выводов из разных школ и теорий⁶. Иные формулировки встречаются у Я.И. Гилинского, который выделял Классическую школу XVIII в., Позитивизм (XIX–XX вв.), состоящий из Биологического (антропологического), Психологического и Социологического направлений, и Современные криминологические теории⁷.

Таким образом, в основе выделения школ и теорий лежит и географический критерий, методологический, детерминационный и хроноло-

¹ Sutherland E., Cressey D.R. *Criminology*. 10th ed. Philadelphia, 1978. P. 54–55.

² Фокс В. Введение в криминологию / пер. с англ. М., 1985. С. 47–48, 62, 89, 121.

³ Siegel L.J. *Criminology: The Core*. Fourth Edition. Belmont, 2011. P. VIII–XI.

⁴ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. *Криминология в США и странах Западной Европы* : учеб. пособие. Томск, 1997. С. 3.

⁵ Иншаков С.М. *Зарубежная криминология* : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М., 2003. С. VII–VIII.

⁶ Клейменов И.М. Криминологические школы: от прошлого к будущему // *Вестник ОмГУ. Сер.: Право*. 2017. № 4 (53). С. 135–142.

⁷ Гилинский Я.И. *Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль*. Авторский курс. 4-е изд., перераб. и доп. СПб., 2018. С. 143–147.

гический, что осложняет их систематизацию, которая нам видится следующим образом. Низовым звеном следует считать теорию, которая отражает взгляды определенного автора (группы авторов) на определенную криминологическую тему и отличается некоторой новизной, причём теории могут быть детерминационными, методологическими и предупредительными (меры борьбы с преступностью), а также совмещающими несколько направлений – комплексными. При этом также можно говорить о теориях, посвященных отдельным видам преступности, например преступности несовершеннолетних. Ярким примером такой теории служат идеи Л.М. Прокументова, который активно выделял этапы формирования личности и связывал с ними те или иные причины преступности молодежи, в том числе влияние молодежной среды и взрослых, и предлагал соответствующие меры¹. Таким образом, он сформировал комплексную, но видовую теорию, группу которых можно именовать областью. Комплексные общие теории могут образовываться исходя из своей содержательной схожести «направления», например, антропологическое, психиатрическое, генетическое, анонии, социальной дифференциации и т.д.

Школой (научной) можно в соответствии с устоявшимся определением² именовать коллектив учёных, например, выделять Итальянскую антропологическую школу или Чикагскую школу, а собственно школы и направления объединять термином «концепция», а именно: волевая концепция (Ч. Беккариа, И. Бентам и Т. Хирш, Д. Мац), биологическая (Ч. Ломброзо и Р. Сапольски), социологическая (К. Маркс, Г. Тард и Дж. Янг и Э. Сатерленд).

¹ Прокументов Л.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: (Региональный аспект). Томск, 2004. С. 5–7, 21, 26.

² Дежина Е.Г. Тенденции развития научных школ в современной России. М., 2009. С. 9–10.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ст. 75–76.2 УК РФ

Освобождение от уголовной ответственности прочно закрепилось в правоприменительной практике в отношении лиц, совершивших нетяжкие преступления. Примерно каждое пятое уголовное дело, рассмотренное судом по существу предъявленного обвинения, прекращается по общим нереабилитирующим основаниям (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ). Очевидно, это делает проблему определения эффективности такого правоприменительного решения и пути ее повышения более актуальной.

Показателем эффективного освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, применением к нему судебного штрафа является последующее несовершение этим лицом преступления, т.е. отсутствие криминологического рецидива преступлений.

Наиболее доступной формой получения данных о состоянии преступности в России являются данные, публикуемые ежегодно Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, МВД РФ. Согласно отчету о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ (форма № 11.2), количество лиц, ранее совершавших преступления, складывается из лиц, ранее судимых и ранее юридически несудимых, которые, в свою очередь, включают в себя четыре группы, в том числе лиц, которые освобождались от уголовной ответственности (наказания) по нереабилитирующим основаниям. Помимо того, что наряду с освобождением от уголовной ответственности упоминается «освобождение от уголовного наказания по нереабилитирующим основаниям», хотя в уголовном законе по нереабилитирующим основаниям можно освободить только от уголовной ответственности, а не от наказания, вычленив конкретные основания освобождения от уголовной ответственности (наказания) не представляется возможным. Количество осужденных лиц, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности (наказания) по нереабилитирующим основаниям, приведено в итоговом отчете судебной статистики в общем числе осужденных лиц.

Основанное на официальной уголовной статистике определение уровня рецидива как доли лиц, вновь совершивших преступления, от общего числа преступников используется в большинстве современных работ, посвященных рецидиву преступлений. Рассчитанный таким образом уровень криминологического (фактического) рецидива преступлений, совершенных лицами, ранее освобожденными от уголовной ответственности, от общего числа осужденных составил всего 1–1,3%¹.

Между тем, опираясь на данные Судебного департамента при ВС РФ, т.е. сопоставляя количество осужденных с количеством лиц, имеющих неснятые и непогашенные судимости, можно говорить о состоянии и структуре рецидивной преступности за определенный период времени на определенной территории, но не об уровне рецидива. Структура рецидивной преступности складывается из преступных деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный промежуток времени после применения к ним уголовного закона. Это может быть выражено в назначении и исполнении наказания определенного вида, иных мер уголовно-правового характера, применении альтернативных мер уголовной ответственности, освобождении от уголовной ответственности. Поэтому уровень рецидивной преступности лиц в отношении каждой из этих мер (решений) будет различен и должен рассчитываться в отношении каждой отдельно. Неправильное определение базы порождает искажение реальной картины уровня фактического рецидива преступлений. Количество осужденных складывается из осужденных к различным видам наказаний, при расчете, к примеру, уровня постпенитенциарного рецидива доля рецидивистов необоснованно распределяется на все виды наказаний без возможности исключить из них наказания, не связанные с лишением свободы. В результате удельный вес постпенитенциарных рецидивистов искусственно уменьшается.

Если же речь идет о рецидиве преступлений в криминологическом аспекте, то принципиально важно, как повлияло назначенное наказание, иная мера уголовно-правового характера на исправление лица. Именно количество лиц, которым был назначен тот или иной вид нака-

¹ Сипягина М.Н. Значение криминологического (фактического) рецидива в системе множественности преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2020. С. 19.

зания, является целым по отношению к части – количеству лиц, совершивших повторное преступление после отбытия этого же наказания. Такой подход может использоваться и при освобождении от уголовной ответственности. Данные же, полученные иным способом, не могут свидетельствовать об успешности или неуспешности применимых мер, а в нашем случае правоприменительных решений, потому что они считаются не по отношению к тем, к кому эти меры (решения) были применены, а ко всем лицам, совершившим преступление.

Поскольку такая информация не отражена в судебной статистике, необходимо более трудоемкое и сложное криминологического исследование лиц, освобожденных от уголовной ответственности по тому или иному нереабилитирующему основанию, с последующим изучением поведения указанных лиц на предмет совершения преступления вновь. Выявленный таким образом уровень рецидива преступлений всегда выше, чем при его определении как доли от общего числа всех осужденных¹.

Н.В. Ольховик

НУЖДАЕМОСТЬ «КЛИЕНТА» ПРОБАЦИИ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ²

Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» предусматривает, что пробация применяется в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации³. В научной литературе «трудная жизненная ситуация» рассматривается как «ситуация повышенного риска, создающая условия для возникновения

¹ По данным В.В. Городнянской, официальный уровень рецидивной преступности меньше уровня рецидива лиц, освобожденных из колонии общего режима, на 29%, лиц, освобожденных из колонии строгого режима, – на 3,6% из числа осужденных впервые за совершение особо тяжких преступлений. Городнянская В.В. Постепенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 8.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

³ Федеральный закон от 06.02.2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф., сетевая (дата обращения: 23.01.2025).

реакций дезадаптации (определенных кризисных состояний)¹, «...система объективных и субъективных элементов, объединяющихся в жизнедеятельности субъекта в определенный временной период»², «отношение между ним и окружающей действительностью»³, «одно обстоятельство или несколько из них, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц»⁴. Ранее действовавший Федеральный закон № 195-ФЗ от 1995 г. «Об основах социального обслуживания населения в РФ» определял трудную жизненную ситуацию как ситуацию, «которая либо объективно нарушает жизнедеятельность, либо субъективно воспринимается как сложная и не может быть преодолена самостоятельно»⁵. Следует согласиться с тем, что «определение жизненной ситуации как «трудной»⁶ всегда означает и установление индивидуальной нуждаемости⁷.

Поскольку индивидуальная нуждаемость «клиента» пробации характеризует личность осужденных, находящихся на пробации, свидетельствует о проблемах их ресоциализации или социальной адаптации, позволяет изучать причины рецидивной преступности с точки зрения выявления средовых и личностных компонентов, определяющих эту преступность, постольку исследование данной категории в криминоло-

¹ Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб. : Речь, 2005. 400 с.

² Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2007. С. 16. URL: <https://nevapmsc.ru/wp-content/uploads/rmoppmk18.pdf?ysclid=m2x6jav19773660113> (дата обращения: 09.01.2025).

³ Гришина Н.В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.01.2025).

⁴ Плешаков А.М., Тарасов М.Ю., Краева Н.В. Принцип учета индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей в федеральном законодательстве // Юридическая гносеология. 2024. № 6. С. 166.

⁵ Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10.12.1995 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф., сетевая (дата обращения: 23.01.2025).

⁶ См.: Бушуев И.С. К вопросу отнесения жизненной ситуации к категории трудной для реализации целей и задач института пробации в России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 9. С. 8–15.

⁷ См.: Плешаков А.М., Тарасов М.Ю., Краева Н.В. Принцип учета индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей в федеральном законодательстве // Юридическая гносеология. 2024. № 6. С. 166.

гии просто необходимо. Как известно, объектом изучения криминологии являются преступность, личность преступника, детерминанты преступности и предупреждение преступности. В этой связи комплексное изучение индивидуальной нуждаемости «клиента» пробации необходимо для решения криминологических задач по определению состояния, структуры и динамики рецидивной преступности, установлению ее детерминант, изучению личности лица, совершившего преступление, разработке мер предупреждения рецидивной преступности.

Исполнительная пробация как комплекс мер, направленных на ресоциализацию и социальную адаптацию осужденных, предполагает необходимость всестороннего изучения личности «клиентов» пробации, их социально-демографических, социально-ролевых, уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и психологических особенностей. Исследование, проведенное по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043, показывает, что по половому признаку большинство из них – это лица мужского пола, более половины – в возрасте 30–45 лет. Несмотря на это, каждый третий нигде не работает. По уровню образования среди «клиентов» пробации преобладают лица со средним общим и средним профессиональным образованием. Значительная часть осужденных, находящихся на исполнительной пробации, имеет неблагоприятные социальные характеристики: систематически употребляют алкоголь, ведут асоциальный образ жизни, утратили социально полезные связи, склонны к бродяжничеству, являются носителями социально значимых заболеваний (туберкулез, ВИЧ, гепатиты). Полученные данные свидетельствуют, что лица, в отношении которых осуществляется исполнительная пробация, представляют собой достаточно сложную для исправления категорию осужденных. Проведенное исследование в различных субъектах Российской Федерации показывает, что «клиенты» пробации нуждаются в содействии в получении медицинской помощи, выборе медицинской организации и получении полиса обязательного медицинского страхования, в получении социальной помощи, психологической помощи, содействии в получении образования, трудоустройстве, налаживании отношений с семьей. Аналогичные особенности, обстоятельства и потребности были выявлены нами при исследовании осужденных без изоляции от общества, совершивших новое преступление¹.

¹ См.: Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Издательство Томского университета, 2009. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000379643>

Таким образом, индивидуальная нуждаемость «клиента» пробации должна рассматриваться как криминологическая категория, которая влияет на состояние, структуру, динамику рецидивной преступности, ее детерминанты, характеризует личность лица, совершившего преступление, и влияет на определение мер предупреждения рецидивной преступности.

М.Ю. Пучнина

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА В РОССИИ

В криминологии для обозначения причинного комплекса преступности используют понятие «детерминанты», под которыми следует понимать комплекс социальных явлений, совместное воздействие друг на друга которых порождает преступные проявления.

Причины непосредственно порождают преступления экстремистской направленности как закономерное следствие. При этом способствовать развитию экстремизма или послужить катализатором для его всплеска могут самые различные условия. Тем не менее истинными причинами, на которых и строится конфликт самого разного характера, будь то национальный, политический или религиозный, будут являться неустранимые противоречия, которые могут быть как исторически сложившимися, иметь длительное существование и развитие, так и возникнуть за относительно короткий период времени¹. Причины развития экстремизма в России можно условно разделить на:

– истинные в виде неустранимых противоречий самого разного толка;

– казуальные, т.е. те события, которые послужили катализаторами для развития уже назревшего конфликта под воздействием истинных противоречий.

В качестве таких могут выступать какие-либо резонансные, общественно и социально значимые события.

¹ Карабаш Д.В., Гомлешко Р.Р. Молодежный экстремизм в условиях трансформации молодежной субкультуры: проблемы взаимовлияния // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3. С. 73.

В свою очередь, очевидно, что причины могут быть политического, националистического, сепаратистского, этнографического, религиозного, психологического, географического, социального, экономического и другого характера. Внутри данных отношений рождаются часто неустранимые противоречия, для преодоления которых одна из сторон или сразу обе стороны прибегают к экстремистским мерам и террору. Данную группу причин принято относить к постоянным, так как они во все времена оказывают влияние на экстремизм. Особенно актуально это для России, так как она обладает уникальными геополитическими характеристиками: огромная территория, многонациональное население, разность традиций и обычаев народов, неравномерное региональное социально-экономическое развитие¹.

Перечисленное, без сомнения, сказывается на общественной стабильности, может создать угрозы безопасности граждан. Однако даже самые острые противоречия в общественных отношениях далеко не всегда приводят к совершению экстремистских преступлений. Для этого необходимо наличие еще одной важной детерминирующей составляющей в виде условий, которые, с одной стороны, позволяют реализоваться причинам экстремизма, а с другой – могут способствовать формированию новых причин². Тем самым прослеживается четкая взаимосвязь между причинами и условиями, которые, влияя друг на друга, выступают детерминирующими факторами экстремизма.

В отличие от предыдущей данную группу условий можно назвать временной, поскольку это различного рода кризисы во время смены экономических, идеологических и политических устоев общества. Такие изменения непременно сопровождаются кризисами и «перегибами» в принятых государственных решениях, в связи с чем ими закладывается основа для распространения экстремистской идеологии.

Во время таких переломных моментов происходят кризис власти и ее институтов, политическая нестабильность, экономические кризисы,

¹ Иванченко Р.Б. К вопросу о предупреждении этнорелигиозного экстремизма // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-2. С. 46–49.

² Миненко П.В., Поправко А.С. Противодействие экстремистским сообщениям в сети Интернет // Актуальные вопросы противодействия экстремизму и терроризму : сб. материалов межвузовского круглого стола, Воронеж, 12 ноября 2014 года. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2015. С. 39–42.

обесценивание или переоценка основополагающих человеческих ценностей – жизнь, здоровье, развитие личности, занятость в общественно полезном труде¹. Все это находит свое отражение в политических конфликтах, межпартийной борьбе, национальных конфликтах и создает благоприятную среду для распространения преступности в целом, в том числе экстремистской направленности².

В такой ситуации установить контроль над преступностью и остановить распространение экстремизма можно только посредством стабилизации экономической, общественной, социальной и политической жизни.

В.Н. Смылова

ДЕСТРУКТИВНЫЙ КОНТЕНТ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЛИЯНИЕ НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Состояние современного общества способствует деформации персонифицированных ценностно-смысловых конструктов, девиации, ослаблению стилей защитно-совладающего поведения³.

В настоящее время в научном дискурсе большое внимание уделяется формированию и распространению в информационно-телекоммуникационном пространстве различных деструктивных ресурсов (деструктивного контента⁴), представляющих потенциальную опасность

¹ Кулешов А.А. Профилактика вовлечения несовершеннолетних посредством сети Интернет в совершение экстремистских преступлений // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : сборник материалов международной научно-практической конференции : в 2 ч. Воронеж, 25 мая 2017 г. Ч. 1. Воронеж : Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 93–94.

² Польшиков А.В., Демидова О.В. Новый взгляд на проблему вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 3. С. 206–214.

³ Клейберг Ю.А. Девиантогенная ментальность развивающейся личности // Психология обучения. 2016. № 3. С. 41.

⁴ Шуликов К.А. Административно-правовые основы противодействия распространению деструктивного контента в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. С. 13.

для психического, физического здоровья и благополучия населения, особенно для несовершеннолетних.

Экспертами Регионального общественного центра интернет-технологий (РОЦИТ)¹ разработан категоризатор деструктивного сетевого контента, включающий четыре блока информации, видео, изображений и пр. в зависимости от юридико-правового и нравственно-этического критериев оценки их потенциальной общественной опасности.

Исследования, посвященные появлению новейших *информационных манипулятивных когнитивных и поведенческих технологий управления*² (далее – ИМКПТУ), в том числе латентного характера, свидетельствуют о неготовности большого количества людей к принятию существующих информационных технологий и формированию потребности индивидов к альтернативным формам бытия³. Посредством ИМКПТУ распространяются псевдорелигиозные, националистические, экстремистские идеи, провоцирующие определенные группы населения на силовое противодействие государству, в том числе вовлечение в массовые беспорядки и несанкционированные акции протеста, в некоторых случаях трансформирующиеся в экстремистские преступления⁴; лица подросткового возраста и молодежь подвергаются негативному влиянию деструктивных движений суицидальной, экстремистской и околоэкстремистской направленности⁵. Некоторые авторы отмечают у населения формирование психологической зависимости от

¹ В России разработали категоризатор деструктивного контента. 23.12.2022 // Региональный общественный центр интернет-технологий. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16671093> (дата обращения: 17.01.2025).

² Термин приводится в авторском изложении.

³ Волков С.Н. О деструктивных тенденциях информационного общества // Инновационная наука. 2020. № 7. С. 43–44.

⁴ Дамаскин О.В., Красинский В.В. Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2024. № 3. С. 148–155; Слабская Д.Н., Новиков А.В., Ноздрин А.В. Политический механизм радикализации протестной деятельности // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 5А-6А. С. 127–128.

⁵ Кобец П.Н., Краснова К.А., Колесников Р.В. Особенности и профилактика суицидальных проявлений несовершеннолетних в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 3. С. 148–155.

современных игровых технологий, близкой к патологическому уровню зависимости¹.

Исходя из уровня сформированности ценностно-мотивационной и волевой сфер личности, подобное информационно-психологическое воздействие может оказывать влияние на становление определенного типа совладающего поведения пользователей информационно-коммуникационных технологий: от волевого поведенческого акта до контрпродуктивной поведенческой деятельности (поведенческая аддикция)².

К числу ИМКПТУ мы предлагаем отнести следующие виды технологий: геймификацию (игрофикацию); астротурфинг; онлайн-шейминг; треш-контент; троллинг; буллинг; шуттинг; фейкинг («фейк-нюз»)³ и др.

¹ Дьячек П.Э., Арцыбашев И.Г. Возможные способы защиты подростков от влияния деструктивного контента в социальных сетях // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2022. С. 159–160; Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Патологические психические зависимости как международная проблема // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Вып. 5. С. 117.

² Приводится по итогам проведенного нами анализа типологии личности преступников-коррупционеров. См.: Краснова К.А., Смыслова В.Н. Личность преступника-коррупционера с позиции теории психолого-девиантологического анализа // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов : сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Луганск, 15 ноября 2024 г.) / под ред. А.М. Моисеева, С.В. Кондратюка. Самара, 2024. С. 90.

³ Меркурьев В.В., Хлопкова О.В., Клементьев А.С. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1 (17). С. 87–95; Гришунина Ю.Б. Астротурфинг в политике как способ формирования общественного мнения // Русская политология. 2022. № 4 (25). С. 43–48; Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С. Провакс- и антивакс-шейминг как один из видов конфликтной интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 94–111; Богатырев К.М. Треш-контент как форма информационных угроз медиabezопасности в цифровой среде // Юрислингвистика. 2022. № 24. С. 38–44; Коняева Ю.М. Троллинг как коммуникативный феномен (из наблюдений над культурно-просветительскими медиатекстами) // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 27, № 18 (215). С. 140–144; Амирова Д.К., Куницына Ю.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за кибербуллинг // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7, № 1 (13). С. 12–16; Клейберг Ю.А. Шуттинг как психолого-девиантологический феномен //

В целях защиты детей и молодежи от распространения деструктивной идеологии внесены изменения в ч. 2 ст. 5 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹; на стадии рассмотрения находится Законопроект № 757988-8².

Таким образом, проблема распространения деструктивного контента требует применения междисциплинарного подхода, интегрирующего знания в области психологии управления, возрастной психологии, патопсихологии, конфликтологии, юриспруденции, а также результатов систематического мониторинга общественных мнений, настроений, в том числе протестных, изучения каналов и механизма радикализации различных категорий населения.

М.А. Стародубцева

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 205.2 УК РФ, СОВЕРШЕННЫХ УЧАЩИМИСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Об активной пропаганде терроризма и призывах к осуществлению террористической деятельности среди молодежи говорится в п. 22, 27

Вестник экспериментального образования. 2020. № 1 (22). С. 1–11; Закомолдин Р.В., Агапов П.В., Дулькина Л.В. Фейкинг как инструмент дискредитации армии и деструктивного воздействия на общество: уголовно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2 (105). С. 75–82.

¹ Федеральный закон от 08.08.2024 № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://government.ru/docs/all/154697>

² Законопроект № 757988-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” (в части отнесения информации, оскорбляющей или отрицающей традиционные российские духовно-нравственные ценности, к запрещенной для распространения среди детей)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/757988-8> (дата обращения: 17.01.2025).

новой Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 28.12.2024 № 1124¹. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) указанные формы террористической деятельности квалифицируются по ст. 205.2 (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма).

В 2024 г. зарегистрировано 2 553 факта террористической деятельности (+49% к 2023 г.)². Тенденции террористической преступности за период 2022–2024 гг. обусловлены, помимо прочего, значительным ростом показателей по преступлениям, предусмотренным ст. 205.2 УК РФ (2022 г. – 564, +43,5%; 2023 г. – 638, +113%; 2024 г. – 659, +103%).

Удельный вес ст. 205.2 УК РФ в общей структуре террористической деятельности за период 2022–2024 г. увеличился с 25,2 до 26,8%.

Согласно использованным нами статистическим данным за 2017–2024 гг., деяния, предусмотренные ст. 205.2 УК РФ, совершают лица 18–28 лет³. Исходя из проведенных расчетов, удельный вес осужденных по ст. 205.2 УК РФ учащихся образовательных организаций профессионального образования в общей массе осужденных возраста 18–28 лет составляет за период 2018–2024 гг. в среднем 28,07%, а удельный вес осужденных учащихся образовательных организаций высшего образования – в среднем 31,4%.

Причинный комплекс данной преступной деятельности характеризуется рядом взаимосвязанных и взаимообусловленных криминогенных факторов:

а) криминогенные факторы макросреды: социально-экономические, культурно-национальные, религиозные, такие как нахождение в одной образовательной организации обучающихся разных этнических групп и конфессий, в том числе прибывших из очагов террористической

¹ Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

² Статистика и аналитика МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения 16.01.2025).

³ Статистические данные по преступлениям террористической направленности на территории РФ // Обзор. НЦПТИ. 2021. № 4 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-dannye-po-prestupleniyam-terroristicheskoy-napravlennosti-na-territorii-rossii> (дата обращения: 15.01.2025).

напряженности; духовно-нравственные: целенаправленное разжигание в СМИ и сети Интернет националистических, экстремистских и террористических настроений и др.;

б) криминогенные факторы микросреды: разрушение коммуникативной функции семьи и образовательной организации и поиск собеседников в сети Интернет; отсутствие в образовательных организациях механизмов предупреждения деструктивных процессов и преступлений, низкий уровень нравственного и патриотического воспитания, распространение в свободном доступе материалов и информации, формирующих идеологию терроризма с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Также в результате проведенного исследования выявлен перечень условий совершения преступления, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ.

Для характеристики личности преступника нами определены критерии установления групп риска совершения преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, среди учащихся образовательных организаций профессионального и высшего образования и на их основе выделены следующие категории учащихся:

– «Исполнитель». Лица мужского пола от 18 до 21 года, нетрудоустроенные и не состоящие в браке, жители городских районов, склонные поддаваться идеологическому воздействию идей неонацизма и националистического радикализма, ранее участвовавшие в протестных акциях, ранее открыто выражавшие свое положительное отношение к террористической деятельности, ранее размещавшие в открытом доступе в сети Интернет публикации, свидетельствующие об интересе к осуществлению террористической деятельности. У данных лиц формируется установочное поведение на совершение преступной деятельности.

– «Организатор». Лица мужского пола от 22 до 28 лет, нетрудоустроенные и не состоящие в браке, жители городских районов, имеющие выраженные лидерские качества, ранее участвовавшие в организации протестных акций, в том числе в сети Интернет, ранее выступающие создателями и администраторами интернет-сообществ, посвященных террористической деятельности, обладающие психологическими признаками «темной триады личности» (нарциссизм, макиавеллизм, психопатия). Данные лица обладают устойчивым преступным поведением, направленным на совершение преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ.

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Представляется, что вопросы, связанные с преступностью подрастающего молодого поколения, не нуждаются в дополнительной актуализации. В многочисленных исследованиях отечественных специалистов в области криминологии, уголовного права, психологии, девиантологии и т.д. они получили достаточное освещение. Тем не менее, многие дискуссионные вопросы остаются таковыми в силу различных концептуальных подходов, связанных, например, с определением границ молодёжной преступности, её криминологически значимых параметров, характеристик и т.д. И если с преступностью несовершеннолетних, вернее, с определением её признаков, у преобладающего большинства исследователей наблюдается относительное единообразие в их определении, то с молодёжной преступностью все обстоит более сложно. В первую очередь, это связано с определением базовых для исследователя категорий, выступающих «отправной точкой» в дальнейшем гносеологическом поиске. Например, какую часть населения относить к молодёжи? Что брать за основу в определении возрастных границ рассматриваемой социальной страты и т.п.? Ведь изучение того или иного объекта, рассмотрение его характеристик, анализ его свойств должны опираться на чёткое понимание этого объекта. Определение молодёжи, молодёжного возраста, молодого поколения носит весьма условный характер. Например, в актах государственного регулирования¹ молодёжный возраст определён в параметрах от 14 до 35 лет. А, например, согласно действующей классификации Всемирной организации здравоохранения, к молодому возрасту относят людей до 44 лет. В научной литературе также неоднозначно трактуются границы молодёжного возраста. И это вполне объективно, поскольку каждая отрасль знания закладывает свои специфичные и необходимые

¹ Стратегия реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 года № 2233-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOftXWhrMlzKFCgIqqO7>

для неё критерии. Психология, социология, медицина, педагогика по-разному определяют для себя, кого необходимо рассматривать в качестве представителей молодого поколения. В рамках криминологических исследований, их результатов, также неоднозначно решается вопрос о том, кто такая молодёжь, какими нижними и верхними возрастными границами определять эту социальную категорию. Одни авторы в качестве границ обосновывают период 18–21 год, другие оперируют периодом 18–24 года, третьи – 18–29 лет и т.д.¹ Как видим, особые различия заключаются только в определении верхней границы молодёжного возраста. Что касается нижнего предела, то основная масса исследователей вполне единодушно определяет его возрастом 18 лет. И это вполне закономерно даже исходя из законодательных установлений (ст. 87 УК РФ) и сложившихся классических подходов к пониманию и определению преступности несовершеннолетних. Тем не менее мы можем встретить и точки зрения авторов, которые «смещают» нижнюю границу молодёжи до 14 лет и, соответственно, включают в объём молодёжной преступности и преступность лиц в возрасте от 14 до 18 лет. На наш взгляд представляется необходимым ответить на вопрос, а как между собой соотносятся два, по сути, самостоятельных вида преступности: преступность несовершеннолетних и молодёжная преступность? Есть ли между ними существенные и криминологически значимые отличия, как раз и позволяющие их выделение в качестве самостоятельных объектов криминологического (и не только) изучения? Или, например, преступность несовершеннолетних – это часть молодёжной преступности? Автономны ли они по отношению друг к другу? Думается, что ответы на эти вопросы весьма неоднозначны. Тем не менее позволим себе высказать следующее. Несомненно, что существуют чёткие формальные критерии определения возрастных границ преступности несовершеннолетних. Уже достаточно давно получили своё подтверждение и её специфические черты, особенности, криминологически значимые характеристики. Однако если посмотреть на преступность несовершеннолетних под несколько иным углом зрения, то можно с определённой степенью уверенности констатировать следующее. Данный вид преступности имманентно входит в более широкую,

¹ Подробнее см.: Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М. : Юрист, 2006. С. 16–19.

на наш взгляд, категорию – молодёжная преступность. И, с точки зрения выстраивания алгоритмов политики по предупреждению и преступности несовершеннолетних, и молодёжной преступности, оба этих вида нужно рассматривать в единстве (при этом, естественно, нужно учитывать, например, особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и лиц, достигших 18-летия). Поскольку, например, несовершеннолетние преступники, гармонично преодолевая планку достижения совершеннолетия (18 лет), становясь формально «взрослыми», по базовым и криминологически значимым параметрам (например, социально-ролевые, нравственно-психологические характеристики) не имеют кардинальных отличий от тех, кто находится в возрасте 14–17 лет. И это не единственный аргумент в пользу необходимости изучения преступности несовершеннолетних и молодёжной преступности в синергетическом единстве.

А.Ф. Федоров

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ДОКУМЕНТОВ, СОВЕРШАЕМЫХ МИГРАНТАМИ

Проблема преступности мигрантов, обострившаяся в настоящее время, привлекает к себе все большее внимание, как со стороны органов власти, так и со стороны рядовых граждан, которые совершенно справедливо недовольны сложившейся ситуацией. Преступления мигрантов во многом носят насильственный характер, они часто сопряжены с экстремистскими и террористическими проявлениями, всегда вызывают значительный общественный резонанс в связи с их высокой общественной опасностью, дерзостью совершения, тяжкими последствиями.

Вместе с тем мигрантами совершаются и иные преступления, которые не вызывают большого общественного резонанса в силу того, что последствия их совершения не такие тяжкие как при насильственных посягательствах, и поэтому гораздо реже находят отражение в средствах массовой информации.

К такой группе преступлений, прежде всего, относят противоправные посягательства, связанные с незаконным оборотом документов.

Повышенное внимание к данной проблеме привлекает тот факт, что, по данным Официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за первое полугодие 2024 г., практически половину всех осужденных по ст. 327 УК РФ, а именно 2 496 человек из 4 990, составили мигранты – граждане иностранных государств и лица без гражданства¹.

Спектр противоправных деяний мигрантов, связанных с незаконным оборотом документов, достаточно широк и включает в себя такие правонарушения, как изготовление поддельных паспортов, виз, удостоверений личности, водительских удостоверений, медицинских книжек и целый ряд других деяний.

Все эти документы необходимы мигрантам для незаконного въезда или пребывания в стране, для получения работы, на которую они юридически не имеют права, для получения пособий или услуг, которые им также не положены, для предотвращения высылки из страны и иных целей.

Проблема также обостряется тем обстоятельством, что незаконный оборот документов создает благоприятные условия для совершения гораздо более опасных преступлений. К ним относятся мошенничество, незаконная предпринимательская деятельность, уклонение от налогов, получение кредита или льготных условий кредитования на незаконных основаниях, а также множество других противоправных действий, совершение которых становится не только возможным, но и значительно облегчается благодаря использованию поддельных документов.

С учетом изложенного полагаем, что происходящие в настоящее время существенные законодательные изменения, направленные на совершенствование миграционной политики нашего государства, должны быть продолжены с целью обеспечения значительного сокращения противоправных посягательств, совершаемых мигрантами. При этом важнейшая роль должна быть отведена правоохранительным органам и в первую очередь органам полиции, которые имеют достаточно обширный арсенал средств и методов по реализации профилактической работы, включая налаживание тесного регионального, меж-

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_1_polugodie_2024/k5.1-svod_vse_sudy-1-2024.xls (дата обращения: 1.03.2025).

регионального и международного сотрудничества со всеми государственными и международными структурами и организациями, заинтересованными в повышении эффективности работы, направленной на снижение преступности мигрантов, в том числе связанной с незаконным оборотом документов.

О.В. Филиппова

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В криминологической литературе понятию форм профилактики рецидива не уделяется должного внимания. Во многом это связано с тем, что в науке и практике не выработано единого определения данного понятия; нередко допускается смешение форм, уровней и видов профилактики. Так, одни авторы, говоря о формах профилактики, называют общесоциальную и специально-криминологическую профилактику¹, другие именуют их уровнями², третьи – видами³.

Формы профилактики рецидива не определены и законодательными актами. Так, Инструкция о профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), предусматривает, что «профилактика правонарушений обеспечивается путем охраны, изоляции и надзора за лицами, содержащимися в учреждениях УИС, их размещения в соответствии с законом, выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушений, разработки и осуществления мер по их устранению (общая профилактика), установления лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушений, и принятия мер по оказанию на них необходимого воздействия (индивидуальная профилактика)»⁴.

¹ Кудрявцев А.В., Михайлов А.Е. Криминология (общая часть). 2020. URL: <https://be5.biz/pravo/k046/index.html>

² Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 198.

³ Гербеков И.И. Понятие и виды профилактики правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 100.

⁴ Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утв. Приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 // Российская газета. 2013. 5 июня. № 119.

В литературе применительно к профилактике семейно-бытового насилия высказано мнение о том, что формы профилактики – это «определенный нормативными правовыми актами вид индивидуального профилактического воздействия в отношении лиц, указанных в пп. “а” п. 33 Приказа МВД России от 29.03.2019 № 205, направленного на предупреждение недопущения совершения ими соответствующей группы правонарушений, а также воспитание у них потребности в соблюдении прав и свобод граждан, объединенных в нем родством и (или) семейно-бытовыми отношениями»¹. Представляется, что данное определение обладает рядом неточностей: во-первых, в нем смешиваются понятия «форма» и «вид» профилактики, во-вторых, оно содержит противоречивое словосочетание «предупреждение недопущения совершения правонарушений», которое лишено смысла (так как означает предотвращение профилактики).

Как известно, форма есть внешнее выражение чего-либо, обусловленное определенным содержанием, сущностью; способ существования содержания². Следовательно, формы профилактики преступного поведения представляют собой способы выражения деятельности по недопущению преступлений, ее внешнее выражение.

Федеральным законом от 26.06.2016 г. № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» закреплены такие формы профилактического воздействия: правовое просвещение и правовое информирование; профилактическая беседа; объявление официального предостережения о недопустимости действий и др. (ст. 17); предусмотрены виды профилактики – общая и индивидуальная³.

Под формами профилактики рецидива преступлений как повторного преступления со стороны лица, имеющего неснятую и непогашенную судимость за ранее совершенное преступление, следует понимать определенные законодательством способы выражения деятельности по

¹ Заброда Д.Г., Куряшкин А.Н., Соколов В.А. Характеристика основных форм профилактического воздействия участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих насилие в семейно-бытовой сфере // Юрист-Правоведь. 2021. № 2 (97). С. 169.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

³ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3851.

недопущению преступного поведения со стороны лиц в период действия судимости. С этих позиций формами профилактики рецидива будут выступать административный надзор, контроль за поведением осужденных, проводимые с осужденными и освобожденными беседы, постановка на профилактический учет полиции¹, контроль за поведением лиц, освобожденных от наказания условно-досрочно, а также ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация².

¹ Инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утв. Приказом МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности». URL: <https://base.garant.ru/72288134/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>

² «О пробации в Российской Федерации»: Федеральный закон от 6.02.2023 г. № 10-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Н.А. Арефьев

«ДЕВАЛЬВАЦИЯ» МЕР ПОощРЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Действующее уголовно-исполнительное законодательство (ст. 9 УИК РФ) одной из целей наказания отмечает исправление осужденных, под которым понимается формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Достижение данной цели основывается в том числе через законодательно закрепленную систему мер стимулирования правопослушного поведения осужденных. Одним из важных составных элементов позитивного стимулирования правопослушного поведения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях, является институт мер поощрения (ст. 113 УИК РФ). Он представляет собой определенную группу правовых норм, содержание которых составляют корректирующие элементы (стимулы), используемые для стимулирования поведения осужденных¹. Меры поощрения играют роль конкретных стимулов правопослушного поведения, которые призывают к определенному желаемому поведению. Еще ранее выделялась классификация правовой системы мер стимулирования, предложенная В.А. Уткиным²:

1. Меры поощрения: (единичные; меры, изменяющие правовое положение осужденных в рамках режима отбывания наказания; меры, изменяющие режим отбывания наказания; меры, ведущие к освобождению от наказания (частично или полностью)).

¹ Мухтарова Ю.Ш. О мерах поощрения и взыскания, применяемых к осужденным в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1 (17).

² Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Особенная часть. Томск : Томский госуниверситет, 1995.

2. Меры, имеющие потенциально стимулирующее значение: (указанные в законе; меры латентного стимулирования (законные, незаконные, педагогически обоснованные и педагогически необоснованные)).

Результаты анализа применения мер поощрения за 2023 г. к осужденным в исправительных колониях приводят к выводу о необходимости их корректировки. Это связано с тем, что меры поощрения не могут быть одинаково применимы ко всем осужденным в силу специфики материально-технического обеспечения исправительных учреждений, социального статуса осужденных. Поскольку построение любой системы строится на принципах, то и система мер поощрения должна отвечать следующим требованиям, разработанным Ю.В. Голиком¹: экономии, выгоды, шанса, своевременности, соразмерности и гарантированности.

Несмотря на постоянную работу по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, практики исполнения наказания в виде лишения свободы, реализуемая в том числе в рамках Концепции развития УИС до 2030 г.² система мер поощрения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, нуждается в существенном дополнении и корректировке. Проблемы стимулирования правопослушного поведения осужденных охватывают несколько ключевых аспектов: во-первых, отсутствие мотивации, так как у осужденных может отсутствовать заинтересованность к совершенствованию своих положительных качеств из-за негативной позиции к собственной судьбе; во-вторых, малоэффективные средства реабилитации и профилактики: часто комплекс мер, направленный на социализацию и обучение, не всегда принимает во внимание потребности и интересы самих осужденных; в-третьих, неблагоприятное окружение: коллектив осужденных может негативно влиять на других, тем самым заставляя агрессивно воспринимать происходящее и противодействовать сотрудничеству; в-четвертых, отсутствие «справедливой» структуры поощрений: непрозрачные механизмы назначения и реализации мер поощрения могут негативно сказаться на доверии к системе в целом. Тем самым

¹ Голик Ю.В. Принципы поощрения в уголовном праве // Проблемы правоведения в современный период: сборник / под ред. В.Ф. Воловича. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990.

² Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

наблюдается процесс снижения значимости и эффективности мер поощрения в их восприятии осужденными, т.е. «девальвация» мер поощрения. Это может проявляться в том, что осужденные начинают воспринимать предлагаемые им поощрения как нечто обыденное, теряя мотивацию к соблюдению правил и норм поведения. Основные причины «девальвации» могут быть связаны с периодичностью повторения мер поощрений; снижением разнообразия в выборе мер поощрений; «латентностью» стимулов; «лимитированностью» условий доступа, так как меры поощрения осужденных, зависящие от каких-либо обстоятельств (например, от наличия денежных средств на лицевом счете), могут определяться как недоступные для многих осужденных, что снижает уровень их общей значимости.

Девальвация мер поощрения осужденных может исходить и из снижения их важности и продуктивности в глазах осужденных. Для предупреждения девальвации мер поощрения значимо добиться их многогранности, своевременности, а также учитывать личностную необходимость и интересы осужденных. Это поможет сохранить мотивацию и в целом повысить уровень эффективности пенитенциарной системы. Для успешного решения этих проблем необходимы комплексные способы, включая психотерапию, образовательные программы, формирование благоприятных условий, а также налаживание социальных связей с семьей и другим социально-позитивным окружением. К сожалению, не все меры поощрения осужденных, отбывающих уголовное наказание, находят применение в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, система мер поощрения осужденных нуждается в некоторой корректировке, так как в противном случае это может привести не только к общему снижению эффекта мер стимулирования правопослушного поведения, но также снизить достижимость исправления как цели наказания.

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Постпенитенциарный контроль в современной России играет немаловажную роль, которая была инициирована острой необходимостью реальной адаптации к нынешним реалиям в обществе освободившихся из учреждений уголовно-исполнительной системы осужденных.

Контроль за такими подопечными в настоящее время закреплен достаточно отрывочно за отдельными категориями освободившихся осужденных. К таким категориям можно отнести лиц, которым наказание в виде лишения свободы заменено более мягким, а также лиц, освободившихся условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы и принудительных работ, и наравне с этим лиц, которые при освобождении могут оказаться в трудной жизненной ситуации¹. К последним применяется сравнительно новый вид мер поддержки – пробация². Данные виды контроля в настоящий момент осуществляются учреждениями уголовно-исполнительной системы. В текущей ситуации необходимо сместить акцент на социальную сторону реинтеграции осужденных в общество, а в дальнейшем отразить наиболее строгий и законодательно закрепленный контроль.

Наиболее важными в данном направлении являются поддержка осужденных, длительный период находившихся в изоляции, а также снижение риска допущения повторной преступности и сохранение общественной безопасности.

Общественные организации играют важную роль в реабилитации освободившихся осужденных. Зачастую организации сталкиваются с нехваткой средств, что ограничивает их возможности. Осужденные ча-

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2024).

² Федеральный закон от 06.02.2022 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2024).

сто сталкиваются с предвзятостью и трудностями в поиске работы. Актуален вопрос оказания помощи осужденным, освободившимся из мест лишения свободы, с помощью применения минимальных ресурсных затрат и разработки новейших методик оказания содействия¹.

С целью контроля организации могут проверять условия, в которых живут освободившиеся, чтобы убедиться, что они не попадают в неблагоприятные или криминальные среды.

Организации осуществляют предоставление психологической поддержки и консультаций для помощи в адаптации к свободной жизни. Психологи могут работать с осужденными для решения их личных и социальных проблем.

Практика применения организациями программ по трудоустройству, обучению и профессиональной подготовке используется практически для каждого участника адаптивных мероприятий.

Назначение кураторов или наставников, которые помогают осужденным в адаптации, предоставляют советы и поддержку в сложных ситуациях.

Патронаж может включать в себя регулярные встречи с социальными работниками для оценки прогресса и выявления проблем на ранних стадиях. Наиболее активно этот метод применяется в отношении лиц подросткового возраста, что зафиксировано на законодательном уровне и подлежит применению повсеместно на всех уровнях профилактического воздействия на несовершеннолетних².

Необходимы вовлечение членов семьи в процесс реабилитации, предоставление им информации и ресурсов для поддержки бывшего заключенного, а также помощь в восстановлении утраченных отношений и предоставление ресурсов для участия в группах поддержки. Установление качественных социальных связей является одним из наиболее значимых факторов, способствующих контролю за подопечными со стороны общественных организаций.

¹ Ольховик Н.В. Общественность должна помогать УИС // Преступление и наказание. 2014. № 12. С. 7–9.

² Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2024).

Предоставление безбарьерного доступа к медицинским услугам, включая лечение зависимостей, если это необходимо, играет немало важную роль, в том числе в отношении нарко- и алкозависимых подопечных¹.

Наиболее новым является такой метод, как создание групп для общения и обмена опытом, где бывшие осужденные могут делиться своими проблемами и поддерживать друг друга.

Таким образом, контроль за осужденными со стороны общественных организаций является важным аспектом их реабилитации и интеграции. Поддержка и ресурсы, предоставляемые этими организациями, могут значительно повысить шансы на успешную адаптацию и снижение повторной преступности.

Е.В. Болкунова

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ К МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ПВР ИУ) содержат широкий перечень обязанностей и запретов, нарушения которых влекут для осужденных к лишению свободы материальную ответственность. Их можно разделить на следующие виды: обязанность бережно относиться к имуществу ИУ и запрет причинять ему вред (пп. 10.7, 10.8, 11.4, 12.6, 12.33, 12,35, 12.41); запрет причинять вред своему здоровью, за нарушение которого наступает обязанность возместить расходы ИУ на оказание медицинской помощи (пп. 12.31; 13); обязанность возместить затраты на пресечение побега из ИУ, а также обязанность возместить ущерб, причиненный при исполнении трудовой функции (п. 13).

Уголовно-исполнительное законодательство, закрепляя материальную ответственность осужденных к лишению свободы за причиненный во время отбывания наказания ущерб государству, физическим или юридическим лицам, разделяет ее на два вида – определяемую в

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.09.2024).

соответствии с законодательством о труде за ущерб, причиненный при исполнении трудовых обязанностей, а также определяемую в соответствии с гражданским законодательством за ущерб, причиненный иными действиями осужденных (ч. 1 ст. 102 УИК РФ).

Целью регламентации материальной ответственности осужденных является «сохранение собственности ИУ, формирование у осужденных уважительное отношение к трудовой деятельности и к имуществу, а также обеспечение поддержания режима в ИУ и дисциплины труда»¹.

Удержание администрацией места лишения свободы установленного материального ущерба из денежных средств, имеющихся на личном счете осужденного, может быть осуществлено только в случае согласия самого осужденного, причинившего ущерб. В случае его отказа от добровольного возмещения ущерба взыскание ущерба должно быть осуществлено в судебном порядке.

Таким образом, законодатель признает возможность причинения осужденными ущерба во время отбывания наказания, однако, определяя порядок взыскания материального ущерба с указанной категории граждан, не устанавливает каких-либо изъятий. А.П. Исиченко и А.М. Фумм отмечают, что материальная ответственность осужденных к лишению свободы «является видом гражданской ответственности, которая реализуется в сфере гражданско-правовых и трудовых правоотношений на основе бланкетных норм уголовно-исполнительного законодательства»².

При отсутствии согласия осужденного на возмещение ущерба такой подход на практике ведет не только к затягиванию процесса компенсации ущерба, но и превышению судебных расходов над суммой основного ущерба без гарантии на их фактическое возмещение осужденным даже при наличии исполнительного листа. Это, как правило, касается дел с небольшой ценой иска (например, о возмещении ущерба за порчу постельных принадлежностей, камерного инвентаря, расходов на лечение осужденного при намеренном причинении вреда своему здоровью

¹ Недоспелова Д.А. Об особенностях материальной ответственности осужденных в местах лишения свободы // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2024. С. 133.

² Исиченко А.П., Фумм А.М. О видах юридической ответственности осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система. 2016. № 4. С. 12–15.

и др.). Указанная категория дел является преобладающей, однако зачастую администрация ИУ отказывается от взыскания ущерба в судебном порядке. Поэтому установленный законодателем порядок привлечения осужденных к материальной ответственности за ущерб, причиненный действиями, не связанными с трудовой функцией, подлежит корректировке.

Законодатель обязывает администрацию места лишения свободы в случае необходимости проводить проверку, в ходе которой подлежат установлению лица, причинившие ущерб, обстоятельства, при которых наступает материальная ответственность, размер ущерба, у осужденного, причинившего ущерб, должно быть истребовано письменное объяснение. По результатам проверки подлежит вынесению постановление начальника исправительного учреждения о привлечении осужденного к материальной ответственности, с которым он должен быть ознакомлен под расписку. Указанное постановление должно носить силу исполнительного листа (не требующего согласия осужденного на приведение его в исполнение). При этом за администрацией должно сохраняться право на взыскание ущерба в судебном порядке. При обращении администрации ИУ в суд к материалам искового заявления рационально приобщение справки, что удержание ущерба с лицевого счета осужденного не производилось.

Представляется, что такой подход не нарушит прав осужденного, поскольку в самом законе содержится сдерживающий фактор в виде ответственности администрации за неправильно удержанные суммы, которые подлежат возврату осужденному (ч. 3 ст. 102 УИК РФ), а также в виде права осужденного на обжалование постановления начальника ИУ вышестоящему должностному лицу, прокурору либо в суд с правом компенсации причиненного морального вреда (п. 17 ПВР ИУ). Кроме того, возможность внесудебного удержания денежных средств с лицевого счета в счет возмещения причиненного материального ущерба без согласия осужденного позволит превентивно воздействовать на поведение осужденных – ограничивать от совершения дисциплинарных проступков в виде намеренной порчи имущества и причинения вреда своему здоровью.

Аналогичный подход применим не только к осужденным к лишению свободы, но и к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений.

ИНФЛЯЦИЯ КАК ФАКТОР ПЕНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Одним из требований, предъявляемых к уголовному закону, является его стабильность, что невозможно без глубокого предварительного изучения социальных, экономических, идеологических и иных объективных закономерностей и явлений жизни общества, имеющих значение для издания и применения правовой нормы¹. Одними из обстоятельств, стоящих на пути реализации указанного требования, являются инфляционные процессы. Как известно, инфляция – это изменение ценности денег во времени. Российская Федерация за время своего существования пережила все три выделяемых в экономической науке вида инфляции: гиперинфляция с 1992 по 1995 г., галопирующая с 1996 по 2005 г., умеренная вместе с галопирующей с 2006 г. по настоящее время. В таких условиях, коль скоро уголовные наказания своим содержанием могут быть обращены к благам (ценностям), подверженным инфляции, актуален вопрос, как инфляция влияет на пенализацию общественно опасных деяний. У инфляции довольно много социально-экономических последствий. Некоторые из них имеют значение для уголовного права:

1. Неопределенность, не позволяющая строить долгосрочные прогнозы динамики преступности, а также те меры борьбы с ней, которые привязаны к фиксированным денежным единицам.

2. Инфляция ведет к запаздыванию социального контроля нормами уголовного права за происходящими изменениями в социально-экономическом развитии страны.

3. Такие последствия инфляции, как социальное расслоение, ограничения в доступе к кредитам, падение уровня жизни, снижение реальных доходов, сокращение реальных размеров социальных выплат, обесценивание сбережений населения, безработица одновременно, – причины преступности.

4. Снижение фактической границы, отделяющей преступное от не преступного.

¹ Кудрявцев В.Н. Закон. Поступок. Ответственность. М., 2017. С. 100.

Наряду с такими последствиями существуют и те, что носят специфический характер и влияют на пенализацию опасных деяний:

1. Обесцениваются установленные в фиксированных единицах последствия преступления («значительный размер», «крупный размер», «крупный доход», «крупный ущерб» и т.д.). Наказуемым в прежнем объеме становится все менее опасное деяние. Это ведет к косвенному повышению уровня пенализации, ведь наказуемость уменьшающегося объема, противоправно «изъятая», «полученная», «неуплаченная», «невозвращенная» и т.д., остается прежней.

2. Искажается представление о легальной оценке общественной опасности преступления, выраженной законодателем в санкции в момент пенализации или изменения уровня пенализации, что автоматически ведет и к дефляции охраняемых благ.

3. Инфляция подрывает «конкурентоспособность» наказания в виде штрафа в альтернативной санкции. В ситуации обесценения реального потенциала репрессивности штрафа доля его применения (удельный вес среди иных наказаний) снижается. Это приводит к уменьшению доли его применения и, соответственно, к увеличению доли применения других наказаний из (суженной) альтернативы даже в случаях, не отвечающих требованиям индивидуализации.

4. Рост инфляции, как правило, одновременно сопровождается и ростом заработных плат, пенсий, социальных выплат и т.д. Это значит, что при неизменности суммы наказания в виде штрафа снижается «чувствительность» к лишению от него. Так, по данным Росстата, если в 2003 г. размер средней заработной платы в России составлял 5 499 руб., то в 2023 г. – уже 73 709 руб. (рост более чем в 13 раз).

5. Инфляция при неизменности размера штрафа порождает эффект «рычага» при замене штрафа на иное наказание: всё меньший по фактической стоимости штраф заменяется на прежнее количество другого наказания.

6. Инфляция негативно сказывается на сбалансированности санкций. Так, часть санкций с фиксированными штрафами в качестве дополнительного наказания в привязке к основному наказанию существуют уже много лет (некоторые с 2003 г.) и не изменялись, а некоторые введены недавно в соотношении с основными наказаниями, учитывающими произошедшее обесценение.

7. При неизменности размера последствий преступления, фактическое содержание которого уменьшается в результате инфляции («крупный размер», «доход в крупном размере» и т.д.), на относительно продолжительном периоде времени должно наблюдаться снижение репрессивности наказания, ведь раз девальвируется пороговое значение преступления, значит, должна девальвироваться и расплата за это преступление. Иными словами, происходит «амортизация» повышения уровня криминализации снижением уровня её фактической наказуемости.

Какими способами возможно нейтрализовать или сводить к минимуму издержки инфляции при пенализации общественно опасных деяний?

1. Отказаться от наказаний, подверженных инфляции, или их сократить при конструировании норм уголовного закона.

2. Перейти к исчислению штрафа не в деньгах, а в единицах, привязанных к размеру золота или серебра. В условиях золотого или серебряного обращения инфляции, как известно, быть не может.

3. Использовать повышающий коэффициент при назначении конкретной суммы штрафа.

4. Закрепить в самом Уголовном кодексе правила повышения (индексации) наказаний, подверженных инфляции.

А.В. Васеловская

УСТАНОВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ НУЖДАЕМОСТИ ЛИЦА КАК УСЛОВИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОБАЦИИ¹

С 1 января 2024 г. в России вступил в силу Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», предусмотревший комплекс мероприятий по ресоциализации и социальной адаптации осужденных и лиц, отбывших наказание. Одним из трех видов пробации, предусмотренных в законе, является исполнительная пробация, применяемая в отношении лиц, осужденных к наказаниям,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

не связанным с изоляцией от общества, а также к лицам, в отношении которых применены иные меры уголовно-правового характера.

Из системного анализа положений ст. 5, 11 Закона о пробации следует, что необходимым условием принятия решения о целесообразности применения исполнительной пробации является установление у лица индивидуальной нуждаемости. Последняя определяется законодателем как потребность лиц, в отношении которых применяется пробация, в поддержке, необходимой для преодоления трудной жизненной ситуации (п. 10 ч. 1 ст. 5 Закона). Индивидуальная нуждаемость устанавливается в соответствии с Критериями и методикой оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, регламентированными приложением № 4 к Приказу Минюста России от 29.11.2023 № 350.

Исходя из анализа указанных нормативных правовых актов, а также практики применения исполнительной пробации (изучено 31 уникальное дело по применению исполнительной пробации за период 2024 г. на территории Томской области и Республики Алтай), отметим наиболее важные, на наш взгляд, аспекты, касающиеся установления индивидуальной нуждаемости лица, как необходимого и обязательного условия применения исполнительной пробации.

1. Индивидуальная нуждаемость должна устанавливаться и оцениваться в совокупности с трудной жизненной ситуацией лица. Об этом напрямую говорится как в ст. 11 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», так и в Приказе Минюста России от 29.11.2023 № 350.

Методика оценки трудной жизненной ситуации ни в законе, ни в подзаконных нормативных правовых актах не установлена. На практике наличие трудной жизненной ситуации у лица, обратившегося за оказанием содействия в рамках пробации, как правило, презюмируется, а оценке подвергается только индивидуальная нуждаемость.

Как отмечают некоторые ученые, критерий наличия трудной жизненной ситуации представляется достаточно оценочным, а потому несет в себе опасность субъективизма в определении категорий лиц, в отношении которых будут применяться пробационные меры¹. Некоторые исследователи в связи с этим в целях минимизации субъективных

¹ Царева Е.А. Понятие и виды пробации // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 91–94.

начал при оценке трудной жизненной ситуации предлагают предусмотреть определенные критерии для установления наличия или отсутствия такой ситуации, например: отсутствие социальных связей, отсутствие востребованных профессиональных навыков и трудоустройства, отсутствие жилья, отсутствие образования и др.¹

Поскольку фактор трудной жизненной ситуации наряду с необходимостью установления индивидуальной нуждаемости предусмотрен законом, что, на наш взгляд, является обоснованным, представляется целесообразным дополнить Критерии и методiku, установленные приложением № 4 к Приказу Минюста России от 29.11.2023 № 350, положениями о необходимости оценки трудной жизненной ситуации лица и возможными критериями, определяющими такую ситуацию.

2. В отношении одного лица может быть подтверждена его индивидуальная нуждаемость сразу по нескольким критериям. Представляется, что на этапе работы по заявлению лица об оказании ему содействия должна быть проведена комплексная оценка его жизненной ситуации, установлены (насколько это возможно) все критерии индивидуальной нуждаемости и на основании этого принято решение о целесообразности (нецелесообразности) оказания содействия (с оценкой всех выявленных критериев индивидуальной нуждаемости) составлением единой индивидуальной программы и ведением одного дела. Выделение нескольких дел в отношении одного и того же лица по каждому из установленных критериев нуждаемости представляется нецелесообразным и избыточным.

На практике по изученным нами пробационным делам чаще всего у лиц была установлена нуждаемость в содействии в получении документов, необходимых для реализации своих прав (36%), а также необходимость консультирования по социальным и правовым вопросам (21%) и необходимость содействия в трудоустройстве (11%).

3. При оценке индивидуальной нуждаемости лица последняя должна быть установлена не сама по себе как таковая (например, необходимость консультирования по любым правовым вопросам, которые хотел бы решить осужденный). Нуждаемость должна быть связана с

¹ Смирнов А.М. К вопросу о круге лиц, в отношении которых планируется применять пробацию в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 2. С. 11–13; Ольховик Н.В. Критерии нуждаемости клиента пробации и их оценка // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 1. С. 25–31.

преступным поведением лица и возможным стимулированием его к правопослушному поведению в будущем: преодоление индивидуальной нуждаемости должно либо устранять факторы, способствовавшие совершению преступления в прошлом, либо минимизировать возможность появления обстоятельств, которые могут способствовать совершению преступления в будущем.

М.Б. Глазков

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ОСУЖДЕННОГО, ОТБЫВАЮЩЕГО ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ, ЗЛОСТНЫМ НАРУШИТЕЛЕМ ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

В уголовно-исполнительном законодательстве не предусмотрена ответственность за отказ осужденного от отбывания обязательных работ. Ответственность наступает только при невыходе без уважительных причин, т.е. когда осужденный должен был приступить к отбыванию наказания. Таким образом, если осужденный не явился в организацию для отбывания обязательных работ, с юридической точки зрения он не нарушитель и меры ответственности к нему не могут быть применены. Сотрудник уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) будет вынужден осуществить привод осужденного в администрацию организации для оформления распоряжения и ознакомления с порядком отбывания наказания. Только после этого осужденного можно привлечь к ответственности за невыход на обязательные работы без уважительных причин¹.

В территориальных органах ФСИН России существует различная практика решения указанного вопроса. В некоторых регионах, основываясь на ст. 49 УК РФ, к осужденному не применяют никаких мер реагирования до тех пор, пока он не отработает хотя бы один час обязательных работ, и только тогда его считают привлеченным к отбыванию наказания. Подобная интерпретация этих норм не совсем корректна.

¹ Ольховик Н.В., Обернихина О.В., Храмов А.А. Проблемы применения альтернатив лишению свободы в Российской Федерации : учеб. пособие. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2025. С. 6–8. EDN WMZSOZ.

Ведь юридическим фактом привлечения осужденного к отбыванию наказания в виде обязательных работ, согласно ст. 26 и 27 УИК РФ, является издание распоряжения в организации, где осужденный отбывает наказание.

В связи с изложенным необходимо закрепить в ст. 30 УИК РФ положение, что неявка на работу по направлению УИИ и отказ от предложенной работы считаются злостным уклонением от отбывания наказания в виде обязательных работ.

Статья 30 УИК РФ определяет злостное уклонение от отбывания наказания как обстоятельство, при котором осужденный более двух раз не выходит отбывать обязательные работы без уважительных причин. Согласно этой норме, осужденный может не выходить на обязательные работы два раза в течение календарного месяца без каких-либо последствий. Любое нарушение, допускаемое осужденным с целью уклонения от наказания, должно влечь определенные репрессивные меры. Было бы эффективнее изменить указанную норму таким образом, чтобы в случае отработки осужденным календарного месяца без нарушений ему в качестве поощрения могли предоставить до двух дней отдыха в месяц.

Согласно ст. 27 УИК РФ, время обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее 12 часов. Словосочетание «как правило» указывает на то, что это требование является преобладающим, а отступление от него должно быть обосновано. Однако непонятно, зачем эта норма включена в закон, поскольку осужденный все равно не сможет не выйти на работу без уважительной причины. Если осужденный будет отрабатывать по два часа пять раз в неделю (всего десять часов), не соблюдая это правило, порядок отбывания наказания им нарушен не будет, поскольку ответственность за это не предусмотрена. Указанная норма будет действовать при проверке подразделения УИИ контролирующими органами, которые в ходе проверки могут указать на нарушение закона.

Эта норма будет более эффективной, если исключить из нее словосочетание «как правило» и предусмотреть ответственность осужденного за ее несоблюдение в ст. 30 УИК РФ, чтобы эта норма не служила основанием наказания инспектора, или же исключить ее из закона, так как сам осужденный, желающий отбыть наказание без нарушений, заинтересован в скорейшем его отбытии.

С одной стороны, не все нарушения осужденных должны приводить к замене на более строгое. С другой стороны, противоправное поведение не должно оставаться безнаказанным. Так, В.А. Уткин отмечает, что замена обязательных работ лишением свободы не отвечает принципу гуманизма и экономии репрессии. Это связано с процедурно-процессуальными сложностями, а результат приводит к неоправданно сверхкратким срокам лишения свободы¹. Максимальный срок лишения свободы при замене обязательных работ не превышает двух месяцев, а для несовершеннолетних – 20 дней. Многие ученые не согласны с соотношением замены обязательных работ из расчета 8 часов за 1 день принудительных работ или лишения свободы и предлагают соотношение минимум 4 часа за 1 день, 1 день за 1 час и другие варианты, включая незачет всего срока назначенного наказания².

Отмена возможности замены обязательных работ ограничением свободы произошла после внесения изменений в уголовный закон Федеральным законом № 377-ФЗ от 27 декабря 2009 г. Эти изменения негативно повлияли на правоприменительную практику из-за появления сверхкратких сроков наказаний. Ведь на осужденного затрачиваются ресурсы для постановки на учет, размещения и трудоустройства. Однако при дальнейшем уклонении он чувствует безнаказанность из-за длительности процессуальных норм при замене наказания.

Предложенные коррективы способны оптимизировать правовое регулирование последствий признания осужденного к обязательным работам злостным нарушителем порядка отбывания данного наказания.

А.А. Ефименко

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Ценностные ориентации несовершеннолетних осужденных имеют двойственную структуру, зависящую от степени адекватности восприятия несовершеннолетним общественно значимых ценностей. С одной

¹ Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы теории и практики. М. : ПРИ, 2013. С. 67.

² Например, см.: Тепляшин П.В., Уметбаев Т.Ш., Уметбаева Е.С. Вопросы правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ // Вестник Пермского института ФСИН России. 2016. № 4. С. 68–72.

стороны, нахождение в местах лишения свободы способствует некоторой идеализации «семьи» и «свободы» как ценностных ориентаций. У 2/3 изученных нами несовершеннолетних наблюдается неадекватная оценка семьи, которая возводится в категорию блага, лишённого в связи с отбыванием наказания. В принципе это объясняется переживанием ограничений, которые причиняются в связи с изоляцией. С другой стороны, при разделении своего отношения к семье, отцу, матери у несовершеннолетних наблюдается резкое критическое отношение к кому-либо из родителей и связанные с этим сильные эмоциональные переживания.

При анализе соотношения социальной характеристики и выявленного критического отношения было установлено следующее. Большинство осуждённых (2/3 несовершеннолетних из числа указавших на высшую ценность семьи) воспитывались в неполной семье, и к тому же неблагополучной, где родители злоупотребляли спиртными напитками, наркотическими веществами, не занимались воспитанием детей. В связи с этим у несовершеннолетних наблюдается большой процент отрицательного отношения к родителям. Восприятие семьи как высшего блага у них является проекцией собственного будущего, мечтами и фантазией. Оценка осуждёнными такой ценности, как «свобода», является неоднозначной. Наблюдается всеобщая идеализация свободы как самого желаемого блага (80% респондентов). Помимо этого, есть две категории осуждённых, у которых отношение к свободе и связанные с её лишением переживания различны. Так, 1/4 из категории осуждённых, указавших «свободу» в качестве наивысшего блага, ранее отбывали лишение свободы. Поскольку у таких осуждённых уже имеется опыт пребывания в местах лишения свободы, факт изоляции переживается ими меньше, чем остальными. В ВК таким несовершеннолетним нравится, они чувствуют некоторую степень заботы, тоскливое состояние проявляется реже, и идеализация «свободы» сводится к неконкретизированному понятию – «рай» (70% ответов опрошенных). Логически объяснимо и то, что данная категория в наименьшей степени испытывает чувство тревожности по прибытии в колонию и наоборот – в большинстве случаев – перед освобождением. Это объясняется отсутствием реальных жизненных перспектив, положительных изменений в семье и их окружении.

Другая категория несовершеннолетних осуждённых (30% от общего числа указавших на «свободу» в качестве идеала) также характеризуется идеализацией «свободы», но при этом как таковой «свободы»

не желает. Данные осужденные росли в крайне неблагополучных семьях, где их унижали, применяли насилие, либо семья находилась в затруднительном финансовом положении и несовершеннолетние не имели возможности нормально питаться и одеваться. В дальнейшем это явилось одной из причин, побудивших к совершению преступления¹. Для данной категории пребывание в колонии является в некотором смысле благом. Практически все осужденные отмечают, что в колонии им нравится, они там себя хорошо чувствуют и т.д. В связи с этим «свобода» для такой категории выступает неким отдаленным идеалом, который присутствует как должное, «так как все, кто находится в местах лишения свободы, стремятся выйти». В то же время реальная оценка осужденными существующей действительности, возможность удовлетворения своих потребностей обуславливают их нежелание освобождаться из колонии по окончании срока, поскольку, как и в первом случае, у них отсутствуют положительные перспективы на дальнейшие изменения в их жизни².

Отметим, что среднестатистический портрет осужденного, отбывающего наказание в ВК, за последние десять лет не претерпел значительных изменений. Так, средний возраст осужденных по-прежнему составляет 16,6 года. В большинстве случаев это городской житель, на момент совершения преступления обучающийся школы. Воспитывался в неполной или неблагополучной семье. Имеющий достаточный криминальный опыт, который был перенят у ранее судимых родственников, один из ближайших родственников судим, отбывал лишение свободы. Уровень образования и интеллектуального развития отстает от соответствующего его возрасту. Отношение к осуждению спокойное, без переживаний. Среди негативных элементов, сопутствующих наказанию, выделяет режим. Зачастую не проявляет заинтересованности в получаемой профессиональной специальности, испытывает переживания, связанные с возможностью трудоустройства после освобождения.

¹ Ефименко А.А., Сидакова М.А. Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях // VII Педагогические чтения, посвященные памяти С.И. Злобина : сборник материалов : в 3 т. Пермь, 2021. С. 24–29.

² Шатов С.А., Абрамова Н.Г. Профилактическая работа с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях : учеб. пособие. Псков : Псков. филиал Академии ФСИН России, 2022. 164 с.

дения. Отношение к сотрудникам ВК положительное, общую обстановку в колонии также оценивает положительно, в том числе и отношение сотрудников колонии к себе.

Не вызывает сомнения, что потребностная сфера несовершеннолетних осужденных менее подвержена деформации в зависимости от срока пребывания в колонии, чем у взрослых. Таким образом, среди особенностей несовершеннолетних осужденных в период отбывания наказания выделяются нестабильность потребностей и их динамика, а также двойственное восприятие социально значимых ценностей. В свою очередь, приведенные характеристики несовершеннолетних осужденных, их восприятие существующей действительности могут быть использованы при проведении с ними воспитательной работы.

М.В. Киселев

РОЛЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Одной из основных целей реализации уголовных наказаний является исправление осужденного, что, в свою очередь, подразумевает прямое воспитательное воздействие. Данное педагогическое действие направлено на выработку у осужденного положительного мировоззрения на окружающие общественные процессы, правопослушное поведение в обществе, формирование положительного отношения к труду и многое другое, что становится большим подспорьем для адаптации в обществе после освобождения из мест лишения свободы и возвращения к нормальной и законопослушной жизни. Вместе с тем необходимо понимать сложности данного процесса, подразумевающего, по сути, изъятие у человека отрицательных установок и формирование вместо них положительных. Сложность выражается в уже достаточной сформированности негативных взглядов и устоев у большей части людей, о которых идет речь. Данный момент говорит о том, что многие элементы педагогического воздействия носят достаточно специфический характер и по определению применяются к лицам соответствующего в большей степени недетского возраста и имеющим статус осужденного за совершенное преступление.

Кроме того, исправительные учреждения и места содержания под стражей являются объектами, где на одной территории постоянно находится большое количество осужденных, которые тоже имеют свои специфические особенности. Ю.М. Антоян пишет: «Но если в колонии сильна власть неформальных антиобщественных и особенно преступных группировок, если вольготно лютуют так называемые «воры в законе», объектом насилия и грабежа практически может стать любой осужденный. Отсюда острые конфликты, кровавые стычки, могущие привести к массовым беспорядкам.

Теперь, надеемся, еще понятнее, почему осужденные отличаются повышенной тревожностью, переживают страхи, постоянное беспокойство, ожидание угрозы со стороны окружающего мира, который часто бывает к ним жесток»¹. И это говорит о том, что в том числе и при организации воспитательного процесса невозможно обойтись без наличия не только общедоступной информации, но и информации, получаемой в рамках оперативно-розыскной деятельности. Здесь необходимо понимать, что нет никакой специальной необходимости получения информации для воспитательного воздействия на осужденного, но определенная ее часть, не представляющая интереса непосредственно для оперативно-розыскной деятельности, в свою очередь, может оказать большую пользу в профилактике противоправной деятельности. Кроме того, осужденные должны четко понимать, что на всех этапах отбывания наказания за ними осуществляется предусмотренный Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации контроль, который подразумевает поддержание в учреждении установленного порядка отбывания наказания. Данный контроль по определению подразумевает получение определенной и значимой информации, в том числе и с целью профилактики различных правонарушений и при необходимости принятия превентивных мер.

Все это говорит о необходимости умения работы с информацией не только оперативным сотрудникам учреждений, но и остальным сотрудникам, так как в принципе каждый из них является тем должностным лицом, который обязан поддерживать правопорядок независимо

¹ Антоян Ю.М. К чему приговаривает суд, когда приговаривает к лишению свободы? // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань, 2017. Т. 1. С. 20–25.

от занимаемой должности и, соответственно, в случае необходимости оказывать воспитательное воздействие на осужденного.

Н.С. Ковалев

СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ОСУЖДЕННЫХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Универсальные и неотъемлемые права и свободы человека, определяющие его правовое положение в обществе и государстве, закреплены во Всеобщей декларации прав и свобод человека¹. Данный международный документ был воспринят подавляющим большинством государств мира, с различной правовой системой, после окончания Второй мировой войны. Тем самым международное сообщество взяло на себя обязательство по обеспечению уважения достоинства и равенства каждого человека².

В ст. 7 Декларации определено, что все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Содержание данного понятия подразумевает не только провозглашение недопущения дискриминации, но и гарантирование такого недопущения посредством равной, без каких-либо различий, защиты закона.

Провозглашенный Декларацией принцип равенства нашел свое проявление и в других международных документах универсального значения. Так, в Преамбуле Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее – Конвенция 1965 года)³

¹ См.: Всеобщая декларация прав и свобод человека (Принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). URL: Всеобщая декларация прав человека – Декларации – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (un.org).

² См., напр.: Перрон Ю.В. Международные стандарты обращения с заключенными при исполнении уголовных наказаний : учеб. пособие. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. С. 37–38; Вилкова А.В., Литвишков В.М. Организация Объединенных Наций и развитие пенитенциарных правовых основ // Вопросы педагогики. 2018. № 10. С. 24.

³ См.: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Принята Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря

определено, что все люди равны перед законом и имеют право на равную защиту закона от всякой дискриминации.

Изложенное в Преамбуле положение о равенстве всех перед законом раскрывается в ст. 2 данного документа, в частности, государства, подписавшие Конвенцию 1965 года, должны нетерпимо относиться к дискриминации, и на них возлагается обязанность ликвидации любых ее проявлений. Право же на равную защиту закона раскрывается в ст. 5 Конвенции 1965 года. Так, в соответствии с обязательствами, указанными в ст. 2, государства обязуются обеспечить равенство каждого перед законом посредством запрета и ликвидации дискриминации. Тем самым государства, подписавшие Конвенцию 1965 года, гарантируют осуществление прав и свобод без расовой дискриминации¹.

В Международном пакте о гражданских и политических правах² определено, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. Данным международным документом также предписывается, что дискриминация не только должна быть запрещена законом, но и должна быть гарантирована равная защита от нее (ст. 26).

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (далее – Пакт)³, рассматриваемый принцип проявляется в обязанности государств гарантировать недопущение дискриминации при осуществлении прав, провозглашенных в Пакте (ч. 2 ст. 2).

1965 года). URL: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации – Конвенции и соглашения – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (un.org).

¹ См. п. 1 Общей рекомендации XX по статье 5 Конвенции. (Сорок восьмая сессия 1996 г.). URL: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации – Конвенции и соглашения – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (un.org).

² См.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года). URL: Международный пакт о гражданских и политических правах – Конвенции и соглашения – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (un.org).

³ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года). URL: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах – Конвенции и соглашения – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (un.org).

В государствах, подписавших данный документ, должны быть разработаны механизмы, позволяющие эффективно бороться с проявлением дискриминации при воплощении экономических, социальных и культурных прав. Лица, пользующиеся такими правами, должны иметь возможность обращаться к таким механизмам без какой-либо дискриминации. Жалобы должны рассматриваться соответствующими учреждениями и органами беспристрастно¹.

Следует отметить, что международной практикой также признано положение о том, что законодательная дифференциация между определенной категорией, группой или всеми лицами не всегда признается дискриминацией. Так, Европейским судом по правам человека отмечается, что государство может и должно проводить различия между разными группами людей для стремления к достижению «фактического равенства», непринятие таких необходимых мер, может расцениваться как дискриминация. Государства могут законодательно устанавливать различия между определенной категорией, группой или всеми лицами, если это оправдано с точки зрения Конвенции о защите прав человека и основных свобод².

В практике Комитета по правам человека также отмечается, что в целях реализации принципа равенства перед законом государства должны предпринимать активные меры с целью исправления фактической дискриминации в конкретных областях посредством предоставления временных преференций определенной категории или группе лиц. Такие различия будут считаться законными по Пакту о гражданских и политических правах³.

¹ См.: Замечания общего порядка № 20. Недискриминация экономических, социальных и культурных прав (п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). URL: Замечание общего порядка № 20 Недискриминация экономических, социальных и культурных прав (п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) | Центр международного права – помощь обращения суд по правам человека и подача жалоб (european-court-help.ru).

² См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 18 февраля 2009 г. Дело «Андреева против Латвии» [Andrejeva v. Latvia] (жалоба № 55707/00) (Большая Палата) (извлечение). URL: ПОСТАНОВЛЕНИЕ (Страсбург, 18 февраля 2009 года) (e-ecol.org).

³ См.: Замечание общего порядка 18 (Тридцать седьмая сессия, 1989 год). URL: General Comment 18 of the Human Rights Committee (umn.edu)

В практике Комитета по экономическим, социальным и культурным правам также определяется, что государства обязаны предпринимать меры в целях смягчения или устранения условий, способствующих сохранению дискриминации. Такие меры являются законными в той степени, в какой они представляют собой разумные, объективные и соразмерные средства устранения фактической дискриминации и могут носить как временный, так и, в исключительных случаях, постоянный характер¹.

Следует отметить, что такое содержание исследуемого принципа закреплено во многих международных документах по правам человека универсального значения.

С.Н. Овчинников

ПРАВОВЫЕ НОВЕЛЛЫ В ИНСТИТУТЕ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: НОВЫЙ ПОВОД ДЛЯ ДИСКУССИИ

Недавно внесенные законодателем изменения в ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) вновь актуализировали дискуссию о применении данного правового института в отношении отбывающих пожизненное лишение свободы. И эта актуальность сохраняется, несмотря на то, что в современной России осужденные от пожизненного лишения свободы пока не освобождались.

Ранее нами уже рассматривались отдельные проблемы правового характера, связанные с освобождением этой категории осужденных от отбывания наказания². Вместе с тем изменения, внесенные Федераль-

¹ См.: Замечания общего порядка № 20. Недискриминация экономических, социальных и культурных прав (п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). URL: Замечание общего порядка № 20 Недискриминация экономических, социальных и культурных прав (п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) | Центр международного права – помощь обращения суд по правам человека и подача жалоб. URL: eurgorean-court-help.ru

² Овчинников С.Н. Совершенствование механизма досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 289–291.

ным законом от 28.12.2024 № 510-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», нуждаются в самостоятельном рассмотрении.

Как известно, УК РФ предусматривает два самостоятельных вида наказания, связанных с лишением свободы, – лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы (п. «л» и «м» ст. 43 УК РФ соответственно). Правовой анализ норм уголовного законодательства позволяет выделить две формы пожизненного лишения свободы: пожизненное лишение свободы с правом досрочного освобождения и пожизненное лишение свободы без права досрочного освобождения. Последний тип применяется в отношении осужденных, совершивших в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление. Однако количество таких лиц в настоящее время составляет единицы.

Рассматриваемая новелла как раз коснулась преобразования именно второго типа пожизненного лишения свободы, не предполагающего возможность досрочного освобождения. Суть ее состоит в том, что законодатель расширил перечень субъектов, которым не может быть применено условно-досрочное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы. Следуя устоявшейся тенденции в уголовной политике, направленной на ужесточение правовых последствий за совершение преступлений террористического характера, законодатель включил в ч. 5 ст. 79 осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы за совершение преступления, предусмотренное ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 279 или 361 УК РФ.

В связи с этим возникают вопросы, предмет которых находится, с одной стороны, в конституционно-правовой, а с другой – в уголовно-правовой плоскости.

Исходное значение имеет вопрос о соответствии действующего уголовно-правового механизма отдельным конституционным положениям. Здесь необходимо обратиться к двум конституционным нормам, определяющим правовое положение личности. В соответствии с ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ), устанавливается равенство всех перед законом. Наряду с этим ч. 3 ст. 50 Конституции РФ закреплено право каждого осужденного за преступление просить о помиловании или смягчении наказания. Из си-

стемного толкования указанных норм следует, что каждый осужденный к пожизненному лишению свободы должен иметь правовую возможность ходатайствовать о смягчении наказания.

В то же время действующая редакция уголовного закона указывает на наличие правовой неопределенности в данной сфере. Это обусловлено тем, что УК РФ не предоставляет осужденным, отбывающим пожизненное лишение свободы, иного правового инструмента, которым они могли бы воспользоваться для реализации своего конституционного права на смягчение наказания.

Вместе с тем применение условно-досрочного освобождения к рассматриваемым лицам не в полной мере согласуется с концепцией прогрессивной системы исполнения наказаний. Согласно ей, расширение объема свободы должно происходить поступательно в зависимости от отбытого срока наказания, личности осужденного и его поведения в период отбывания наказания. Последовательное расширение пределов свободы необходимо в целях успешной ресоциализации после длительной изоляции осужденного.

Возможный выход из сложившейся ситуации, как представляется, следует искать в использовании потенциала института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Однако действующая редакция ст. 80 УК РФ не предусматривает специальных правил, определяющих порядок применения указанных норм к осужденным, отбывающим пожизненное лишение свободы.

Одновременно с этим полагаем возможным отказаться от нормы уголовного закона, регламентирующей условно-досрочное освобождение осужденных к пожизненному лишению свободы, поскольку такой механизм не в полной мере отвечает ее основным положениям.

Подводя итог, отметим, что в целях преодоления соответствующей правовой неопределенности представляется возможным обратиться к совершенствованию института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении данной категории осужденных при одновременном исключении правовой возможности условно-досрочного освобождения осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ ДОСТИЖЕНИЮ ЦЕЛЕЙ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Уголовное наказание в любой стране мира характеризуется лишением или ограничением прав осужденного лица (ст. 43 УК РФ), возложением на него специфических обязанностей. Между тем сама по себе кара как суть уголовного наказания не является его целью и, соответственно, не содержит интенцию на причинение физических, моральных или нравственных страданий виновному. В Уголовном кодексе указанное положение раскрывается через содержание принципа гуманизма (в ч. 2 ст. 7) – «наказание не может иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Вместе с тем показатели состояния здоровья осужденных, подозреваемых и обвиняемых (далее – ПОО) свидетельствуют о крайне плачевном положении в этой сфере. К тому же часть осужденных стремится умышленно ухудшить состояние своего здоровья (или не восстанавливать его), например, в целях освобождения от наказания в связи с болезнью или добиваясь смягчения режимных требований.

В результате заболевания осужденных причиняют им страдания, не входящие в систему мер, направленных на достижение целей наказания. Нами уже предлагалась замена термина «тяжелая болезнь, препятствующая отбыванию наказания» на «заболевание, препятствующее достижению целей наказания» как более соответствующего правовой природе данного основания досрочного освобождения¹.

В этой связи рассматриваемый вид освобождения (ч. 2 ст. 81 УК РФ) органично вписывается в систему мер по защите от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения.

¹ Павленко А.А. Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью: международно-правовые аспекты, мониторинг правоприменения и тенденции правового регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1-4), № 4. С. 589–600.

Важно подчеркнуть, что в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указано, что «при решении вопроса об освобождении лица от наказания определяющее значение имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания». Вместе с тем, результаты проведенного нами исследования ведомственных статистических показателей, характеризующих процедуру освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью, за 10 лет (2013–2023 гг.), среди прочего, выявили невысокий уровень удовлетворения судом ходатайств об освобождении осужденных с уже подтвержденным заболеванием, препятствующим отбыванию наказания, – около половины из представленных в среднем за 10 лет – 47,6% (минимум – 22,2% в 2014 г. и максимум – 58% в 2018 г.), с тенденцией к еще большему уменьшению с 2018 г. – в 2023 г. этот показатель составил 52,5%. То есть суды на практике зачастую игнорируют указания Пленума Верховного Суда РФ. Полагаем, что данная тенденция в немалой степени обусловлена отсутствием систематизации последствий таких заболеваний, а именно выделения факторов, существенно затрудняющих процесс исполнения наказания, что не позволяет суду в полной мере оценить степень общественной опасности личности осужденного. Так, Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 06.02.2004 № 54, включает в себя 57 групп заболеваний, объединенных в 14 классов. Мы предлагаем 56 указанных групп (за исключением группы 27, класс V. Психические расстройства) разделить на 4 блока заболеваний, влекущих последствия, противоречащие достижению целей наказания, и причиняющих дополнительные страдания осужденным.

Первый, и самый многочисленный блок составляют заболевания, при которых отмечаются безуспешность проводимого лечения, быстрое прогрессирование и неблагоприятный прогноз для жизни. Данный фактор мы обозначили как «неотвратимый скорый летальный исход». Он включает 30 групп заболеваний из 7 классов: инфекционные заболевания, новообразования, болезни: крови, эндокринной системы, органов дыхания, пищеварения, мочеполовой системы.

Второй фактор (блок рассматриваемых состояний), существенно затрудняющий процесс исполнения наказания, – это «резко нарушающие самообслуживание и требующие постоянной посторонней помощи»

(по состоянию здоровья не может содержаться в ИУ на общих основаниях), включает 8 групп заболеваний из 4 классов: болезни нервной системы, глаза, костно-мышечной системы, травмы и другие следствия внешних причин.

Третий блок состояний, препятствующих достижению целей наказания в связи с «высоким риском внезапной смерти», образуют 8 групп заболеваний из двух классов: болезни системы кровообращения и врожденные пороки развития.

Ну, и наконец, четвертый и самый немногочисленный блок состояний, существенно затрудняющих процесс исполнения наказания, – «невозможность оказания помощи в учреждениях УИС», составляет часть группы заболеваний № 42 из класса болезни системы кровообращения, при которых имеется необходимость проведения диализа («искусственной почки»). Эта процедура не может быть произведена в учреждениях УИС.

Представленная систематизация позволит не только эффективно оценить степень общественной опасности личности освобождаемого, но и послужить элементом становления системы предупреждения постпенитенциарного рецидива лиц, освобожденных по данному основанию¹.

Д.А. Плотников

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество ранее судимых (без учета снятых и погашенных судимостей) осужденных, повторно совершивших преступления, в 2023 г. составило 199 660 человек, а за первое полугодие 2024 г. – 85 783 человека. Из приведенных данных можно

¹ Селиверстов В.И. Правовые проблемы освобождения осужденных от отбывания уголовного наказания по болезни // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 42–49.

сделать вывод, что уровень рецидивной преступности остается на довольно высоким¹. Приведенные данные МВД России по состоянию преступности в России за январь–декабрь 2023 г. указывают, что больше половины (59,8%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления².

Рецидив преступлений – явление, которое представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности и требует от государства разработки эффективных механизмов борьбы с ним. Существует ряд проблем, связанных с классификацией, правовой квалификацией и наказанием за совершение рецидива преступлений, которые требуют глубокой научной и практической проработки. Несмотря на наличие чётких категорий рецидива, правоприменительная практика сталкивается с рядом трудностей, связанных с классификацией и квалификацией таких преступлений. Одна из важнейших проблем заключается в том, как соотнести повторность преступлений с различными видами рецидива.

В российском законодательстве не существует чёткой привязки между временным промежутком между преступлениями и определением рецидива. В некоторых случаях суды сталкиваются с проблемой, когда преступления, совершённые через несколько лет после предыдущего правонарушения, не признаются рецидивом, несмотря на наличие предыдущих судимостей.

Кроме того, анализируя ч. 4 ст. 18 УК РФ, можно сделать вывод, что при определении рецидива не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести; судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет; судимости за деяние, наказание за которое признавалось условным либо по которому предоставлялась отсрочка, если при этом исполнение приговора не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы; снятые или погашенные судимости.

Так, к преступлениям небольшой тяжести относятся преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 160 УК РФ, и другие преступления. Такие преступления, совершаемые из

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>

² Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751>

корыстных побуждений, не учитываются законодателем при назначении рецидива. Без признания рецидива преступлений лицо может многократно совершать корыстные преступления небольшой тяжести, подвергаться судимости и впоследствии вновь совершать аналогичные деяния без назначения рецидива преступлений. Такая практика потенциально нарушает принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ.

Открытым остается вопрос, касающийся установления рецидива несовершеннолетних. Ведь уголовная ответственность по некоторым преступлениям, согласно ст. 20 УК РФ, наступает с 14 лет. Следовательно, исходя из норм УК РФ, субъект преступления осознает противоправность совершаемых преступных деяний. Несовершеннолетний многократно может совершать преступления, предусмотренные ст. 131 УК РФ, ст. 132 УК РФ, ст. 161 УК РФ и т.д., что без признания совершенных противоправных деяний рецидивом преступлений может создать предпосылки для формирования условий, способствующих безнаказанности преступника.

Рецидив преступлений не включает в себя случаи, связанные с наличием судимости, при которой применялось условное осуждение или отсрочка отбывания наказания, если указанные меры не были отменены и лицо не было направлено для отбывания наказания в исправительные учреждения. При этом рецидив не охватывает случаи, когда применялись иные меры уголовно-правового характера (например, условное осуждение или отсрочка исполнения приговора) либо лицо было освобождено от уголовной ответственности или наказания¹.

Судебные органы не вправе учитывать ранее погашенные судимости, а также иные обстоятельства, предусмотренные ст. 18 УК РФ, в качестве отягчающих факторов при квалификации множественности преступлений как рецидива. Однако, несмотря на согласованность данной позиции законодательным нормам, возникает вопрос о её соответствии принципу справедливости. Это связано с тем, что преступления, совершённые ранее (даже если судимость уже снята или погашена), независимо от возраста правонарушителя и их степени тяжести могут оказать значительное влияние на формирование криминального образа действий.

¹ Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 159 с.; Филиппова О.В. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом понятии рецидива преступлений // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1(92). С. 63–67.

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ РЕАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ РАБОТЫ ИЛИ УСЛУГИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 238 УК РФ

Часть 1 ст. 238 УК РФ в качестве одной из форм совершения деяния устанавливает уголовную ответственность за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Основной состав этого преступления является формальным. Уголовная ответственность при этом наступает только в случае, если опасность оказываемых услуг либо выполняемых работ является реальной. Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», о реальной опасности товаров и продукции может свидетельствовать, в частности, наличие в них на момент производства, хранения, перевозки или сбыта веществ или конструктивных недостатков, которые при употреблении или ином использовании этих товаров и продукции в обычных условиях могли повлечь смерть или причинение тяжкого вреда здоровью человека, а о реальной опасности выполняемых (выполненных) работ или оказываемых (оказанных) услуг – такое их качество, при котором выполнение работ или оказание услуг в обычных условиях могли привести к указанным тяжким последствиям.

Однако рассматриваемое свойство реальной опасности работы или услуги представляет наибольшие сложности при квалификации, когда сфера выполнения работ либо оказания услуг сама по себе (т.е. в обычных условиях) представляет потенциальную опасность для потребителя. Вплоть до изменений, внесенных в ст. 238 УК РФ Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ, дополнившим эту статью примечанием, в качестве таковых рассматривались медицинские услуги¹. Вы-

¹ Привлечению к уголовной ответственности за оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, посвящено большое количество работ. См., например: Бреслав И.Ю. Уголовное преследование акушеров-гинекологов за

ведение медицинских услуг из сферы применения с. 238 УК РФ следует признать обоснованным и более того, представляется верным, если бы законодатель распространил действие примечания и на иные сферы деятельности, которые и в обычных условиях представляют собой повышенную опасность для жизни и здоровья потребителей. К примеру, к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ привлекаются операторы АГЗС за наполнение газовых баллонов с истекшим сроком эксплуатации. С учетом особенностей самой сферы деятельности использование газовых баллонов и при обычных условиях связано с реальной опасностью. Напротив, как следует из изученных приговоров, к уголовной ответственности привлекаются ответственные за своевременную уборку крыш от снега и наледи сотрудники управляющих компаний, только если наступают общественно опасные последствия. Случаев привлечения к ответственности таких лиц при отсутствии наступивших последствий не встречалось. Следовательно, установление признака реальной опасности товара, услуги или работы при отсутствии наступивших последствий носит весьма оценочный характер со стороны правоприменителя, что размывает границы преступного деяния и непроступного. Безусловно, наступившие последствия свидетельствуют, что товар, работа или услуга требованиям безопасности не соответствуют.

В этой связи обоснованным был бы отказ от конструкции рассматриваемого состава преступления как формального в отношении только производства, хранения или перевозки в целях сбыта либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Рассматривая проблему признака реальной опасности и констатируя, что он представляет собой оценочное понятие, которое не привносит конкретики в уголовные правоотношения, В.Н. Курченко предлагал сконструировать ч. 1 ст. 238 УК РФ как состав с административной преюдицией¹. Полагаем, что такой подход хотя и позволит снизить случаи

ненадлежащее оказание медицинской помощи // Медицинское право. 2023. № 1. С. 30–33; Бимбинов А.А. Причинение вреда при оказании медицинской помощи как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 125–136 и др.

¹ Курченко В.Н. Проблемы применения законодательства при оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ч. 1 ст. 238 УК РФ) // Российская юстиция. 2023. № 9. С. 45–52.

необоснованного привлечения к уголовной ответственности, но при этом не позволит решить основную проблему рассматриваемого признака, поскольку такие деяния по-прежнему будут рассматриваться как общественно опасные, но только сначала в административно-правовой плоскости. Повторное деяние вновь будет рассматриваться как преступное.

В.С. Сидельцев

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Проведение западными спецслужбами, отдельными организациями и лицами целенаправленной работы по нарушению стабильности внутриполитической обстановки и как следствие, ослаблению международных позиций привело к обострению социальных, межнациональных и межконфессиональных противоречий в России. Это выражается в появлении новых или активизации действующих неформальных объединений экстремистского толка, основанных на идеях расовой, национальной, религиозной нетерпимости, неприятию верховенства закона и государства.

По данным ГИАЦ МВД России, в России в 2021 г. совершено 1 057 преступлений экстремистской направленности, в 2022 г. – 1 407, в 2023 г. – 1 340. Несмотря на то, что такие преступления составляют незначительное количество от общего числа, особое внимание заслуживает то обстоятельство, что преобладающая часть преступников впоследствии оказывается в местах лишения свободы. Изолированная среда, состоящая из лиц, озлобленных на государство, зачастую имеющих низкий уровень правосознания, является благоприятной для распространения различных экстремистских идей. Правоохранительная система, осуществляя свои функции путем привлечения к установленной законом ответственности и изоляции преступников, создает условия для концентрации в местах лишения свободы лиц с устойчиво асоциальным мировоззрением и их объединения. Впоследствии вместо от-

дельных носителей экстремистских убеждений после отбывания наказания на свободе оказываются уже устойчивые группы лиц, объединяющими факторами для которых служат экстремистская идеология и крепкие межличностные отношения.

Формированию в учреждениях отрицательных групп способствует наличие отрядной системы, предполагающей совместное сосуществование достаточно большого – от 50 до 100 – коллектива осужденных. Данный факт как один из решающих также отмечают В.В. Рудич и И.А. Жилко¹.

В таких условиях необходима организация следующих мероприятий:

– размещение положительно характеризующихся и нейтрально настроенных осужденных, лояльных к администрации учреждения, в отдельных отрядах с регулярным анализом состояния оперативной среды их пребывания и мониторингом психологического климата в целях недопущения фактов зараженности указанных лиц какой-либо деструктивной идеологией;

– усиленное проведение оперативно-режимных, воспитательных и иных профилактических мероприятий в иных отрядах в целях выявления групп и лиц, являющихся приверженцами экстремистской идеологии и обеспечение их последующей изоляции от основной массы, обнаружение и изъятие экстремистской литературы и символики.

Эффективной такая работа будет являться при последовательном применении в отношении указанных лиц мер дисциплинарного, административного и уголовно-правового характера. Без их реализации полноценное оздоровление оперативной обстановки в учреждении и изживание экстремизма если не невозможно, то весьма труднодостижимо.

Наиболее рациональным является привлечение к ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающей ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской и экстремистской атрибутики или символики.

Это обусловлено очень простой закономерностью, а именно сакральной ролью татуировок не только в криминальной среде, но и

¹ Рудич В.В., Жилко И.А. Противодействие распространению экстремистской и террористической идеологии в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 4.

среди экстремистских групп, члены которых украшают тела «свастиками» и иными символами, использовавшимися в нацистской Германии и измененными в угоду идеологии (руны «Одал» и «Зиг», используемые скинхедами, схожие с теми, что использовались подразделениями СС).

Это же правило применимо и к нанесению татуировок, символизирующих приверженность лица к криминальной субкультуре.

Следует отметить, что при привлечении фигурантов к административной ответственности и продолжении с их стороны противоправных действий возникают предпосылки для применения в отношении них мер уже уголовно-правового характера, что наглядно показывает возможность и необходимость использования многоступенчатого подхода к противодействию экстремизму.

Проведение последовательной работы по противодействию носителям экстремистской идеологии в виде сбора материалов для привлечения к административной ответственности с использованием опыта документирования противоправной деятельности сделает процесс избличения деяний, подпадающих под действие уголовного законодательства, не столь сложной задачей для сотрудников оперативных подразделений.

А.К. Соколов

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ОСУЖДЕННЫМИ

Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. одной из своих целей определяет процесс исправления осужденных, что логически обосновывает актуальность средств исправления, одним из которых является воспитательная работа. К сожалению, важность развития воспитательной работы с различными категориями осужденных не является одной из наиболее частых тем для обсуждения как практических работников, так и научного сообщества, обосновывая «достаточность» уже имеющихся мер воспитательного воздействия.

Правовая база воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в Российской Федерации представлена рядом норма-

тивно-правовых актов, среди которых ключевое место занимает Уголовно-исполнительный кодекс РФ. В частности, ст. 109 УИК РФ закрепляет особенности исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних, включая проведение воспитательной работы. Однако если анализировать уголовно-исполнительное законодательство, достаточной регламентацией представляется лишь воспитательное воздействие, осуществляемое учреждениями, исполняющими наказания в виде лишения свободы. Альтернативные наказания, а также наказания, не связанные с лишением свободы, лишь частично регламентируют формы и методы, применяемые в работе с осужденными. Несмотря на наличие правовых норм, их реализация на практике сталкивается с рядом проблем. Одной из них является недостаточная детализация форм и методов воспитательной работы, что приводит к формальному подходу в ее организации. Кроме того, отсутствие единой методической базы для работы с несовершеннолетними осужденными затрудняет процесс исправления и ресоциализации несовершеннолетних.

Важным аспектом воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными является учет их индивидуальных особенностей, включая уровень социальной дезадаптации, наличие криминального опыта, а также психологические и педагогические характеристики. В этой связи особую значимость приобретает взаимодействие сотрудников уголовно-исполнительной системы с психологами, педагогами и социальными работниками, которые могут оказать профессиональную помощь в разработке индивидуальных программ воспитательного воздействия. Однако, как показывает практика, такое взаимодействие зачастую носит фрагментарный характер, что снижает эффективность воспитательной работы в целом.

Еще одной проблемой является недостаточное внимание законодателя к альтернативным мерам наказания, не связанным с лишением свободы, которые могли бы стать важным инструментом в работе с несовершеннолетними осужденными. Воспитательная работа в рамках таких мер, как исправительные работы, обязательные работы или ограничение свободы, требует более детальной регламентации и методического обеспечения. В частности, необходимо разработать четкие алгоритмы взаимодействия между органами, исполняющими наказания, и социальными службами, которые могли бы оказывать поддержку несовершеннолетним осужденным в процессе их исправления.

В.П. Стенура

О ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ И ДАНИИ)

1 августа 1994 г. в Швеции вступил в силу Закон об интенсивном надзоре с электронным мониторингом, который закрепил принципы, условия и порядок замены наказания в виде краткосрочного лишения свободы на мониторинг поведения осужденного в домашних условиях с использованием электронного браслета.

Интенсивный надзор с электронным мониторингом не назначается судом в качестве обязательной меры. Осужденные сами должны обратиться в Шведскую службу тюрем и пробации (Kriminalvården) с заявлением о замене лишения свободы на интенсивный надзор с электронным наблюдением¹.

В Дании интенсивный надзор в домашних условиях с применением электронного наблюдения – это также добровольная программа, предлагаемая датской Службой тюрем и пробации (Kriminalforsorgen) в качестве способа отбывания тюремного наказания.

Kriminalvården и Kriminalforsorgen рассматривают заявления осужденных на предмет соответствия их установленным требованиям.

Во-первых, жилищные условия осужденного должны быть пригодными для отбывания наказания под интенсивным надзором.

Во-вторых, у подконтрольного должна быть приемлемая форма занятости (работа, учеба), однако в случае ее отсутствия Службы тюрем и пробации самостоятельно организуют трудоустройство.

В-третьих, лица, проживающие совместно с осужденным и достигшие 18-летнего возраста, должны дать согласие на отбывание наказания по месту совместного проживания².

¹ Julien Grenet, Hans Grönqvist, Susan Niknami. The effects of electronic monitoring on offenders and their families. 2024. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0047272723002335> (дата обращения: 15.12.2024).

² Anette Storgaard. Überwachung in weiteren europäischen Ländern: Dänemark // Elektronische Überwachung von Straffälligen im europäischen Vergleich – Bestandsauf-

До начала отбывания наказания Службой тюрем и пробации разрабатывается и согласовывается с осужденным график его активности.

Кроме того, чтобы отбывать наказание таким образом, осужденные должны дать согласие на еженедельные контрольные визиты без предупреждения со стороны сотрудников Службы, которые в том числе включают в себя тестирование на употребление алкоголя и наркотиков¹.

В Швеции также перед началом применения интенсивного надзора с электронным мониторингом Kriminalvården должна обязать осужденного предоставить отпечатки пальцев. Непредоставление отпечатков является самостоятельным основанием для отмены исполнения наказания в таком виде.

Электронное наблюдение основано на стационарном мониторинге с использованием радиочастотной технологии. Служба пробации прикрепляет электронный браслет на лодыжку осужденного, который, в свою очередь, подключается к приемнику, установленному в помещении и соединенному с телефоном.

Второй формой применения электронного наблюдения как в Швеции, так и в Дании является модель, когда неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменяется на интенсивный надзор.

В Швеции данная программа как пилотная была запущена в 2001 г. для преступников, отбывающих наказание в течение двух и более лет, которые при попадании в эту программу могли провести до четырех месяцев в конце срока заключения вне исправительного учреждения с применением к ним технических средств слежения в преддверии своего окончательного отбытия наказания. Цель данного проекта заключалась в том, чтобы облегчить переход из исправительного учреждения в общество, предоставить возможности для реабилитации и предотвратить новые нарушения после выхода. В 2005 г. целевая группа проекта была расширена и стала включать в себя осужденных, отбывающих наказание в течение восемнадцати и более месяцев. Максимальный срок нахождения под интенсивным надзором с использованием электронного мониторинга также был увеличен: осужденные, отбывающие

nahme und Perspektiven. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/338336839_Dunkel_Thiele_Treig_Elektronische_Uberwachung_von_Straffalligen_im_europaischen_Vergleich (дата обращения: 22.12.2024).

¹ Elektronisk fodlænke. 2024. URL: <https://kriminalforsorgen.dk/straf/fodlaenke/> (дата обращения: 22.12.2024).

наказание в течение двух и более лет, могли быть включены в программу на срок до шести месяцев¹.

В Дании такой вариант регулируется Законом об исполнении наказаний и Руководством об освобождении заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы или содержащихся в учреждениях Службы тюрем и пробации.

Служба тюрем и пробации самостоятельно решает, могут ли заключенные, приговоренные к лишению свободы на срок более 6 месяцев, быть переведены в домашние условия отбывания наказания под интенсивный надзор, при условии:

- 1) отбытия ими одной трети срока наказания в местах лишения свободы;
- 2) если замена способа отбывания наказания производится не ранее чем за 8 месяцев до предполагаемого освобождения;
- 3) если соблюдаются те же требования, которые предъявляются к осужденным при интенсивном надзоре с электронным наблюдением².

Принципы и организация данного вида надзора идентичны ранее описанному интенсивному надзору с электронным мониторингом.

П.В. Тепляшин

ПРАВОВАЯ ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОБАЦИИ: КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Вопрос об отраслевой принадлежности пробации остается открытым, и среди исследователей еще отсутствует однозначная позиция относительно того, какой отрасли законодательства она принадлежит – уголовно-исполнительному праву, праву социального обеспечения или

¹ Extended use of electronic tagging in Sweden The offenders' and the victims' view. 2007. URL: http://www.antonioacasella.eu/nume/Sweedeen_2007.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

² Strafffuldbyrdelsesloven. Lov nr. 432 af 31. maj 2000. URL: <https://www.elov.dk/strafffuldbyrdelsesloven/> (дата обращения: 22.12.2024).

криминологическому праву. Набирает научную силу и точка зрения о формировании самостоятельной отечественной отрасли права – пробационного права. Данный плюрализм заставляет обратиться к анализу отраслевой принадлежности пробации.

Субинститут пробации имеет сложную правовую природу, что приводит к определенным проблемам практического характера. Именно в этом контексте следует рассматривать практическую ценность выяснения и точного определения отраслевой принадлежности исследуемого комплексного института. Так, правоприменительное значение имеют ситуации конкуренции норм уголовно-исполнительного законодательства и права социального обеспечения при реализации пробационных мер. При этом право социального обеспечения следует понимать в расширительном смысле и включать в него не только непосредственно социальное обеспечение граждан и предоставление различных социальных услуг, но и трудовые, пенсионные и иные смежные правоотношения.

В процессе реализации пробационных мер допустимо говорить о нескольких типах разногласий и противоречий между правовыми регуляторами уголовно-исполнительного законодательства и права социального обеспечения. Следует подчеркнуть, что данная типологизация базируется на общей правовой теории юридических коллизий.

Первый тип – конкуренция общих и специальных норм. Обозначенная разновидность может быть продемонстрирована на примере категории «трудная жизненная ситуация», специальный характер которой требует обращения к подзаконным актам. Однако детальное разъяснение признаков именно трудной жизненной ситуации и особенностей процесса их установления отсутствует (даже с учетом положений, закрепленных в приложении 4 приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”»). Данные положения обладают специализированным характером и должны быть предусмотрены в соответствующем подзаконном правовом акте. Этим, пока еще «виртуальным» положениям, должно отдаваться предпочтение при их конкуренции с вышерассмотренными общими положениями признания трудной жизненной ситуации, в которой оказалось лицо, в отношении которого должна применяться пробация.

Второй тип – конкуренция по аналогии. На основании ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» социально ориентированные некоммерческие организации не включены в перечень субъектов пробации, но в соответствии с ч. 2 ст. 6 данные организации отнесены лишь к участникам мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация. Видимо, причиной этого законодательного решения выступил правовой пробел, образовавшийся в ч. 1 ст. 31.1 «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления» Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», в которой отсутствует пробационная деятельность этих организаций. Ведь, в соответствии с ч. 2.1 ч. 2 указанного Закона, рассматриваемая организация признается социально ориентированной, когда она осуществляет деятельность по решению социальных проблем, а также осуществляет виды деятельности, предусмотренные ст. 31.1 обозначенного нормативного правового акта.

А.С. Ткач

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ СРОКОВ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА

Юридические факты (события и действия) в уголовно-исполнительной сфере могут влиять как на течение самого срока лишения свободы (изменение, приостановление, прерывание), так и на сроки в рамках срока лишения свободы.

Особенности уголовно-исполнительных отношений, связанные с реализацией как карательных, так и исправительных, предупредительных мер, позволяют выделить материальные и процедурные сроки, связанные с лишением свободы.

В материальных сроках ключевой является количественная характеристика (мера) наказания, дисциплинарных взысканий, свиданий и иных мер. Как известно, правоотношения бывают регулятивного и

охранительного типа. В этой связи материальные сроки можно также классифицировать на материальные регулятивные и материальные охранительные. Сроки свиданий, прогулок, отпусков, выездов мы относим к материальным регулятивным в связи с тем, что они обусловлены правомерными действиями и субъективным правом (в частности, правом ходатайствовать о предоставлении выезда). А сроки, обусловленные противоправным поведением лица, в частности, срок самого наказания, срок дисциплинарного взыскания (ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ), являются материальными охранительными (не предполагают какой-то процедуры, процесса, последовательности действий и соблюдения четкого алгоритма, очерченного темпоральными пределами).

Процедурные сроки, в свою очередь, выполняют гарантирующую функцию, упорядочивают во времени протекание определенного алгоритма, последовательности действий. Они также классифицируются на материальные и охранительные в зависимости от оснований возникновения и направленности регулируемых отношений.

К процедурным регулятивным срокам мы относим такие сроки, как срок рассмотрения начальником исправительного учреждения заявления осужденного о выезде в связи с исключительными личными обстоятельствами, срок предоставления телефонного разговора, свидания осужденному после подачи им письменного заявления. Такие сроки приносят ясность в механизм реализации материальных прав и обязанностей.

Для осужденных к лишению свободы крайне важным является соблюдение их прав при реализации процедуры привлечения их к дисциплинарной ответственности. Темпоральные аспекты таких отношений – сроки привлечения к дисциплинарной ответственности – относятся к процедурным охранительным. Повышение степени изоляции осужденных, находящихся в местах лишения свободы, в рамках дисциплинарной ответственности предопределяет необходимость максимальной детализации таких сроков в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации.

Также должны быть решены вопросы нормативного закрепления порядка исчисления сроков при совершении осужденным длящихся и продолжаемых нарушений порядка отбывания наказания. Кроме того, одним из важных с правовой и практической точек зрения является вопрос совершения осужденным нескольких правонарушений, образующих совокупность, и отсутствия правил о назначении дисциплинарных

взысканий по совокупности нарушений режима. В настоящий момент предельные сроки дисциплинарных взысканий за единичное правонарушение и за их совокупность совпадают, что не позволяет администрации исправительного учреждения дифференцировать и индивидуализировать дисциплинарную ответственность осужденных, учитывать принцип справедливости при назначении взыскания.

Представляется, что при отсутствии обоснования иного подхода возможным является применение научной аналогии и использование правил о частичном и полном сложении наказаний, применяемых в уголовном праве.

О.Н. Уваров

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Сущность, содержание и форма – взаимосвязанные понятия. Они определяют представление о каком-либо явлении, его внутренних и внешних признаках. Сущность – это внутреннее содержание предмета, главное в нем. Содержание – единство основных элементов предмета, его свойств и связей. Форма же – это внешнее очертание или наружный вид предмета¹.

Таким же образом сущность, содержание и форма выступают в качестве характеристики наказания. Сущность наказания – это кара, а содержание наказания – кара, свойственная конкретному наказанию². Формой же является вид наказания, определяемый Уголовным кодексом.

Кара, в свою очередь, – это ограничения и лишения прав и свобод осужденного лица. Они с юридической стороны выражаются в особых запретах, в особых обязанностях либо одновременно в особых запретах и обязанностях. Социальная сторона составляющих наказание лишений или ограничений – это лишение или ограничение тех или иных социальных и личных благ, принадлежащих виновному, ограничение или

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 673.

² См.: Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 600 с.

лишение его возможностей для удовлетворения потребностей (личных, материальных, духовных и т.д.)¹.

Юридически такие лишения и ограничения представляют собой запрет на определенное деяние либо на воздержание от определенного деяния, а также обязанность совершить определенное деяние либо воздержаться от определенного деяния. Деяние здесь традиционно представляет собой действие либо бездействие. Следует отметить, что юридическая сторона наказания непосредственно связана с его формой, т.е. видом наказания.

С социальной точки зрения личные блага, на которые должно воздействовать наказание, подразделяются на материальные и нематериальные. То есть лишения и ограничения должны быть направлены именно на эти блага. Кроме того, ограничения или лишения могут быть непосредственно связаны и с удовлетворением потребностей осужденного. Здесь вполне уместно говорить и об обязанностях, возлагаемых наказанием, имея в виду две цели таких обязанностей: а) для обеспечения условий исполнения наказания; б) для ужесточения либо смягчения этого наказания.

Вместе с тем кара, присущая наказанию, представляется не смесью ограничений и лишений, отнесенных к единому целому, из которого для «наполнения» карой конкретного вида наказания берется определенный ее объем. Кара включает в себя элементы, которые регулируют, т.е. лишают или ограничивают лишь конкретные права или свободы осужденного. При этом сюда включен исчерпывающий, максимальный «набор» таких элементов, которые, в свою очередь, обусловлены системой наказаний, предусмотренных уголовным кодексом. Это те элементы, которые, например, находятся между отчуждением денежных средств в пользу государства при наказании в виде штрафа и лишением права на свободное передвижение при наказании в виде лишения свободы.

Между тем набор элементов, включенных в кару, должен ограничиваться не наличием того или иного наказания в Уголовном кодексе. Его следует рассматривать значительно шире, такие элементы должны обуславливаться наличием в них таких свойств, как эффективность, целесообразность и исполнимость, а количество их может ограничи-

¹ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета. 2018. С. 25–32.

ваться лишь возможностями уголовно-исполнительного права и отношением к ним общества. Вполне определенно кара как категория уголовного и уголовно-исполнительного права должна представлять собой совокупность всех возможных карающих элементов, которые только могут быть реализованы этими отраслями права, А исходя из такой совокупности элементов можно будет «конструировать» конкретные наказания, отвечающие предъявляемым к ним обществом и государством требованиям. Тогда содержание наказания – это конкретный набор карающих элементов, которые соответствуют определенному наказанию и способны лишить и ограничить те права и свободы осужденного, регулирование которых будет в каждом конкретном случае способствовать достижению целей наказания. При этом принудительное воздействие карательных элементов имеет комплексный характер и реализуется путем применения к осужденному всей совокупности ограничений, установленных условиями отбывания конкретного наказания. Применение этих правоограничений не самоцель, их назначение состоит в том, чтобы обеспечить надлежащее исполнение наказания¹.

Срок (размер) наказания и режим наказания относятся к его содержанию. Срок наказания всегда индивидуален и представляет собой временной отрезок воздействия на осужденного лишениями и ограничениями. Режим, учитывая прогрессивную систему, также индивидуален и зависит от поведения конкретного лица в период отбывания наказания. Безусловно, и режим, и срок наказания относятся к каре, но элементами кары не являются, так как самостоятельно, без собственно другого элемента кары не функционируют. Ведь лишь элемент кары может действовать определенный срок и в определенном порядке. Режим и срок в рассматриваемом нами аспекте усиливают или ослабляют воздействие того или иного карающего элемента, т.е. выступают определенным регулятором кары в составе наказания.

¹ Уголовно-исполнительное право : учеб. для юрид. вузов / под ред. В.И. Селиверстова. 7-е изд., испр. и доп. М. : Юриспруденция, 2009. С. 54.

КОНВОИРОВАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ (НОВОЕ В ПОДЗАКОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ)

Конвоирование осужденных к лишению свободы (далее – осужденные) является важным сегментом процесса исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы.

С 01.01.2025 процесс перемещения осужденных конкретизирован новым подзаконным (ведомственным) нормативно-правовым актом – Порядком конвоирования осужденных к лишению свободы по плановым маршрутам, утвержденным Приказом Минюста России от 16.09.2024 № 277 (далее – Порядок конвоирования).

Пожалуй, впервые рассматриваемый нормативно-правовой акт в большей степени отражает в своих нормах не положения организационно-служебного свойства, а вопросы, конкретизирующие уголовно-исполнительные правоотношения по линии «специальное подразделение УИС по конвоированию – осужденные». Этим он отличается от прежних уставов, наставлений и инструкций, принятых в прошлые десятилетия, когда деятельность подразделений, осуществляющих конвоирование осужденных, рассматривалась в аспекте выполнения организационно-служебных (служебно-войсковых) функций.

Порядок конвоирования (теперь уже конкретно) определил правовой статус осужденных (их специальные права, обязанности и запреты, п. 38–40). Эти положения имеют четкое перечисление и выведены в отдельные нормы. Также Порядок конвоирования раскрывает вопросы гуманитарного свойства. В нем закреплены положения о нормах посадки осужденных в специальный транспорт, размещении конвоируемых осужденных в камерах специального транспорта с учетом перевозимых ими личных вещей, санитарных остановках специального транспорта, особенностях перемещения отдельных категорий осужденных (инвалиды-колясочники, беременные женщины и женщины с детьми) и температурном режиме в пути следования. Здесь же закреплены вопросы личного обыска осужденных, досмотра их вещей, а также последующего изъятия запрещенных вещей и предметов. В Порядке установлено право

осужденных на личную безопасность (п. 38), однако механизм реализации этого права Порядок конвоирования не устанавливает.

Впервые в новейшей России ведомственный нормативно-правовой акт, конкретизирующий порядок конвоирования осужденных, является открытым и не имеет гриф ограничения «Для служебного пользования». Это весьма положительный момент в свете реализации ч. 1 ст. 12 УИК РФ (право осужденных на получение информации о правах, обязанностях и запретах в процессе конвоирования), проведения соответствующих контрольно-надзорных мероприятий за процессом конвоирования со стороны государственных органов и общественности, исследований и изучения вопросов конвоирования осужденных.

Конкретизация положений (хотя бы и на ведомственном уровне) о конвоировании осужденных, открытость норм о перемещении осужденных для всеобщего сведения является основой для научных исследований в рассматриваемой области. Однако с начала века монографических исследований на этот счет не проводилось, равно как и в смежных темах. Вместе с тем стоит заострить внимание не только на научно-исследовательской, но и на учебной литературе, которая подчас не акцентирует внимания на уголовно-исполнительных аспектах процесса перемещения осужденных.

Правоприменительная деятельность в процессе перемещения осужденных также имеет место. Но при перемещении осужденных такая деятельность (в форме издания соответствующих правоприменительных актов в рамках уголовно-исполнительных правоотношений) выражена незначительно и преимущественно в правоохранительной форме как реакция на нарушения установленного порядка содержания осужденных при их конвоировании. И такие нарушения, как показывает практика, имеют неединичный характер.

Порядок конвоирования определяет меру реагирования на нарушения, совершаемые осужденными при их перемещении. Речь идет об издании специальными подразделениями УИС по конвоированию (далее – подразделения по конвоированию) двух правоприменительных документов (не основного, а вспомогательного характера): протокол о нарушении осужденным обязанностей и запретов, установленных в период конвоирования (далее – протокол); акт изъятия запрещенных вещей, предметов и продуктов питания (веществ), обнаруженных при личном обыске осужденного, досмотре его вещей (далее – акт изъятия).

По своему назначению протокол и акт изъятия должны были бы обеспечить соответствующую процедуру и реализацию основного акта применения права – вынесение решения (постановления) о применении к осужденному меры взыскания. Следовательно, исполнение данного акта должно было бы привести к изменению объема и содержания уголовно-исполнительных правоотношений. Однако сегодня ни уголовно-исполнительное законодательство РФ, ни практика деятельности подразделений по конвоированию не определяют (устанавливают) механизм реализации указанных документов до конечной стадии правоприменительного процесса – издания правоприменительного акта. В связи с этим предлагаются изменения и дополнения в ч. 1 ст. 117 УИК РФ.

В целом принятый Порядок конвоирования во многом конкретизировал в рамках уголовно-исполнительных правоотношений процесс перемещения осужденных. Однако этот процесс требует дальнейшего изучения и осмысления в рамках единого процесса исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненно.

А.А. Уткин

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Принудительные работы (далее – ПР) заключаются в привлечении осужденного к труду в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров. В отличие от классических трудовых правоотношений, где трудовые отношения не возможны без согласия работника трудиться, труд осужденных к ПР является их безусловной обязанностью, установленной решением суда, вступившим в законную силу.

Соответственно, правовое регулирование данных отношений опирается на уголовное и уголовно-исполнительное законодательство. Однако ч. 1 ст. 60.8 УИК РФ предусматривает, что осужденные к ПР привлекаются к труду в соответствии с трудовым законодательством РФ, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполнения работы, предоставления отпусков. Подобная отсылка к законодательству о труде не случайна, она должна урегулировать отношения, не охватываемые уголовным и уголовно-исполнительным правом, но при этом присущим трудовому законодательству, имея ряд исключений.

Заявленные в ч. 1 ст. 60.8 УИК РФ исключения на практике не всегда имеют однозначное решение. К примеру, процедура трудоустройства осужденных к ПР явно выходит за пределы регулирования ТК РФ. Однако до сих пор возникают споры о необходимости и законности заключения трудовых договоров между осуждёнными и организациями (индивидуальными предпринимателями), в которых трудятся осужденные к ПР. Работники исправительных центров, проходящие обучение в Томском ИПКР ФСИН России, подтверждают, что трудовые договоры с осужденными к ПР распространены и такая практика поддерживается прокуратурой. На официальном сайте ФСИН России размещен информационный буклет, в котором сказано, что «при трудоустройстве осужденных к принудительным работам не обязательно заключать трудовые договоры...»¹, т.е. возможность их заключения не отрицается, а признается необязательной. Означает ли это, что в отсутствие трудового договора нет отношений по найму, а при заключении трудового договора возникает найм?

Считаем, что трудовые отношения осужденных к ПР происходят только из императивных уголовно-правовых последствий назначенного наказания, а не из свободного волеизъявления работника и работодателя. Такой подход представляется разумным в условиях отсутствия реальных (фактических и правовых) условий для реформирования этих отношений в добровольное русло, когда условия добровольного труда осуждённых к ПР были бы более эффективными для достижения целей уголовного наказания.

Порядок исполнения наказания в виде ПР принципиально не требует какой-либо добровольности труда. В то же время лишение свободы как более строгий вид наказания остаётся более гуманным к труду осужденных и для некоторых категорий осужденных, указанных в ч. 2 ст. 103 УИК РФ, предусматривает исключительную добровольность труда, которую можно было бы рассмотреть как труд по найму.

Исключая отношения по найму труда (в отсутствие трудового договора) осужденных к ПР, сформировалась судебная практика, ограничивающая их права на оплату труда (в части выплат районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате) в соответствии со ст. 315–317 ТК РФ, в случаях, если они работают в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

¹ URL: <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/> (дата обращения: 28.02.2025).

Так, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.08.2024 № 88-16730/2024 отмечено, что действие Закона РФ от 19.02.1993 г. № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» распространяется на лиц, работающих по найму (т.е. на основании трудового договора). Соответственно, районный коэффициент и процентная надбавка к заработной плате, установленные данным Законом (ст. 10 и 11), а впоследствии и ТК РФ (ст. 316 и 317), гарантируются лицам, работающим по трудовому договору.

Формально суд верно отметил отсутствие отношений по найму, но явно необоснованно применил ч. 2 и 3 ст. 99 УИК РФ, касающиеся осужденных к лишению свободы, посчитав, что осужденные к ПР не несут дополнительных материальных затрат, связанных с климатическими условиями, так как гарантии материально-бытового обеспечения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, предусматривают обеспечение питанием и предметами первой необходимости, одеждой по сезону с учетом в числе прочего климатических условий.

Напротив, материально-бытовое обеспечение осужденных к ПР (ст. 60.5 УИК РФ) предполагает обеспечение одеждой, обувью (за исключением одежды и обуви, являющихся средствами индивидуальной защиты) и питанием за счет собственных средств осужденных, в том числе они возмещают расходы исправительных центров на оплату коммунально-бытовых услуг и содержание имущества.

Таким образом, в особых климатических условиях трудовой деятельности данные затраты осужденных к ПР увеличиваются, что требует пересмотра сложившихся подходов, особенно при учете, что где-то трудовые договоры заключаются, а ряд работодателей, не разбираясь в нюансах, к заработной плате осужденных к ПР начисляет районный коэффициент и процентную надбавку.

Также к недостаткам правовой регламентации стоит отнести отсутствие в УИК РФ упоминания о регулировании вопросов охраны труда осужденных к ПР, хотя было бы достаточно предусмотреть отсылку к законодательству о труде, как это было сделано для осужденных к лишению свободы в ч. 1 ст. 104 УИК РФ.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ОТРАСЛЕЙ «КРИМИНАЛЬНОГО» ЦИКЛА

Проблемы современного развития российского законодательства и его отдельных отраслей определяют актуальность теоретических исследований межотраслевых взаимосвязей, взаимозависимостей в системе права, обуславливают появление большого числа научных работ по соответствующей тематике. Преобладающее их количество посвящено выявлению, анализу и разрешению разнообразных юридических коллизий¹. Это само по себе, конечно, важно, но фактически сводит методологию их изучения к юридическому позитивизму. Исследования более глубокого уровня встречаются пока, главным образом, в работах по общей теории права, а в отраслевых науках – гораздо реже². В этом отношении высказанные еще пять десятилетий назад суждения о перспективности системного подхода при изучении права вообще и отраслей «криминального» цикла в частности реализованы пока недостаточно³. Между тем системный подход позволяет «не просто констатировать свойства и характеристики правовых образований, но и понять механизм их становления, функционирования и развития»⁴. Методология системного подхода также позволяет определить степень целостности правовых образований, их системообразующие связи, совокупность которых характеризует структуру систем на различных уровнях.

¹ К примеру, из приведенных в обстоятельной монографии «Коллизии законодательства России и ряда стран» 60 источников 48 (80 процентов) представляют собой констатации именно такого уровня (Коллизии законодательства России и ряда стран. М. : Юнити. Закон и право, 2018. С. 6–10).

² См., напр.: Феоктистов М.В. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных и материально-правовых норм (постановка вопроса) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 309–316.

³ Алексеев С.С. Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. № 7. С. 11–18; Кудрявцев В.Н. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика. М., 1973. С. 10 и др.

⁴ Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск : Наука, 2004. С. 84.

Здесь одновременно требуется диалектический подход, т.е. научный анализ «правовой материи» с позиций таких философских категорий, как «диалектическое противоречие», «общее, особенное и единичное», «возможность», «действительность», «необходимость» и т.п. Предметом такого анализа может быть как широкая совокупность отраслей права, так и «законодательство о борьбе с преступностью», понимаемое как совокупность отраслей «криминального» цикла, и прежде всего уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право¹.

Используя философские категории общего, особенного и единичного применительно к системному подходу, А.К. Черненко выделяет три уровня системности в праве: уровень права в целом, уровень автономных правовых образований и содержательный уровень самоорганизации². Это вполне соответствует традиционному делению «право – отрасль – норма», которое, помимо прочего, подтверждается сложившейся юридической терминологией³. К примеру, типичное и всем понятное словосочетание «норма уголовного права» отражает все три отмеченных выше уровня правовой системы: «норма» (единичный), «уголовного» (особенный – отраслевой), «права» (общий, но одновременно выделяющий систему права из совокупности иных социальных норм)⁴.

¹ См.: Кирин В.А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М. : Юрид. лит., 1978.

² Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск : Наука, 2004. С. 84–88.

³ На наш взгляд, место правовых институтов в данном случае лежит несколько в иной плоскости, тем более, что в отраслевых науках так и не сложилось единого подхода ни к критериям их выделения, ни к их количеству в той или иной отрасли права (см.: Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М. : Юриспруденция, 2014. С. 68–69) и др.

⁴ В подтверждение своей позиции об обособленном характере и специфическом значении правовых институтов добавим, что, например, в отличие от указанного выше словосочетания выражение «норма института условно-досрочного освобождения», по сути, никак не характеризует ее правовую природу и место в системе права, ибо указанный институт объединяет в себе нормы разных отраслей (уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права).

Важно, что каждый из отмеченных выше уровней играет свою роль в межотраслевом взаимодействии. Первый, наиболее общий, определяет его возможность, своего рода «правовое поле» или «общий знаменатель» именно юридического взаимодействия. Второй, отраслевой, диктует необходимость взаимодействия между различными отраслями как элементами правовой системы, что обуславливает целостность последней. Третий уровень – уровень конкретных юридических предписаний – превращает возможность и необходимость в действительность, реализуя содержательную сторону взаимодействия.

С позиций диалектического подхода важным шагом в раскрытии сущности взаимодействий в праве может быть познание и описание их в качестве противоречий, выступающих источниками функционирования и развития правовых систем. Всякое диалектическое противоречие как философская категория, имея онтологический и гносеологический аспекты, будучи совокупностью взаимоотношений его сторон внутри системы имеет собственное содержание, которое, как отмечают философы, складывается из их взаимополагания, взаимоисключения и их взаимопроникновения¹.

Дальнейшее раскрытие механизма и перспектив межотраслевого взаимодействия в системе права остается актуальной задачей как общей теории права, так и отраслевых наук. Применительно к сфере правового регулирования борьбы с преступностью можно отметить отдельные проявления элементов упомянутого противоречия на конкретном законодательном материале. К примеру, первый – «взаимополагание» норм УК, УПК и УИК РФ в институте условно-досрочного освобождения. Второй – «взаимоотрицание» – разграничение предметов уголовного и уголовно-исполнительного права при применении (назначении и исполнении) отдельных видов уголовных наказаний. Третий – «взаимопроникновение» норм УК и УИК РФ при определении содержания отдельных наказаний и целей наказания.

Определяющим фактором появления, существования и развития межотраслевого взаимодействия выступает взаимосвязь формирующихся либо уже сформировавшихся общественных отношений, регулируемых соответствующими отраслями права. Ведь, как правильно

¹ Дудель С.П., Штракс Г.М. Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967. С. 58.

отмечал В.Д. Филимонов, – это материальная основа всех правовых норм и институтов¹.

Разумеется, взаимодействие норм и отраслей в правовой сфере (в отличие, например, от взаимодействия между физическими объектами) – это не взаимовлияние самих по себе текстов нормативных актов. Оно проявляется, фиксируется и реализуется в социальной практике и информационной сфере. Здесь налицо как минимум три области такого взаимодействия: доктринальный (в научной сфере), правотворческий (подготовка и принятие нормативных актов) и правоприменительный (в том числе при назначении и исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера). Недостатки в обеспечении должного взаимодействия в нормативной сфере могут внешне выражаться в межотраслевых юридических коллизиях и в незавершенности, пробельности правового регулирования («черные дыры» или «белые пятна» законодательства).

С.В. Чубраков

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Обусловленность и даже зависимость уголовно-исполнительного регулирования от уголовно-правового не вызывает сомнений в силу изначально заложенного обслуживающего характера уголовно-исполнительного права. Это вызывает потребность определения того, что конкретно и как в уголовном праве определяет границы уголовно-исполнительного регулирования.

Очевидно, что уголовно-исполнительное регулирование предопределяется прежде всего существующими видами, содержанием и целями мер уголовной ответственности, поскольку его суть состоит в организации процесса их исполнения.

Причем цели уголовной ответственности влияют на уголовно-исполнительное регулирование двояко:

¹ Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М. : Юриспруденция, 2014. С. 34.

– через сами меры уголовной ответственности на этапе их создания, так как они предопределяют их содержание (элементы: кара, исправительные и специально предупредительные меры, создающие содержание, должны быть способны потенциально достигать заявленных целей их применения);

– и как итоговый желаемый результат на этапе исполнения назначенных мер, влияющий на усиление, ослабление либо вообще изменение назначенной меры уголовной ответственности.

И первое, и второе влияют на подбор конкретных средств воздействия на осужденного, способных, по мнению государства, влиять на осужденного в соответствии с заданной целью: сначала на этапе создания назначаемой меры, потом на этапе ее исполнения с необходимой ее корректировкой в зависимости от положительного или отрицательного поведения осужденного. Последнее как раз и составляет суть уголовно-исполнительного регулирования, которое не просто должно воплощать в жизнь предписанное осужденному назначенной мерой ответственности воздействие, но и должно быть способным менять первоначально назначенные меры в процессе их реализации, в том числе в сторону увеличения, уменьшения их содержания, усиления исправительного или специально-предупредительного воздействия либо вообще изменения их вида.

Следующий за этим вопрос, который оказывается не таким простым в силу своей постоянной острой дискуссионности и неразрешенности на сегодняшний день, – какие цели имеет уголовная ответственность и ее основная форма реализации в виде уголовного наказания (помимо традиционных целей в виде превенции и исправления, выделяют и восстановление социальной справедливости, и кару, и ресоциализацию и др.). Этот вопрос – базовый и требует четкого определения в законодательстве. Полагаем, что цели уголовной ответственности необходимо первоначально закреплять на этапе уголовно-правового регулирования с дальнейшей обязательной дословной корреляцией (воспроизведением) их и в уголовно-исполнительном. Если обратиться к действующему законодательству, то в УИК РФ ничего нет о восстановлении социальной справедливости, которая отражена как цель в УК РФ.

При этом очевиден приоритет превентивной цели, следующий из функционального предназначения мер уголовной ответственности как наиболее репрессивной формы государственного принуждения и юридической ответственности. К настоящему времени общепризнано, что

их основная цель – это обеспечение исполнения тех уголовных предписаний, которые установлены в форме запретов на совершение неких действий, признаваемых государством преступными, как в дальнейшем самим лицом, совершившим преступление, так и другими «неустойчивыми» лицами. В уголовном и уголовно-исполнительном праве такую цель принято именовать превенцией (предупреждением преступлений), подразделяя ее на общую и частную¹. Следовательно, меры ответственности – это естественные и необходимые составляющие любого, в том числе уголовно-правового регулирования.

Воздействие на поведение по несовершению преступлений в рамках отношений уголовно-правового цикла, по сути, сводится к установлению видов мер уголовной ответственности (что само по себе регулирует жизнь общества, в том числе закреплением, устрашая «неустойчивых» лиц), а также к фактическому их применению (назначению и исполнению) к тем, кто не соблюдает уголовно-правовые запреты (как за счет фактического ограничения либо лишения возможности совершать преступления виновными, так и за счет устрашения «неустойчивых» лиц, но уже не введением мер ответственности, а их непосредственным применением). Более того, в процессе фактического применения мер уголовной ответственности огромное значение имеет не только правильное ее назначение, но и грамотное ее исполнение, поскольку хорошо назначенная, но неисполненная мера будет «пустой».

Именно цель превенции «налагает оковы» на содержание мер уголовной ответственности и на процесс их исполнения, так как все это должно быть способным «устрашать», а значит, должно лишать и ограничивать осужденного в значимых и важных для него правах, свободах.

Все вышеизложенное относимо к такой мере уголовной ответственности, как уголовное наказание, и именно поэтому оно является карой, т.е. совокупностью лишений, правоограничений, направленных на целевое причинение страданий осужденному. Вместе с тем в ряде случаев у государства появляется необходимость при наличии неких исключительных обстоятельств не назначать наказание либо не исполнять назначенное наказание, что влечет появление так называемых

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др. ; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012.

иных мер уголовной ответственности, нередко именуемых иными мерами уголовно-правового характера (к числу которых мы относим условное осуждение, условно-досрочное освобождение и отсрочку от отбывания наказания). Последние, в отличие от наказания, не являются карой, т.е. составляющие их содержание лишения и правоограничения расцениваются как специально-предупредительные либо как исправительные меры. Поэтому превентивный акцент иных мер уголовной ответственности – в ограничении, лишении возможности совершения преступлений осужденными.

Цель превенции налагает ограничения, безусловно, и на процесс исполнения мер уголовной ответственности. В зависимости от конкретного вида и ситуации на первый план может ставиться либо устрашение (например, при штрафе), либо ограничение, лишение фактической возможности совершения преступлений (например, при лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Соответственно, правовое регулирование исполнения мер уголовной ответственности должно полностью быть соподчинено данной цели, а это значит, что содержание назначенной меры уголовной ответственности должно быть воплощено в жизнь. Но это далеко не всегда возможно, поэтому и появляется необходимость обеспечения данных правил своими моделями-санкциями.

Таким образом, на минимальном уровне базовой задачей уголовно-исполнительного регулирования является создание и воплощение в жизнь правил по реализации назначенных мер уголовной ответственности. Данная задача решается как за счет правильного закрепления основной модели поведения, так и за счет создания механизма добровольного и принудительного ее воплощения с помощью обеспечительных моделей-санкций (актов реализации права, специализированных государственных органов и т.д.).

Изложенное выше позволяет утверждать, что основные, исходные рамки уголовно-исполнительного регулирования обусловлены превентивной целью мер уголовной ответственности, т.е. назначенное наказание должно быть исполнено, так как неотвратимость ответственности, как одна из самых значимых категорий, не сводится только к тому, что каждое правонарушение должно быть обнаружено, а, безусловно, включает в себя и то, что за данное правонарушение должны последовать реальные негативные последствия.

Что касается иных целей, в частности, исправления, то она может ставиться перед наказанием в соответствующем государстве на определенном этапе его развития, а может и нет, поскольку, в отличие от превенции, не является имманентной целью мер уголовной ответственности, хотя исправительный (воспитательный) эффект присущ каре¹. Если же государство такую цель перед мерами уголовной ответственности ставит, то это налагает дополнительные ограничения на уголовно-исполнительное регулирование, а также необходимость усиления исправительного воздействия за счет других мер (прежде всего ранее отмеченных некарательных исправительных мер), так как исправительный потенциал кары весьма ограничен.

И.А. Шкуренко

РАЗВИТИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ПЕРИОД 1917–1922 гг.

Концепцией развития УИС на период до 2030 г. указывается на необходимость развития сетей исправительных центров. Важность развития института принудительных работ отмечается на всех уровнях системы государственной власти и является одним из приоритетных направлений, совершенствующих уголовно-исполнительную систему Российской Федерации.

В этой связи возникает необходимость проведения сравнительно-правового и исторического анализа развития наказаний, не связанных с лишением свободы и содержащих элементы мер принуждения в виде обязательного привлечения к труду.

Одним из важных этапов развития уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, при реализации которых предусматривается привлечение осужденных к трудовой деятельности в местах, определяемых органами исполнительной власти, является период с 1917 по 1922 г.

¹ Вместе с тем и в современной литературе весьма распространенной является позиция, в соответствии с которой именно исправительной, а не превентивной цели придается первостепенное, главенствующее значение. См., напр.: Матвеев А.В. О правовых принципах воспитательной работы с осужденными // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 3.

Наказание в виде принудительных работ впервые появилось в 1917 г. после Октябрьских революционных событий. Данное время характеризовалось проведением планомерных мероприятий, направленных на ликвидацию, репродуцирование тюремных учреждений царской эпохи и созданием новых видов мест исполнения уголовных наказаний. В целом указанные меры государственного принуждения приобрели значимый элемент в виде исправительно-трудового воздействия, который послужил основой к дальнейшему развитию уголовного и уголовно-исправительного законодательства. Так, впервые принудительные работы как вид наказания закрепляются в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г., которые предусматривали наказание в виде принудительных работ без помещения в места изоляции и сопровождалось исправительно-трудовым воздействием на осужденного.

Постановлением ВЦИК от 15.04.1919 г. «О лагерях принудительных работ» было установлено требование об образовании новых учреждений и органов по исполнению уголовных наказаний, связанных с «немедленным привлечением к работам по требованию», – лагерей принудительных работ. Появление данного вида учреждений явилось следствием и достижением первых результатов правовой исправительно-трудовой политики новой власти. При сравнительном анализе деятельности лагерей принудительных работ и современных ИЦ прослеживается схожесть в правовом регулировании порядка отбывания наказания в специализированных учреждениях, ограничивающих свободу передвижения, с обязательным привлечением к труду. Отличительными особенностями являются: во-первых, привлечение осужденных в лагерях принудительных работ к физическому труду, который в исключительных случаях мог заменяться интеллектуальной деятельностью; во-вторых, с осужденных, отбывающих наказание в лагерях принудительных работ, не осуществлялось обязательное удержание в доход государства части заработной платы. Порядок вычетов производился исключительно только за их содержание в специализированных учреждениях (одежда, питание и т.п.) в нормах не более трех четвертей от общей суммы заработной платы, что регламентировалось Постановлением ВЦИК от 17.05.1919 г.

Уголовным кодексом 1922 г. система наказаний была упорядочена. Она содержала в себе наказание в виде принудительных работ без содержания под стражей. Исправительно-трудовым кодексом РСФСР

1924 г. был регламентирован порядок исполнения данного вида уголовного наказания, контроль исполнения наказания возлагался на Бюро принудительных работ. Сущность данного наказания заключалась в привлечении осужденных к работам без необходимости их содержания в специализированных учреждениях. В результате лагеря принудительных работ перестали функционировать, и как следствие схожий в правовом регулировании институт наказания в виде принудительных работ перестает существовать до появления условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду и условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду¹.

По итогу рассматриваемый период с 1917 по 1922 г. можно обособить в отдельный этап развития отечественной системы исполнения наказаний, являющийся основополагающим для развития наказаний, не связанных с изоляцией от общества и сопряженных с трудом.

¹ Грушин Ф.В. Уголовное наказание в виде принудительных работ. Рязань, 2013. С. 19.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Е.В. Боровцова

РАССМОТРЕНИЕ МИРОВЫМИ СУДЬЯМИ ВОПРОСА О ЗАМЕНЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СЛУЧАЕ ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ ЕГО ОТБЫВАНИЯ

Механизм замены наказания является одним из ключевых инструментов обеспечения эффективности уголовно-исполнительной системы и поддержания правопорядка в обществе¹. Данный институт выполняет превентивную функцию, способствующую формированию у осужденных ответственного отношения к исполнению назначенного судом наказания.

Особое внимание следует уделить процессуальному порядку рассмотрения представлений о замене наказания. Рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляются в форме правосудия в открытом судебном заседании². В данном контексте судебная инстанция обязана эксплицировать участникам процесса их правовой статус, включающий права, обязанности и потенциальную ответственность, а также обеспечить возможность реализации декларируемых прав. Указанное законодательное требование направлено на имплементацию принципа состязательности и паритетности сторон в судебном процессе. Открытость судебного заседания также способствует повышению прозрачности судебной системы и укреплению доверия общества к правосудию. При этом законодатель

¹ Булатов Б.Б., Николок В.В. Привод как мера принуждения в стадии исполнения приговора // Российский следователь. 2013. № 13. С. 9–12.

² Николок В.В. Заочный арест осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания // Уголовный процесс. 2014. № 12 (120). С. 58–69.

предусматривает возможность проведения закрытого судебного заседания в случаях, прямо предусмотренных законом¹.

Показательным примером из судебной практики является дело С., рассмотренное мировым судьей в январе 2024 г. Согласно материалам дела, С. была осуждена по ч. 1 ст. 158 УК РФ к обязательным работам сроком 280 часов. После постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции осужденная систематически не выходила на обязательные работы без уважительных причин. Данное дело представляет особый интерес для анализа, поскольку иллюстрирует типичные проблемы, возникающие при исполнении наказания в виде обязательных работ, и демонстрирует механизм реагирования правоохранительных органов на злостное уклонение от отбывания наказания.

В частности, в хронологическом периоде с 13.11 по 17.11.2023 и с 20.11 по 24.11.2023 гражданка С. отсутствовала на локации выполнения обязательных работ без уважительной аргументации. За допущенные нарушения осужденной были инициированы предупреждения о потенциальной замене обязательных работ более суровым видом наказания. Необходимо акцентировать, что уголовно-исполнительная инспекция реализовала все необходимые превентивные меры: осуществлялись профилактические беседы с осужденной, проводились инспекционные мероприятия по месту жительства, направлялись уведомления о необходимости явки в инспекцию. Однако, несмотря на предпринятые меры, осужденная продолжала нарушать установленный режим отбывания наказания. При юридической оценке вопроса о модификации наказания суд учитывает комплекс факторов: характер и степень общественной опасности преступления, личностные характеристики виновного, мотивационные аспекты уклонения от отбывания назначенного наказания. В рассматриваемом случае мировой судья констатировал злостный характер уклонения С. от исполнения судебного решения, что подтверждалось систематическими абсентеизмами без легитимных причин. Существенным обстоятельством являлся факт надлежащего информирования осужденной о юридических последствиях

¹ Николок В.В. Обзор практики заключения судами под стражу (продления срока задержания) осужденных, скрывшихся в целях уклонения от отбывания наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // Российское правосудие. 2015. № 7 (111). С. 61–81.

нарушения порядка исполнения судебного решения, что документально подтверждалось имеющимися в материалах дела расписками о получении соответствующих предупреждений.

Согласно ч. 3 ст. 49 УИК РФ, при злостном уклонении осужденного от отбывания обязательных работ предусматривается их замена принудительными работами или лишением свободы. При этом временной интервал, в течение которого осужденный исполнял предписанные работы, учитывается при определении срока принудительных работ или лишения свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ. Данное нормативное положение имплементирует принцип справедливости при модификации наказания и учитывает отбытую часть наказания.

В казусе гражданки С. было установлено, что осужденная отработала 152 часа обязательных работ, неисполненный объем составил 128 часов. При рассмотрении вопроса о замене наказания мировой судья основывался на неотбытом сроке в виде 128 часов обязательных работ. В соответствии с императивными требованиями ст. 58 ч. 1 п. «а» УК РФ, поскольку инкриминируемое С. деяние относится к категории умышленных преступлений небольшой тяжести, ей было определено отбывать наказание в колонии-поселении. При детерминации вида исправительного учреждения мировой судья учел отсутствие у осужденной предшествующих судимостей и специфику совершенного деяния.

В правоприменительной практике возникают неоднозначные ситуации при определении обязательности присутствия осужденного на судебном заседании, проводимом в соответствии с ч. 2–7 ст. 399 УПК РФ. Амбивалентность решения вопроса об обязательности участия осужденного в судебном процессе обусловлена многоаспектностью правового регулирования и порождает необходимость обращения к комплексу нормативных актов, регламентирующих стадию исполнения приговора. Данная проблематика приобретает особую актуальность в случаях, когда осужденный дистанцируется от контакта с уголовно-исполнительной инспекцией или его местонахождение не установлено. В таких ситуациях возникает юридическая дилемма о допустимости проведения судебного заседания в отсутствие осужденного при условии надлежащего уведомления осужденного о времени и месте судебного разбирательства.

В контексте рассматриваемой проблемы важно отметить, что ч. 2 ст. 10 УИК РФ презюмирует обязательность соблюдения прав осужденных, гарантированных Конституцией РФ, в том числе их права на защиту от уголовного преследования, с изъятиями и ограничениями, установленными федеральными законами¹. Данная норма имеет основополагающее значение для определения объема процессуальных прав осужденного при рассмотрении вопроса о замене наказания. При этом важно учитывать, что ограничения процессуальных прав осужденного должны быть прямо предусмотрены законом и не могут толковаться расширительно. Любые сомнения в толковании норм о правах осужденного должны трактоваться в его пользу². Это положение основывается на общих принципах права и направлено на обеспечение справедливого судебного разбирательства.

Практика показывает, что наиболее эффективным способом обеспечения прав осужденного является его личное участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене наказания. В некоторых случаях целесообразно рассмотреть возможность привода осужденного для обеспечения его участия в судебном заседании.

В деле гражданки С. мировой судья произвел комплексную оценку всех юридически значимых обстоятельств: характер и степень общественной опасности инкриминируемого деяния, за которое она была осуждена приговором суда от 02.10.2023, личные данные, причины систематического уклонения от исполнения судебного решения о назначении обязательных работ. На основании проведенного анализа мировой судья сформулировал вывод о необходимости замены наказания в виде обязательных работ на лишение свободы.

При решении вопроса о замене уголовного наказания суд должен руководствоваться не только формальными основаниями для признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания, но и учитывать конкретные обстоятельства дела, личность осужденного,

¹ Николук В.В. Актуальные вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в стадии исполнения приговора // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 33–39.

² Николук В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел : ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. 236 с.

причины допущенных нарушений¹. Такой подход обеспечивает реализацию принципов справедливости и индивидуализации наказания.

Резюмируя изложенное, следует акцентировать ряд существенных аспектов, касающихся процедуры замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания. Прежде всего, необходимо подчеркнуть императивность соблюдения процессуальных гарантий прав осужденного при рассмотрении вопроса о замене уголовного наказания. Как демонстрирует анализ судебной практики, наиболее дискуссионным является вопрос об обязательности участия осужденного в судебном заседании. Существующие разногласия в правоприменительной практике требуют законодательной регламентации данного вопроса.

Рассмотренное дело С. наглядно демонстрирует механизм замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания. Мировым судьей были учтены все значимые обстоятельства: характер нарушений порядка отбывания наказания, личность осужденной, ее отношение к назначенному наказанию. Принятое решение о замене обязательных работ лишением свободы было обусловлено систематическим характером нарушений и отсутствием уважительных причин неявки на обязательные работы.

Важным аспектом является определение срока нового наказания при замене обязательных работ лишением свободы. Согласно закону, неотбытая часть наказания пересчитывается из расчета один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ. В деле С. неотбытый срок составил 128 часов обязательных работ, что при пересчете составило 16 дней лишения свободы.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что доминирующими причинами замены наказания являются: систематическое игнорирование возложенных обязанностей, нарушение установленного порядка исполнения судебного решения, уклонение от контроля уголовно-исполнительной инспекции. При этом судебные инстанции учитывают как формальные основания для квалификации поведения осужденного как злостного уклонения от отбывания уголовного наказания, так и конкретные обстоятельства дела.

¹ Николок В.В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 4. С. 43–52.

Эффективность института замены уголовного наказания в случае злостного уклонения от его исполнения детерминирована корректным применением норм материального и процессуального права, комплексной оценкой всех юридически значимых обстоятельств и обеспечением процессуальных гарантий прав осужденного.

Е.В. Брянская

К ВОПРОСУ ФОРМАЛЬНОЙ И ФАКТИЧЕСКОЙ СИЛЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В уголовном судопроизводстве России издавна не теряют своей актуальности вопросы процессуальной силы доказательств. В частности, еще в дореволюционных источниках после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. обсуждались вопросы процессуальной силы отдельных источников доказательств. В частности, Я.И. Баршев в своих научных трудах раскрывал сущность силы доказательств по уголовному делу¹. В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) закрепляет такой термин, как «юридическая сила доказательств».

В свете современного законодательства нам видится вполне содержательным такое понятие, как «процессуальная сила доказательств». В частности, мы рассматриваем его в качестве фактической реализации в процессе доказывания формально закрепленных источников доказательств (ст. 74 УПК РФ). Именно процессуальная сила является показателем того, какой источник доказательств по конкретному уголовному делу, в рамках которого доказывается квалификация преступного деяния, фактически в совокупности и в условиях непротиворечивости другим источникам доказательств имеет наиболее убеждающее значение.

По нашему мнению, процессуальная сила доказательств по конкретному уголовному делу может рассматриваться в виде практического качества доказательства в свете его информационного содержа-

¹ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб. : Тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. 297 с.

ния, которое отвечает свойствам относимости, допустимости, достаточности, достоверности и взаимосвязанной, логической непротиворечивости с другими доказательствами по уголовному делу, что позволяет построить грамотную аргументацию при рассмотрении уголовного дела по существу в рамках судебного следствия, прениях и репликах сторон.

В зависимости от категории уголовного дела, от состава преступления, вменяемого в вину, формальные доказательства, регламентированные ст. 74 УПК РФ и при оценке не наделенные заранее установленной процессуальной силой, приобретают на уровне внутреннего убеждения судьи фактическую силу. Причина видится в том, что в зависимости от предмета доказывания по конкретному преступному деянию решается вопрос его правильной квалификации. О фактической силе доказательств мы можем говорить и тогда, когда по уголовному делу в силу ст. 196 УПК РФ необходимо назначать в обязательном порядке экспертизу, а также тогда, когда решаются вопросы оценочного характера, к примеру, в ситуации рассмотрения гражданского иска о компенсации морального вреда.

Интерес представляет фактическая сила доказательств, именуемых ключевыми. В частности, такой термин, как «ключевые доказательства», достаточно часто используется в решениях Европейского суда по правам человека; в этой связи наши правоприменители ошибочно считают, что данное понятие обязано своим использованием именно европейским установкам. В действительности с таким положением сложно согласиться. Понятие «ключевые доказательства» достаточно активно обсуждалось и использовалось советскими учеными, а именно в тех научных трудах, которые посвящались Нюрнбергскому процессу, уходят эти источники к 1947–1949 гг. Именно тогда учеными активно приводились факты и анализировались доказательства, на основе которых построил убедительную и основательную речь государственный обвинитель Р.А. Руденко.

В частности, в качестве ключевых доказательств оценивались свидетельские показания. Так, на Нюрнбергском процессе Международным военным трибуналом было допрошено в судебном заседании 116 свидетелей¹.

¹ Розенблит С.Я. Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. С. 3.

Интерес представляет и то, что в 1966 г. синонимом «ключевых доказательств» были «необходимые доказательства», о которых писал А.М. Ларин¹. О.В. Левченко в своей научной работе «Презумпции равенства всех видов доказательств по уголовному делу» писала о «незаменимых доказательствах». Н.Н. Пилюгин и А.С. Евстегнеев в монографическом исследовании «Доказывание на стадии предварительного расследования» упоминали термин «базовое доказательство». Следовательно, анализируя судебную практику и научные изыскания, мы можем полагать, что доказательства вполне могут быть классифицированы по основанию их процессуальной силы на формальные и фактические. В зависимости от сложившегося внутреннего убеждения судьи разные источники доказательств фактически могут возыметь разное процессуальное значение и иногда не весь формальный перечень доказательств может иметь равную процессуальную силу на уровне внутреннего убеждения судьи.

Достаточно спорным источником доказательства выступают заключение и показания специалиста. С одной стороны, УПК РФ регламентирует правило о том, что ни один из источников доказательств не имеет заранее преимущественную силу, значит, заключение и показания специалиста должны иметь равное процессуальное значение с другими источниками доказательств. Тогда как анализ следственной и судебной практики показывает совершенно иное. Фактически роль специалиста сводится всего лишь к вспомогательному ресурсу при производстве следственных действий, имеет важное значение при расследовании уголовных дел в рамках сокращенного дознания, но по своему процессуальному значению уступает заключению эксперта².

¹ Левченко О.В. Презумпция равенства всех видов доказательств по уголовному делу. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezumpsiya-ravenstva-vseh-vidov-dokazatelstv-po-ugolovnomu-delu?ysclid=m7a6zhyxmk44808765> (дата обращения: 18.02.2025).

² Брянская Е.В. Процессуальная сила специальных познаний как средств подкрепления логической взаимосвязи доказательств. URL: <https://lawinfo.ru/articles/9266/processualnaya-sila-specialnyx-poznanii-kak-sredstv-podkrepleniya-logiceskoi-vzaimosvyazi-dokazatels> (дата обращения: 18.02.2025).

АНАЛИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ст. 237 УПК РФ

Институт возвращения судом уголовного дела прокурору с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. находится в зоне постоянного и повышенного внимания со стороны правоведов, а также Верховного Суда РФ. И это не случайно. Процедура возвращения дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) имеет важное значение для обеспечения законности и справедливости актов правосудия, принимаемых судом по существу уголовного дела, и призвана устранять процессуальные нарушения, а с некоторых пор и ошибки обвинения, допущенные в ходе досудебного производства по делу и создающие неустранимые в судебном разбирательстве препятствия для рассмотрения дела судом.

Неоднозначное отношение к процедуре возвращения дела прокурору, сменившей действовавший в рамках УПК РСФСР 1960 г. институт направления дела на дополнительное расследование, со стороны представителей науки уголовно-процессуального права и практических работников, несовершенство его правовой регламентации и неоднократные изменения положений ст. 237 УПК РФ, вызванные в том числе позициями Конституционного Суда РФ, наконец, противоречивая судебная практика неоднократно подвигали Пленум Верховного Суда РФ на разъяснения судам порядка и условий применения положений ст. 237 УПК РФ в ряде постановлений¹, которые в обобщенном, переработанном и существенно дополненном виде нашли воплощение в новом специализированном Постановлении от 17 декабря 2024 г. № 39 «О применении судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору»².

¹ Например, постановления Пленума Верховного Суда РФ: от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм УПК РФ»; от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» и др.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

Основной проблемой института возвращения дела прокурору был и остается вопрос о характере и перечне процессуальных нарушений, включаемых в основание возвращения дела, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Пленум Верховного Суда РФ, подтвердив очередной раз принятое в теории и устоявшееся в практике широкое толкование сущности нарушений, допущенных при составлении обвинительного заключения, акта или постановления (далее – обвинительные документы) и исключающих возможность принятия на их основе решения по существу дела, воспроизвел часть примеров таких нарушений, известных по предыдущим (вышеуказанным) постановлениям, но в то же время внес существенные коррективы в этот перечень, включив в него «новые» нарушения и исключив часть ранее признаваемых, которые по измененной позиции Верховного Суда РФ могут быть устранены в судебном заседании. К числу последних отнесено отсутствие в обвинительном документе указаний на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу (п. 8 Постановления).

В новой интерпретации Верховного Суда РФ вынесению итогового решения по делу препятствует изложенное в обвинительном документе обвинение, которое *существенно* отличается от обвинения, содержащегося в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (п. 2 постановления), тогда как ранее основанием возвращения дела прокурору служило любое несоответствие указанных процессуальных актов (п. 14 Постановления от 05.03.2004 № 1).

В то же время Верховный Суд РФ побуждает суды возвращать дело прокурору в случаях, когда допущенные нарушения, на наш взгляд, не создают непреодолимых препятствий для рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Так, в п. 3 Постановления рекомендовано возвращать уголовное дело прокурору по причине отсутствия в материалах дела заключения эксперта в случаях, когда в силу ст. 196 УПК РФ производство судебной экспертизы является обязательным, а также когда заключение эксперта является необходимым для установления подлежащих доказыванию обстоятельств при том, что эти обстоятельства не могут быть установлены с помощью иных доказательств, а производство экспертизы в суде невозможно без отложения рассмотрения дела на длительный срок. В этой связи можно заметить, что необходимость производства

судебной экспертизы, в том числе в случаях прямого требования закона, никогда ранее не признавалась основанием для возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, равно как и основанием для направления дела для дополнительного расследования по ст. 232 УПК РСФСР, так как производство любой экспертизы доступно в ходе судебного разбирательства. Ссылка Верховного Суда РФ на предотвращение длительности судебного разбирательства, которое противоречит интересам правосудия, вряд ли оправдывает данную рекомендацию, поскольку возвращение дела прокурору, а затем и следователю для производства экспертизы и выполнения всего комплекса процессуальных действий по окончании следствия и повторном направлении дела в суд несколько не сокращает производство по делу, а, напротив, порождает его затягивание и проведение повторного судебного разбирательства.

В п. 5 Постановления Пленум Верховного Суда РФ предлагает судам возвращать прокурору уголовное дело, поступившее с обвинением, в случаях, когда у органа предварительного расследования имелись основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Наличие таких оснований препятствует вынесению судом обвинительного приговора, но не лишает его возможности, в том числе в предварительном слушании, прекратить уголовное дело (уголовное преследование) по нереабилитирующим основаниям в соответствии со ст. 239 УПК РФ. Представляется, что такой исход дела более приемлем и с точки зрения процессуальной экономии, и с позиции соблюдения прав обвиняемого.

В целом можно заключить, что в новеллах анализируемого постановления, просматриваются стремления Верховного Суда РФ, с одной стороны, исключить из практики случаи возвращения дела прокурору по чисто формальным основаниям, когда суд в принципе может преодолеть (устранить) процессуальное нарушение или исправить ошибку обвинения (квалификации), а с другой – не допустить затягивание судебного разбирательства из-за неполноты предварительного расследования и необходимости производить следственные действия, которые был обязан выполнить орган предварительного расследования.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ЗАЩИТЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ХИЩЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

На сегодняшний день одной из значимых проблем, стоящих перед правоохранительными органами, является раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). Эта проблема обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, наблюдается устойчивый рост количества таких правонарушений. Преступлений, совершенных с использованием ИТТ за январь–ноябрь 2024 г., по сравнению с январем–ноябрем 2023 г. зарегистрировано на 14,3% больше¹. Во-вторых, лица, причастные к их совершению, извлекают колоссальные материальные выгоды. Так, министром МВД РФ Владимиром Колокольцевым отмечается, что преступлениями в данной сфере наносится существенный вред экономике и имущественным правам граждан, который за 11 месяцев 2024 г. составил более 168 млрд руб.² В-третьих, с развитием ИТТ преступность приобретает новые формы, что существенно затрудняет раскрытие таких преступлений и требует адаптации процессуальных механизмов расследования. Кроме того, большинство этих правонарушений осуществляются дистанционно, с территории других регионов Российской Федерации, а также за её пределами³.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/59951540/> (дата обращения: 10.01.2025).

² Ущерб от IT-мошенничества за 11 месяцев 2024 года составил 168 млрд рублей. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22814225> (дата обращения: 10.01.2025).

³ МИД: на Украине расположены более тысячи «колл-центров», вымогающих деньги. URL: <https://ria.ru/20240105/ukraina-1919770524.html> (дата обращения: 10.01.2025).

Следует отметить и несовершенство действующего законодательства, которое не всегда в полной мере учитывает специфические особенности и динамику развития преступлений в сфере ИТТ, и пока не предусматривает некоторых механизмов. Так, хищения с использованием ИТТ часто сопровождаются применением технологий, затрудняющих собирание доказательств. Цифровые следы могут быть легко уничтожены или зашифрованы, а преступники часто действуют анонимно или через подставных лиц. А в силу затруднения быстрого получения информации о движении похищенных денежных средств по счетам и их владельцах процессуальная мера, такая как наложение ареста на имущество (денежные средства), часто требуют значительного времени, что может привести к утрате похищенных средств или их выводу за границу.

В современном обществе, где ИТТ интегрированы во все аспекты жизни, от личных коммуникаций до управления финансами и государственными структурами, преступления, совершаемые с их использованием, приобретают особую значимость. Поэтому обеспечение адекватной защиты потерпевших является приоритетной задачей для правоохранительных органов. В связи со «злободневностью» проблематики на сегодняшний момент обсуждается предложение МВД РФ внести поправки в ст. 115.2 УПК РФ¹ для предоставления следователям права блокировать банковские счета лиц, которым поступили денежные средства потерпевшего до решения суда.

Предложение о внесении изменений в статью является актуальным, особенно в контексте хищений с использованием ИТТ. В условиях современных технологий деньги могут быть переведены за считанные минуты, особенно если преступники используют автоматизированные системы или криптовалюту. Блокировка счетов должна быть максимально оперативной, чтобы предотвратить вывод средств. Однако для успешной реализации необходимо: внедрить автоматизированные системы для анализа и блокировки подозрительных транзакций; обеспечить тесное взаимодействие между правоохранительными органами и банками в рамках «единого окна», предусмотрев ответственность за разглашения данных, относящихся к банковской тайне; установить

¹ Следователи смогут блокировать счета фигурантов уголовных дел до решения суда // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/09/1080109-sledovатели-smogut-blokirovat-scheta-figurantov-ugolovnih-del-do-resheniya-suda> (дата обращения: 10.12.2024).

четкие критерии для блокировки счетов, чтобы минимизировать риск ошибок; разработать механизмы ответственности и возмещения ущерба в случае ошибочной блокировки. Если эти условия будут выполнены, блокировка счетов сможет стать эффективным инструментом защиты имущественных прав потерпевших.

Основная цель такой реализации заключается в упрощении процедуры обмена данными и повышении оперативности взаимодействия, что достигается посредством использования интегрированной платформы взаимодействия. Создание системы «единого окна» предполагает разработку комплекса технико-информационных и юридических механизмов. Помимо закрепления норм УПК РФ, это включает в себя стандартизацию процесса подачи запросов и предоставления информации, определение форматов данных, разработки протоколов шифрования для защиты информации и соблюдение норм конфиденциальности.

Таким образом, в современном информационном обществе, где уровень цифровизации и скорость, с которой могут совершаться хищения с использованием ИТТ, продолжают расти, возникает острая необходимость в совершенствовании процессов взаимодействия правоохранительных органов с кредитно-финансовыми организациями и разработке процедур, позволяющих временно блокировать счета без судебного решения. Это требует создания более эффективных механизмов, которые позволят оперативно обмениваться данными, необходимыми для предотвращения и расследования преступлений, а также предотвращать вывод денег. Данное сотрудничество должно базироваться на прозрачных и четко регламентированных процедурах, которые гарантируют строгий контроль законности, соблюдения прав граждан и этичности действий обеих сторон.

О.В. Воронин

О ПОСТАНОВЛЕНИИ ПРОКУРОРА КАК ОТДЕЛЬНОМ ПОВОДЕ К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ВОЗВРАЩЕНИИ ПРОКУРОРУ ПРАВА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Пункт 4 ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает в качестве самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела постановление прокурора

о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Специфика данного повода заключается в том, что такое постановление может быть вынесено в ограниченных случаях:

Во-первых, постановление прокурора о возбуждении уголовного дела выносится исключительно по результатам прокурорской проверки, а значит, предметом прокурорской оценки может служить только деятельность поднадзорных лиц, охваченных прокурорским надзором и определенных в ст. 1 и 21 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре).

Во-вторых, с учетом требований ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и положений ст. 1 и 21 Закона о прокуратуре предметом прокурорской оценки в этом случае может быть:

1) деятельность только руководителей и должностных лиц коммерческих и некоммерческих организаций, а также лиц, на которые возложены функции управления данными организациями (исполняющие обязанности руководителей, органов управления и должностных лиц коммерческих и некоммерческих организаций). При этом оценке подлежит именно их профессиональная деятельность в рамках осуществляемых управленческих и служебных функций, а не в целом их поведение как физических лиц;

2) деятельность руководителей и должностных лиц государственных органов власти и муниципальных образований.

В-третьих, с учетом изложенного постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании может быть вынесено исключительно по результатам прокурорской проверки, проведенной в отношении руководителей или должностных лиц (лиц, исполняющих их обязанности), в связи с реализацией ими их должностных обязанностей. Это значит, что такие постановления могут служить поводом для возбуждения в основном должностных преступлений, а также преступлений коррупционной и экономической направленности.

Что касается возбуждения уголовных дел по признакам иных преступлений, например общеуголовных, то представляется, что в этом случае прокурор в случае их обнаружения должен выносить рапорт и направлять его по подследственности. Исключением могут служить лишь результаты проверки сообщений о совершенных и готовящихся

преступлениях, распространенные в СМИ и выявленные по результатам проверки органом дознания, проведенной по поручению прокурора (ч. 2 ст. 144 УПК РФ). Поскольку результаты такой проверки направляются прокурору, в случае выявления органом дознания признаков преступления и направления прокурору подтверждающих материалов прокурор также должен выносить постановление о направлении их по подследственности для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Статья 22 Закона о прокуратуре наделяет прокурора обширным арсеналом проверочных возможностей. Сопоставление его с проверочными полномочиями органов уголовного преследования, предоставляемыми ст. 144 УПК РФ, позволяет сделать вывод, что они практически идентичны. Исключения составляют лишь отдельные процессуально-следственные действия, которые не может провести прокурор (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение проведения экспертизы и пр.). Однако с учетом отсутствия у прокурора возможности принимать решение о возбуждении уголовного дела их наличие едва ли необходимо: для выявления признаков должностных, коррупционных и экономических преступлений в ходе прокурорских проверок вполне достаточно существующего инструментария, предоставляемого ему ст. 22 Закона о прокуратуре. В этой связи также логичным представляется отсутствие у прокурора права давать органу дознания поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий в ходе проводимой прокурорской проверки, по крайней мере в ходе реализации общенадзорных мероприятий.

С проблемой признания особого характера постановления прокурора о направлении материалов по подследственности с целью разрешения вопроса об уголовном преследовании тесно связан вопрос о возвращении прокурору права возбуждения уголовных дел.

На сегодняшний день в науке сложились три основных подхода по этому вопросу. Сторонники первого считают необходимым сохранить сложившуюся ситуацию; второго – вернуть прокурору право безусловного возбуждения уголовных дел¹. Третьи выступают за предоставление такого права прокурору при определенных условиях (например,

¹ Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4. С. 102.

возбуждать уголовные дела при очевидных признаках преступления¹; исключительно в отношении специальных субъектов; в случае уголовного преследования конкретного лица и т.п.). Не вдаваясь в полемику, отметим, что наиболее приемлемый вариант с учетом сложившихся реалий правового регулирования процессуальной и надзорной деятельности прокурора – последний: предоставление ему права возбуждения уголовных дел при определенных условиях. В нашем случае оптимальным вариантом было бы наделение прокурора правом возбуждать уголовные дела только по результатам проведенных прокурорских проверок, в ходе которых были выявлены признаки преступлений, подследственных органам дознания.

Безусловное возвращение прокурору права возбуждать уголовные дела при отсутствии у него возможности осуществлять процессуальный контроль и руководство по всем уголовным делам потенциально может создать ситуацию конфликта интересов со следственными органами. Например, когда по вынесенному прокурорскому постановлению о возбуждении уголовного дела органы предварительного следствия не «захотят» осуществлять производство по причине различных оценок фактических обстоятельств, послуживших основанием к возбуждению уголовного дела. В результате возможна патовая ситуация: прокуратура не разрешит прекратить или приостановить возбужденное прокурором уголовное дело; следственные органы, в свою очередь, не будут проводить результативное и эффективное предварительное следствие. Однако такая ситуация исключена при производстве дознания, где действующее уголовно-процессуальное законодательство наделяет прокурора существенными полномочиями по направлению расследования: в этом случае у прокурора достаточно процессуальной власти обеспечить результативное расследование. При этом за прокурором следует сохранить возможность направления результатов прокурорских проверок для решения вопроса об уголовном преследовании в органы предварительного следствия.

Таким образом, возвращение прокурору ограниченного права возбуждения уголовных дел по результатам прокурорских проверок в случае выявления признаков преступления, подследственных дознанию, при сохранении полномочий, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 140

¹ Морозова О.С. Участие прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Правовестник. 2018. № 4 (6). С. 23.

УПК РФ, соответствует сложившемуся балансу процессуальных возможностей органов уголовного преследования на досудебном этапе уголовного судопроизводства. Тем более, с учетом положений ст. 150–151 УПК РФ не следует ожидать значительного увеличения количества дел, возбужденных по постановлению прокурора.

О.С. Головачук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Прокурор является одной из ключевых фигур уголовного судопроизводства, обладая значительными полномочиями как в досудебных стадиях, так и при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции, а также и в рамках последующих стадий уголовного процесса. При этом в последние десятилетия вопросы, связанные с участием прокурора в уголовном судопроизводстве, постоянно находятся в центре внимания ученых-процессуалистов и правоприменителей и не утрачивают своей актуальности.

В рамках данной статьи хотелось бы уделить внимание деятельности прокурора в рамках процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

В соответствии со ст. 317.1 УПК РФ, заключение соглашения возможно только при наличии соответствующего ходатайства подозреваемого или обвиняемого, которое он подает через следователя на имя прокурора. При этом следователь вправе отказать в удовлетворении данного ходатайства. Аналогичным правом обладает и прокурор (ст. 317.2 УПК РФ). По нашему мнению, двойной контроль в данном случае усложняет и затягивает процедуру принятия решения по заявленному ходатайству. Полагаем, что следователь, передавая прокурору ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, должен приложить к нему письменно изложенное мнение о необходимости и целесообразности заключения такого соглашения, а также подтверждающие его позицию материалы уголовного дела. Вопрос же об отказе либо удовлетворении ходатайства следует решать прокурору как субъекту, уполномоченному на подписание досудебного соглашения о сотрудничестве.

Кроме того, в действующем УПК РФ отсутствуют основания принятия прокурором решения об отказе в удовлетворении ходатайства, что может породить произвол со стороны должностных лиц. В целях преодоления обозначенного пробела следует закрепить в ст. 317.2 УПК РФ перечень таких оснований. В частности, Т.А. Титова и Т.В. Топчиева выделяют две группы оснований для отказа в удовлетворении ходатайства: 1) фактические (совершение преступления лицом единолично; отказ обвиняемого (подозреваемого) от дачи показаний в соответствии со ст. 51 Конституции РФ; отсутствие в ходатайстве конкретных обязательств обвиняемого (подозреваемого); нецелесообразность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве) и 2) формальные (нарушение требований уголовно-процессуального закона в ходе процедуры заявления ходатайства)¹.

Нецелесообразность заключения соглашения – это категория оценочная. Поэтому в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» следовало бы разъяснить, какие обстоятельства уголовного дела могут свидетельствовать о такой называемой нецелесообразности заключения соглашения. Например, предварительное следствие по делу находится уже на этапе завершения, а значит, отсутствует необходимость в помощи со стороны кого-либо из соучастников².

Также хотелось бы обратить внимание на еще одну проблему. В соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ в тексте досудебного соглашения о сотрудничестве должны быть подробно описаны действия, которые обвиняемый (подозреваемый) обязуется совершить при выполнении взятых на себя обязательств. В то же время обязательства, принимаемые прокурором, который подписывает данное соглашение, в законе не сформулированы. Пункт 7 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ звучит следующим образом: «смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозре-

¹ Титова Т.А., Топчиева Т.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 77.

² Минулин Р.М. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3(21). С. 61.

ваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве».

Мы предлагаем в досудебном соглашении о сотрудничестве конкретизировать обязательства прокурора, например, указывать вид и размер наказания, о котором он будет ходатайствовать в суде с учетом положений ч. 2 и 4 ст. 62 УПК РФ, так как на момент заключения соглашения уже известна квалификация деяния.

Кроме того, ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ наделяет прокурора полномочием прекратить действие досудебного соглашения или изменить его. Основания принятия данного решения сформулированы законодателем в самом общем виде. В связи с чем, на наш взгляд, в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) следовало бы дать разъяснения, в частности, по вопросу о том, что может рассматриваться как «другие данные, свидетельствующие о несоблюдении обвиняемым или подозреваемым условий или невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве».

Также в целях предотвращения принятия необоснованных решений предлагается распространить процедуру заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на принятие решения о прекращении его действия, т.е. закрепить в тексте УПК РФ обязанность прокурора вызывать следователя, обвиняемого и его защитника для того, чтобы они высказали свое мнение относительно дальнейшей судьбы соглашения.

На наш взгляд, высказанные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, касающиеся полномочий прокурора в ходе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, позволят повысить эффективность рассматриваемого института.

А.В. Грищенко

БАЛАНС МЕЖДУ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЕМ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Принцип непосредственности занимает важное место в системе ценностей уголовного процесса большинства правовых государств. Однако нередко строгое соблюдение принципа непосредственности

может создать угрозу для безопасности участников процесса, в связи с чем перед государствами возникает проблема поиска справедливого баланса между указанными ценностями уголовного процесса.

В соответствии с позициями ЕСПЧ, ограничение права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей (в том числе путем сокрытия данных об их личности) должно вытекать из необходимости защиты других существенных интересов, в том числе если жизнь, свобода или безопасность лица могут подвергаться угрозе¹. Наличие такого интереса в конкретном деле, как и необходимость оказания ему предпочтения перед беспрепятственной реализацией обвиняемым своего права на защиту, должны быть проверены судом и найти отражение в мотивированном решении².

Так, законодательство Соединенного Королевства, предусматривая в качестве исключения из правила о проведении личного судебного допроса отказ свидетеля явиться в суд из-за опасений причинения вреда его жизни, здоровью или имуществу, закрепляет возможность использования показаний «hearsay» («с чужих слов») лишь при признании этого отвечающим интересам правосудия. Статья 116 Закона об уголовной юстиции 2003 г. содержит перечень обстоятельств, подлежащих учету при решении данного вопроса: содержание заявления; риск несправедливости допущения или исключения заявления для одной из сторон (в частности, возможно ли его оспорить); возможность использования специальных мер оказания помощи свидетелю; иные значимые обстоятельства³. Например, в отношении несовершеннолетних свидетелей и жертв половых преступлений в качестве специальных мер предусмотрены применение видеосвязи при даче показаний, размещение за экраном или стеклом, использование видеозаписи допроса⁴, гарантирующие возможность видеть и слышать защищаемое

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышев против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2025).

² Постановление ЕСПЧ по делу «Красники против Чехии» от 28 февраля 2006 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2025).

³ Criminal Justice Act 2003 // legislation.gov.uk. [Б. м.], 2025. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents> (дата обращения: 28.02.2025).

⁴ Youth Justice and Criminal Evidence Act 1999 // legislation.gov.uk. [Б. м.], 2025. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/23/contents> (дата обращения: 28.02.2025).

лицо при даче им показаний. Важно, что применение данных мер проходит тщательную проверку судом с целью убедиться, что они необходимы для обеспечения безопасности свидетеля и не нарушают права обвиняемого на справедливое разбирательство.

Во Франции решение о сохранении в тайне личности свидетеля (допросе анонимного свидетеля) принимается также в ходе специальной процедуры при наличии оснований полагать, что существует серьезная угроза жизни или неприкосновенности свидетеля, членов его семьи, близких родственников. Так, для получения права на анонимность прокурор или следственный судья заявляют соответствующее ходатайство судье по свободам и заключению, который принимает мотивированное решение (ст. 706-58 УПК Франции¹).

При этом обвиняемый в течение десяти дней после ознакомления с показаниями такого лица вправе обратиться с жалобой к председателю следственной камеры. Решение о допросе анонимного свидетеля может быть отменено, если обвиняемый обосновал, что знание личности свидетеля имеет значение для осуществления права на защиту (ст. 706-60 УПК Франции). При сохранении анонимности свидетеля обвиняемый вправе ходатайствовать о проведении очной ставки с ним или о его допросе адвокатом посредством технических устройств, позволяющих допрашивать свидетеля дистанционно (ст. 706-61 УПК Франции). Осуждение исключительно на показаниях анонимного свидетеля не допускается (ст. 706-62 УПК Франции).

Законодательство Германии при наличии опасности причинения свидетелю существенного вреда предусматривает применение в отношении него видеоконференц-связи как исключение из общего правила о непосредственном личном допросе (§ 247a УПК ФРГ²). Принятие решения о проведении допроса через видеоконференц-связь возможно по инициативе суда, учитывающего при этом не только интересы свидетеля по обеспечению его безопасности, но и интерес в установлении

¹ Code de procédure pénale // REPUBLIQUE FRANCAISE Legifrance. [Б. м.], 2025. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006138133/?anchor=LEGIARTI000039279259#LEGIARTI000039279259 (дата обращения: 28.02.2025).

² Strafprozeßordnung // Gesetze im Internet. [Б. м.], 2025. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html#BJNR006290950BJNE010502311> (дата обращения: 28.02.2025).

истины, а также интересы обвиняемого на защиту (в частности, его право задавать вопросы допрашиваемому)¹.

Риск нарушения непосредственности возрастает, когда допросу подлежат помощники органов дознания (осведомители, доверенные лица, тайные агенты, негласные служащие полиции). Привлечение последних в качестве свидетелей сопряжено с угрозой для их жизни и здоровья, в связи с чем орган власти, использующий помощь названных людей, заинтересован в сохранении в тайне их личности, а также во введении их показаний опосредованно (оглашение протоколов допроса, допрос сотрудников полиции, проводивших их допрос)².

Вместе с тем сохранение в тайне личных данных помощников расследования не носит безусловный характер: орган власти обязан проверить достаточность применения более «мягких» мер защиты для обеспечения своих интересов. Так, первый уровень защиты состоит во внешних ограничениях при допросе помощника расследования (молчание относительно места жительства, сохранение в тайне имени). При этом суд может выступить со встречными предложениями (удаление подсудимого, допрос посредством видеоконференц-связи). Второй уровень заключается в допросе помощника расследования в порядке выполнения просьбы или поручения. На третьем уровне суд переходит к оглашению полицейского протокола допроса, показу видеозаписи допроса помощника расследования, допросу сотрудников полиции³. При этом показания последних о чужих высказываниях имеют меньшую ценность, а установление какого-либо обстоятельства может обосновываться такими показаниями только тогда, когда оно подтверждается другими важными доказательствами⁴.

Несовершеннолетнего свидетеля допрашивает председательствующий, а прокурор, подсудимый и защитник могут лишь ходатайствовать о постановке перед свидетелем дополнительных вопросов. Право непосредственно задавать вопросы несовершеннолетнему участникам процесса может быть предоставлено только при отсутствии опасности

¹ Бойльке Вернер. Уголовно-процессуальное право ФРГ : учебник. 6-е изд., с доп. и изм. / пер. с нем. Я.М. Плошкиной. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2004. С. 249.

² Шредер Ф.К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии : учебник. 5-е изд. / пер. с нем.; под ред. М.А. Кудратова. М. : Infotropic media, 2016. С. 181

³ Бойльке Вернер. Уголовно-процессуальное право ФРГ... С. 245–246.

⁴ Шредер Ф.К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии... С. 183.

причинения свидетелю вреда (§ 241а УПК ФРГ). Исключение из данного правила касается свидетелей, не достигших 18 лет, по преступлениям против половой свободы или против жизни, о жестоком обращении с лицами, находящимися под защитой, или о преступлениях против личной свободы, когда непосредственный допрос может быть заменен воспроизведением видеозаписи предыдущего допроса. Вместе с тем применение видеозаписи в этом случае возможно лишь при условии предоставления подсудимому и его защитнику возможности принять участие в этом допросе, при согласии свидетеля на воспроизведение видеозаписи допроса вместо дачи им показаний в суде (§ 255а УПК ФРГ), что является важной гарантией непосредственности.

Таким образом, применению мер защиты в рассмотренных государствах предшествует оценка судом в ходе специальной процедуры их необходимости и пропорциональности. При этом в качестве гарантий непосредственности предусматриваются меры, уравнивающие ограничение прав защиты, а также гарантии справедливой и надлежащей оценки достоверности показаний.

Е.А. Денисов

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ УМЕРШИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В следственной практике иногда возникают ситуации, когда те или иные участники умирают. В первую очередь, к таким лицам относятся потерпевший, подозреваемый и обвиняемый как основные участники уголовного судопроизводства. Вместе с тем уголовно-процессуальным законом в недостаточной степени регламентировано процессуальное оформление представителей указанных выше субъектов, что создает определенные трудности при расследовании преступлений.

Так, например, согласно ч. 8 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или)

близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников. Однако в данном случае умершее лицо – это потерпевший в уголовно-правовом смысле, его близкий родственник, близкое лицо и родственник – это потерпевший в уголовно-процессуальном смысле, процессуальный статус которого в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ оформляется соответствующим постановлением.

Также в ч. 2 ст. 134, ч. 3 ст. 135 и ч. 4 ст. 136 УПК РФ упоминаются такие лица, как близкие родственники, родственники и иждивенцы умершего реабилитированного, однако их процессуальное оформление как представителей умершего подозреваемого и обвиняемого не раскрывается.

Анализ УПК РФ, а также следственно-судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что процессуальное оформление лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, выглядит следующим образом:

1. Постановление о признании – потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), гражданским истцом (ч. 1 ст. 44 УПК РФ).

2. Постановление о допуске в качестве – представителя потерпевшего, гражданского истца (ч. 1 ст. 45 УПК РФ), законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 426 УПК РФ), представителя гражданского ответчика (ч. 1 ст. 55 УПК РФ).

3. Постановление о привлечении в качестве – обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ), гражданского ответчика (ч. 1 ст. 54 УПК РФ).

Таким образом, можно говорить о том, что по смыслу уголовно-процессуального закона процессуальное оформление представителей участников уголовного судопроизводства выглядит в виде вынесения следователем постановления о допуске в качестве представителя (законного представителя). Аналогичный подход, по нашему мнению, следует использовать и применительно к представителям умерших потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, несмотря на то, что такой следственный документ не регламентирован уголовно-процессуальным законом.

Некоторые процессуалисты также отмечают, что допуск представителя умершего потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого должен осуществляться на основании соответствующего постановления следователя¹.

¹ Напр.: Ларин Е.Г. Особенности производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 15.

Правоприменительная практика также идет по такому пути. Так, например, в производстве автора настоящей статьи, будучи следователем Лысковского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, находилось уголовное дело № 120022200800000018, возбужденное 01.04.2020 по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 145.1 и ч. 2 ст. 145.1 УК РФ. Одним из потерпевших по уголовному делу являлся М., который в ходе предварительного расследования умер. Постановлением следователя представителем умершего потерпевшего М. была допущена его супруга¹.

Аналогичный подход был применим и в ходе расследования уголовного дела № 8922 по ч. 1 ст. 105 УК РФ, находящегося в производстве автора настоящей статьи, будучи старшим следователем следственного отдела по Автозаводскому району г. Нижний Новгород следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, после смерти подозреваемого в ходе предварительного следствия².

С целью соблюдения требований ч. 4 ст. 7 УПК РФ в описательно-мотивировочной части постановления о допуске в качестве представителя умерших потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого необходимо указывать конкретные доказательства, как свидетельствующие об их смерти (сведения из отдела ЗАГСа, заключение судебно-медицинской экспертизы и т.д.), так и подтверждающие правомочность их представителей (например, документы, свидетельствующие о наличии родственных отношений).

Таким образом, подводя итог настоящему исследованию, можно сделать вывод, что процессуальное оформление представителей умерших участников уголовного судопроизводства заслуживает дальнейшего изучения, осмысления и воплощения в современное уголовно-процессуальное законодательство.

¹ Уголовное дело № 120022200800000018 // Архив Лысковского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области.

² Уголовное дело № 8922 // Архив следственного отдела по Автозаводскому району г. Нижний Новгород следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области.

Н.А. Дудко

О СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Суд с участием присяжных заседателей – важное направление судебной реформы, проводимой в Кыргызской Республике. Законодательная инициатива введения суда присяжных впервые была зафиксирована в «Национальной программе Кыргызской Республики от 2 января 2002 года “Права человека” на период 2002–2010 годы» (пункт 2.1.5 программы)¹. Внедрение института присяжных заседателей предусматривают и последующие государственные программы: Государственная целевая программа «Развитие судебной системы Кыргызской Республики на 2014–2017 годы»², Государственная целевая программа «Развитие судебной системы Кыргызской Республики на 2019–2022 годы»³ и Государственная целевая программа «Развитие системы правосудия Кыргызской Республики на 2023–2026 годы»⁴.

Для введения суда присяжных в Кыргызской Республике созданы нормативная и теоретическая основы. Во-первых, учреждение суда присяжных закреплено в Конституции КР 1993 г. с изменениями от 09.11.2006 г.⁵ и действующей Конституции КР от 11 апреля 2021 г. от

¹ Национальная программа Кыргызской Республики «Права человека» на период 2002–2010 годы, утвержденная Указом Президента КР от 2 января 2002 года № 1. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/3632>

² Государственная целевая программа «Развитие судебной системы Кыргызской Республики на 2014–2017 годы»: одобрена Постановлением Правительства КР от 19 марта 2014 года № 174. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/96404?cl=ru-ru>

³ Государственная целевая программа «Развитие судебной системы Кыргызской Республики на 2019–2022 годы»: одобрена Постановлением Правительства КР от 7 марта 2019 года № 112. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/14237>

⁴ Государственная целевая программа «Развитие системы правосудия Кыргызской Республики на 2023–2026 годы»: утверждена Указом Президента КР от 3 марта 2023 г. № 47. URL: <https://president.kg/ru/arhiv/2023/3/3/>

⁵ Конституция Кыргызской Республики: принята на 12 сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан 05.05.1993 года (в редакции Законов Кыргызской Республики от 09.11.2006 года № 180). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202191/10?cl=ru-ru>

11 апреля 2021 г. (ст. 58,94)¹. Во-вторых, институт суда присяжных закреплен в УПК КР 1999 г. (в редакции 2007 г.) и в действующем УПК КР от 28.10.2021 г. (ст. 363–396)². В 2007 г. УПК Кыргызской Республики 1999 г. был дополнен гл. 37-1 «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей»³. Был принят Закон КР от 15 июля 2009 г. № 215 «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики»⁴. В-третьих, вопросы организации и деятельности суда присяжных рассмотрены в научных публикациях и диссертационных исследованиях⁵.

Однако учрежденный в 2006 г. суд с участием присяжных заседателей до настоящего времени в Кыргызской Республике не действует. Реальное введение суда присяжных неоднократно откладывалось⁶: до 1 января 2012 г., до 1 января 2015 г., до 1 января 2020 г., до 1 января 2025 г.

В настоящее время по инициативе Верховного Суда Кыргызской Республики⁷ предлагается очередной перенос срока введения суда присяжных на 1 января 2027 г. Необходимость каждого изменения срока

¹ Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года (введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru>

² Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308>

³ Закон КР от 25 июня 2007 года № 91. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202124/10?cl=ru-ru>

⁴ Закон КР от 15 июля 2009 года № 215 «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202673/10?cl=ru-ru>

⁵ Рыспаева Г.С. Особенности уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2018; Батырбаев Б.С. Становление и развитие суда присяжных в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2023.

⁶ Закон КР от 15 июля 2009 года № 215 «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики» (в редакции Законов КР от 6 августа 2012 года № 150, 23 декабря 2016 года № 217, 26 декабря 2019 года № 146). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202673/edition/991925/ru?ysclid=m6mbdvtu5105644948>

⁷ Верховный Суд попросил передвинуть сроки внедрения суда присяжных еще на два года. URL: <https://kant.kg/2024-12-02/verhovnyj-sud-poprosil-peredvinut-sroki-vnedreniya-suda-prisyazhnyh-eshhe-na-dva-goda/?ysclid=m4mx5mzzm720822559>

введения суда с участием присяжных заседателей обосновывается проблемами финансирования судебной системы.

Председатель Верховного Суда КР Медербек Сатыев объяснил, что в настоящий момент введение суда присяжных невозможно из-за отсутствия финансирования, списка присяжных заседателей и необходимой инфраструктуры; что законопроект предлагает не только перенести введение суда присяжных в республике, но и дать кабинету министров поручение по устранению имеющихся проблем¹. Государственной целевой программой «Развитие системы правосудия Кыргызской Республики на 2023–2026 годы» предусмотрено проведение мероприятий по созданию необходимых условий для внедрения и развития института присяжных заседателей, в том числе принятие обоснованного бюджета для его финансирования.

Отличительной особенностью законодательства КР о суде присяжных, по сравнению с РФ и Республикой Казахстан, является то, что предусмотрен в качестве самостоятельного участника уголовного процесса администратор суда (ч. 3 ст. 8 Закона КР «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики»). Закон возлагает на администратора суда следующие полномочия: составлять и вносить изменения, дополнения в предварительный и окончательный список кандидатов в присяжные заседатели; направлять повестки и контролировать явку кандидатов в присяжные заседатели.

Возможно, с учетом законодательной практики Кыргызской Республики полномочия по составлению и уточнению предварительного списка кандидатов в присяжные заседатели, а также полномочия по вызову и контролю за явкой кандидатов в присяжные заседатели и в Российской Федерации будут переданы специальному самостоятельному участнику уголовного судопроизводства или специальному государственному органу.

¹ В Киргизии опять отложили введение суда присяжных из-за нехватки финансирования. URL: <https://sng.today/bishkek/40006-v-kirgizii-opjat-otlozhili-vvedenie-suda-prisjazhnyh-iz-za-nehvatki-finansirovanija.html>

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Развитие информационных технологий и формирование виртуального пространства в современном обществе объективно обусловили возникновение преступных посягательств в данной сфере. Вследствие этого возникла необходимость в разработке и совершенствовании правовых механизмов и методов их расследования.

Впервые закон, регулирующий ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, был принят в Швеции 2 апреля 1973 г. «Data Act»¹. Закон устанавливал уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерным системам, а также за внесение заведомо ложных сведений в информационные ресурсы с целью совершения хищения денежных средств, ценных бумаг, имущества, услуг или иной информации, обладающей экономической ценностью².

В действующем уголовном законодательстве отсутствует легальное определение термина «киберпреступление». Вместо него в гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) используются категория «преступления в сфере компьютерной информации» и более широкие формулировки, описывающие преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Кроме того, информационные технологии нередко используются и при совершении традиционных преступлений, таких как мошенничество, что выводит проблему киберпреступности за рамки гл. 28 УК РФ. В научной доктрине существуют различные формулировки данного понятия. Так, например, Д.М. Берова опреде-

¹ Öman S. Implementing Data Protection in Law // *Scandinavian Studies in Law*. 2004. Vol. 47. P. 389–402. URL: <https://www.scandinavianlaw.se/pdf/47-18.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

² Жиделев В.Г. Эволюция законодательства об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере высоких технологий // *Вестник Удмуртского университета*. Серия: Экономика и право. 2011. № 4. С. 114–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-zakonodatelstva-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-sovershenie-prestupleniy-v-sfere-vysokih-tehnologiy/viewer> (дата обращения: 25.02.2025).

ляет киберпреступность как «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем и компьютерных сетей, а также против компьютерных сетей, компьютерных систем и компьютерных данных»¹. Несмотря на различие формулировок, большинство исследователей сходятся в том, что киберпреступлениями являются противоправные деяния, совершаемые с применением информационных технологий и (или) посягающие на компьютерную информацию в ее различных формах.

Расследование преступлений с использованием информационных технологий сопряжено со значительными трудностями при доказывании. Основным источником сведений по указанной категории уголовных дел являются электронные данные, обладающие нематериальной природой и специфическими характеристиками. В отличие от вещественных доказательств они не имеют физической формы, подвержены изменению или уничтожению без оставления видимых следов, а их соби́рание, оценка и проверка требуют применения специализированных технических средств и привлечения квалифицированных специалистов. Доказательствами по таким делам могут быть файлы, журналы регистрации «logs» компьютерных систем, данные трафика, переписка в электронном виде, записи камер наблюдения за рабочим местом компьютера и др.

Все действия, совершаемые с использованием информационных технологий, оставляют виртуальные, компьютерно-технические следы.

А.Б. Смушкин под виртуальными следами определяет «цифровые данные, образующиеся после совершения любых действий в цифровой среде, включая процессы включения, создания, открытия, активации, модификации, удаления данных в информационном пространстве компьютерных и иных электронных устройств и их программных систем»². Такие «виртуальные следы» способны подтвердить факты неправомерного проникновения в систему, использования вредоносного

¹ Борова Д.М. Расследование киберпреступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 173–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassledovanie-kiberprestupleniy/viewer> (дата обращения: 27.02.2025).

² Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8. С. 43–45. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-/%D0%A1%2052-900768> (дата обращения: 28.02.2025).

кода, несанкционированного доступа к данным и другие элементы состава преступления. Важной задачей являются обнаружение, фиксация и изъятие этих электронных сведений таким образом, чтобы сохранить их целостность и доказательственное значение, следовательно, необходимо присутствие специалиста по компьютерной технике, который обеспечит грамотную фиксацию цифровых следов. Фиксация данных должна осуществляться быстро и последовательно, так как электронные сведения легко модифицируются или удаляются со временем. Оригинальные носители (компьютеры, жесткие диски) при этом изымаются в выключенном состоянии и опечатываются, чтобы исключить несанкционированный доступ или порчу информации.

Как отмечает С.А. Нестерович, «одной из значительных проблем, возникающих в процессе расследования киберпреступлений, является установление самого факта их совершения»¹. Многие такие преступления относятся к категории «неочевидных», т.е. совершаются скрытно и обнаруживаются не сразу. Установление личности виновного представляет собой сложную задачу, поскольку киберпреступник обычно действует удаленно, используя сеть Интернет, нередко применяя средства анонимизации (прокси-серверы, VPN, Tor) и другие способы сокрытия своего следа. Получение данных о реальном источнике атаки или о владельце учетной записи требует специальных следственных действий и межведомственных запросов (например, операторам связи, интернет-провайдерам, хостинг-компаниям). Зачастую требуется взаимодействие с иностранными юрисдикциями – например, когда сервер, на котором хранятся нужные следствию логи или переписка, находится за пределами России.

Еще одной проблемой является то, что цифровые доказательства не упомянуты напрямую в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), в перечне видов доказательств. Закон относит к доказательствам протоколы следственных действий, показания, заключения экспертов, вещественные доказательства и иные документы (ст. 74 УПК РФ). Электронные же сведения могут высту-

¹ Нестерович С.А. Проблемы расследования киберпреступлений, которые стоят перед сотрудниками следственных органов // Вестник науки и образования. 2018. № 8. С. 46–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-kiberprestupleniy-kotorye-stoyat-pered-sotrudnikami-sledstvennyh-organov/viewer> (дата обращения: 02.03.2025).

пать либо в качестве вещественных доказательств (например, сам изъятый носитель информации – компьютер, телефон и пр.), либо как документ – если информация представлена в форме электронного документа или распечатки с электронного носителя. Тем не менее отсутствие в законе прямого указания на электронные доказательства как самостоятельную категорию осложняет выработку единообразной практики. В литературе высказывается мнение о необходимости дополнить уголовно-процессуальное законодательство нормами, регламентирующими обращение с цифровыми доказательствами.

Несмотря на перечисленные проблемы, следственная практика выработала ряд подходов для раскрытия киберпреступлений. Используются как традиционные методы, аналитическая работа с данными, опрос свидетелей, выемки документов, так и специальные методики, приспособленные к расследованию в цифровой среде. Например, для выявления подозреваемых активно применяются результаты оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет (контроль и запись сетевого трафика, мониторинг форумов и др.). При расследовании сложных случаев моделируются механизмы совершения преступления с помощью компьютерной техники, привлекаются эксперты в области кибербезопасности.

Анализ судебной практики показывает, что суды долгое время сталкивались с трудностями при рассмотрении дел о киберпреступлениях. Относительная новизна и техническая сложность таких дел приводили к различиям в подходах. Примечательно, что количество лиц, осуждённых непосредственно за преступления, предусмотренные гл. 28 УК РФ, до недавнего времени оставалось небольшим (в 2019 г. – 165 человек, в 2020 г. – 137, в 2021 г. – 225). Верховный Суд РФ отметил, что сравнительно низкое число осуждённых обусловлено наличием у судов множества вопросов при применении соответствующих норм. Эти сложности потребовали официальных разъяснений. В декабре 2022 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление Пленума № 37 от 15.12.2022 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием Интернета»¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях,

В данном акте высшая судебная инстанция дала определенные ориентиры для квалификации и доказывания подобных деяний. В частности, были даны определения ключевых терминов цифровой сферы, разъяснено, что само по себе использование специальных программ (например, компьютерных вирусов) в исследовательских или образовательных целях не образует состава преступления, и уточнены вопросы подсудности и территориальной привязки киберпреступлений. Так, место совершения преступления, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, предлагается определять по месту, где обвиняемый выполнил действия, составляющие объективную сторону преступления, независимо от расположения потерпевшего или серверов.

Кроме того, Постановление Пленума № 37 уделяет внимание вопросам доказательств по делам о киберпреступлениях. В частности, подчеркнута необходимость удостоверяться в сохранности цифровых данных при их осмотре и изъятии, использовании протоколов осмотра экранов, логов и других компьютерных данных в качестве доказательств, назначении экспертиз для установления значимой информации и авторства действий в системе. Фактически пленум подтвердил допустимость электронных доказательств в уголовном судопроизводстве, что является важным шагом, учитывая отсутствие прямого упоминания таковых в УПК РФ.

В заключение стоит отметить, что киберпреступность представляет собой один из наиболее сложных вызовов для системы правосудия в XXI в. Российская правоохранительная и судебная практика за последнее десятилетие накопила определённый опыт противодействия преступлениям в сфере информационных технологий, однако динамика роста таких преступлений опережает возможности государства по их раскрытию и пресечению. Анализ особенностей доказывания по делам о киберпреступлениях показывает, что требуются комплексные меры – от совершенствования законодательства до технического переоснащения и обучения кадров для эффективного противодействия данной категории преступлений. Внедрение предложенных изменений и реализация разъяснений Верховного Суда РФ должны способствовать тому,

совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 52 (ч. I). Ст. 8965.

чтобы преступления в киберпространстве не оставались безнаказанными, а права граждан и организаций были надежно защищены даже в цифровой среде.

Е.В. Зайцева

ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Государство, сформировав правовые механизмы реализации права собственности граждан и организаций на имущество, становится гарантом обеспечения защиты этого права – не только в гражданско-правовых отношениях, но и в рамках отношений, возникающих по поводу совершения лицом преступления.

В зависимости от роли в уголовном деле законодатель предусмотрел меры защиты имущества граждан и организаций, как пострадавших от преступлений и совершивших их, так и не являющихся непосредственными участниками совершенного преступления. Указанные меры реализуются посредством норм как уголовно-процессуального, так и гражданского законодательства. Вместе с тем современное состояние деятельности должностных лиц и государственных органов по реализации этих мер позволяет говорить об отсутствии надлежащих условий ее функционирования.

В соответствии с п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, под имуществом в уголовном судопроизводстве принято понимать «любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях; бездокументарные ценные бумаги, права на которые учитываются в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или депозитарии; имущественные права, включая права требования и исключительные права». В уголовном деле собственниками имущества, в отношении которого должны быть обеспечены меры защиты, выступают потерпевший; подозреваемый или обвиняемый; лицо, несущее материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого, а также лицо, являющееся собственником имущества, полученного преступным путем или используемого как средство или орудие совершения преступления.

В отношении указанных субъектов уголовно-процессуальной деятельности государством могут быть реализованы различные меры обеспечения защиты имущества. В частности, возврат и передача имущества законному владельцу при определении юридической судьбы вещественных доказательств по уголовному делу в зависимости от групповой принадлежности этих вещественных доказательств; направление поручений органам дознания для проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях установления места нахождения имущества, являющегося предметом преступления и на которое был направлен преступный умысел злоумышленника; производство обысков и выемок с целью изъятия у подозреваемого или обвиняемого имущества, являющегося предметом преступления.

Одним из наиболее распространенных способов защиты имущества в уголовном процессе является применение наложения ареста на имущество. Указанная мера уголовно-процессуального принуждения, как правило, применяется в целях «обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества».

Вместе с тем наложение ареста на имущество ограничивает право собственности лица, которому это имущество принадлежит. Поэтому арестованное имущество в большей степени подлежит защите, правовые гарантии которой зависят от статуса лица в уголовном деле. Нарушение уголовно-процессуального закона при применении этой меры может повредить как потерпевшему (например, несвоевременность наложения ареста на имущество), так и обвиняемому и даже иным лицам (когда, например, арест наложен на имущество, не принадлежащее обвиняемому, или на имущество, вообще не подлежащее аресту)¹. В связи с этим для того чтобы максимально реализовать гарантии обеспечения защиты имущества граждан и организаций при расследовании уголовных дел, следователь, дознаватель или суд обязаны выполнить ряд предписаний уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, в установленных законом случаях применение наложения ареста на имущество лица, материально ответственного за действия подозреваемого или обвиняемого, осуществляется только при

¹ Кириллова Н.П., Назаров А.Д. Защита имущественных прав участников процесса и применение мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 111.

установлении личности подозреваемого или обвиняемого, а также в отношении только тех, кто является материально ответственным лицом по закону. Критерии отнесения лиц к указанной категории должны базироваться на нормах гражданского законодательства вследствие причинения вреда. По уголовным делам, по которым лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, применить указанную меру принуждения в отношении материально ответственного лица невозможно.

Во-вторых, после вступления приговора в законную силу арест на имущество лица, если это имущество было получено в результате совершения преступления или послужило орудием или средством совершения преступления, не может быть сохранено, и суд обязан снять примененное ограничение.

В-третьих, не следует исключать возможность применения наложения ареста на имущество потерпевшего, не являющегося доказательством по уголовному делу, как средства обеспечения защиты этого имущества. В последние годы наблюдается тенденция к росту совершения мошеннических действий, когда злоумышленники посредством телефонной связи просят перевести денежные средства непосредственно им или на «безопасный счет». При этом пострадавшие зачастую переводят преступникам не только собственные сбережения, но и берут кредит для того, чтобы, как они полагают, сохранить эти денежные средства. Наложение ареста на имущество потерпевшего позволит временно не гасить взятый кредит и в дальнейшем претендовать на прекращение исполнительного производства.

Таким образом, органам предварительного расследования и суду в целях обеспечения гарантии защиты имущества в уголовном судопроизводстве следует рассмотреть вопрос о применении не только привычных мер, но и альтернативных и нестандартных способов, отвечающих нормам уголовно-процессуального законодательства.

В.В. Климов

ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Исключения из правил – явление ни для кого не новое. В любой сфере, будь то математика, биология или искусство, есть исключения.

Особенно это явление проявляет себя в праве, которое состоит из бесконечного множества правил с целью регулирования и охраны общественных отношений. Известно, что почти из любого правила может следовать исключение. Это две составляющие единого целого – нормы поведения. Поэтому когда появляется какое-либо правило, оно только своим существованием уже способствует возможному появлению исключения. Этому явлению посвящен ряд работ в юридической доктрине, главными авторами которых являются С.С. Алексеев, А.В. Малько, П.А. Гук, С.Ю. Суменков, И.С. Морозова¹.

«Социальная среда постоянно изменяется, создавая неповторимые жизненные ситуации. При этом незыблемые когда-то правила исчезают либо становятся исключениями, а исключения подчас превращаются в правила. Тем самым исключения вписываются в общую систему происходящих в праве процессов»², – справедливо отмечают П.А. Гук и С.Ю. Суменков, точно определяя сущность исключений в праве.

Очень часто от теоретиков уголовного процесса можно услышать такие фразы:

– Это положение закона противоречит принципам уголовного процесса.

– Множество принципов не носят абсолютного характера, потому что имеют исключения, и это нужно менять.

При этом часто в определениях, которые дают правове­ды, упоминается о том, что принцип как основополагающая идея не имеет и не может иметь исключений.

Это натолкнуло меня на определенные размышления. Собственно, главные вопросы, которые я себе задал, звучат так: «А что, если догма о том, что принципы уголовного процесса не знают исключений, – это

¹ См., к прим.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 201–202; Малько А.В., Суменков С.Ю. Исключения в праве в условиях реформ: постановка проблемы // Государство и право. 2006. № 10. С. 3–10; Они же. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. 179 с.; Гук П.А., Суменков С.Ю. Правовые исключения и их реализация в судебной деятельности // Журнал российского права. 2006. № 8 (116). С. 123–130; Морозова И.С. Синергетическая детерминация юридических исключений // Современное право. 2007. № 1. С. 62–66; Суменков С.Ю. Исключения в праве: сущность и юридическая природа // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №1. С. 331–334.

² Гук П.А., Суменков С.Ю. Правовые исключения и их реализация в судебной деятельности... С. 123.

во многом идеализированный постулат, который слабо соотносится с общественными и государственными реалиями? Какие причины у их появления? Носят ли такие исключения негативный характер, который им порой приписывают?».

Таким образом, работа сконцентрирована на следующих задачах:

– определение понятия исключения из принципа уголовного процесса и форм его существования;

– изучение причин существования исключений из принципов уголовного процесса.

Итак, исключение из принципа уголовного процесса – это отступление от основополагающей идеи уголовного процесса, которое закреплено в законе либо сформировано на практике и существует в силу объективных, объективно-субъективных и субъективных причин.

Исключения из принципов уголовного процесса – это действительно существующее (а порой неизбежное) правовое явление, которое так или иначе необходимо брать во внимание для понимания истинной природы принципов.

Характер и содержание таких исключений представляются весьма многогранными, в связи с чем они могут носить как положительное, так и отрицательное значение для уголовного процесса. Следовательно, не стоит автоматически настраивать себя «против» таких исключений. Ведь порой они несут пользу.

Есть три формы существования исключений из принципов уголовного процесса:

– Исключение из принципа в самом себе – когда при конструировании содержания принципа права законодатель заранее предусматривает изъятия из него в той же статье (ч. 2 ст. 241 УПК РФ; ч. 2 ст. 12 УПК РФ).

– Легально допускаемое исключение, т.е. закрепленное в УПК РФ, но не в статье, посвященной принципу, а в другой статье кодекса либо вовсе в ином законе РФ. Например, ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ, которая устанавливает, что одним из оснований отмены или изменения приговора являются не просто нарушения, а существенные нарушения уголовно-процессуального закона, что противоречит буквальному пониманию принципа законности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

– Фактическое исключение – оно не закреплено в законе, а лишь массово существует в уголовно-процессуальных правоотношениях. Имеется в виду не правонарушение. Наоборот, устоявшаяся практика

порой устраивает большинство (можно сказать, обладает признаком всеобщности) и, более того, формально никакой закон не нарушает. Примером является судебная практика по заключению подозреваемых / обвиняемых под стражу. Так, средний процент удовлетворяемых судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу уже долгое время составляет 90% (при чётком законодательном закреплении (ст. 108 УПК РФ) исключительности этой меры пресечения).

При этом специфика фактических исключений из принципов заключается в том, что можно зафиксировать и констатировать их существование только тогда, когда они уже возникли и применяются. Ведь нельзя точно определить, когда и каким конкретно правоприменителем было совершено отступление от основной идеи. Это подобно эволюционному процессу, который живет по своим правилам. Все, что можно сделать, это зафиксировать эти исключения и принимать соответствующее решение по ним. Действовать законодателю «на опережение», представляется, здесь не получится.

Есть исключения неизбежные, а есть формируемые лишь по воле законодателя. Ситуации, когда исключения из принципов приносят пользу, общество, разумеется, должны устраивать. В тех случаях, когда исключения несут, скорее, негативное значение, и при этом они не являются неизбежными, ситуацию нужно исправлять путем законодательных изменений и соответствующей целенаправленной государственной политики в целом.

Причин существования исключений из принципов уголовного процесса тоже три. Это:

– объективные причины – явление или обстоятельство, которое появляется независимо от сознания и желаний конкретного лица или общества и обуславливает появление другого обстоятельства, также независимого от сознания человека (обстоятельства, не терпящие отлагательства; характер оперативно-розыскной деятельности);

– объективно-субъективные причины – это явление, которое порождает изъятия из общих начал уголовного процесса, существует в силу сознательной деятельности человека и вместе с тем обусловлено обстоятельствами объективного характера (разумное понимание принципа справедливости; нехватка кадров);

– субъективные причины – это явление, которое существует в силу сознательной деятельности человека и порождает изъятия из общих

начал уголовного процесса (формализм как следствие профессиональной деформации или выгорания; конструирование правовых норм исключительно по воле законодателя; недостаточное финансирование со стороны государства).

Таким образом, исключения из принципов уголовного процесса – это реально существующее, носящее многогранный и неоднозначный характер правовое явление, которое ко всему прочему является малоизученной темой и требует дальнейшего научного исследования.

В.А. Константинова

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ЗАКОНОПРОЕКТЫ

Производство по делам частного обвинения за период существования в УПК РФ подвергается перманентным изменениям, но споры в научной и практической среде относительно его совершенствования не прекращаются.

Согласно статистическим данным Верховного Суда РФ, в 2023 г. для рассмотрения в суд в порядке частного обвинения поступили уголовные дела в отношении 10 076 лиц, осуждено 4 381 (44 %), оправдано 565 (6%), в отношении 471 (5%) производство прекращено по реабилитирующим основаниям, в отношении 3 732 (37%) – по иным основаниям. Еще более показательны статистические данные по делам частного обвинения, возбужденным по заявлениям, поступившим в суд непосредственно от граждан: поступили дела в отношении 4 721 лица, осуждено 1 212 (26%), оправдано 551 (12%), в отношении 462 (10%) производство прекращено по реабилитирующим основаниям, в отношении 1 784 (38%) – по иным основаниям¹. По результатам анализа статистических данных можно сделать вывод о низкой эффективности указанного производства, что выражается в высоком проценте оправдания и прекращения дел частного обвинения, в том числе

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.01.2025).

по реабилитирующим основаниям, особенно по заявлениям, поступившим в суд от граждан.

В уголовно-процессуальной доктрине и судебной практике высказывались различные предложения о совершенствовании (а порой и ликвидации) анализируемого производства¹. Некоторые из них нашли свое воплощение в законотворческом процессе.

Так, Верховным Судом РФ на рассмотрение в Государственную Думу РФ еще в апреле 2021 г. вносился законопроект об упразднении процедуры частного обвинения и отнесении дел данной категории к частно-публичному обвинению, по которым будет проводиться дознание². Данную законодательную инициативу с позиции обеспечения надлежащей охраны прав потерпевших следовало бы оценить положительно, вместе с тем упомянутый законопроект в УПК РФ так и не воплощен. Его реализация, как представляется, способствовала бы оптимизации судебной нагрузки, поскольку процессуальная экономия в данном производстве достигается за счет сокращения досудебных стадий.

В январе 2025 г. Минюстом РФ размещен для общественного обсуждения проект закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, направленных на совершенствование института частного обвинения»³. Законопроект подготовлен в целях приведения

¹ Дзюбенко А.А. Собрание и исследование доказательств мировым судьей по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 7; Жирова М.Ю. Особенности доказывания по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 8; Корякин А.Л. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 11; Петрушин А.И. Обеспечение права пострадавшего на доступ к правосудию при осуществлении уголовного преследования в порядке частного обвинения : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Томск, 2013; Титов П.М. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 13 и др.

² Законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116-1 и ч. 1 ст. 128-1 Уголовного кодекса РФ) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, направленных на совершенствование института частного обвинения» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL:

норм УПК РФ в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 28 марта 2024 г. № 13-П¹, согласно которой нормы ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 1 и 2 ст. 31, ч. 4 ст. 147, ч. 1 и 3 ст. 318 УПК РФ не предполагают отказа районного суда в принятии к производству по заявлению потерпевшего дела частного обвинения на том основании, что установленные гл. 41 УПК РФ правила определяют порядок производства по делам частного обвинения, подсудным мировому судье.

В частности, предлагается регламентировать порядок рассмотрения районными судами дел частного обвинения, поскольку ранее² ст. 116.1 УК РФ отнесена к их подсудности. Проект направлен на унификацию производства по делам частного обвинения, подсудным мировым судьям и районным судам, а также устранение правовой неопределенности, которая может привести к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел.

Кроме того, в анализируемом проекте учтены изменения, ранее внесенные в УПК РФ, посвященные данному производству. Так, предлагается признать утратившими силу ст. 322–323 УПК РФ, что обусловлено изменением положений об обжаловании судебных решений³. Кроме того, некоторые предложения проекта направлены на исключение дублирующих положений закона. Так, обоснованно предлагается исключение из гл. 41 ст. 322 и 323, регламентирующих отсылочным путем (к гл. 39 и 45.1) порядок вынесения и обжалования приговора мирового судьи, а следовательно, не несущих самостоятельной смысловой нагрузки.

<https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=153617> (дата обращения: 10.01.2025).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П «По делу о проверке конституционности ч.ч. 2 и 4 ст. 20, ч.ч. 1 и 2 ст. 31, ч. 4 ст. 147, ч.ч. 1 и 3 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой» // СЗ РФ. 2024. № 14. Ст. 1958.

² Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СЗ РФ. 2018. № 53. Ст. 8435.

³ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

Однако не все предложения указанного проекта, как представляется, могут быть поддержаны. В частности, разработчики предлагают ст. 233 УПК РФ, регламентирующую срок начала судебного разбирательства дополнить ч. 1.1, содержащей сокращенные сроки, аналогичные закрепленным в настоящее время в ч. 2 ст. 321 гл. 41, что приведет к дублированию идентичных положений в двух главах УПК РФ. Кроме того, перенос специальной нормы из гл. 41 в гл. 39 вряд ли оправдан. Аналогичную оценку можно дать и предложению об исключении ч. 4 ст. 321 гл. 41 УПК РФ, посвященной частному обвинителю. Озвученными изменениями не исчерпываются возможные направления совершенствования анализируемого производства, но ввиду ограниченности объема настоящих тезисов они будут раскрыты в рамках последующих научных дискуссий.

С.И. Кривошеев

НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПОДСУДИМОГО В СВЯЗИ С РАСХОЖДЕНИЕМ ПОЗИЦИИ С ЗАЩИТНИКОМ

Практика вышестоящих судов свидетельствует о том, что проблема нарушения права на защиту подсудимого в связи с расхождением позиции с защитником является актуальной, поскольку такое нарушение является основанием для отмены состоявшихся по делу итоговых судебных решений.

Однако не всякое расхождение позиции является нарушением закона, а лишь такое, которое ухудшает его положение.

Как правило, несовпадение позиции подсудимого и его защитника проявляется в прениях сторон и носит неочевидный характер, поэтому для его своевременного выявления требуется постоянное внимание со стороны суда.

Зачастую, формально признавая вину, подсудимые фактически отрицают наличие в их действиях состава инкриминируемого им преступления.

К примеру, подсудимая, заявив о полном признании вины в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, отвечая на вопросы в судебном заседании, показала, что нож она взяла

из-за того, что ее знакомый агрессивно себя вел, хватал ее, а затем он сам наткнулся на нож. Несмотря на это, адвокат в прениях отметила, что ее подзащитная полностью признала вину и просила смягчить наказание¹.

Признано нарушением права на защиту заявление адвоката о полном признании вины подзащитной, которая обвинялась в похищении денежных средств с банковского счета, тогда как после оглашения ее показаний она, формально признав вину, показала о том, что банковскую карту не похищала, а воспользовалась ею с позволения потерпевшего, который разрешил ей совершить покупку².

По другому делу подсудимые, которые обвинялись в совершении незаконного сбыта наркотических средств группой лиц по предварительному сговору, после изложения обвинения заявили о полном признании вины и отказались давать показания. Из исследованных в суде показаний, данных ими на следствии и поддержанных ими в судебном заседании, следовало, что они в предварительный сговор на сбыт наркотиков не вступали. Защитники же в прениях не оспаривали квалификацию их действий и просили назначить более мягкое наказание, чем предложенное государственным обвинителем³.

Нарушило право на защиту подсудимого заявление его адвоката о необходимости исключения из его действий квалифицирующего признака группой лиц по предварительному сговору и переквалификации его действий на ч. 1 ст. 166 УК РФ, поскольку сам подсудимый пояснил, что полностью признает вину только в том, что сел за руль без водительского удостоверения⁴.

Еще пример. Формально признав вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, подсудимая в прениях заявила, что она действительно, являясь бухгалтером, переводила часть денежных средств на свой банковский счет, считая, что это ее заработная

¹ Апелляционное определение ТОС от 11.01.2024 по делу № 22-2185/2024. URL: www.oblsud.tms.sudrf.ru/ (дата обращения: 27.01.2025).

² Апелляционное определение ТОС от 11.01.2024 по делу № 22-45/2024. URL: www.oblsud.tms.sudrf.ru/ (дата обращения: 27.01.2025).

³ Апелляционное определение ТОС от 11.01.2024 по делу № 22-1737/2024. URL: www.oblsud.tms.sudrf.ru/ (дата обращения: 27.01.2025).

⁴ Апелляционное определение ТОС от 11.01.2024 по делу № 22-27/2024. URL: www.oblsud.tms.sudrf.ru/ (дата обращения: 27.01.2025).

плата, адвокат тем временем, посчитав недоказанным тот факт, что денежные средства вверялись подсудимой, просил квалифицировать ее действия по ч. 4 ст. 159 УК РФ¹.

Иногда полное отрицание вины в совершении преступлений безосновательно толкуется адвокатами как признание вины в совершении менее тяжкого преступления.

Так, суждение адвоката о необходимости переквалификации действий подсудимого с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ признано нарушением права на защиту. Свою позицию защитник мотивировала тем, что после того, как ее подсудимый помог потерпевшей (пожилой и тяжело больной женщине) сесть на стул на балконе, он, возможно, неосмотрительно оставил ее без присмотра, и она упала, ударившись головой о порог и получив травму, от которой впоследствии скончалась. При этом сам подсудимый вину в причинении смерти каким-либо образом потерпевшей категорически отрицал².

В другом случае адвокат заявил о необходимости переквалификации действий его подсудимого с незаконного сбыта на незаконное хранение наркотического средства по ч. 1 ст. 228 УК РФ, не учтя, что незаконное хранение 0,47 г героина не образует уголовно наказуемого деяния³.

Во всех указанных случаях расхождение позиции адвоката и подсудимого признано существенным нарушением уголовно-процессуального закона, которое не могло быть устранено судом апелляционной инстанции. Не влияло на решение суда апелляционной инстанции последующее обращение адвокатов с апелляционными жалобами и заявлениями в суде второй инстанции о согласованности позиции либо о необходимости оправдать их подсудимых.

Судебной практикой выработан механизм устранения противоречия в позиции защитника и подсудимого, установленного в прениях сторон.

Так, необходимо возобновить судебное следствие и предоставить защитнику и подсудимому время для согласования позиции. В случае

¹ Апелляционное определение ТОС от 28.10.2024 по делу № 22-2651/2024. URL: www.oblsud.tms.sudrf.ru/ (дата обращения: 27.01.2025).

² Апелляционное определение ТОС от 11.01.2024 по делу № 22-18/2024. URL: www.oblsud.tms.sudrf.ru/ (дата обращения: 27.01.2025).

³ Апелляционное определение ТОС от 11.01.2024 по делу № 22-2501/2024. URL: www.oblsud.tms.sudrf.ru/ (дата обращения: 27.01.2025).

если противоречия в их позициях не устранены, необходимо обсудить вопрос о замене защитника¹.

Учитывая изложенное, с целью обеспечения права на защиту подсудимого суд должен не только обеспечить участие в судебном заседании защитника, но и следить за тем, чтобы его позиция не ухудшала положение осужденного.

Н.Р. Крысина, Е.В. Левкин

КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ АДВОКАТА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Гарантированное каждому человеку конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) обеспечивается на всех стадиях уголовного процесса, в том числе на начальной стадии возбуждения уголовного дела. В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, обеспечивается возможность пользоваться услугами адвоката. К таким лицам относятся: заявитель; лицо, вызванное для дачи объяснений; лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Наиболее часто на стадии возбуждения уголовного дела адвокат оказывает юридическую помощь, участвуя со своим доверителем в таком проверочном действии, как получение объяснений. Хотя УПК РФ не предусматривает процессуальный порядок получения объяснений на стадии возбуждения уголовного дела, но он сложился на практике с учетом необходимости обеспечения прав и законных интересов личности и предполагает составление протокола, разъяснение опрашиваемому лицу конституционных и отдельных процессуальных прав и др.

¹ См., напр.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.11.2019 № 64-УД19-6 // СПС «КонсультантПлюс».

Анализ правоприменительной практики¹ показывает, что квалифицированная юридическая помощь адвоката при получении объяснений не только позволяет обеспечить права и законные интересы его доверителей, но и способствует соблюдению законности на данной начальной стадии уголовного процесса. Об этом свидетельствуют следующие выявленные тенденции складывающейся правоприменительной практики. Так, например, в изученных протоколах опросов текст объяснений различных лиц нередко совпадает дословно, что объективно невозможно, так как разные лица не могут давать идентичные объяснения, что является злоупотреблением. Так, по уголовному делу в отношении Д. получены объяснения Б., Ф. (впоследствии потерпевших) и самой Д.² (впоследствии обвиняемой), текст которых полностью идентичен по форме и содержанию, только, соответственно, изложен от лица Б., Ф., Д. При этом в объяснениях дословно приведены матерные слова – нецензурная брань. Впоследствии, на предварительном следствии, текст объяснений дословно приводится в протоколах допроса Б. и Ф. в качестве потерпевших. Также объяснения могут содержать исправления (ручкой поверх напечатанного текста), в них могут отсутствовать подписи опрашиваемых лиц при разъяснении им прав и др.

Анализ протоколов опросов, в которых принимал участие адвокат, таких нарушений не содержит, показания опрашиваемых лиц являются индивидуальными, адвокат не допускает формальное подписывание доверителем заранее подготовленного должностным лицом текста объяснений, в протоколе нет исправлений, все данные указаны корректно. Таким образом, участие адвоката на стадии возбуждения уголовного дела, в частности, при производстве проверочных действий, является не только гарантией обеспечения прав и законных интересов его доверителей, но и законности уголовного судопроизводства.

¹ Изучены 30 уголовных дел, расследованных органами предварительного следствия и дознания в Республике Мордовия в 2024–2025 гг.

² Уголовное дело № 1-53/2025 // Ленинский районный суд РМ. 2025.

М.Ю. Кузнецов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ СЛЕДОВАТЕЛЕМ (ДОЗНАВАТЕЛЕМ), ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫМ И АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ

Предлагается сопоставить между собой следователя, дознавателя, оперуполномоченного и адвоката-защитника по их возможностям участвовать в доказывании по уголовному делу, пусть и довольно опосредованно по смыслу ст. 74 УПК РФ, – это что касается оперуполномоченного и адвоката-защитника.

Зачастую следователем (дознавателем) принимается процессуальное решение о возбуждении уголовного дела на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, которые играют решающую роль не только на стадии принятия такого решения, но и перерождаются в доказательства по уголовному делу. Очевиден и законен симбиоз оперативных подразделений с органами предварительного расследования. Можно констатировать фактическое существование «двух сил» по привлечению лиц к уголовной ответственности, каждая из которых имеет свой инструментарий доказывания по уголовному делу, реализуемый в итоге в процессуальной плоскости от имени стороны обвинения.

Следователь (дознаватель) уполномочен проводить 13 следственных действий, результат каждого из которых незамедлительно становится доказательством по уголовному делу, разумеется, при условии недопущения процессуальных нарушений (осмотр; освидетельствование; следственный эксперимент; обыск; выемка; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; допрос; очная ставка; опознание; проверка показаний; назначение судебной экспертизы).

Оперативные подразделения уполномочены проводить 15 оперативно-розыскных мероприятий (опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местно-

сти и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации), каждое из которых документируется и может трансформироваться в доказательство. Уголовно-процессуальный закон позволяет адаптировать каждое из перечисленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ оперативно-розыскных мероприятий к следственному действию и придать ему силу доказательства.

Само по себе изобилие следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в сравнении с предоставленными защитнику тремя способами собирания доказательств (получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов) по причине превалирования на стадии предварительного расследования розыскного типа уголовного процесса не представляется перекосом процессуальных возможностей, но только в том случае, если адвокату-защитнику гарантированы условия для реализации предоставленных ему ч. 3 ст. 86 УПК РФ способов собирания доказательств.

Оперативно-розыскные мероприятия и способы собирания доказательств защитником по своей сути есть мероприятия (действия) по получению сведений, их фиксации в своем (не процессуальном) делопроизводстве с последующей передачей в орган предварительного расследования. Однако оперативные подразделения при этом обладают властно-распорядительными полномочиями, а их требования обязательны для исполнения гражданами и организациями. Нельзя не упомянуть и о технической оснащенности данных подразделений. Адвокату же остается уповать лишь на свой профессионализм, чтобы заполучить какие-либо документы, предметы либо сведения с согласия их обладателей. Элемент обязательности присущ только для адвокатского запроса, однако нередки случаи обжалования отказов в удовлетворении адвокатских запросов и непредоставления ответов на них.

Не заполучив нужные сведения ввиду отказов со стороны их обладателей, защитник не обладает достаточными данными для построения

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. № 33. Ст. 3349.

аргументации своего ходатайства о проведении следователем (дознавателем) того или иного следственного действия. В отличие от оперативного подразделения, которое, действуя согласно Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд¹, предоставило полученные благодаря своим властно-распорядительным полномочиям сведения. Имея, казалось бы, схожие возможности по предоставлению непроцессуально полученных сведений для целей их трансформации в доказательства, разительно отличаются возможности получения этих сведений от первоисточников.

Предлагается ввести в нормы УПК РФ о собирании доказательств защитником элемент императивности, а именно обязанность следователя и дознавателя провести следственное действие по ходатайству защитника в случае отсутствия у последнего возможности самостоятельно получить (путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов) сведения, имеющие значение для уголовного дела. Подтверждением такой невозможности являлись бы письменные отказы либо отсутствие ответов лиц, обладающих необходимыми сведениями.

В.В. Лазаревич

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, СОВЕРШЕННОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Преступления в виде мошенничества появились ещё в древние времена, когда существовали товарообменные отношения, где преступник

¹ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждена: Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Российская газета. 2013. 13 декабря. № 282.

мог извлечь для себя наибольшую прибыль. С развитием общества происходило и изменение мошенничества. Поэтому законодатель расширил ст. 159 «Мошенничество», а также ввели дополнительные статьи, разграничивающие мошенничество в определенных сферах, таких как кредитование, получение выплат, страхование, компьютерная информация. Согласно статистическим данным МВД, рост мошенничества наблюдается с 2019 г., в котором уже было совершено свыше 294 тыс. мошенничеств с использованием ИТТ¹. С 2019 по 2024 г. можно отметить непрерывный рост таких преступлений, только в 2024 г. мошенничества с использованием ИТТ занимают уже 23% от общего числа преступлений, и данные показатели с каждым годом будут расти².

В данной статье мы хотим рассмотреть ряд сложностей, с которыми правоохранительные органы сталкиваются при расследовании мошенничеств с использованием ИТТ. С развитием мошенничества появились новые виды и разнообразные схемы совершения данного преступления. Стоит отметить, что существует несколько видов мошенничества с использованием ИТТ³. Такие как «фишинг», в котором используются сайты-«двойники», через которые правонарушители получают личную информацию граждан и используют её для преступной деятельности; «скимминг» – также получение личных данных граждан, но в отличие от фишинга направлено на получение банковских карт и банковских счетов через специальное оборудование; мошенничество на коммерческих онлайн-площадках – в практической деятельности их называют «Авито мошенничества», данный вид направлен на обман покупателя на онлайн-платформах, «курьер» – такой вид мошенничества совершается группой лиц, так как обязанности каждого участника распределены – существует организатор, операторы, а также курьер, которые забирают денежные средства у жертвы и осуществляют дальнейшее их зачисление на «дропперские» банковские счета. Это основные виды, которые используют преступники. Существует ряд проблем

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/>

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/>

³ Милованова М.М., Шурухнов В.А. О способах мошенничества в сети Интернет // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10 (241). С. 86–92.

с данными преступлениями. Правоохранительные органы должны изначально правильно квалифицировать деяние, так как от этого зависит, какую доказательную базу должен собрать следователь совместно с оперативными сотрудниками, чтобы выявить виновных и доказать их причастность к совершению данных преступлений.

В уголовных делах о мошенничестве, совершенном с использованием ИТТ, используются традиционные доказательства, такие как показания свидетелей, потерпевшего, осмотр предметов и документов, но также используются и электронные доказательства, которые следователь может получить через запросы в организации, а именно данные IP-адресов, используемые при совершении мошенничества, данные с серверов, информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, данные банковских переводов, электронные письма, данные серверов. Проблема заключается в сборе и анализе электронных доказательств, должна быть соблюдена законность получения таких доказательств, необходимо обеспечить целостность и сохранность доказательств, обладание достаточными знаниями о электронных доказательствах. Кроме того, проблемой доказывания в мошенничествах, где участвовал «курьер» или «дроппер», является изначально неприятие вины подозреваемым (обвиняемым), что в некоторых регионах осложняет направление данных уголовных дел в суд, так как нет устоявшейся судебной практики по таким делам¹. Также стоит понимать, что мошенничество, совершенное с использованием ИТТ, носит транснациональный характер, но не всегда возможно осуществить международное сотрудничество между странами для расследования данного вида мошенничества.

В заключение мы хотим предложить некоторые пути решения вышеописанных проблем. Необходимо разработать методические рекомендации по сбору и анализу электронных доказательств, ввести постоянное обучение сотрудников правоохранительных и судебных органов с работой с ИТТ, а также проводить постоянную профилактическую работу с населением, и эта обязанность должна быть возложена не только на правоохранительные органы, но и на местное самоуправление, банковские организации и СМИ.

¹ Ибрагимов И.Р. Проблемы расследования мошенничества // Закон и право. 2022. № 3. С. 172–173.

СУБЪЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ

История «нового» времени развития отечественного досудебного производства поставила ряд актуальных вопросов в части его организации, функционального содержания, предназначения субъектов, осуществляющих предварительное расследование, принятия промежуточных и итоговых процессуальных решений, в том числе и «квазисудебных». Особое внимание в юридической литературе последних лет стало уделяться проблеме разграничения процессуальных полномочий должностных лиц, осуществляющих контрольную и надзорную деятельность, процессуальное руководство расследованием. Этому способствовали изменения, касающиеся процессуального статуса прокурора и руководителя следственного органа, правовой регламентации полномочий начальника подразделения дознания, а впоследствии законодательное закрепление процессуальных полномочий начальника органа дознания. В результате постепенно сформировалась сложная «конфигурация» действующих субъектов, к деятельности которых, помимо основной процессуальной функции, отнесены полномочия по ведомственному контролю, прокурорскому надзору и процессуальному руководству, которым необходимо придать самостоятельный, универсальный характер и разграничить между собой.

Институты ведомственного контроля и прокурорского надзора были достаточно полно разработаны в теории уголовного процесса, тогда как понятие и содержание процессуального руководства, несмотря на многочисленные дискуссии по данному вопросу, до сих пор не определены. При обсуждении указанной дефиниции юристы ограничиваются сферой организационной, управленческой деятельности, к которой непосредственно применим общий термин «руководство». Однако, входя в сферу процессуального руководства, данное понятие приобретает совершенно иной смысл и содержание. Процессуальное руководство должно рассматриваться не только в организационно-управленческом, но и в функциональном аспекте, т.е. четком представлении о содержании необходимых процессуальных действий, например, по «юридизации» и реализации уголовного преследования и принятии

ключевых процессуальных решений для выполнения процессуальных задач досудебного производства.

Анализируя сложившуюся правовую ситуацию в современном российском уголовном процессе, следует сделать вывод о том, что процессуальное руководство – это правовой механизм, состоящий в обеспечении властным субъектом выполнение задач досудебного производства субъектами, непосредственно осуществляющими производство по уголовному делу (принятие решений о выдвижении подозрения, привлечение в качестве обвиняемого, формулирование и утверждение обвинительного тезиса и др.). При этом процессуальное руководство сочетает в себе элементы управления и контроля деятельности органов расследования¹.

Процессуальное руководство за деятельностью следователя осуществляет руководитель следственного органа, тогда как процессуальное руководство за деятельностью дознавателя фактически распределено между прокурором, начальником органа дознания и начальником подразделения дознания.

Как указывает А.В. Образцов, процессуальное руководство следствием имеет «проспективный» (перспективный) характер, что мобилизует следователя на качественное и своевременное планирование расследования уголовного дела, создает потенциал для предотвращения наступления негативных последствий любого характера, нарушения прав участников уголовно-процессуальных правоотношений. Осуществляемое руководителем следственного органа в рамках процессуального руководства «правовое моделирование расследования по уголовному делу позволяет ему направить ход расследования, не допустить отклонения от правомерного поведения, от научно обоснованных методик расследования и криминалистических рекомендаций по производству отдельных следственных действий»². Однако здесь возникает вопрос, необходимо ли закрепление широкого круга полномочий по руководству деятельностью следователя в Уголовно-процессуальном кодексе, который изначально призван быть самостоятельным и

¹ Боруленков Ю.П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования // Российский следователь. 2013. № 10. С. 7–8.

² Образцов А.В. Процессуальное руководство предварительным расследованием и его субъекты. М. : Юрайт, 2023. С. 70.

независимым, следует ли направлять и моделировать деятельность следователя, который должен быть свободен в выборе правовых и криминалистических средств осуществления своей деятельности и нести за нее процессуальную ответственность. Или стоит предположить, что в уголовно-процессуальном законе изначально заложено недоверие к эффективности деятельности следователя, поэтому процессуальная ответственность распределена между несколькими властными субъектами уголовного процесса. Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс регламентирует деятельность руководителей (следователей) и начальников (дознателей) различного уровня, что нельзя, вероятно, признать положительным признаком и эффективности досудебной деятельности в целом. Предложения о закреплении в отдельных нормах полномочий непосредственного руководителя следственного органа и полномочий руководителя вышестоящего следственного органа создают предпосылку к тому, что круг «руководящих» субъектов уголовного процесса станет еще шире.

По отношению к деятельности дознавателей, являющихся полноценными процессуальными «фигурами», процессуальное руководство выглядит еще более тяжеловесным. О процессуальной самостоятельности дознавателя можно говорить условно, хотя дознаватели имеют практически такой же объем полномочий, как и следователи. Тем не менее процессуальных руководителей за деятельностью дознавателя еще больше, распределение полномочий между ними вызывает немало вопросов¹. Кроме того, кажется не совсем логичным, что более широкий объем процессуального руководства установлен для упрощенной формы расследования.

Правовые нормы закрепляют роли начальника подразделения дознания и начальника органа дознания в процессуальном руководстве, но вместе с тем отражают существующую их иерархию и конкуренцию полномочий данных субъектов. При этом часть процессуальных полномочий начальников подразделения дознания и органа дознания дублируют друг друга, что свидетельствует о неудачной законодательной регламентации рассматриваемого вида деятельности и фактически нецелесообразном установлении компетенции каждого из них.

¹ Беляев В.П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 200.

Следует учитывать, что начальник органа дознания одновременно осуществляет процессуальное руководство дознавателями и органами дознания, выполняет различные функции, что обуславливает его высокую нагрузку и противоречия в приоритетах принятия решений и дачи указаний дознавателю начальниками различного уровня. В данном аспекте требует корректировки вопрос о четком распределении их функций и исключении дублирования их полномочий. В связи с этим требует пересмотра также вопрос о сокращении количества «процессуальных руководителей» дознанием. Организационное, структурное построение процессуального руководства дознанием также требует оптимизации. Основным субъектом процессуального руководства дознанием следует установить начальника подразделения дознания и вышестоящих руководителей регионального и федерального уровней.

Полномочия по процессуальному руководству дознанием также реализует прокурор, тот субъект, у которого сосредоточены две основные процессуальные функции – уголовного преследования и надзора. В западной доктрине установлено, что процессуальное руководство уголовным преследованием осуществляют именно органы прокуратуры. Прокуратура обладает исключительным правом на предъявление обвинения от имени государства, кроме того, вопреки намерениям прокуратуры запрещается осуществление уголовного судопроизводства. Как правило, в компетенцию прокуратуры входит решение вопросов о предъявлении конкретному лицу обвинения, об отказе от уголовного преследования либо прекращении производства, заключение досудебного соглашения, координация действий различных органов государственной власти при резонансных преступлениях, имеющих межрегиональный характер, и др.¹

В российском уголовном судопроизводстве возникла парадоксальная ситуация, при которой прокурор, осуществляя процессуальное руководство дознанием, одновременно выступает органом надзора за законностью деятельности дознавателя, а значит, опосредованно и своей деятельности. Ситуация, при которой из-за большого количества

¹ Щерба С.П., Додонов Н.В. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. 2011. № 6. С. 53–57.

начальников и руководителей в процессуальной сфере незаметна становится роль прокурора, которая в большинстве зарубежных процессуальных систем является ключевой.

С учетом вышеизложенных положений следует прийти к выводу о том, что необходимо четко определить позицию по вопросу сущности и соотношения контроля и надзора, процессуального руководства, а также их содержания применительно к субъектам досудебного производства. Решая общие задачи, они являются различными по своему правовому положению органами государства, каждый из них имеет свою специфику, действует присущими ему методами. Назрела необходимость вновь критически оценить современное процессуальное положение прокурора как «знакового» участника уголовного процесса, исключить двойственность возложенных на него функций.

Е.В. Марковичева

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИЦА С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В уголовно-процессуальном праве вопросы, связанные с производством по уголовным делам в отношении лиц с теми или иными психическими расстройствами, относятся к числу наименее разработанных. Отчасти это связано со сложностью самой проблематики. Отношение общества к противоправному поведению душевнобольных долгое время базировалось на принципе социальной стигматизации, а обсуждение этих вопросов ограничивалось культурным табу. Процессуальное право всегда вторично по отношению к праву материальному, а в рамках последнего основные подходы к уголовному преследованию лиц с психическими заболеваниями оформились преимущественно в XIX–XX вв. и в настоящее время не претерпели существенных изменений.

В то же время в силу целого ряда причин в сфере уголовного судопроизводства в настоящее время оказывается все больше лиц, имеющих психические нарушения той или иной степени выраженности. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) нормативно опре-

делил лишь общие подходы к невменяемости, возрастной и ограниченной вменяемости. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) процессуальные особенности производства с учетом состояния психического здоровья уголовно преследуемого лица урегулированы крайне ограниченно и несистемно. В значительной мере законодатель уделил внимание лишь особому производству о применении принудительных мер медицинского характера (ПММХ), закрепив в отдельной главе ряд специальных норм. Хотя гл. 51 УПК РФ претерпела ряд позитивных изменений, ее конструкция и содержание плохо отвечают потребностям эффективного правоприменения.

Исследователи справедливо указывают на особый характер правоотношений, связанных с производством о применении ПММХ¹. К сожалению, целый ряд этих особенностей был оставлен без внимания разработчиками УПК РФ. Хотя трансформация норм, регулирующих такое усложненное производство под влиянием позиции Конституционного Суда Российской Федерации, идет в направлении признания за уголовно преследуемыми лицами, совершившими противоправное, запрещенное уголовным законом деяние, в состоянии невменяемости, в сторону расширения их процессуальной право- и дееспособности, обеспечение прав такого лица, специфика уголовно-процессуальной деятельности урегулированы без необходимой детализации. Следуя сложившейся традиции, законодатель в УПК РФ применил аналогию прав обвиняемого и лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, игнорируя тот факт, что такой подход обоснованно и справедливо критиковался учеными еще в XX в.² В результате суды испытывают целый ряд трудностей, связанных с обеспечением прав таких участников процесса, поскольку, как отмечает Ж.А. Бажукова, «законодатель остановился на полпути»³. Открытым остался вопрос относительно утраты таким лицом ранее приобретенного статуса подозреваемого или обвиняемого, что не лучшим образом отражается

¹ Буфетова М.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 51.

² Николук В.В., Кальницкий В.В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск, 1990. С. 11–13.

³ Бажукова Ж.А. Об уголовно-процессуальных гарантиях прав и законных интересов лица, нуждающегося в принудительном лечении // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 27.

на обеспечении его прав¹. Процессуальное участие законного представителя в таком производстве не получило необходимого содержательного наполнения, права и обязанности такого субъекта правоотношений остались неурегулированными, а деятельность суда по обеспечению его участия, учету его процессуальной позиции крайне затруднительной.

Но если уголовно-процессуальная деятельность, связанная с применением ПММХ, урегулирована хотя бы в какой-то мере, то многие иные вопросы, связанные с наличием у подозреваемого, обвиняемого, подсудимого психического расстройства, в системе действующего правового регулирования просто оставлены без внимания. Это касается и производства по уголовным делам, где обвиняемый признается ограниченно вменяемым, и порядка установления возрастной невменяемости несовершеннолетних. Согласимся с исследователями, которые указывают на существенные проблемы в назначении судебно-психиатрических экспертиз в отношении обвиняемых².

Отсутствуют и нормативные подходы к учету состояния психического здоровья подозреваемого, обвиняемого, когда речь не идет о его вменяемости или невменяемости. Должны ли учитываться особенности психического здоровья уголовно преследуемого лица при избрании меры пресечения? Вправе ли суд удовлетворить ходатайство обвиняемого о проведении судебного разбирательства в особом порядке при наличии у данного обвиняемого хронического алкоголизма? К сожалению, эти и другие вопросы в настоящее время не регламентированы, а судебная практика не всегда единообразна.

Полагаем, что решение проблем, связанных с уголовным преследованием лиц с психическими расстройствами, требует теоретического осмысления, выработки современных системных подходов, отвечающих задачам обеспечения процессуальных и медицинских прав таких

¹ Татьяна Л.Г. Виды производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 144.

² Перетоккина В.В. Основания для принудительной госпитализации уголовно преследуемого лица с целью производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы // Российское правосудие. 2025. № 1. С. 73–81; Шатрова А.В. Обеспечение прав обвиняемого при назначении судебно-психиатрической экспертизы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1. С. 194–200.

лиц. Очевидно и то, что эти подходы необходимо формировать в междисциплинарной научной плоскости, поскольку трансформация уголовно-процессуального законодательства невозможна без предварительного изменения норм материального права.

М.Ф. Мингалимова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ

Вопросы внедрения автоматизированных информационно-телекоммуникационных технологий в российское уголовное судопроизводство все чаще становятся предметом обсуждения на площадках научно-практических конференций и страницах печатных изданий¹. По подсчетам, в период с 2000 по 2024 г. опубликовано более 2 700 научных работ, посвященных цифровым технологиям и цифровизации уголовного процесса². Результатами этих научных исследований являются

¹ См.: Бекишев Х. Информационные технологии и прокурорский надзор // Законность. 2009. № 5; Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5. С. 91–104; Арестова Е.Н., Борбат А.В. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве: проблемы внедрения // Российский следователь. 2021. № 7. С. 16–20; Набатов М.Б. О некоторых рисках внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство // Адвокатская практика. 2022. № 4. С. 28–32; Апостолова Н.Н. Цифровые технологии и нравственный закон в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2022. № 12. С. 2–5; Набатов М.Б. Совершенствование способов фиксации хода судебного заседания в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 133–139; Чурикова А.Ю. Технологии дополненной реальности в уголовном судопроизводстве // Законность. 2024. № 9. С. 50–56 и др.

² Абдулвалиев А.Ф. Обзор научных исследований о цифровых технологиях в уголовном процессе // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения», г. Тюмень, 17–19 октября 2024 г. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 296–303.

выдвинутые предложения о возможности использования информационных технологий при производстве следственных действий¹, в том числе при осмотре места происшествия (3D-моделирование / сканирование)²; в целях прогнозирования преступности; установления местонахождения лиц, причастных к совершению противоправных деяний; применения инновационных инструментов при назначении наказания³; полного перехода к электронному производству по уголовным делам с максимальным использованием цифровой среды Интернет⁴, создания единой цифровой платформы «Цифровое уголовное судопроизводство»⁵ и др.

В этой связи следует обратить особое внимание на научные труды С.В. Зуева, П.С. Пастухова, Н.А. Моругиной, А.Ю. Чуриковой, активно занимающихся изучением процесса адаптации отечественного уголовного процесса к более полному внедрению информационных технологий. В специальной литературе даже предлагается классификация искусственного интеллекта в уголовном процессе на «сильный» и «слабый»⁶, «ограниченный» или «общий», а также «искусственный сверхинтеллект»⁷.

¹ Малышева О.А., Самсонов П.А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 2. С. 66–78.

² Овчинникова О.В. Цифровизация следственных действий: проблемы и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 51–57; Яковлева К.Ю. Использование электронной 3D-модели в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 142–150.

³ Маричева О.В. Цифровые решения для оптимизации назначения уголовных наказаний в условиях военного положения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 115–129; Костенко Р.В., Ильяшенко А.Н. Программирование справедливости: возможности искусственного интеллекта в назначении наказаний // Юристь-Правоведь. 2024. № 2 (109). С. 124–131.

⁴ Зуев С.В., Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 83–94.

⁵ Воскобитова Л.А. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства и роли прокуратуры как организатора такой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1 (113). С. 18–31.

⁶ Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2021. № 5 (81). С. 188–191.

⁷ Игнатова О.Н. Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 149.

В условиях стремительной цифровизации общества и государства внедрение современных технологических систем искусственного интеллекта в сферу российского уголовного судопроизводства становится не просто актуальным, а необходимым условием для обеспечения его эффективности и доступности.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, акцентируя внимание на необходимости проведения цифровой трансформации страны в текущем десятилетии, в том числе за счет технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных, тем самым определил приоритетные направления развития государства, требующие системного научного изучения¹.

Реализация целей цифрового развития в Российской Федерации обеспечивается рядом стратегических и программных документов, таких как Стратегия развития информационного общества до 2030 г.², Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г. и программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³, устанавливающих приоритеты государственной политики в области информатизации, цифровизации и развития искусственного интеллекта⁴. В рейтинге Стэнфордского университета Россия занимает второе место по количеству принятых нормативных правовых актов в сфере искусственного интеллекта⁵.

В рамках международной инициативы по применению искусственного интеллекта в судебных системах Европейская комиссия по эффективности правосудия на своем 31-м пленарном заседании в декабре

¹ Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60630> (дата обращения: 15.01.2025).

² Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ URL: <https://ict.moscow/news/2022-ai-regulation/> (дата обращения: 16.01.2025).

2018 г. (г. Страсбург) приняла Европейскую этическую хартию, в которой закреплены ключевые принципы применения искусственного интеллекта в судебных системах с целью повышения эффективности и качества отправления правосудия¹.

К целям применения искусственного интеллекта традиционно относят освобождение человека от монотонной работы путем автоматического создания программного обеспечения, поддержания коммуникации между людьми, исследование и анализ большого объема данных, в том числе основанных на предиктивной аналитике в принятии решений. Перечисленные цели использования искусственного интеллекта свидетельствуют о том, что в основе его применения в любой из отраслей жизнедеятельности заложен механизм делегирования человеком ряда функций данным технологиям².

В последние годы наблюдается тенденция к усилению интеграции информационных технологий в деятельность российской правоохранительной и судебной систем. К примеру, с 2012 г. в России начал функционировать дистанционный режим проведения судебных заседаний. Разумеется, их проведение в режиме видеоконференц-связи возможно только при наличии в судах технической, организационной возможностей и только в залах судебных заседаний, оснащенных программно-техническими комплексами ВКС ГАС «Правосудие», подключенными к ведомственной сети передачи данных ГАС «Правосудие».

В результате принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» было создано правовое основание для использования СМС-сообщений в качестве способа извещения участников гражданского, административного и уголовного судопроизводства о месте, дате и времени рассмотрения дела в суде³.

¹ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях от 3 декабря 2018 г. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-16809860f4> (дата обращения: 15.01.2025).

² Игнатова О.Н. Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 148.

³ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений».

Благодаря принятию Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», с 2016 г. ряд процессуальных документов (как ходатайство, так и судебное решение) может быть изготовлен (за отдельными исключениями) в форме электронного документа, заверенного соответствующей электронной подписью¹. С 2017 г. участники уголовного судопроизводства получили возможность подавать в суды процессуальные документы в электронном формате (ст. 474.1 УПК РФ). С 1 сентября 2019 г. вступили в законную силу изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство, согласно которым в ходе судебных заседаний судов первой и апелляционной инстанций наряду с письменным протоколом стало обязательным использование средств аудиозаписи для аудиопроотолирования (ст. 259 УПК РФ)². С 2022 г. следователи и дознаватели получили возможность дистанционного проведения посредством использования системы видео-конференц-связи отдельных следственных действий: допроса, очной ставки, опознания (ст. 189.1 УПК РФ). В 2023 г. в УПК РФ появилась правовая норма, допускающая изготовление процессуальных документов в электронной форме (ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ)³.

Рассматриваемые новации, представляя собой инструмент оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, обладают бесспорным потенциалом для сокращения продолжительности предварительного следствия, судебного рассмотрения дел и снижения финансовых затрат государственного бюджета. При этом, обоснованным представляется мнение Ю.А. Андриенко о том, что внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство требует постепенного и целенаправленного подхода, основанного на тщательном планировании и оценке последствий каждого этапа преобразований⁴.

¹ Игнатова О.Н. Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 140.

² Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

⁴ Андриенко Ю.А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 189.

В рамках уголовного процесса поддержание государственного обвинения в суде является одним из ключевых этапов, на котором новейшие технические достижения могут сыграть решающую роль. Традиционные методы представления доказательств и аргументации в суде часто сопряжены с большим объемом бумажной документации, сложностью оперативного поиска и анализа информации. Цифровые технологии предоставляют возможности для оптимизации этих процессов, повышения наглядности и убедительности доводов государственного обвинителя, а также для ускорения судебного разбирательства.

Активное внедрение цифровых технологий в судебный процесс является одним из приоритетных направлений государственной политики в области цифровизации, а использование этих технологий при поддержании государственного обвинения – важным аспектом прокурорской деятельности. Вместе с тем применение цифровых технологий прокурорскими работниками, поддерживающими государственное обвинение, в судебном процессе ограничено из-за недостаточной технической оснащённости судов и, как следствие, их зависимости от имеющихся технических средств. Парадоксально, но в настоящее время значительная часть прокурорских работников, осуществляющих поддержание государственного обвинения по уголовным делам, даже не обеспечены возможностью выхода в сеть Интернет на рабочем месте, в том числе непосредственно в зале судебного заседания или при поддержании государственного обвинения по конкретному уголовному делу.

Говоря о возможности использования цифровых технологий государственным обвинителем в будущем, на наш взгляд, наиболее перспективные возможности в указанном направлении деятельности у стороны обвинения могут появиться в случаях: 1) полного перехода участников уголовного процесса на электронный обмен документами между собой (обвинительным заключением, ходатайствами, доказательствами, протоколами судебных заседаний и т.д.), т.е. введение электронного документооборота; 2) создания единой электронной базы данных, обеспечивающей оперативный доступ к необходимым материалам дела; 3) использования электронной подписи для обеспечения юридической значимости документов; 4) мультимедийного представления доказательств (использование видео-, аудиозаписей, фотографий, графиков и диаграмм для более наглядного и убедительного представления доказательств; возможность демонстрации мате-

риалов уголовного дела в режиме реального времени через интерактивные экраны; использование мультимедийных презентаций для аргументации позиции обвинения); 5) автоматизации анализа доказательств: а) применение программных средств для анализа больших массивов данных, связанных с уголовным делом (телефонные переговоры, электронная переписка, финансовые транзакции и т.д.); б) использование технологий искусственного интеллекта для выявления закономерностей и взаимосвязей между фактами; в) автоматическое формирование отчетов и сводок, необходимых для подготовки к судебному заседанию; б) участия в судебных заседаниях в режиме видеоконференции, в том числе в суде первой инстанции, что позволит оптимизировать временные и транспортные расходы; 7) создания онлайн-платформ для взаимодействия прокуроров с участниками судебного процесса, включая судей, адвокатов, свидетелей и потерпевших.

В этой связи возникает резонный вопрос: какие риски несет в себе внедрение цифровых технологий в деятельность государственного обвинителя?

Во-первых, речь может идти о возможном возникновении проблем обеспечения достоверности доказательств. В этом случае возникает необходимость разработки механизмов, гарантирующих целостность, подлинность, достоверность цифровых доказательств.

Во-вторых, особое внимание стоит уделить вопросам обеспечения конфиденциальности информации. Изложенное предопределяет необходимость обеспечения защиты персональных данных и иных сведений, составляющих тайну, от несанкционированного доступа.

В-третьих, не исключены технические сбои в работе оборудования, программных средств, а также отсутствие доступа к сети Интернет.

В-четвертых, не все участники процесса могут иметь одинаковый уровень доступа к цифровым технологиям и, главное, владения ими, что может привести к дисбалансу возможностей и нарушению принципа равенства участников процесса.

В-пятых, возникает вопрос о необходимости повышения уровня профессиональной переподготовки кадров, овладения прокурорскими работниками специальными знаниями, навыками и умениями в информационной среде и сфере компьютерных технологий.

В-шестых, немаловажным будет и психологический аспект: необходимость адаптации прокуроров к новым форматам работы и технологическим нововведениям.

Принимая во внимание существенные вызовы, сопряженные с применением автоматизированных информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности государственного обвинителя, а также учитывая потенциал искусственного интеллекта для оптимизации уголовного судопроизводства, научное сообщество сталкивается с необходимостью фундаментального анализа правовых и этических аспектов границ возможного делегирования искусственному интеллекту соответствующих функций.

В заключение резюмируем, что использование продуктов цифровых технологий в каждодневной работе государственного обвинителя – это требование времени и перспективное направление для совершенствования его деятельности. Для достижения поставленных задач потребуется комплексный подход, включающий в себя разработку соответствующей нормативной базы; обеспечение технической инфраструктуры (выделение достаточного финансирования на приобретение необходимого оборудования, программного обеспечения и обучения персонала); обучение кадров (проведение регулярных тренингов и семинаров для повышения квалификации прокуроров в области использования цифровых технологий); разработку методических рекомендаций, помогающих прокурорам более эффективно и шире использовать цифровые технологии при поддержании государственного обвинения; обеспечение информационной безопасности (разработка и внедрение системы защиты информации, направленной на предотвращение несанкционированного доступа к материалам дела, а также на защиту от кибератак). Грамотное и эффективное внедрение современных информационно-телекоммуникационных технологий позволит повысить наглядность, убедительность и оперативность работы государственного обвинителя. Особенно это касается случаев поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей. Одновременно необходимо тщательно проанализировать все возможные риски, связанные с применением цифровых технологий, и разработать эффективные механизмы для их преодоления. Только в этом случае цифровые технологии смогут стать эффективным и наглядным инструментом в руках государственного обвинителя, способствующим обеспечению законности и справедливости в уголовном судопроизводстве.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Полное, всестороннее, тщательное ознакомление с материалами уголовного дела адвокатом-защитником, по результатам которого последний в максимально возможной мере способен воспринять, оценить его содержание, обеспечивает возможность выработать наиболее рациональную и согласованную с подзащитным позицию по делу. Без надлежащего ознакомления с материалами уголовного дела невозможно говорить об оказании обвиняемому (подсудимому) квалифицированной юридической помощи.

Ознакомление с материалами уголовного дела имеет несколько аспектов, один из которых – его продолжительность. Ознакомление адвоката-защитника с материалами уголовного дела может осуществляться на разных стадиях производства по делу, в том числе в ходе рассмотрения дела в первой инстанции, в ходе апелляционного и кассационного производства.

Вместе с тем наиболее важным считаем ознакомление с материалами дела по окончании предварительного расследования в порядке ст. 217 УПК РФ. Кроме того, положения указанной статьи регламентируют особенности ознакомления обвиняемого и его защитника на последующих стадиях производства по делу.

Согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ, обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела. В то же время если обвиняемый и его защитник явно затягивают ознакомление с делом, судом может быть установлен предельный срок для ознакомления.

Однако законодатель не предусмотрел каких-либо критериев, на основе которых возможно было бы установить в конкретной ситуации, своевременно ли адвокат-защитник знакомится с делом либо же явно затягивает. Следовательно, суд очевидно заинтересован в более быстром ознакомлении защитника с делом. Защитнику же, наоборот, требуется больше времени, чтобы тщательно изучить дело и подготовиться тем самым к защите. Более того, полагаем, ознакомление с делом является не только его правом, но и обязанностью, поскольку ненадлежа-

щее ознакомление влечет недобросовестность со стороны адвоката, делает невозможным оказание им квалифицированной юридической помощи и, следовательно, несет угрозу привлечения его к дисциплинарной ответственности в случае соответствующей жалобы доверителя.

Так, Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 8 ноября 2021 г. № 47-УД21-17-К6 поддержал сформулированную нижестоящим судом позицию, согласно которой «для надлежащего и добросовестного исполнения своих обязанностей по защите интересов осужденного, для изучения материалов уголовного дела и надлежащей подготовки к судебному разбирательству (учитывая сложившуюся в судах Российской Федерации судебную практику относительно времени ознакомления профессионального защитника с материалами уголовного дела)» адвокату требовалось для ознакомления с четырьмя томами уголовного дела не более одного дня¹. Учитывая, что по сложившейся практике один тома уголовного дела состоит примерно из 250 листов, не забывая, что определенное количество из них могут иметь обороты. Таким образом, согласно приведенной позиции из судебной практики, адвокату-защитнику для ознакомления с тысячей листами уголовного дела достаточно одного дня.

Полагаем, подобные подходы, даже учитывая часто приводимый судами довод, что адвокат-защитник является профессиональным участником процесса и по этой причине ему легче знакомиться материалами дела, чем не профессиональным участникам, являются неуместными. Необходимо учитывать, что каждое уголовное дело индивидуально, может содержать разное количество вменяемых подзащитному эпизодов преступной деятельности, причем совершенных в соучастии, определенное количество судебных экспертиз, требующих внимательного изучения защитником, не обладающим специальными знаниями, и др.

Формирование судебной практикой подобных подходов полагаем опасным, поскольку широкое их применение может повлечь систематическое нарушение прав адвокатов-защитников и их доверителей, главным образом права на защиту.

¹ Постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. по уголовному делу № 47-УД21-17-К6. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/claims?®isterDateExact=off&considerationDateExact=off&numberExact=true&number=47-%D0%A3%D0%9421-17-%D0%9A6>

По этой причине полагаем, требуется непосредственно в тексте уголовно-процессуального закона предусмотреть критерии, которыми необходимо руководствоваться при определении разумных сроков ознакомления с делом.

Так, некоторые адвокатские палаты субъектов Российской Федерации уже приняли подробные разъяснения по данному вопросу. Например, разъяснения Адвокатской палаты Новосибирской области¹ разграничиваются уголовные дела в зависимости от их сложности. На ознакомление с уголовными делами, не представляющими большую сложность, предлагается отводить не более двух дней. Представляющими сложность, под которыми следует понимать дела в отношении трех и более обвиняемых, по трем и более эпизодам, в отношении лиц, которые не владеют языком судопроизводства, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществить свое право на защиту и некоторые другие категории дел, рекомендуется отводить на ознакомление не менее трех дней. Схожие правила сформулированы корпоративными актами адвокатских палат Волгоградской области², Удмуртской Республики³ и некоторых других. Полагаем, по данному пути необходимо последовать законодателю, конкретно установив в законе критерии продолжительности ознакомления с материалами уголовного дела.

¹ См.: Разъяснения Совета Адвокатской палаты Новосибирской области «О продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела» (протокол № 7) от 26 мая 2015 г. URL: <https://advpalatanso.ru/documenty/raziasneniya>

² См.: Разъяснения Совета Адвокатской палаты Волгоградской области «О минимальной продолжительности ознакомления с материалами уголовного дела» (приняты Советом Адвокатской палаты Волгоградской области от 26 февраля 2016 г. Протокол № 3). URL: <https://www.apvo-volgograd.ru/advokatam/dokumenty/decisions-council/>

³ См.: Разъяснения Совета адвокатской палаты Удмуртской Республики о минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела (приняты Советом Адвокатской палаты Удмуртской Республики 24 июля 2014 г. Протокол № 6, в редакции от 26 октября 2017 г.). URL: <https://apur.ru/>

О ВАЖНОСТИ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К СОДЕРЖАНИЮ ХОДАТАЙСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Российским уголовно-процессуальным законодательством не установлены четкие требования, предъявляемые к содержанию ходатайства. При этом в сфере международного сотрудничества зачастую возникает необходимость подачи обращений к уполномоченным национальным законодательством органам и должностным лицам, направленных на защиту прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений. В этой связи представляется целесообразным выработать общие требования, которым должны соответствовать подаваемые ходатайства как по форме, так и по содержанию, чтобы обращение заявителя было принято к рассмотрению, а впоследствии по нему вынесено законное, обоснованное решение, удовлетворяющее как частным, так и публичным интересам.

В ч. 1 ст. 120 УПК РФ закреплено правило, согласно которому ходатайство может быть выражено как в письменной, так и в устной форме. Устное ходатайство заносится в протокол следственного действия, в ходе производства которого оно и было заявлено. Однако закон не исключает возможности обращения с просьбой к следователю или дознавателю и в ходе производства иного процессуального действия. Например, таким действием является ознакомление участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела. Так, ч. 2 ст. 218 УПК РФ устанавливает, что в протокол процессуального действия подлежит занесению ходатайство обвиняемого о рассмотрении его уголовного дела с участием присяжных заседателей. Устное ходатайство может быть обращено должностному лицу и при производстве иных процессуальных действий в ходе последственной проверки, например, во время проведения документальной проверки или ревизии (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Кроме того, ходатайство может быть заявлено и вне рамок следственного и иного процессуального действия¹. В то же

¹ Кулбаев А.К. Заявление и разрешение ходатайств в уголовном процессе (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 144.

время как оформлять ходатайство в данном случае, закон не регламентирует.

По мнению Н.А. Власовой, должностному лицу надлежит составить отдельный протокол¹. А.П. Рыжаков придерживается позиции, что в данном случае устное ходатайство должно быть оформлено в протоколе устного заявления, однако если подобного рода ходатайства заявляются подозреваемым, обвиняемым и их защитником, потерпевшим и его представителем (законным представителем), то необходимо дополнительно их допросить, а полученные сведения о ходатайстве занести в протокол допроса². Н.М. Перетяtko и А.Е. Федюниным в целях устранения противоречий между ч. 1 ст. 120 УПК РФ и иными положениями уголовного-процессуального законодательства предлагается уточнить, что устное обращение подлежит фиксации в протоколе не только следственного, но и иного процессуального действия³. Думается, что устное ходатайство, заявляемое вне рамок производства следственного действия и ознакомления участников судопроизводства с материалами уголовного дела, должно фиксироваться в отдельном протоколе принятия устного ходатайства по правилам ст. 166 УПК РФ.

Структура и содержание ходатайства нормами закона опять же не установлены. Однако представляется, что оно должно соответствовать общим требованиям, предъявляемым к процессуальным документам. Так, обращение заявителя к должностному лицу должно включать следующие обязательные элементы: 1) указание на должность, звание, фамилию и инициалы должностного лица, наименование органа, которому заявляется ходатайство; 2) сведения о заявителе ходатайства: его процессуальное положение в уголовном деле, фамилия и инициалы, адрес проживания, а в случае заявления ходатайства защитником или представителем лица – сведения о документах, подтверждающих соответствующие полномочия; 3) доводы заявителя о необходимости принятия должностным лицом конкретного процессуального решения или

¹ Власова Н.А. Заявление и разрешение ходатайств в ходе предварительного расследования // Государство и право. 2006. № 4. С. 44.

² Рыжаков А.П. Общие правила заявления ходатайств в уголовном процессе. Комментарий к ст. 120, 2019. С. 15 // Специально для системы ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/77451997/> (дата обращения: 25.05.2025).

³ Перетяtko Н.М., Федюнин А.Е. Вопросы совершенствования правовой регламентации института ходатайств в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 2. С. 343.

действия; 4) перечень прилагаемых к ходатайству документов; 5) подпись лица, заявившего ходатайство, дата обращения.

Следует отметить, что в науке уголовно-процессуального права не сформировалось единой позиции о том, должно ли ходатайство участника уголовного судопроизводства быть обоснованным, т.е. подтверждаться достаточной совокупностью фактических обстоятельств, подтверждающих просьбу лица о необходимости производства следственного и иного процессуального действия, принятия соответствующего решения должностным лицом, а также иметь юридическое основание, т.е. ссылку на нормы действующего законодательства, указывающие на необходимость совершения указанных действий. Например, О.В. Желева, исследуя данный вопрос, приходит к выводу о том, что обоснованность не является обязательным требованием, предъявляемым к ходатайствам частных лиц, поскольку такие лица, не являясь профессиональными участниками уголовного процесса (за исключением защитника подозреваемого и обвиняемого, представителя потерпевшего, адвоката свидетеля), во-первых, не обладают достаточными юридическими знаниями для проведения анализа имеющихся в уголовном деле доказательств, который необходим для обоснования заявленной просьбы, а также норм материального или процессуального права; во-вторых, не обладают широкими возможностями для собирания фактических данных, которые бы подтверждали необходимость совершения тех действий, о которых просит заявитель. Соответственно, обоснованность является для такой категории участников уголовного судопроизводства невыполнимым требованием¹.

С данной позицией соглашается и А.П. Рыжаков, отмечая, что заявление ходатайства в досудебном производстве является правом каждого его участника, а обязанности вносить мотивированное и обоснованное ходатайство законом не предусмотрено. В то же время рассмотрение всякой просьбы и принятие по ней законного, мотивированного, обоснованного решения является обязанностью следователя и дознавателя. Однако для ходатайств, заявляемых на стадии судебного разбирательства, такое требование все же установлено, например, ч. 1 ст. 271

¹ Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 176.

УПК РФ предписывает сторонам обосновать суду свою просьбу о вызове новых свидетелей, экспертов, специалистов в судебное заседание, об истребовании дополнительных вещественных документов и доказательств – в таком случае обоснованность ходатайства является основанием для его удовлетворения¹.

Среди многочисленных научных исследований представлена и точка зрения ученых, придерживающихся противоположной позиции. Например, указанное выше мнение не разделяет Л.Д. Калинкина. Автор пишет о том, что, обращаясь с ходатайством, перед заявителем стоит цель убедить властное должностное лицо в принятии необходимого для него решения или совершении действия, вследствие чего каждое ходатайство должно быть аргументированным, логичным, четким и последовательным, содержать в себе анализ фактических обстоятельств, подкрепляться нормативно-правовой основой со ссылкой на конкретные процессуальные и материальные нормы².

Все же представляется правильной позиция специалистов, не предъявляющих обязательного требования к ходатайству в виде его обоснованности, поскольку иное бы ограничивало право субъектов, вовлеченных в сферу уголовного процесса, на защиту их прав и законных интересов ввиду необоснованности или недостаточной аргументированности. Однако это вовсе не означает, что субъект имеет право на внесение абсолютно любого ходатайства, когда в этом отсутствует реальная необходимость, поскольку подобное может свидетельствовать о недобросовестности участника уголовного судопроизводства, его стремлении препятствовать производству по уголовному делу.

О.В. Желевой приводится обоснованный довод о том, что, если из содержания обращений участника уголовного судопроизводства, его предшествующих действий в ходе предварительного расследования явно следует, что субъект злоупотребляет субъективным правом на заявление ходатайства в досудебном производстве, то в таком случае ему

¹ Рыжаков А.П. Общие правила заявления ходатайств в уголовном процессе. Комментарий к ст. 120, 2019. С. 12 // Специально для системы ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/77451997/> (дата обращения: 20.05.2025).

² Калинкина Л.Д. Ходатайства о признании доказательств недопустимыми в суде первой инстанции в российском уголовном процессе // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 67–68.

должно быть отказано в удовлетворении просьбы, а если заявитель повторно обращается с ходатайством по тому же предмету – отказано в его принятии¹.

В этой связи О.А. Максимовым отмечается, что должностное лицо, принимая ходатайство к рассмотрению, проверяет его лишь на предмет соответствия уголовному делу². Так, ч. 1 ст. 119 УПК РФ устанавливает, что заявитель вправе просить лицо о совершении тех процессуальных действий и принятии процессуальных решений, которые могут иметь значение для уголовного дела. Положения ст. 159 УПК РФ уточняют, что если следователь или дознаватель придут к выводу о значении для уголовного дела тех действий, о совершении которых просит участник уголовного судопроизводства, то он не может отказать в удовлетворении такой просьбы. Из этого следует, что к ходатайству в досудебном производстве предъявляется требование относимости, а именно процессуальное действие или процессуальное решение, о производстве и принятии которого просит заявитель, должно иметь отношение к обстоятельствам уголовного дела. Данный вывод подтверждается Конституционным Судом Российской Федерации, в соответствии с правовой позицией которого законом исключается произвольный отказ должностного лица в удовлетворении ходатайства стороны защиты о приобщении представленных ею доказательств к материалам уголовного дела, однако такое возможно, если доказательство не имеет отношения к предмету доказывания, а равно если обстоятельства, которые оно призвано подтвердить, уже установлены достаточной совокупностью иных собранных по делу доказательств³.

¹ Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства... С. 177.

² Максимов О.А. Рассмотрение ходатайств в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 139.

³ По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52835/ (дата обращения: 20.05.2025).

ИНТЕРЕС ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Интерес относится к разновидности мотивационных состояний личности. Он выражает выборочное отношение человека к явлениям и предметам, возникающее в результате осознания их значимости и эмоционального отклика на определённые ситуации. Интерес является частью осмысленной деятельности индивида. Как справедливо отмечала А.Ж. Кусжанова, «отсутствие осознанности исключает наличие интереса, а значит, и последующего действия»¹.

Формирование интересов связано с системой человеческих потребностей, хотя эта зависимость не всегда проявляется прямо. Существенное значение имеет и принадлежность личности к конкретной социальной группе. Через интересы, в частности, выражается познавательная потребность человека, которая носит динамический характер: она может усиливаться, снижаться или вовсе исчезать. Поэтому интерес представляет собой промежуточное мотивационное состояние, которое со временем либо угасает, либо перерастает в более устойчивую форму – склонность. Нестабильность интересов нередко становится причиной колебаний в деятельности правоприменителя, что может привести к серьёзным ошибкам в процессе принятия решений.

Поддерживаемый и развиваемый интерес является благоприятной психологической основой успешной профессиональной деятельности. При этом интересы могут носить как положительный, так и отрицательный характер.

Анализируя цели уголовного судопроизводства, П.С. Элькинд подчеркивала, что «связь между целью и интересом неоднозначна. Так, официальные задачи противодействия преступности, отражающие интересы государства, нередко сталкиваются с личными интересами должностных лиц. Было бы неверно считать, что субъекты применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства всегда руководствуются исключительно государственными целями. Подтверждением тому служит тот факт, что сами должностные лица могут ста-

¹ Кусжанова А.Ж. Проблемы классификации и взаимодействия интересов / Теоретический журнал GREDO. 2000. № 23. С. 33–37.

новиться субъектами преступлений против правосудия, а закон предусматривает возможность пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам, включая случаи выявленных судебным приговором злоупотреблений со стороны следователей и судей»¹.

Процессуальный интерес следователя, дознавателя, прокурора или судьи закреплён в нормах уголовно-процессуального права. На первый взгляд может показаться, что в рамках уголовного процесса, особенно на стадиях возбуждения дела и предварительного расследования, личные интересы указанных субъектов отсутствуют, а руководствоваться они должны исключительно законом.

Однако, как отмечает П.А. Лупинская, «специфика решений в уголовном процессе заключается в том, что допустимые средства достижения целей определены законом, а не самим субъектом, принимающим решение»². Практика показывает, что далеко не всегда должностные лица строго следуют букве закона: иногда их действия продиктованы личными мотивами. К таковым можно отнести, например, стремление облегчить себе работу в сложном деле, желание достичь карьерного продвижения или избежать излишней ответственности.

Формирование личного интереса обусловлено воздействием множества факторов. Существенную роль здесь играют и так называемые ведомственные интересы, закреплённые в подзаконных актах – приказах, инструкциях, указаниях и распоряжениях. Принадлежность должностного лица к системе правоохранительных органов создаёт своеобразное единство служебных и личных интересов.

В ряде случаев процессуальный и ведомственный интересы вступают в противоречие, что неизбежно отражается на деятельности правоприменителя и косвенно влияет на результаты уголовного судопроизводства. В.В. Новик справедливо указывал, «что ведомственный интерес следователя, если он не соответствует задачам доказывания, приобретает местнический характер и оказывает деструктивное воздействие, толкая его к действиям, основанным на неправильном понимании закона»³.

¹ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 57.

² Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976. С. 473.

³ Новик В.В. О структуре интересов следователя и их роли в доказывании // Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе : сб. науч. тр. Волгоград, 1988. С. 48.

НАЧАЛО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Уголовному преследованию посвящено большое количество исследований, однако мнения исследователей далеки от единства. Во многом этому способствует и неоднозначность положений действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), из которых можно выделить такие значения: «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ); уголовно-процессуальная функция (п. 45 ст. 5 УПК РФ); производство предварительного расследования по уголовному делу (ч. 2 ст. 21 УПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 140 УПК РФ).

Уголовное преследование характеризуется возникновением особых правовых отношений между государством в лице субъекта уголовного преследования и лицом, подвергнутым уголовному преследованию (в соответствии с УПК РФ – подозреваемым или обвиняемым), которые, в свою очередь, предусматривают возможность существенного ограничения прав и свобод такого лица. Поэтому важное процессуальное значение момента начала уголовного преследования не вызывает сомнений, однако представляется пробелом отсутствие в действующем УПК РФ нормы, определяющей данный факт, в особенности применительно к досудебным стадиям уголовного судопроизводства.

При рассмотрении данного понятия в значении, закрепленном п. 55 ст. 5 УПК РФ, обращает на себя внимание конкретизация законодателем факта, что такая деятельность направлена на изобличение подозреваемого или обвиняемого, что позволяет сделать вывод о начале уголовного преследования только после возбуждения уголовного дела, с данным выводом согласно большинство ученых¹.

В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) предписывает учитывать «фактическое процессуальное

¹ См., напр.: Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 22 с.; Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: Проблемы осуществления в условиях правовой реформы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 261 с.

положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование»¹. Несмотря на то, что КС РФ в своих решениях под началом публичного уголовного преследования понимает момент возбуждения уголовного дела, в данном случае, он, разъясняя конституционное право задержанного лица на помощь адвоката (защитника), прямо предписывает считать, что в отношении лица осуществляется публичное уголовное преследование, если против конкретного лица осуществляется обвинительная деятельность, в том числе и до возбуждения уголовного дела.

Из этого можно сделать вывод о том, что начало уголовного преследования допускается и до решения о возбуждении уголовного дела, если в отношении конкретного лица соответствующим субъектом начинается осуществление «обвинительная деятельность», даже если такое лицо формально не наделено процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого. В таком случае моментом начала уголовного преследования видится момент начала производства первого следственного или иного процессуального действия субъекта уголовного преследования, направленного на получение доказательства причастности конкретного лица к совершению конкретного преступления.

Проблема заключается в том, что УПК РФ не разграничивает следственные и иные процессуальные действия в зависимости от реализуемой с их помощью уголовно-процессуальной функции. В результате одного и того же следственного действия может быть получено доказательство, изобличающее подозреваемого, а может быть, и оправдывающее его. При этом субъекты, уполномоченные производить следственные действия на досудебных стадиях всегда представляют сторону обвинения (следователь, дознаватель, орган дознания), поэтому практически по данному признаку вряд ли представляется возможным выделить уголовное преследование в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной деятельности в целом и тем более определить момент его начала.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства РФ. 03.07.2000. № 27. Ст. 2882.

Представляется более удачной позиция, в соответствии с которой уголовное преследование является уголовно-процессуальной функцией, на досудебных стадиях реализуемой в рамках процессуальной деятельности следователем или дознавателем, характеризующейся возникновением специфических процессуальных отношений.

Наиболее ярко данный признак уголовного преследования проявляется при его прекращении. Так, для лица, в отношении которого оно прекращается, первоочередное значение имеет не прекращение производства следователем деятельности по доказыванию его причастности к совершению преступления, а прекращение отношений с ним как с лицом, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления.

Соответственно, началом уголовного преследования представляется момент возникновения таких отношений между субъектом уголовного преследования и лицом, подвергаемым уголовному преследованию, причем независимо от решения о возбуждении уголовного дела. Вместе с тем данный юридический факт, по нашему мнению, требует нормативного закрепления оснований, как фактических, так и юридических, что позволит обеспечить лицу, подвергаемому уголовному преследованию, процессуальные гарантии права на защиту.

В качестве фактического основания для начала уголовного преследования представляется целесообразным закрепить наличие достаточных доказательств (данных), устанавливающих (дающих основания подозревать) факт совершения преступления конкретным лицом.

В качестве юридического основания для начала уголовного преследования следует законодательно закрепить обязанность вынесения субъектом уголовного преследования соответствующего постановления.

А.И. Петрушин

КОЛЛИЗИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ПОРЯДКЕ ЧАСТНОГО И ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что уголовные дела частного и частно-публичного обвинения возбужда-

ются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя (ч. 2, 3 ст. 20, ч. 1, 3 ст. 147, ст. 318 УПК РФ). Специфика дел частного обвинения заключается в том, что именно от усмотрения потерпевшего зависит начало уголовного преследования, он же распоряжается своим правом поддерживать обвинение и отказаться от него¹.

Появление в уголовном судопроизводстве фигуры законного представителя потерпевшего связано с неспособностью последнего самостоятельно осуществлять свои права. Соответственно, законный представитель имеет те же процессуальные права, что и представляемые лица, и совершает от их имени все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым. Перечень лиц, которые могут быть законными представителями, весьма обширен и включает родителей, усыновителей, попечителей, опекунов, а также органы опеки и попечительства, медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь, организации, под надзором которых находятся недееспособные лица, и др.

Приведенные положения подразумевают, что в случае неспособности потерпевшего самостоятельно защищать свои интересы прерогатива решить вопрос о начале уголовного преследования и необходимости возбуждения уголовного дела переходит к его законному представителю. В то же время ч. 4 ст. 20 УПК РФ предусматривает, что уголовные дела рассматриваемых категорий могут быть возбуждены и без заявления законного представителя, если преступление совершено в отношении лица, которое не может защищать свои права и законные интересы.

Примечательно, что ч. 4 ст. 20 УПК РФ для своего применения не содержит каких-либо условий, относящихся к фигуре законного представителя потерпевшего. Буквальное же толкование правовых положений по рассматриваемому вопросу приводит к выводу о совпадении оснований для появления законного представителя в уголовном судопроизводстве и ограничения его правомочий.

Наличие указанной коллизии создает предпосылки для произвольного применения закона, что чревато, с одной стороны, возможностью

¹ Муллахметова Н.Е. Обеспечение прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения на стадии возбуждения уголовного дела // Виктимология. 2021. Т. 8, № 1. С. 47.

возбуждения уголовного дела без выяснения и учета позиции законного представителя, с другой – бездействию должностных лиц в связи с отсутствием заявления законного представителя.

В связи с этим возникает вопрос о наличии у правоохранительных органов обязанности выяснять позицию законного представителя потерпевшего по вопросу о начале уголовного преследования.

Представляется, что правило ч. 4 ст. 20 УПК РФ не подлежит буквальному толкованию, а имеющаяся коллизия является недостатком юридической техники и не подразумевает ограничения диспозитивного начала при осуществлении уголовного преследования в порядке частного и частно-публичного обвинения.

Безусловно, совершение преступления в отношении лица, находящегося в зависимом или беспомощном состоянии, придает криминальному посягательству дополнительную общественную опасность. Вместе с тем данный аргумент носит материально-правовой характер, соответственно, его правовое воплощение логичнее было бы осуществить путем выделения в отдельный квалифицированный состав такого рода деяний, а не путем создания правила, предусмотренного ч. 4 ст. 20 УПК РФ. К тому же обстоятельства, приведшие к ограничению процессуальной дееспособности потерпевшего, могут возникнуть и после совершения преступления.

Специфика отношений, сторонами которых, как правило, являются участники уголовно-правового конфликта, подразумевает, что законный представитель также может состоять в личных отношениях с лицом, совершившим преступление, и действовать вопреки интересам представляемого. Однако данное обстоятельство в каждом случае подлежит оценке.

На основании изложенного можно предложить следующие выводы:

1. Положение ч. 4 ст. 20 УПК РФ не освобождает должностных лиц от обязанности выяснять позицию законного представителя потерпевшего по вопросу о начале уголовного преследования.

2. Возбуждение уголовного дела без соответствующего волеизъявления законного представителя допустимо, если последний действует вопреки интересам представляемого лица.

3. К случаям недобросовестного выполнения обязанностей законным представителем относится немотивированное интересами представляемого лица бездействие по направлению в суд (должностному лицу) заявления о совершении преступления.

4. Постановление о возбуждении уголовного дела в таком случае должно содержать вывод о том, что законный представитель действует вопреки интересам потерпевшего с изложением мотивов принятого решения.

И.И. Писаревский

ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛА: ПОИСК ИДЕАЛЬНОЙ МОДЕЛИ НА СТЫКЕ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИЙ

Стадия возбуждения дела выделяется как часть административной процедуры¹, представляя собой начало течения административно-процедурного правоотношения². Это понимание возбуждения дела как начального этапа, порождающего соответствующие процессуальные правоотношения, в равной степени применимо и для производства по делам об административных правонарушениях как разновидности административной процедуры, так и для возбуждения уголовных дел.

В связи с этим нельзя не отметить, что идущая долгие годы дискуссия о необходимости стадии возбуждения уголовного дела не может сводиться лишь к упрощенному пониманию необходимости отказа или сохранения соответствующей стадии. Отказаться от механизма начала течения правоотношений невозможно априори, и практика стран, формально исключивших данную стадию, свидетельствует лишь о том, что она приобретает квази-правовые, порой неказистые формы, существующие якобы за пределами официальной сферы уголовно-процессуальных правоотношений, но фактически оставаясь их частью³.

¹ Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. С. 237.

² Давыдов К.В. Административная процедура: стадии возбуждения и рассмотрения административного дела // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 14.

³ Подробнее об этом см.: Писаревский, И.И. Несколько слов в защиту стадии возбуждения уголовного дела на примере производства по делам об административных правонарушениях // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по материалам XIII Всероссийской научно-практической конференции. Вып. V. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2020. С. 270–274.

Таким образом, необходимо вести речь о конкретном содержательном наполнении и механизме реализации данной стадии.

Что же на сегодняшний день представляют собой процедуры возбуждения дела в уголовной и административной юрисдикции?

Текущее законодательное исполнение данных стадий по справедливому сравнению представляет их в образе специального фильтра¹, призванного отграничить правонарушения от того, что очевидным образом ими не является.

Стоит отметить, что и ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), и ст. 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) закрепляют схожий набор оснований для отказа в возбуждении дел, среди которых имеются как обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии необходимой противоправности деяния (события / состава соответствующего правонарушения), так и явно формально-процессуальные препятствия (например, истечение сроков давности).

На первый взгляд, и сам механизм «фильтрации» в уголовной и административных юрисдикциях подчинен общей логике, сформулированной, в частности, в актах Конституционного Суда Российской Федерации, где в одном случае говорится о необходимости тщательно проводить проверочные мероприятия, дабы обеспечить интересы лица, в отношении которого подано заявление о привлечении к уголовной ответственности², а в другом – о том, что принятие решения о возбуждении дела об административном правонарушении или об отказе в его возбуждении должно быть мотивированным, что требует проверки

¹ Давлетов А.А., Кравчук Л.А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 114; Щербаков О.Н. Отдельные вопросы стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Административное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 338.

² Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мамедова Эльчина Вели оглы на нарушение его конституционных прав Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации в целом, а также положениями его статей 39, 102, 125, 144 и 208 от 10 мар. 2022 г. № 494-О // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision594977.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

указанных в заявлении об административном правонарушении сведений и не предполагает, что такое решение принимается по факту поступления заявления¹.

Иными словами, ни возбуждение уголовного, ни дела об административном правонарушении не может носить произвольный характер и требует предварительного проведения проверочных мероприятий, дабы подтвердить обоснованность выдвинутых претензий (подозрений).

Да, для возбуждения уголовного дела необходимо установить достаточные данные, указывающие на признаки преступления в целом (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), а для возбуждения дела об административном правонарушении нужны достаточные данные, указывающие только лишь на событие правонарушения (ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ). Однако с доктринальной точки зрения различия в формулировках «признаки преступления» и «событие административного правонарушения» не столь существенны, так как в уголовном процессе признаки преступления чаще всегда и понимаются как признаки объективной стороны².

С учетом изложенного возникает вопрос – почему же на практике возбуждение уголовного дела представляется куда как более сложной задачей, нежели возбуждение дела об административном правонарушении?

Довод о том, что уголовно-правовые отношения обладают большей ценностью, нежели административные, полагается, носит спекулятивный характер в условиях единой законодательной логики возбуждения дел, подтвержденной приведенными выводами Конституционного Суда РФ.

Истинная же причина, на наш взгляд, заключается в несоизмеримой репрессивности уголовной и административной юрисдикций и порождаемым такой репрессивностью правом на реабилитацию.

¹ Определения Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сергеева Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 29 сент. 2015 г. № 2315-О // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision211964.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

² См., напр.: Минеев Ю.В. Предмет и пределы разбирательства при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела // Российский следователь. 2009. № 20. С. 13.

Если ст. 24.7 КоАП РФ не предоставляет лицу, в отношении которого производство по делу прекращено по реабилитирующим основаниям, даже права на компенсацию юридических расходов, отправляя взыскивать их в составе убытков в общеисковом порядке, и в некоторых случаях даже не с административного органа, а с заявителя жалобы, чье обращение выступило поводом для возбуждения дела, что отражено в п. 22 Обзора практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 2024 г.¹, то гл. 18 УПК РФ предусматривает компенсацию за счет государства и недополученного дохода, и морального вреда, и всех юридических расходов, и принесение официальных извинений главным надзорным ведомством, отправляемых по месту работы, учебы, жительства лица, в отношении которого уголовное дело прекращено по реабилитирующим основаниям.

Вполне очевидно, что в подобной ситуации ни один руководитель не допустит возбуждения уголовного дела с туманными перспективами обвинительного приговора, но более чем реальным исходом в виде реабилитации вчерашнего обвиняемого, что и порождает на практике превращение стадии возбуждения уголовного дела в суррогат предварительного расследования.

Таким образом, решение обозначенной проблемы в сфере уголовной юрисдикции предлагается искать в реформировании института реабилитации, в сочетании с экономией уголовно-процессуальной репрессии, ориентируясь на успешный опыт юрисдикции административной.

К.Р. Погорелова

ПРИМЕНЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ БЕДНОСТИ

Согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации, Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/33619/> (дата обращения: 03.01.2025).

на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Официальные статистические данные показывают, что численность населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины прожиточного минимума в 2019 г. составила 12,4%, в 2020 г. – 12,2%, в 2021 г. – 11,1%, в 2022 г. – 9,0%, в 2023 г. – 8,3%¹. Несмотря на достаточно низкий процент и динамику снижения, обратим внимание на отдельные регионы, например, в Брянской области данный показатель за 2023 г. составил 11,2%, в Республике Калмыкия – 17,8%. Помимо этого, в некоторых субъектах, таких как Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва данный показатель в 2023 г. превышает 20%. Приведенные статистические данные свидетельствуют о достаточно большом количестве населения с денежными доходами ниже границы бедности в отдельных субъектах Российской Федерации, процентный показатель которых значительно превышает показатели по стране в целом.

В рамках настоящей статьи мы рассматриваем бедность как одно из тяжелых жизненных обстоятельств, стечение которых, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, является обстоятельством, смягчающим наказание.

Следует обратить внимание на то, что практика применения законов по-прежнему основывается на «философии возмездия и сдерживания», поэтому правоохранительные и судебные органы фокусируются в основном на количественном аспекте в качестве результата². Мы считаем, что использование карательных мер не обеспечивает достижение целей уголовного наказания, в особенности, если преступление совершается лицом, которое не имеет достаточных средств для существования. Обычно деяние таких лиц мотивируется удовлетворением своих базовых потребностей.

Приведем пример из судебной практики. Согласно приговору Волжского городского суда № 1-518/2021 от 5 июля 2021 г. по делу № 1-518/2021, гражданка Ф. совместно с гражданкой А. совершили хищение имущества из магазина «Пятерочка», а именно: 3 пачки масла,

¹ Неравенство и бедность. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

² Saputra D.N., Atu Karomah, Putri F.E. Restorative Justice for Perpetrators of Theft Crimes Caused by Poverty // Al Ahkam. 2024. № 20 (1).

1 упаковку сарделек, 2 упаковки колбасы и другие продукты питания¹. Подсудимая Ф. в суде пояснила, что ей нечем было кормить детей, она просила милостыню, так как детские пособия задержали. Установлено, что на иждивении гражданки Ф. находятся четверо малолетних детей, постоянного места работы не имеет, преступление совершает впервые. Из приведенного примера видно, что лицо совершает преступление не с целью обогатиться или получить дополнительный материальный доход, цель совершения – прокормить себя и детей. Суд постановил, что исправление и перевоспитание подсудимой возможно без реальной изоляции от общества. Мы полностью согласны с решением суда, однако следует отметить, что проблему гражданки Ф. это никак не решило и скорее всего она совершит преступление снова, руководствуясь теми же мотивами. По нашему мнению, подобный уголовно-правовой конфликт в будущем можно решить на основе концепции восстановительного правосудия. Из показаний подсудимой Ф. в суде видно, что она раскаивается и действительно сожалеет о случившемся: «вышла из магазина не оплатив товар, ей стало плохо и она, немного отойдя, села на лавочку»; «кражу продуктов она совершила одна, в чем раскаивается», кроме того, она впервые совершила преступление. Помимо этого, подсудимой Ф. явно требуется социальная помощь и поддержка, которую она может и должна получить.

Концепция восстановительного правосудия представляет собой подход, который больше внимания уделяет справедливости и обеспечению интересов виновных и их жертв, мирному разрешению уголовно-правового конфликта. Кроме того, она предполагает урегулирование произошедшего путем привлечения жертв, преступников, их семей и других связанных с общественно опасным деянием лиц для совместного поиска справедливого решения, отдавая приоритет восстановлению прав, а не возмездию.

Так как одним из принципов восстановительного правосудия является возмещение вреда, безусловно, возникает вопрос, где виновный возьмет денежные средства, если он не имеет ни официального места работы, ни другого источника дохода. Мы считаем, что лицам, которые находятся за границей бедности, государство в лице правоохранительных и судебных органов должно предоставлять альтернативу уголовному наказанию –

¹ Приговор Волжского городского суда № 1-518/2021 от 5 июля 2021 г. по делу № 1-518/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru>

обязанность пройти соответствующее обучение и трудоустроиться. Безусловно, мы не можем принудить к труду, поэтому предлагаем лицу выбор: или уголовное наказание, или обязательное трудоустройство. Подобная правовая норма уже существует в УК РФ в отношении лиц, больных наркоманией: «после прохождения курса лечения от наркомании... суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания». Особенно это актуально для тех лиц, у кого есть несовершеннолетние дети, как в вышеприведенном примере из судебной практики. Здесь мы также говорим о правах этих детей на жизнь, воспитание, образование и обязанностях родителей (законных представителей) или органов опеки и попечительства по обеспечению этих прав.

Подобная альтернатива уголовному наказанию будет обеспечивать, во-первых, возмещение ущерба (трудоустроенное лицо будет иметь доход); во-вторых, исправление виновного; в-третьих, нормальные условия жизни для лица, совершившего преступление, и лиц, находящихся на его иждивении (ресоциализация и социальная адаптация лица, а также выполнение социальной функции государства); в-четвертых, предупреждение совершения новых преступлений.

Н.Н. Пшеничкина

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ДИСКРЕЦИОННОГО ПОДХОДА ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН СУДОМ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Уголовное дело и (или) уголовное преследование подлежит прекращению судом апелляционной инстанции в любом случае, если имеются основания, предусмотренные ст. 25 УПК РФ, а также соблюдены условия о примирении с потерпевшим и заглаживании причиненного ему вреда. Указанное предписание суду явно следует из содержания ст. 254, 389.17, 389.21 УПК РФ, ст. 76 УК РФ, а также вытекает из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 (п. 27)¹.

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2024).

Таким образом, исходя из буквального толкования закона, при отсутствии каких-либо формальных препятствий для удовлетворения волеизъявлений потерпевшего и обвиняемого, достигших примирения, суд первой инстанции фактически обязан прекратить уголовное дело. В ином случае, т.е. в случае вынесения обвинительного приговора, как показывает практика, он будет отменен судом апелляционной инстанции как решение, вынесенное в связи с существенным нарушением закона. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры судебных актов¹, в которых в качестве оснований прекращения сформулированы общие фразы, передающиеся из постановления в постановление.

Между тем существуют некоторые сомнения относительно необходимости автоматического и безусловного выполнения судом апелляционной инстанции требований, содержащихся в ст. 389.21 УПК РФ, в части обязательности отмены обвинительного приговора и прекращения уголовного дела при наличии оснований, предусмотренных ст. 25 УПК РФ, поскольку «эффективность применения уголовно-процессуальных норм в вопросе прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон достигается именно за счет их дискреционного характера»². Таким образом, представляется, что суд второй инстанции не может быть «связан» какой-либо обязанностью принятия заранее установленного решения в этом вопросе. На это обращает внимание в своем определении и Конституционный Суд Российской Федерации, ссылаясь на то, что решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон напрямую зависит от конкретных обстоятельств дела, которые должны быть исследованы и оценены судами общей юрисдикции при вынесении обоснованного и справедливого решения³, из чего явно следует, что

¹ См., напр.: Апелляционное постановление № 22-745/2024 от 20 февраля 2024 г. по делу № 1-151/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XUrkipfoJe1F/>; Апелляционное постановление № 22-235/2024 от 14 февраля 2024 г. по делу № 1-176/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IRiDZBjHg9VR/> (дата обращения: 05.01.2024).

² Гаас Н.Н. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в стадии предварительного расследования: эффективность дискреционного подхода // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2(34). С. 107–112.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ

суд апелляционной инстанции все же наделен данным правом, но не обязанностью.

Некоторые ученые-правоведы и практические работники отвергают подобный подход Суда, указывая, что «правоприменитель не должен противопоставлять свои усмотрения обязательным для исполнения предписаниям закона, дополняя закон дополнительными условиями, которые законодатель не указывает в законе»¹. Как полагает А.Н. Савченко, подвергающий сомнению правильность толкования Конституционным Судом Российской Федерации положений ст. 25 УПК РФ, воля потерпевшего о примирении с обвиняемым в противопоставлении усмотрению суда должна иметь приоритет, поскольку, если это отвечает «условиям, четко указанным в законе», то неудовлетворение этой воли является нарушением прав примирившихся сторон, принципов уголовного судопроизводства и в целом международного принципа всеобщего уважения прав человека². Таким образом, автор предлагает полностью исключить из компетенции суда апелляционной инстанции возможность принятия по уголовному делу любого решения, кроме как прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, если к этому имеются основания и соблюдены все условия. То есть право, которым обладают следователь, дознаватель и суд первой инстанции, трансформируется в обязанность для суда второй инстанции, даже в случае, если обвиняемое лицо систематически нарушает нормы УК РФ, но так и не был ни разу осужден по причине «милосердия» потерпевших.

Вместе с тем данная позиция не может рассматриваться как бесспорная. Полагаем, что если совершенное преступление относится к делам публичного или частно-публичного обвинения, то для суда апелляционной инстанции выбор поощрительной меры к обвиняемому за позитивное посткриминальное поведение, прежде всего, право, а не обязанность. Данное утверждение не противоречит п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 и соотносится с публичным характером уголовного процесса.

от 04.06.2007 № 519-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2024).

¹ Савченко А.Н. Усмотрение власти в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2008. № 5. С. 24–26.

² Там же.

Придерживаясь мнения, что нормы закона должны применяться в соответствии с их содержанием и системным толкованием, представляется, что для устранения описанного диссонанса было бы достаточно исключить из п. 3 ч. 2 ст. 254, ст. 389.21 УПК РФ и п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 указание на ст. 25 УПК РФ.

Данный подход навсегда бы устранил разногласия теоретического и практического характера, исключил бы «робость» суда первой инстанции при вынесении обвинительных приговоров, где стороны примирились, а также позволил бы суду опираться на судебское усмотрение, наличие которого, на наш взгляд, позволяет по справедливости разрешать уголовные дела.

В.А. Рудницкий, В.В. Ясельская

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ У СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Профессиональная деятельность юриста (адвоката, следователя, судьи) связана с высоким психоэмоциональным напряжением, она настолько сложна, что нельзя заранее спрогнозировать все ситуации, которые могут возникнуть на практике. Юристы постоянно должны самостоятельно находить пути решения сложных, противоречивых и нестандартных практических задач. Данный тип профессии отличается динамичностью и иногда экстремальностью условий, в которых протекает деятельность специалистов.

К сожалению, приступая к самостоятельной практической деятельности, вчерашние студенты сталкиваются с реальностью, к которой часто оказываются совершенно неподготовленными. И одна из причин, к этому приводящих, на наш взгляд, это реформирование системы образования в последние десятилетия. В частности, некоторые вузы создают излишне тепличные условия для студентов (преподавателям нельзя делать замечания студентам, критиковать их и т.д.), а практическая реальность оказывается гораздо сложнее и жестче. Профессиональная деятельность юриста, особенно работающего в сфере уголов-

ного судопроизводства, связана с контактами с представителями криминального мира, которые обычно не придерживаются подобных гуманных и щепетильных взглядов. Порой вообще никакие правила и договоренности ими не соблюдаются, возможны агрессивные действия, шантаж, угрозы, связанные с осуществлением профессиональных функций, и т.д. Но угроза существует не только со стороны представителей криминального мира. Профессиональная деятельность сложна и противоречива, интересы руководителей и подчиненных не всегда совпадают, тем более неизбежны столкновения в процессе выполнения «полярных» функций (например, функций стороны обвинения и стороны защиты). Любой юрист, в том числе и имеющий большой профессиональный опыт или занимающий высокий пост, прежде всего человек, а людям свойственно ошибаться. Поэтому возможны, а иногда и неизбежны манипуляции и со стороны руководства, коллег, подчиненных, процессуальных противников. Всё эти негативные факторы приводят к снижению стрессоустойчивости, сжиганию существующих ресурсов сил и здоровья, в результате страдает как личная, так и профессиональная адаптация, что в конечном итоге не может не отразиться на эффективности профессиональной деятельности, привести к ее снижению или уходу хороших специалистов из профессии.

Юристам важно научиться управлять своими эмоциями, когда их задевают в конфликте, который может возникнуть в любой момент, в том числе и в ходе предварительного расследования или судебного рассмотрения уголовного дела, и как бы не «развязался» у оппонента язык, нужно научиться контролировать ситуацию, управлять своими эмоциями и выбирать наиболее адекватный и эффективный из возможных вариантов собственных ответных действий, который бы обладал наименьшей вероятностью причинить личный и профессиональный ущерб (в том числе репутационный).

Отсутствие навыков разрешать конфликты, достойно выйти из ситуации может привести к печальным последствиям. В качестве примера приведем резонансный случай, произошедший в помещении Индустриального районного суда г. Ижевска в 2020 г., когда между участниками уголовного процесса возник спор по делу, в ходе которого адвокат нанес прокурору сильный удар кулаком в лицо¹. По данному

¹ Адвокат вырубил прокурора кулаком в лицо в районном суде. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/07/06/advokat-vyrubil-prokurora-kulakom-v-lico-v-rayonnom-sude.html>

факту следственными органами СК РФ было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении сотрудника прокуратуры)¹.

С другой стороны, не создавая в учебном процессе искусственные условия, не следует впадать в другую крайность, ставя студентов в чрезмерно жесткие рамки. Это может создать стереотипное поведение, либо подавив всяческую активность студентов и способность к самостоятельной деятельности, либо, напротив, озлобить их и создать условия для служебных злоупотреблений в будущем. И то и другое одинаково плохо, так как фактически приведет к профессиональной непригодности специалистов и нанесет ущерб престижу профессии в целом. Соответственно, в педагогическом процессе необходимо найти «золотую середину».

Навыки и умения разрешения конфликтных ситуаций, противодействия манипулятивному поведению окружающих, которые важны для будущих юристов, необходимо формировать не только в рамках специальной учебной дисциплины «Конфликтология», но и в процессе всего обучения в вузе. В связи с этим интересны и полезны тренинги, специально разработанные для юристов психологами². В таких тренингах активно используются данные наработки и моделируются проблемные ситуации для формирования навыков аргументации, дискуссии и умения преодоления конфликтных ситуаций.

Покажем на примере, как можно использовать интерактивные методики при проведении занятий по дисциплинам уголовно-правового цикла и оптимизировать процесс обучения студентов. На семинарском занятии по дисциплине «Участие защитника в уголовном судопроизводстве» одному из студентов (докладчику) предлагается выступить с сообщением по теме, которая представляет интерес для аудитории. Другому студенту дается задание создать конфликтную ситуацию: критиковать и перебивать коллегу. При этом докладчику необходимо обратиться к своему оппоненту в различных стилях. Кроме того, преподаватель, ведущий данный тренинг, использует интерактивный и ситуативный подходы, когда в зависимости от реально разворачивающейся

¹ URL: <https://udm.sledcom.ru/news/item/1479786/>

² Мещерина Н.Г. Развитие профессионально значимых качеств личности будущего адвоката в образовательном процессе вуза : дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2005. С. 124.

в группе ситуации ее можно различными способами менять и моделировать, упрощая или усложняя задачу. Большое значение в данной ситуации имеет использование ресурса группы студентов, которые не только участвуют в данной деловой игре, в обсуждении, но и могут предлагать свои оригинальные варианты разрешения проблемной ситуации.

После выполнения упражнения результаты обсуждаются. Цель задания также состоит в том, чтобы увидеть и прокомментировать, почему и насколько неприемлемо выглядят агрессивно или неадекватно настроенные люди и насколько деструктивны такого рода конфликты, а также научиться преодолевать различные варианты конфликтных ситуаций в процессе профессионального взаимодействия.

В.И. Самарин

КОНВЕНЦИЯ ООН ПРОТИВ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ 2024 г. И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Современное общество невозможно представить без интернета и цифровых технологий, которые глубоко интегрированы во все сферы жизни. Однако наряду с их развитием возрастает и угроза киберпреступности, которая представляет собой глобальный вызов, требующий координированных усилий на международном уровне. Преступления в цифровом пространстве не знают границ, что делает их расследование и пресечение особенно сложными. В этих условиях Конвенция ООН против киберпреступности, принятая Генеральной Ассамблеей Организации 24.12.2024¹ (далее – Конвенция), становится важнейшим международным инструментом, направленным на создание единой право-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243?ysclid=me3284ulm9450692542>

вой базы для борьбы с цифровыми преступлениями. Принятая для гармонизации национальных законодательств и укрепления международного сотрудничества, Конвенция затрагивает не только уголовно-правовые, но и уголовно-процессуальные аспекты регулирования, что требует определенных изменений в национальных правовых системах. В настоящей статье постараемся выявить ключевые положения Конвенции, которые предполагают внесение изменений в уголовно-процессуальный закон.

Как видится, Конвенция может затронуть уголовно-процессуальную форму на двух треках: внутригосударственном (сбор, сохранение и использование цифровых доказательств (1), процессуальные гарантии (2) и внешнем (международная правовая помощь (3)).

1. Надо сразу оговориться, что большая часть указанных в Конвенции действий по сбору цифровых (электронных) доказательств, согласно отечественной правовой традиции, относится к сфере ОРД, а не уголовного процесса. Если говорить об обыске и изъятии хранимых электронных данных (ст. 28 Конвенции), то, в сущности, ч. 13¹ ст. 210 УПК Республики Беларусь предусматривает соответствующую процедуру. Однако надо дополнить национальную норму полномочием на удаление в информационно-коммуникационной системе скопированных данных (пп. d п. 3 ст. 28 Конвенции).

2. При работе над Конвенцией появилось много публикаций, в которых указывалось на возможность нарушения прав граждан при реализации ее положений. Рекомендовано внедрять принцип соразмерности для установления баланса между интересами правосудия и интересами частных лиц (п. 1 ст. 24 Конвенции). Национальное законодательство должно включать определенные условия, гарантии и среди прочего судебную или иную независимую проверку, право на эффективное средство правовой защиты, основания правомочности применения и ограничение сферы и сроков действия предусмотренных Конвенцией полномочия или процедуры.

Созданная национальная процедура должна обеспечивать неприкосновенность частной жизни. Одним из элементов такой процедуры должен быть судебный контроль как при принятии решения о производстве соответствующих действий, так и при периодическом пересмотре законности дальнейшего их производства.

В рамках реализации права на защиту следует продумать механизм доступа защитника к доказательствам в электронной форме и возмож-

ность для стороны защиты проверять соблюдение процедуры при собирании таких фактических данных. Проверка может осуществляться либо посредством экспертного исследования, либо возможности защитника обратиться к специалисту и предоставить ему доказательства в электронной форме.

Для обеспечения эффективной правовой защиты следует распространить возможность судебного обжалования на действия и решения органов уголовного преследования, направленных на вторжение в частную жизнь граждан посредством информационно-коммуникационных технологий (ст. 139 УПК Республики Беларусь).

3. Следует иметь в виду, что нормы о сборе, получении, обеспечении сохранности и передаче доказательств в электронной форме в рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам применимы не только к преступлениям, перечисленным в Конвенции, но и к любому серьезному преступлению. Под последним понимается преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания (пп. h ст. 2 Конвенции).

Возможно, следует имплементировать современную норму Конвенции о форме просьбы об оказании правовой помощи. В настоящий момент ст. 469 УПК Республики Беларусь предусматривает только письменную форму такой просьбы. Конвенция же при определенных условиях допускает электронную форму, а иногда и устную (п. 13, 14 ст. 40 Конвенции).

Конвенция становится очередным международным договором, который предполагает введение в УПК национальных норм о производстве межюрисдикционных следственных действий (допроса) с использованием видеоконференц-связи (п. 18 ст. 40), а также норм о создании и деятельности совместных следственных групп (ст. 48).

Касательно выдачи обвиняемых (осужденных) Конвенция предусматривает возможность отступления от общепринятых принципов. Во-первых, допустимо неприменение правила двойной наказуемости (аналогично и в отношении взаимной правовой помощи), во-вторых, возможно определение выдачеспособности преступлений по совокупности (п. 2 и 3 ст. 37, п. 8 ст. 40 Конвенции). Кроме того, для возможности исполнения иностранного приговора в случае отказа в выдаче осужденного (п. 13 ст. 37 Конвенции) также может потребоваться вне-

сение изменений в ст. 478 УПК Республики Беларусь, так как в настоящий момент она применима только к приговорам, исполняемым при передаче в Беларусь лица для отбывания наказания.

В Беларуси требуется также создать механизм наложения ареста, конфискации и возвращения преступных доходов, чтобы реализовать соответствующие нормы Конвенции (ст. 49–50, 52).

И.А. Семенов

ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Право частной собственности – это одно из основных прав человека, которое гарантирует ему возможность владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Оно прошло длительный этап своего исторического развития и зародилось в Древней Греции. Философы того периода отмечали, что право частной собственности является одной из основ государственной системы и рыночной экономики. Аристотель описывал, что частная собственность является стимулом к труду, к приобретению других материальных благ и к процветанию¹. Общая же собственность не дает стимула, ею трудно управлять.

С течением времени данная философская мысль нашла свое отражение в нормативно-правовых актах современной России. Защита частной собственности основана на текстах ст. 25 и 35 Конституции Российской Федерации. Они обеспечивают защиту частной собственности от незаконного изъятия и гарантируют ее охрану со стороны государства.

А.В. Наумов отмечает, что в нормы уголовного закона, особенно гл. 21 УК РФ, являются одной из гарантий защиты имущественных прав и свобод граждан. Кроме того, он выдвигает мысль о том, что уголовное право предотвращает дестабилизацию имущественных отношений (ст. 158–163, 167–168 УК РФ)².

¹ Аристотель. Этика (к Никомаху) // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. 1392 с.

² Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 2000. 590 с.

Вместе с тем гарантии по защите права частной собственности предусматривают ряд статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Л.В. Головкин¹ одними из важнейших инструментов выделяет нормы ст. 115, 182–184 УПК РФ, которые регулируют проведение обыска, выемки и наложения ареста имущества, предусматривая их производство только по судебному решению (за исключением неотложных случаев).

При анализе норм статей УПК РФ мы обнаружили и ряд иных положений. Одним из инструментов, гарантирующих обеспечение защиты права частной собственности, служит норма ст. 42 УПК РФ, где указаны права потерпевших. В частности, потерпевший имеет право заявлять ходатайства, предоставлять доказательства и знакомиться с материалами уголовного дела, на которые в дальнейшем при необходимости может подавать жалобы, оперируя нормой ст. 125 УПК РФ. Данный набор механизмов позволяет потерпевшему в полной мере достичь восстановления нарушенных имущественных прав. Также на основании нормы ст. 44 УПК РФ потерпевший вправе заявить гражданский иск на этапе производства предварительного следствия или в суде, в рамках которого может требовать возмещение ущерба в денежном эквиваленте.

Третьим аспектом отметим судебный контроль, который не допускает необоснованное и незаконное ограничение конституционных прав, в частности, незаконного ограничения триады имущественных прав. Статья 29 УПК РФ указывает нам, что на любые действия, затрагивающие право собственности (производство обыска, наложение ареста на имущество) требуется судебное разрешение. Заключительным механизмом является возмещения ущерба. Согласно ст. 82 УПК РФ, потерпевший вправе требовать производства реституции, т.е. возврата имущества, что позволит восстановить ему права на пользование и распоряжение имуществом.

Однако несмотря на все представленные гарантии, в правоприменительной практике случаются прецеденты нарушения имущественных прав граждан. Выделим ряд обстоятельств, способствующих нарушению прав граждан: злоупотребления при производстве обыска сотрудниками правоохранительных органов; слабая судебная проверка – формальность подхода к выдаче санкций на обыск; проблемы конфискации –

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 1328 с.

неясность критериев, при которых необходимо производить изъятие имущества; сложность механизма возмещения ущерба при незаконных действиях следователя.

На основании представленных аргументов мы можем сделать вывод, что проблема защиты права частной собственности в уголовном процессе является актуальной и существующие в настоящее время механизмы недостаточно эффективны. Кроме того, необходимо совершенствовать законодательство, регулирующее защиту права частной собственности в уголовном процессе, чтобы обеспечить его эффективность, а именно пересмотреть понятийный аппарат науки уголовного процесса и добавить в ст. 5 УПК РФ такое понятие, как частная собственность. Также считаем целесообразным дополнить портал «Госуслуги» сервисом по подаче жалобы или ходатайства с выбором конкретного отдела полиции, для централизации всех жалоб, их обработки и экономии ресурсов.

В.Е. Смирнов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА КРИПТОВАЛЮТУ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Ни для кого не секрет, что как в мировом масштабе в целом, так и в Российской Федерации в частности возрастает число преступлений, так или иначе связанных с использованием криптовалют, что прямо обусловлено их анонимностью, защищённостью криптографическими средствами шифрования информации, отсутствием привязки к банковской системе какого-либо государства и свободной конвертацией в национальные валюты для совершения трансграничных платежей.

Участием криптовалют в уголовном судопроизводстве в качестве предмета посягательства и средства достижения преступного результата детерминирована необходимость выработки эффективных процессуальных механизмов их ареста в порядке ч. 1 ст. 115 УПК РФ и п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УПК РФ, что, ввиду обозначенных выше свойств данных электронно-цифровых активов, вызывает ряд трудностей, подходы к преодолению которых являются актуальной темой доктринального осмысления.

Так как криптовалюта не существует сама по себе без привязки к материальному носителю, одной из важнейших проблем является механизм «извлечения» криптоактива для целей ареста.

Например, простой арест отделяемого USB-накопителя (при аппаратном способе формирования криптокошелька) или даже всего персонального компьютера (при декстопном) без получения доступа к зашифрованному хранилищу цифрового актива не позволит использовать ценностные свойства криптовалюты, например для возмещения имущественного ущерба потерпевшему от преступления.

Столкнувшись с указанным вызовом, правоприменительная практика различных государств сформировала два магистральных подхода к воздействию на владельцев криптокошельков для предоставления правоохранительным органам доступа к ним, которые можно условно разделить на принуждение и стимулирование.

Принуждение представляет собой легальное предписание ввести или раскрыть пароль от криптокошелька под угрозой применения санкций. Например, законодатели ЮАР, Австралии, Индии и США установили уголовную ответственность за неисполнение судебного ордера о предоставлении доступа¹. Однако является небесспорной сама возможность принудить человека к выдаче пароля от криптокошелька, ведь тем самым он, по сути, подтверждает факты наличия и принадлежности ему соответствующей цифровой валюты, что противоречит «привилегии против самоизобличения».

Судебно-прецедентная практика США выработала ряд исключений для обхода указанной привилегии, защищённой Пятой поправкой к Конституции США. Так, например, сообразно сформулированной в «Деле Фишера»² доктрине «предрешённого исхода», в случае, если правоохранительным органам заранее известны вид, количество и источник получения находящейся в криптокошельке валюты, то принудительное получение пароля от него не будет нарушать Пятую поправку. Кроме того, в уголовном процессе США признаётся допустимым принудительное получение доступа к криптокошельку для целей возмещения ущерба

¹ Тутынин И.Б., Химичева О.В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 70.

² Fisher v. United States 425 U.S. 391 (1976).

потерпевшему, если таковое имеет место после вынесения обвинительного приговора¹.

В отечественном уголовном судопроизводстве Конституционный Суд РФ в Определении от 24 сентября 2012 г. № 1818-О и Постановлении от 25 апреля 2001 г. № 6-П установил широкий подход к пониманию ст. 51 Конституции РФ, в связи с чем, на наш взгляд, стимулирование к предоставлению доступа к криптокошелькам должно превалировать над принуждением.

В частности, по мнению автора, достойна поощрения к более широкому применению практика учёта выдачи / раскрытия пароля как составной части досудебного соглашения о сотрудничестве, что влечёт назначение наказания по «льготным» правилам ч. 2 ст. 62 УК РФ.

Второй трудностью является определение степени необходимой конкретизации в судебном акте арестовываемой криптовалюты.

Так, по убеждению автора, ввиду обеспечительного характера уголовно-процессуального ареста простого указания на материальный носитель (например, USB FlashDrive) недостаточно. Для целей обеспечения баланса интересов потерпевшего и лица, в отношении которого ведётся обвинительная деятельность, в судебном решении необходимо указывать следующие индивидуализирующие признаки арестовываемого имущества: вид и количество криптовалюты, её цифровые идентификаторы, материальный носитель (при аппаратном и декстопном способе хранения), а также рублёвый эквивалент.

Последнее необходимо для соблюдения критерия соразмерности ареста возможным имущественным взысканиям, установленного в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19. При этом определение стоимости криптовалюты на этапе наложения ареста считаем целесообразным осуществлять без привлечения экспертных организаций, используя общедоступные интернет-ресурсы, такие как Blockchain.com.

Считаем, что широкое внедрение описанных автором способов преодоления затруднений при аресте криптовалют может стать первым шагом к совершенствованию и более эффективному применению данного института при производстве по уголовным делам.

¹ Sacharoff L. Unlocking the Fifth Amendment: Passwords and Encrypted Devices, 87 Fordham L. Rev. 203 (2018). P. 239.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ
И РАЗРЕШЕНИЯ ХОДАТАЙСТВА КОМАНДОВАНИЯ
ВОИНСКОЙ ЧАСТИ (УЧРЕЖДЕНИЯ)
О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ НУЖДАЕТСЯ
В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ**

Как известно, в 2024 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) были внесены дополнения, которые регулируют освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших ряд преступлений, но исполняющих воинские обязанности в военное время, в периоды мобилизации или военного положения. Материально-правовые условия реализации данного института изложены в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. А процессуальный порядок его применения предусмотрен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, из содержания ч. 1 ст. 28.2 УПК РФ следует, что при наличии изложенных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ условий суд, а также следователь или дознаватель с согласия руководителя следственного органа или прокурора прекращают уголовное преследование в отношении этой категории лиц. Вместе с тем в ст. 78.1 УК РФ и в ст. 28.2 УПК РФ имеется общее для этих норм условие освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования – производство по делу должно быть приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения).

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод о существовании следующего процессуального порядка. Суд, следователь, дознаватель получают ходатайство командования воинской части (учреждения). На его основании они приостанавливают производство по уголовному делу (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 и п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ). А при получении информации о наличии условий, изложенных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, прекращают уголовное преследование или уголовное дело (ч. 1 ст. 212 УПК РФ), освобождая лицо от ответственности.

Нетрудно заметить, что в основе изложенного порядка лежит юридический факт поступления данного ходатайства. Поэтому его поступ-

ление следует расценивать не только как условие освобождения от ответственности по ст. 78.1 УК РФ, прекращения преследования и дела, но и как их фактическое основание. Однако Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53 (далее – ФЗ № 53), УК РФ и УПК РФ не определяют содержание и форму данного документа, основания и условия его изготовления, не возлагают на командование обязанности по его направлению.

Да, в п. «б» ч. 5.1 ст. 34 ФЗ № 53, в ч. 4 ст. 28.2 и в ч. 9 ст. 208 УПК РФ сказано о том, что порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений), суда и органов расследования определяется совместными решениями ряда ведомств. Но таким способом определение основания, содержания, формы, условий изготовления и направления данного ходатайства переносится на более низкий по юридической силе уровень: из федеральных законов на уровень приказов, инструкций. Хотя по своей природе оно является фактическим основанием освобождения от ответственности и принятия указанных решений, и его признаки должны быть отражены в федеральном законодательстве. Обоснованные суждения о невозможности регулирования такой деятельности подзаконными актами имеются в правовой доктрине¹.

В итоге нормативное регулирование освобождения от ответственности, приостановления производства, прекращения уголовного преследования и дела по исследуемому основанию бросает тень на поддержанный обществом новый правовой институт. В области уголовного права оно противоречит принципу законности (ст. 3 УК РФ) – освобождение от ответственности как правовое последствие преступления определяется не уголовным законом. А в области уголовного процесса приостановление производства по делу, а значит, и прекращение уголовного преследования (дела) обусловлены не законной реализацией правоотношений, а выходящей за рамки данных правоотношений субъективной волей их участников. Тогда как в отдельных случаях решения о направлении или ненаправлении такого ходатайства, очевидно, могут быть обусловлены характером взаимоотношений подозреваемого и обвиняемого с недобросовестными лицами и иными

¹ Шишков А.А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащих // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 258–262.

факторами, побуждающими к таким решениям. Очевидно, что описанные законодательные реалии – как минимум залог нарушения принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции России) и противоречивой правоприменительной практики.

Позволим себе обратить внимание читателя на императивный характер приведенных норм. Они возлагают на должностных лиц со стороны обвинения и суд обязанности приостановить и прекратить. Но если у них имеются сведения о прохождении лицом военной службы или даже о наличии изложенных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ условий, а ходатайство не поступило, то исполнить эти обязанности нельзя – УПК РФ не должен и не предусматривает инициирование ходатайств. Реализуя предписание п. 7 ч 1 ст. 73 УПК РФ, суд, следователь или дознаватель обязаны запросить необходимые сведения, но повлиять на волеизъявление командования не способны. В итоге ущемленными оказываются права граждан, гарантом соблюдения которых они и являются.

На наш взгляд, законодателю стоит отказаться от использования в ФЗ № 53, в УК РФ и в УПК РФ термина «ходатайство» и заменить его термином «сообщение». Необходимо изложить в этих нормативных актах основание, содержание, форму, а также условия изготовления и направления такого сообщения. Также следует закрепить в ФЗ № 53 обязанность командования незамедлительно сообщить суду и органам предварительного расследования о возникновении обстоятельств, указанных в ст. 78.1 УК РФ. С одной стороны, такой подход устранил описанные теоретико-правовые противоречия и создаст более четкий режим правового воздействия. С другой стороны, снизит негативное влияние недобросовестных лиц на реализацию законных прав граждан, а также позволит суду, следователю и дознавателю использовать имеющиеся уголовно-процессуальные средства для обеспечения этих прав.

Л.Г. Суханова

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Частное обвинение всегда занимало и занимает в уголовном судопроизводстве уникальное место, отличаясь процессуальными чертами, не характерными для публичного уголовного преследования: возбуждение уголовного дела судом, обязательность заявления потерпевшего

для начала уголовного преследования, формирование обвинения частным обвинителем, возможность рассмотрения встречного заявления, обязательность прекращения уголовного преследования в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого и др.

Анализируя статистические данные по делам частного обвинения, рассмотренным судами, можно констатировать тенденцию сохранения стабильного количества таких дел, рассматриваемых судами ежегодно, что подтверждает как актуальность данного вида уголовного преследования, так и защиты прав граждан, непосредственно защищающих свои интересы – потерпевшего и обвиняемого. Так, за 1-е полугодие 2024 г. по делам частного обвинения поступило 4 119 дел, за 2023 г. поступило 9 560 дел, за 2022 г. – 10 607 дел, за 2021 г. поступило 10 067 дел¹. В среднем дела частного обвинения занимают от 1,2 до 1,5% от общего количества уголовных дел, рассматриваемых судами первой инстанции. Процент оправданных лиц по делам частного обвинения ежегодно стабильно составляет 1/3 (от 28 до 32%) от общего количества оправданных.

Для более предметного изучения производства по делам частного обвинения мы обратились к практике районных судов и мировых судей, относящихся к одному из судебных районов г. Барнаула, а также были опрошены 7 работников аппарата данных судов, 5 судей и 6 адвокатов Адвокатской палаты Алтайского края.

В 90% случаев судьи отказывают гражданам в принятии заявления частного обвинения, предлагают его пересоставить. Как показывает практика данных судов, в единичных случаях (2–3%) граждане обращаются повторно с новым заявлением. Подобные отказы в принятии заявления, безусловно, создают препятствия для доступа граждан к правосудию.

Основанием для отказа в принятии заявления по делам частного обвинения выступает несоответствие требованиям, установленным ст. 318 УПК РФ. Требования, предъявляемые к структуре и содержанию заявления, регламентированные ст. 318 УПК РФ, достаточно трудно выполнить и составить это заявление гражданам, не обладающим юридическим образованием или опытом юридической деятельно-

¹ Данные судебной статистики // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.02.2025).

сти. Как отметили 60% опрошенных судей, основной фактической причиной возвращения заявлений выступает неготовность граждан составить подобные документы, низкий уровень правовой грамотности.

По результатам изучения практики данных судов, опроса указанных практических работников только в 30% случаев участвуют представители частного обвинителя. Участие представителя по делам частного обвинения не является обязательным и, соответственно, не обеспечивается судом, ввиду чего представитель приглашается по инициативе частного обвинителя (потерпевшего). Так, 77% опрошенных респондентов отметили необходимость в обязательном порядке обеспечивать участие (назначать судом) представителя частного обвинителя.

В качестве вывода мы поддерживаем идею внесения соответствующего положения в УПК РФ. Это позволит частному обвинителю юридически грамотно защищать свои права и законные интересы, формулировать свою позицию и представлять ее в суде, однозначно повысит процент принимаемых заявлений по делам частного обвинения, и в целом повысится уровень защищенности граждан по делам частного обвинения, что в большей степени будет способствовать обеспечению доступа граждан к правосудию.

А.И. Туришин

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПОМОЩИ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Как следует из ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Сегодня в доказывании нередко используется электронная информация, полученная в соответствии с законом и позволяющая установить или опровергнуть обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу. Достоверность таких электронных доказательств заключается в правдивости содержания электронной информации, которая не вызывает сомнений у проверяющего доказательство субъекта¹. Поскольку

¹ Количенко А.А. Проблемы проверки и оценки электронных доказательств в современном уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2024. С. 143.

электронная информация может быть изменена без оставления явно заметных следов, её достоверность зависит и от того, насколько тщательно будут обеспечены сохранность и неизменность данных на протяжении всего уголовного процесса.

Хранение информации в электронной форме осуществляется при помощи таких электронных носителей, которые имеют ряд уязвимостей. Оптические диски легко повреждаются, что может привести к полной утрате доказательств. Информация на флеш-накопителях, жёстких дисках может быть изменена, если не предприняты дополнительные меры защиты от перезаписи.

Существуют примеры, когда в ходе судебного заседания обнаруживаются критические повреждения электронного носителя, отсутствие на нём искомых документов или невозможность воспроизведения записанной информации. В некоторых случаях взамен повреждённого носителя предоставляется копия электронной информации на другом носителе. Однако всегда есть вероятность того, что такая копия отличается от исходной (утраченной) информации, что ставит под сомнение её достоверность.

Другой проблемой является отказ в ознакомлении с доказательствами на электронных носителях ввиду возможности нарушения целостности и повреждения информации¹. Таким образом, стремление сохранить электронные данные в неизменном виде может становиться препятствием для ознакомления с ними участников уголовного процесса.

Возможным решением обозначенных проблем может стать переход от письменной формы уголовного дела к электронной. К преимуществам электронного уголовного дела (далее – ЭУД), которые непосредственно связаны с обеспечением достоверности хранимых с его помощью электронных доказательств, относятся:

1. Высокая степень сохранности. Электронные доказательства хранятся в облачных хранилищах (серверах), и их носители не могут быть повреждены или утеряны, как это происходит при транспортировке «бумажных» уголовных дел.

2. Подтверждение неизменности. Для любого электронного документа с помощью функции хэширования может быть вычислена уникальная последовательность символов (хэш-код), которая позволяет

¹ Зазулин А.И. Ознакомление обвиняемого и его защитника с носителями цифровой информации в уголовном деле // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 660.

объективно установить факт тождества документа самому себе на разных временных этапах¹. Любые изменения в содержании электронного документа вызывают неизбежное изменение вновь вычисленного хэш-кода. Так может быть подтверждена или опровергнута неизменность электронных доказательств.

3. Доступность материалов для ознакомления. С помощью ЭУД может быть реализовано ознакомление с электронной информацией без риска повреждения или утраты. Например, путём представления копии, соответствие которой оригиналу подтверждается совпадением их хэш-кодов.

4. Автоматическая фиксация всех действий с материалами. Любое изменение, загрузка, копирование и другие действия могут регистрироваться системой в виде журнала, полно отражающего судьбу каждого документа.

Однако стоит отметить риски перехода к ЭУД. Наибольшую опасность представляет угроза взлома и несанкционированного доступа, которые могут повлечь подмену или удаление хранящихся материалов. Таким образом, может быть высказано предположение, что ЭУД не способствует сохранению достоверности доказательств, а, наоборот, ставит её под угрозу. Впрочем, обозначенные риски могут быть минимизированы за счёт следующих факторов:

1. Изоляция ЭУД от глобальных сетей, в том числе сети Интернет. Закрытые информационные системы уже используются Министерством обороны РФ, Федеральной службой охраны РФ².

2. Разграничение уровней доступа. Каждый участник процесса получает доступ только к определённым материалам. Например, следователь сможет редактировать только те электронные уголовные дела, которые в данный момент находятся у него в производстве.

3. Использование технологии резервного копирования позволяет избежать уничтожения информации, в том числе при серьёзных технических сбоях, вплоть до стихийных бедствий.

Таким образом, переход к ЭУД способен решить некоторые проблемы обеспечения достоверности электронных доказательств. Оно не только обеспечивает надёжное хранение электронной информации, но

¹ ГОСТ Р 34.11-2012. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования // Каталог национальных стандартов. URL: <https://www.rst.gov.ru/> (дата обращения: 15.02.2025).

² Рассказываем про государственные защищенные сервисы и сети : сайт. URL: <https://habr.com/ru/companies/cloud4y/articles/520964/> (дата обращения: 15.02.2025).

и позволяет подтвердить, что она не была изменена в ходе производства по уголовному делу. В то же время ЭУД должно соответствовать представлениям юристов об электронном документообороте, а также требованиям закона. В связи с чем юридическому сообществу следует вести диалог с представителями «технического звена» по поводу того, каким образом должны быть реализованы те или иные цифровые технологии для нужд уголовного судопроизводства.

У.Х. Холзода

УЧЁТ СЛЕДОВАТЕЛЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ ПРИ ВЫБОРЕ ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ

В уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан так же, как и в Российской Федерации, для своевременного рассмотрения уголовных дел и одновременного применения превентивных мер могут быть применены ограничения и запреты.

Несмотря на провозглашенный принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации, ст. 17 Конституции Республики Таджикистан), иностранные граждане имеют дополнительные гарантии, которые должен помнить следователь в ходе расследования уголовных дел.

Так, обратимся к законодательству Республики Таджикистан. Иностранцы могут быть ограничены в передвижении и выборе места жительства лишь в случаях, когда это необходимо для обеспечения национальной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения, защиты прав и законных интересов граждан Республики Таджикистан¹. При наличии условий иностран-

¹ Статья 19 Закона Республики Таджикистан «О правовом положении иностранных граждан в Республике Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1996. № 3. Ст. 55; 1997. № 9. Ст. 117; 1998. № 10. Ст. 119; 2001. № 7. Ст. 475; 2003. № 8. Ст. 542; 2009. № 3. Ст. 93; № 12. URL: <https://investcom.tj/uploads/docs/5b42f50a32cfc.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

ные граждане должны содержаться отдельно от других подозреваемых, обвиняемых¹. Перечисленные ограничения не только связаны с исключением дискриминации представителями одной национальности другой, но и гарантий своевременного предупреждения дезорганизации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Например, озвучивание в СМИ национальности лиц, совершивших 22 марта 2024 г. террористический акт в «Крокус Сити Холле», вызвало волну ксенофобии граждан Таджикистана. Согласно с мнением депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации VII–VII созыва М.С. Шереметова, что «к сожалению, иностранные лица, которые пересекают границу, являются угрозой, прежде всего, для себя, так как автоматически становятся объектом интереса западных спецслужб..., а также инструментами для дестабилизации обстановки»².

Исключение дискриминации при выборе меры пресечения иностранному гражданину в условиях невозможности отдельного содержания может быть достигнуто в зависимости от совершенного таким лицом общественно опасного деяния и условий проживания, путем избрания домашнего ареста либо помещения в исправительном учреждении с лицом, совершившим аналогичное преступление.

Следовательно при избрании домашнего ареста следует руководствоваться Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан № 6 от 14 июня 2013 г.³ Вместе с тем, как и в Российской Федерации, в Республике Таджикистан существует проблема проживания

¹ Пункт 2 ч. 1 ст. 34 Закона Республики Таджикистан «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых ((в ред. от 29.01.2021). URL: <https://sud.tj/upload/iblock/0be/lt8o3462dycrauhyvvhgm9usxt7vawp2.pdf> (дата обращения 30.01.2025).

² Синютина Э. После теракта в «Крокусе» в РФ назревает волна нетерпимости к мигрантам. Так нельзя – и вот почему. URL: <https://postnews.ru/a/28268> (дата обращения: 30.01.2025).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан № 6 от 14 июня 2013 года «О практике применения судами законодательства, связанного с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, изменения и продления срока содержания под стражей и домашним арестом. URL: <https://sud.tj/upload/documents/plenum/2.UD.RU/34.%20%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9F%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%83%D0%BC%D0%B0%20%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2>

мигрантов¹. В связи с высокой арендной платой лица часто проживают несколькими семьями, что ставит под сомнение результативность и целесообразность домашнего ареста.

Учитывая сказанное, хотелось бы выделить основной тезис статьи – органы предварительного расследования, применяя запреты и ограничения к иностранным гражданам, должны не только исходить из принципа равенства всех перед законом и судом, но и принимать меры, обеспечивающие реализацию процессуальных прав и исключаящие нарушение чести и достоинства личности, т.е. применяться исключительно в сочетании с принципом социальной справедливости и гуманизма², гарантирующим личную безопасность участника процесса.

О.А. Чабукиани

РОЛЬ СЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УКРЕПЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Одним из показателей эффективности уголовной политики государства является справедливое правосудие, высокий процент раскрываемости преступлений, своевременное привлечение виновных к уголовной ответственности либо реализация приемлемых в обществе альтернатив уголовному наказанию.

[%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%BE%D1%82%2014.06.2013%20%E2%84%966.pdf](#) (дата обращения: 10.02.2025).

¹ Дар бораи таҷрибаи аз ҷониби судҳо татбиқи намудани қонунгузори марбут ба интиҳоби ҷораҳои пешгири дар намуди ба ҳабс гирифтани, ҳабси хонаги ва гарав, тағйир додани онҳо ва дароз намудани муҳлати нигоҳ доштан дар ҳабс ва ҳабси хонаги: қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 14 июни соли 2013 № 6 // Маҷмуаи Қарорҳои Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 2002–2019). Пер. автора: О практике применения судами законодательства, касающегося выбора превентивных мер в виде ареста, домашнего ареста и залога, их изменения и продления срока содержания под стражей и домашним арестом: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 июня 2013 г. № 6 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002–2019 гг.). Душанбе, 2019. С. 225–235.

² Диноршоев А.М., Солехзода Ф.Ф. Принципы организации и деятельности органов милиции по защите прав и свобод человека в Республике Таджикистан // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2022. № 4 (56). С. 34.

Итоговое судебное решение выносится на основе исследованных доказательств, предварительно собранных следователем, дознавателем. В ряде случаев при особом порядке судебного разбирательства исследования доказательств сторонами в силу отсутствия судебного следствия не будет. Приговор выносится от имени Российской Федерации, поэтому, говоря о роли следственной власти в укреплении уголовной политики российского государства, можно выделить следующие три тезиса:

1. Признание следственной власти как одной из ветвей власти, влияющей на построение государственного строя, повысит роль собранных в ходе досудебного производства доказательств.

В доктрине современного уголовного процесса все чаще поднимается вопрос реформирования следственного аппарата. Основная идея – определить главное предназначение следователя, обеспечить его процессуальную независимость и повысить качество расследования. Принадлежность следователя в различных ведомствах предопределяет расширение полномочий руководителя следственного органа, прокурора и суда. Именно такой контроль и надзор свидетельствуют о том, что формирование доказательств осуществлялось под непосредственной проверкой на предмет соблюдения законности иными ветвями власти, т.е. с соблюдением правил системы сдержек и противовесов. Но на сегодняшний день следователь отнесен к участникам, реализующим функцию обвинения (уголовного преследования), что влияет на объективность расследования и предложения по изменению действующего законодательства. Именно признание существования следственной власти может изменить имеющийся подход, развернув вектор к ранее существовавшему подходу о всесторонности, объективности и полноте расследования. Вопрос о признании самостоятельной следственной власти неоднократно поднимался на страницах юридических изданий¹, многие исследователи видят возможным такую ветвь определить, как и прокурорскую, одной из обвинительной².

¹ Назаров А.Д. Современное развитие судебной, прокурорской и следственной властей для устранения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета : материалы XV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23–24 июня 2023 года. М. : ООО «Русайнс», 2024. С. 101–108.

² Дикарев И.С. Следственная власть как ветвь власти обвинительной // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской им-

2. Особый порядок судебного разбирательства может быть предусмотрен лишь при сборании доказательств следователем под контролем руководителя следственного органа как представителя следственной власти, отвечающей требованиям сдержек и противовесов, в ином случае нарушается система построения независимости суда.

Именно признание деятельности следователя по формированию доказательств в ходе досудебного производства следственной властью может объяснить, почему предварительно собранные доказательства определяют границы судебного разбирательства, в чем основная задача контроля со стороны руководителя следственного органа¹ и почему суд исследует, а при выборе особого порядка – принимает без исследования как допустимые и достаточные для вынесения приговора от имени государства.

3. Лишь при признании самостоятельности следственной власти можно гарантировать усиление состязательных начал на первых двух стадиях уголовного судопроизводства.

Признав самостоятельность следственной власти, роль следователя – сформировать объем доказательств, достаточных для вынесения справедливого итогового решения. При этом сбор направлен не только на доказывание виновности лица в совершении инкриминируемого деяния, но и на выяснение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Участники сторон, влияющих на модель построения процесса, смогут в равной степени ходатайствовать о сборании дополнительных доказательств либо о признании имеющих недопустимыми.

Именно такой подход поможет найти наиболее эффективные модели построения досудебного производства и исключить элементы инквизиционного процесса².

перию : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 160-летию учреждения должности судебного следователя и памяти выдающегося историка российской юриспруденции Дмитрия Олеговича Серова, Москва, 24 сентября 2020 года / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. С. 124–127.

¹ Исаенко А.Г. Руководитель следственного органа как ключевой элемент системы следственной власти // Академический юридический журнал. 2020. № 4(82). С. 53–58.

² Тоштемирова Р.Ф. Феномен следственной власти в Российской Федерации // Публичное и частное право. 2021. № 1 (44). С. 113–117.

Таким образом, учитывая сказанное, можно сделать вывод, что наиболее рациональная модель построения досудебного производства может быть найдена лишь после признания самостоятельности следственной власти, гарантирующей собирание предварительных доказательств процессуально независимым следователем при соблюдении системы сдержек и противовесов. Полагаем, что именно такой подход повысит качество расследования, будет способствовать усилению состязательных начал и обеспечит повышение доверия к правоохранительным органам в целом.

И.В. Чаднова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО, УМЕРШЕГО В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Статья 52 Конституции РФ устанавливает, что права потерпевших от преступлений охраняются законом. В развитие данного положения ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определяет назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, что должно презюмировать не только обязанность государства по предотвращению и пресечению в установленном законом порядке посягательств, способных причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечение потерпевшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами¹.

В Российской Федерации ежегодно регистрируется более миллиона восемьсот тысяч потерпевших от преступных посягательств, из них погибших – более 30 тыс.² Статистика не показывает данные по потерпевшим, смерть которых наступила не в результате преступления, а по

¹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. Сентябрь. № 9.

² По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

иным причинам, не находящимся в причинно-следственной связи с совершенным преступлением, однако такие случаи в практике нередки.

Если, в силу ч. 8 ст. 42 УПК РФ, по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников (п. 4 ст. 5 УПК РФ) и (или) близких лиц (п. 3 ст. 5 УПК РФ) погибшего, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников (п. 37 ст. 5 УПК РФ), т.е. УПК РФ (хотя и не в исчерпывающей детализации) содержит механизмы обеспечения и защиты законных интересов такого лица, то применительно к ситуации наступления смерти потерпевшего по причинам, не связанным с преступным деянием, уголовно-процессуальный закон вообще не содержит какой-либо регламентации¹.

Смерть лица при производстве по уголовному делу является препятствием для собственной способности реализовать свое процессуальное положение, однако не означает, что государство должно оставить без защиты его нарушенные права и законные интересы², следовательно, уголовно-процессуальное законодательство «должно предусматривать основания, условия, процедуру перехода прав потерпевшего, умершего не в связи с совершенным преступлением, к другим лицам»³.

В настоящее время, в результате отсутствия правовой регламентации указанной ситуации в уголовно-процессуальном законодательстве, на практике вопрос правопреемства потерпевшего, умершего по причинам, не связанным с преступным деянием, решается по-разному.

См.: Количество погибших, признанных потерпевшими // ЕМИСС. Государственная статистика: сайт. URL: <https://www.fedstat.ru>

¹ Андреева О.И., Рукавишников А.А., Герцен П.О. Обеспечение прав умершего лица, пострадавшего от совершения преступления, уголовно-процессуальными средствами // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1. С. 20.

² Кирдина Н.А., Петрова Г.Б. Правовые препятствия вступления в уголовное дело родственников и близких лиц потерпевшего, смерть которого наступила вследствие преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 158.

³ Гаврилов М.А. Некоторые вопросы прекращения уголовного дела за примирением сторон в случае смерти потерпевшего // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 515.

Наиболее очевидным для правоприменителя вариантом является применение по аналогии закона положений ч. 8 ст. 42 УПК РФ, предусматривающей переход прав умершего потерпевшего к его близким родственникам, родственникам или иным близким лицам (с вынесением постановления о признании такого лица потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ)). Другой используемый на практике подход – признание кого-либо из близких родственников, родственников или иных близких лиц представителем умершего потерпевшего, допуск которого должен осуществляться на основании соответствующего постановления следователя (ч. 1 ст. 45 УПК РФ). Возможен и третий вариант – продолжение уголовно-процессуальной деятельности по производству предварительного расследования вообще без потерпевшего (и лица, представляющего его интересы), исходя из буквального толкования положений ч. 8 ст. 42 и ч. 1 ст. 45 УПК РФ. В таком случае дополнительная ответственность по защите прав и законных интересов умершего потерпевшего ляжет на плечи должностного лица, осуществляющего уголовное преследование и поддержание обвинения в суде.

В научной литературе встречаются и иные позиции по рассматриваемому вопросу. Так, например, О.В. Шипунова, исходя из трактовки положений ч. 2 ст. 45, ч. 3 ст. 44, ст. 437 УПК РФ, устанавливающих, что для защиты прав и законных интересов лиц, лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители, считает, что «умершие лица лишены возможности реализовать свои права по защите. Поэтому полагаем, что смерть лица также должна являться основанием для участия в уголовном деле законного представителя в связи с отсутствием представляемого»¹, что, в сущности, такая же аналогия закона, как и прямое применение ч. 8 ст. 42 УПК РФ. Н.А. Кирдина и Г.Б. Петрова видят «необходимость введения дополнительных гарантий доступа к правосудию близких родственников и при необходимости иных родственников и близких лиц потерпевшего, смерть которого наступила не вследствие преступления, и предлагают в качестве одного из вариантов устранения обо-

¹ Шипунова О.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего, умершего в ходе производства расследования по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1 (59). С. 52.

значенных проблем правового регулирования введение особой процессуальной фигуры – наследного представителя потерпевшего»¹. Введение в уголовное судопроизводство еще одного участника – наследного представителя потерпевшего – представляется избыточным, однако использование института наследования при разрешении рассматриваемой проблемы вполне допустимо.

Представляется, что решение проблемы относительно наступления процессуальных последствий при смерти потерпевшего по иным, не зависящим от преступления причинам, возможно через внесение изменений в ст. 42 УПК РФ, позволяющих в таком случае признавать потерпевшим лицо, имеющее право наследования за умершим, при условии отсутствия у такого лица самостоятельного процессуального интереса в уголовном деле.

Д.П. Чекулаев

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, даже в условиях чрезвычайного положения не подлежат ограничению перечисленные в данной конституционной норме права и свободы. Представляется, что ограничение указанных конституционных прав недопустимо и при введении иного особого правового режима (например, военного положения), при проведении контртеррористической операции, а также на территории, где ведутся военные (боевые) действия.

Однако учитывающее современные общественно-политические и социальные реалии законодательство, обеспечивающее комплексную реализацию конституционных прав при осуществлении правосудия в

¹ Кирдина Н.А., Петрова Г.Б. Правовые препятствия вступления в уголовное дело родственников и близких лиц потерпевшего, смерть которого наступила не вследствие преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 160.

экстраординарные периоды (чрезвычайного, военного положения) или иного особого периода¹, отсутствует. Все более актуальным становится вопрос о разработке новых законодательных подходов (совершенствование и дополнение законодательства о судоустройстве, уголовно-процессуального и иного законодательства), создания соответствующих полицейских по своей природе органов, обеспечивающих уголовное судопроизводство², органов прокуратуры, в своей совокупности необходимых для организации и осуществления судопроизводства на территориях, где в силу тех или иных чрезвычайных обстоятельств не может применяться обычный порядок.

Сложно не согласиться с И.С. Дикаревым, который с сожалением отмечает, что общий порядок судопроизводства непригоден для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в условиях военного времени (а тем более в боевой обстановке), и в направлении дифференциации форм процессуальной деятельности при введении на какой-либо территории особых правовых режимов пока еще сделано очень мало³.

Для применения в условиях действия особых правовых режимов требуется разработка системы норм, регулирующих особенности уголовного судопроизводства в экстраординарных ситуациях. В литературе высказывается небесспорная точка зрения, согласно которой в отличие от судопроизводства в ординарных условиях, приоритетом которого согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ является защита отдельной личности от преступных посягательств, такое судопроизводство может

¹ Возможное понятие таких периодов приводит Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7. Под ними, согласно абз. 1 п. 2 постановления, понимаются преступления, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (далее – особые периоды).

² Как образно отмечает Л.В. Головкин, «...юстиция без полиции физически безоружна, а полиция без юстиции юридически нелегитимна». См.: Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022. С. 184. О разделении полицейской, прокурорской и судебной уголовно-процессуальных функций см. также: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. М., 2025. С. 79–81.

³ Дикарев И.С. Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 134.

ставить основной целью защиту общества, государства, человечества¹. Представляется, что необходимо определиться с вектором развития внутренне непротиворечивой, учитывающей конституционные гарантии прав личности (с минимальными допустимыми и разумными ограничениями) уголовно-процессуальной политики при осуществлении уголовного судопроизводства в особых условиях².

Например, весьма злободневным вопросом, требующим подробного законодательного регулирования, является порядок задержания подозреваемого и применение мер процессуального принуждения в экстраординарных условиях, что может потребовать предоставления дополнительных полномочий начальникам органов военной полиции, командирам воинских частей, соединений, начальникам военных учреждений и гарнизонов как предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ органам дознания. При этом дополнительные права властных участников уголовного процесса не должны расширяться только лишь за счет сокращения действующего уровня гарантий подозреваемого, обвиняемого.

Как ситуацию «правового вакуума» можно охарактеризовать порядок содержания подозреваемых в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, задержанных в соответствии с ч. 2 ст. 94 УПК РФ

¹ См. об этом: Сафонов Д.М. Расширение понятийного аппарата как основа для формирования уголовного судопроизводства в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 208–209.

² О ставшем уже классическим подходе к определению возможных направлений уголовно-процессуальной политики, основанной на постоянно конкурирующих между собой моделях «надлежащей правовой процедуры» (Due Process Mode), основным приоритетом которой является защита индивидуальных прав и свобод, в том числе привлекаемого к уголовной ответственности лица, и строгого «контроля преступности» (Crime Control Model), допускающей во имя борьбы с преступностью существенное ограничение таких прав, см. подробнее: Курс уголовного процесса. С. 40–43. Отметим, что помимо обозначенного, хрестоматийного подхода в литературе приводятся и другие понятия уголовно-процессуальной политики, ее направления и содержания. См., напр.: Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов н/Д, 1992. С. 12–17; Урбан В.В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Труды Академии МВД России. 2020. № 4 (56). С. 85–93; Курс уголовного процесса. С. 40–43; Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: монография / под ред. В.З. Лукашевича. М., 2025. С. 60–61.

в условиях военного положения на срок до 30 суток. Очевидно, что общие условия и требования к режиму содержания лица под стражей в СИЗО¹, правила внутреннего распорядка ИВС², гауптвахты³ в военных условиях вряд ли применимы. При этом требования к помещению, в котором может содержаться задержанный в условиях военного положения подозреваемый, права такого задержанного (бытовые, иные) законодательством не регулируются.

Организационные сложности и отсутствие необходимой нормативной базы приводят к тому, что в зоне СВО подозреваемые в совершении даже тяжких насильственных преступлений военнослужащие формально не задерживаются в порядке, установленном ст. 91–92 УПК РФ, но фактически содержатся в непригодных помещениях (а иногда и вне таковых) под своеобразным контролем и ответственностью командования воинской части⁴. Организационно затруднен и предварительный судебный контроль, так как гарнизонные военные суды даже на территориях, где введен режим военного положения⁵, дей-

¹ См., напр.: Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.07.2022).

² См., напр.: Приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 (ред. от 03.06.2024) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 51.

³ См., напр.: Приказ Министра обороны РФ от 09.11.2019 № 650 (ред. от 01.03.2021) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка на гауптвахте для военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.05.2020).

⁴ Из опроса-интервью дознавателя 37-й отдельной гвардейской мостострелковой бригады 36-й общевойсковой армии, заместителя командира стрелковой роты по военно-политической работе Б.А. Тугутова, проведенного автором.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2022).

ствуют в границах соответствующих административно-территориальных образований. Военные суды не «следуют за войсками», не всегда приближены к месту предварительного расследования. Например, Донецкий гарнизонный военный суд, юрисдикция которого распространяется на всю территорию ДНР, находится в г. Донецке и не имеет судебных присутствий¹.

Представляется необходимым «отсроченный» до появления такой возможности, но обязательный контроль суда за законностью и обоснованностью применения органами предварительного расследования задержания, мер пресечения, иных мер процессуального принуждения, производством следственных действий, ограничивающих права и свободы граждан, отличающийся от общего порядка осуществления судебного контроля, как предварительного, так и последующего.

Отдельным вопросом является закрепленный действующим законодательством (ст. 78.1 УК РФ, ст. 28.2, п. 5 ч. 1 и ч. 4 ст. 238, ч. 1 ст. 239, ч. 3.1 ст. 253 УПК РФ) порядок освобождения от уголовной ответственности подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, заключивших в период мобилизации или в военное время контракт о прохождении военной службы. Впервые в российской истории такие решения принимаются в столь массовом порядке не в отношении осужденных, правовой статус которых определен приговором суда (как преимущественно имело место в годы Великой Отечественной войны²), а в отношении лиц, в силу закрепленной в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 УПК РФ презумпции считающихся невиновными.

При принятии решения о приостановлении и, возможно, последующем прекращении уголовного дела в отношении таких лиц при наступлении предусмотренных ч. 1 ст. 78.1 УК РФ обстоятельств, не учитывается мнение органа предварительного расследования (например,

¹ Федеральный закон от 03.04.2023 № 85-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О создании судов Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2362, которым внесены соответствующие изменения в ст. 1 Федерального закона от 29.12.2020 № 466-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «О территориальной юрисдикции гарнизонных военных судов» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 5.

² См. об этом: Гребенский Д.С. История и развитие правового регулирования отношений, связанных с привлечением граждан, имеющих судимость, к участию в боевых действиях // Военное право. 2024. № 5 (87). С. 18–20.

необходимость дальнейшего собирания доказательств по уголовному делу, особенно при групповом преступлении). Поступление в орган расследования или суд соответствующего ходатайства военного командования о приостановлении производства по уголовному делу (прекращении уголовного преследования) подлежит обязательному удовлетворению в случае соответствия его формальным требованиям, что превращает суд в некоего «регистратора»¹.

Разнонаправленность векторов публичного интереса приводит к коллизии прерогатив органов государства, ответственных за осуществление расследования и наделенных правом отправлять правосудие (органы предварительного расследования, прокуратуры, органы судебной власти), и военных властей². Полностью игнорируется и мнение потерпевшего, его интересы, например, в части возмещения за счет обвиняемого причиненного преступлением вреда. Этот насущный для потерпевшего и к тому же гарантированный ст. 52 Конституции РФ вопрос остается для рассмотрения в гражданском судопроизводстве через длительное (с учетом неопределенного положения обвиняемого, в отношении которого приостановлено предварительное расследование) время, вероятно, после прекращения действия особого периода.

Предусматривая новые основания освобождения от уголовной ответственности, законодатель, очевидно, руководствуется, хотя и на ограниченный временными рамками действия особого правового режима срок, интересами военного командования в ущерб публично-правовым интересам правосудия и личным интересам потерпевшего. Данное направление современной уголовной и уголовно-процессуальной

¹ Как разъяснено в направленном в территориальные суды уровня (звена) субъекта РФ и апелляционные суды общей юрисдикции письме от 24.10.2024 № 7-ВС-5121/24 заместителя председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдова, при рассмотрении ходатайства следует исходить из того, что «суд (судья) не оценивает и не разрешает вопрос о целесообразности призыва обвиняемого на военную службу... а лишь проверяет наличие или отсутствие формальных препятствий для удовлетворения ходатайства (не относится ли преступление, в котором лицо обвиняется или за которое оно осуждено, к исключениям, предусмотренным в статье 78.1 УК РФ, подписано ли ходатайство уполномоченным должностным лицом и т.п.)».

² См. об этом: Головкин Л.В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1 (96). С. 10.

политики требует вдумчивого, вероятно критического научно-практического изучения и детального анализа, который станет возможным скорее всего после прекращения периода мобилизации.

Необходимо и обеспечение на территориях, на которых объявлен особый правовой режим, осуществления правосудия созданными на основании закона компетентными, независимыми и беспристрастными российскими судами¹. Простое «упоминание» в ч. 2 ст. 16 ФКЗ «О военном положении»² и ч. 3 ст. 35 ФКЗ «О чрезвычайном положении»³ права Верховного Суда РФ на изменение подсудности при невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено военное (чрезвычайное) положение, явно недостаточно. Полномочный суд должен быть определен на основании однозначно понимаемых и универсально применяемых правил подсудности, а не произвольно или «казуально» для каждого конкретного дела или группы дел в течение действия особого периода⁴.

При этом должно учитываться и дополняться действующее законодательство о судоустройстве. Без согласованности процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве невозможно обеспечить не только реализацию прав граждан, ограничение которых недопустимо даже в период действия особых правовых режимов, но и достижение публичных целей осуществления правосудия. Представляется, что одним из направлений уголовно-процессуальной политики нашего государства может являться принципиальный вопрос о выделении отдельного от общего (ординарного) порядка осуществления уголовного судопроизводства, специального порядка для его примене-

¹ О научном понятии суда, созданного на основании закона, см.: Курс уголовного процесса. С. 251.

² Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

³ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

⁴ О необходимости научной разработки и последующего законодательного выделения нового вида подсудности см.: Чекулаев Д.П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 159–162.

ния в условиях действия особых правовых режимов (экстраординарных условиях). В таком случае соответствующими разделами (главами, параграфами) может быть дополнено действующее уголовно-процессуальное и иное законодательство.

Е.Г. Шадрина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

Согласно Конституции РФ и УПК РФ, состязательность и равенство сторон определяют судебный процесс. В ст. 244 УПК РФ, развиваясь из этих основ, детализируется равноправие участников и закрепляются формы его проявления. Суд в текущем судебном процессе утратил роль активного субъекта в деле; стороны обвинения и защиты теперь несут ответственность за представление доказательств. При этом суд остается ответственным за ведение заседаний и контроль соблюдения уголовно-процессуальных норм. В ходе судебного слушания государственный обвинитель выполняет роль представителя обвинения: он предъявляет доказательства, участвует в их детальном анализе, излагает суду свои доводы по сути обвинений, а также выдвигает предложения относительно применения закона и возможного наказания для подсудимого, как определено в ч. 5 ст. 246 УПК РФ. Эти обязанности прокурора служат задачам подтверждения предъявленного обвинения на данном процессе. Однако, согласно ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство требует не только обвинений, но и защиты от неправомерного преследования, несправедливых обвинений и осуждения, что подчёркивает публичная роль прокурора. В этой же статье говорится, что процессуальные функции, такие как борьба с незаконным преследованием, необходимость справедливого наказания и реабилитация ошибочно обвинённых, имеют равную важность. Объективность обязанностей государственного обвинителя велит ему не только настаивать на обвинении, но и выявлять доказательства в пользу невиновности обвиняемого, включая обстоятельства, которые могут смягчить приговор.

В рамках теории уголовного процесса функции прокурора на этапе судебного разбирательства рассматриваются по-разному. Некоторые специалисты считают, что прокурор здесь исполняет исключительно надзорные обязанности. Однако существует и другая точка зрения: ряд учёных подчёркивают многогранность роли прокурора. Например, А.С. Александров, Н.П. Кириллова и др. упоминают и об уголовном преследовании, и о защите прав¹. И.Л. Петрухин придерживается противоположного мнения и считает, что прокурор, выступая в суде, прежде всего выполняет роль государственного обвинителя². Подтверждающий обвинительное заключение прокурор изначально нацелен на обличение подсудимого, тем самым закрепляя функцию обвинения в его профессиональной активности.

В условиях российского уголовного судопроизводства в состязательной форме прокурор концентрируется главным образом на реализации функции уголовного преследования. Тем не менее его роль и обязанности не ограничиваются этим аспектом. Прокуратура, рассматриваемая как основополагающий орган правопорядка, занимается разнообразной государственной деятельностью, направленной на обеспечение соблюдения правовых норм и предписаний, контролируя юридически значимое поведение, как указано в законодательстве. Основополагающая функция данного органа – правоохранительная, в то время как остальные задачи представляют собой составляющие элементы, обусловленные спецификой миссии прокуратуры (учитывая ст. 1 соответствующего закона). В рамках своей деятельности прокуроры обеспечивают верховенство законодательства, а также защищают права и свободы граждан, социальных общностей и государственной системы, осуществляя уголовное преследование для достижения законности и ее укрепления.

В процессе поддержания государственного обвинения прокурор обязан наряду с основными обязанностями обеспечивать соблюдение прав участвующих лиц: от обвиняемых до потерпевших, ссылаясь на

¹ Александров А.С. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков // СПС «КонсультантПлюс»; Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. С. 11.

² Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. 1. М., 2004. С. 80.

ст. 6 УПК РФ как на правовую основу своей деятельности. Он также выполняет дополнительные правозащитные функции, вытекающие из главной цели уголовного преследования. В соответствии со ст. 11 УПК РФ, прокуроры обязаны подробно разъяснять участникам их права, обязательства и ответственность, обеспечивая безопасность этих лиц в правовых рамках. Кроме того, ч. 3 ст. 44 УПК РФ предусмотрена возможность прокурора подавать гражданские иски в интересах малолетних и ограниченно дееспособных, а также других лиц, неспособных самостоятельно защищать свои законные права, в том числе от лица государства. Имеются и другие правовые нормы, регламентирующие эти действия. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, принцип состязательности в системе норм УПК не освобождает государственного обвинителя от выполнения им при судебном разбирательстве уголовных дел конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина¹.

Таким образом, в ходе судебного разбирательства прокурор исполняет дуальные функции: уголовного преследования и правоохранительной защиты. Каждая из них осуществляется через процессуальные механизмы, регламентируемые УПК РФ, с акцентом на доказательственную основу и защиту прав участников.

З.А. Шалагина

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СУЩНОСТИ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В орбите уголовного судопроизводства область обеспечения прав личности напрямую связана с доступом к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса. К процедуре обеспечения доступа к правосудию на сегодняшний день существует достаточно высокий обще-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

ственный запрос, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты Уполномоченного по правам человека в России¹, статистическая отчетность Генеральной прокуратуры РФ и т.д.

Говоря о доступе к правосудию, следует отметить, что положения ст. 118 Конституции РФ закрепляют осуществление правосудия только судом.

Соответственно, осуществлению правосудия предшествуют досудебные стадии уголовного процесса, на которых обеспечивается доступ заинтересованных лиц к суду. Для эффективной работы механизма, обеспечивающего доступ к правосудию, законодатель предусмотрел конституционные гарантии.

Так, ст. 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту. В механизме осуществления правосудия именно судебный порядок обеспечения прав личности представляется наиболее эффективным. Законодатель принял исчерпывающие меры, направленные на исполнение решений суда всеми субъектами права.

Например, злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта влечет за собой уголовную ответственность, предусмотренную ч. 1 ст. 315 УК РФ. Суды выносят свои решения от имени государства, которое обеспечивает их исполнение. Именно в этом проявляется сила судебной защиты.

Нормы ст. 52 Конституции РФ закрепляют право на доступ к правосудию. Это говорит о том, что государство берет на себя обязанность по обеспечению потерпевшим доступа к правосудию и возмещению причиненного ущерба.

Указанная обязанность государства частично вытекает из положений ст. 21 Конституции РФ, предусматривающих охрану достоинства личности, которые также имеют свое распространение на процесс обеспечения доступа к правосудию. Это следует из правовых позиций Конституционного Суда РФ, который разъяснил, что государство реализует свою конституционную обязанность защищать достоинство

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год // Российская газета: сайт. URL: <https://rg.ru/documents/2024/06/11/document-1718031632431255.html> (дата обращения: 12.01.2025); Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь 2023 г. // Генеральная прокуратура РФ: сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85612220> (дата обращения: 12.01.2025).

личности, ее права и свободы, в том числе обеспечивает права потерпевших от преступления и компенсацию причиненного им ущерба путем установления уголовной ответственности за совершение того или иного деяния¹.

С другой стороны, в рамках конституционного права на доступ к правосудию государство обеспечивает гарантию прав лица, потерпевшего от злоупотреблений властью. Здесь в качестве гарантии, обеспечивающей доступ к правосудию, выступает право заинтересованного лица на обжалование незаконных действий и решений государственных должностных лиц, что закреплено ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, а также нормами ст. 124, 125 УПК РФ. Возможность обжалования позволяет урегулировать отношения государства и личности в сфере уголовного судопроизводства.

Как видим, перечисленные нами конституционные предписания предполагают право заинтересованного лица отстаивать свои интересы в суде. Представляется, что здесь идет речь о доступе заинтересованного лица к правосудию, который обеспечивается на досудебных стадиях уголовного процесса. Соответственно, право на доступ к правосудию представляет собой фундамент конституционного статуса личности.

Исходя из этого, представляется, что доступ к правосудию является нормативно закрепленным конституционным принципом. На сегодняшний день законодатель не прописал доступ к правосудию в гл. 2 УПК РФ среди отраслевых принципов уголовного судопроизводства. Однако указанное обстоятельство вовсе не отменяет его прямого воздействия на уголовное судопроизводство. Это вытекает из ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, которая предусматривает ее высшую юридическую силу и ее прямое действие на всей территории РФ.

На наш взгляд, доступ к правосудию – это принцип уголовного судопроизводства, закрепленный в Конституции РФ и заключающийся в гарантии прав лица, потерпевшего от общественно опасного деяния или от злоупотреблений и противоправных деяний должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, защитить свои права и законные интересы и компенсировать причиненный в результате таких деяний ущерб посредством правосудия.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 5.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Возмещение материального ущерба по уголовным делам является одним из приоритетных направлений деятельности, органов предварительного расследования, что реализуется проведением комплекса взаимосвязанных процессуальных действий, объединенных общей целью – устранить негативные последствия преступного деяния. В ходе досудебного производства по уголовному делу при наличии достаточных оснований полагать, что денежные средства использовались при совершении преступления, следователь обязан принять меры по наложению ареста на денежные средства, электронные денежные средства, денежные средства, внесённые в качестве аванса за услуги связи.

В настоящий момент в процедуре возмещения материального ущерба по уголовным делам о хищениях, совершенных в информационно-телекоммуникационной сфере, возникла неопределённость в порядке наложения ареста на безналичные денежные средства, а также признании их вещественным доказательством и передачи потерпевшим, так как указанный порядок не предусмотрен уголовно-процессуальным законом.

В настоящее время сложилась неоднозначная следственная и судебная практика, связанная с хранением безналичных денежных средств, на которые наложен арест. Так, следователи после наложения ареста на безналичные денежные средства обращаются в суд с ходатайством о производстве выемки похищенных денежных средств с банковских счетов третьих лиц путём их перевода на банковский счёт потерпевшего или изъятии со счета либо после наложения ареста на банковский счёт обращаются в суд с ходатайством о переводе денежных средств на банковский счёт потерпевшего.

Вместе с тем уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена передача безналичных денежных средств, на которые наложен арест, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского

иска на хранение путём их изъятия с банковского счета третьего лица на банковский счёт потерпевшего. В случае наложения ареста следователь не имеет возможности осуществлять изъятие безналичных денежных средств, хранящихся на счёте в кредитной организации, в отношении которых имеется постановление об аресте, и производить передачу таких денежных средств на хранение на счёт потерпевшего.

Следует отметить, что арестованное имущество подлежит хранению в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28.09.2023 г. № 1589, арестованное имущество *в виде безналичных денежных средств* в валюте Российской Федерации перечисляются в валюте Российской Федерации на *единый казначейский счёт для зачисления на лицевой счёт для учёта операций со средствами, поступающими во временное распоряжение уполномоченного органа*¹. Однако порядок, предусматривающий передачу безналичных денежных средств на хранение на депозитный счёт правоохранительного органа, не урегулирован. Как следствие сложилась ситуация, когда судебные решения о наложении ареста на имущество не исполняются банковскими учреждениями.

Вместе с тем судьи отказывают в удовлетворении ходатайств об изъятии или переводе безналичных денежных средств, так как уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрены соответствующие основания, а вопрос о возврате похищенного имущества, в том числе о перечислении суммы похищенных денежных средств на счёт потерпевшего, может быть разрешён только при принятии окончательного решения по делу.

При этом потерпевший по уголовному делу вправе реализовать своё право на изъятие арестованных безналичных денежных средств с бан-

¹ Постановление Правительства РФ от 28.09.2023 г. № 1589 «Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации».

ковского счета третьего лица в порядке гражданского судопроизводства по иску о споре о принадлежности арестованных денежных средств, находящихся на счетах третьих лиц, что не противоречит правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой ст. 115 УПК РФ в связи с жалобой ЗАО «Глория»¹. В случае если в ходе предварительного расследования принадлежность денежных средств будет установлена судом в порядке гражданского судопроизводства по иску лица, признанного потерпевшим, то следователь вправе отменить наложенный арест на безналичные денежные средства.

Кроме того, наложение ареста носит временный характер и в случае приостановления предварительного следствия за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, нецелесообразно обращение в суд с ходатайством о продлении указанной меры. В случае если денежные средства не будут переданы потерпевшему, то при снятии ареста они будут выведены преступником с банковских счетов.

В целях единообразного обеспечения возмещения вреда и исполнения банковскими учреждениями судебных решений о наложении ареста необходимо определить механизм, позволяющий обеспечить сохранность денежных средств путём их перечисления на банковский счёт для зачисления на счёт правоохранительного органа, а также последующий возврат законным владельцам.

Принимая во внимание, что в настоящее время безналичные денежные средства не могут быть в натуре возвращены потерпевшему до вынесения приговора или иного окончательного решения по уголовному делу, необходимо внести изменения в ст.и 81 и 82 УПК РФ в части возможности признания безналичных денежных средств, находящихся на банковском счёте, вещественным доказательством, их изъятия и передачи потерпевшему, если это возможно без ущерба для доказывания и есть достаточные основания полагать, что они получены в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // СПС «КонсультантПлюс».

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Т.А. Алексеева

АНАЛИЗ ГИПОТИМНОГО И ГИПЕРТИМНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Социальные сети сегодня – это не просто возможность общаться, обмениваться фотографиями и интересными новостями, это способ создания цифровой личности, в которой находят свое отражение желаемые черты и действительно присущие личности свойства.

С осени 2019 г. в Томском государственном университете появилась лаборатория анализа больших данных социальных сетей, одной из задач которых являлось определение предпочтений абитуриентов тому или иному факультету путем анализа информации, содержащейся на страницах социальных сетей.

Неудивительно, что и для правоохранительных органов социальные сети стали одним из способов получения информации о личности интересующего лица при подготовке к проведению следственных действий.

Структура страницы в социальной сети и алгоритм ее анализа были описаны в предыдущих исследованиях¹. Так, например, Б.Х. Арсанов считает, что «для того чтобы определить тип психологической лично-

¹ Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Исследование личности обвиняемого посредством анализа материала социальных сетей // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Барнаул, 2018. С. 7–14; Они же. Основные подходы к содержанию криминалистического анализа личности в социальных сетях // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Барнаул, 2017. С. 5–11.

сти гипотима по профилю в социальной сети, необходимо преимущественно обращать внимание на самостоятельно указываемый статус и подписки на сообщества и группы, поскольку именно в этих элементах прослеживаются наиболее специфические характеристики, которые позволяют сделать наиболее достоверный вывод о том, что конкретный человек обладает гипотимным типом личности»¹.

В исследовании приняли участие студенты юридического факультета, принадлежащие к мужскому и женскому полу в возрасте от 18 до 22 лет. Исследование проводилось в два этапа: на первом этапе студенты проходили типологический опросник с целью определения своего психологического типа; на втором этапе производился анализ их страниц в социальной сети «ВКонтакте».

Одним из элементов социальной страницы являются «Подписки» (в более ранней версии социальной сети «ВКонтакте» – «Сообщества»). Автор в настоящей статье сосредоточится на анализе выбора предпочитаемых сообществ по интересам, основываясь на символьном значении их названия, для того чтобы продемонстрировать возможности получения информации о личности. Использование тех или иных символов напрямую зависит от психологического типа личности, поэтому между ними можно установить прямую закономерность и зависимость. Для удобства определения символов взяты символы-идеи, раскрывающиеся более детально в символах-образах (ниже они будут указаны в скобках).

Результаты исследований символьного значения устных и письменных текстов показывают, что для гипотима свойственны следующие символы: миропорядок (терпение, сомнение, мораль, правда), контроль (усталость, грусть, ожидание), подавленность (проблема, падение, трудности, беда, дно, недостатки, болезнь, неудобство, препятствие, травма, непонимание, безысходность, вниз, боль). Для гипертима – движение (толпа, авантюра, случай, действие, пуля, ветер, приключение, алкоголь, реакция, полёт), оптимизм (веселье, развлечение, шутка, смех, друзья, розыгрыш), адаптация (компромисс, договор, вместе, свобода с...)².

¹ Отражение личности гипотимного акцентуированного типа в сети «ВКОНТАКТЕ»: сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. Томск, 15–17 мая 2024 г. : в 3 ч. Томск, 2024. С. 323–324.

² Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Тактико-криминалистический анализ речевого символического ряда: психотипологический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 245–250.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы о соответствии определенных сообществ конкретному символу:

1) для гипотима: **миропорядок** – «Прояснилось», «Психология тишины», «Психология мыслей», «отишие» (твое тихое убежище во времени), «Смеемся, не спим, выживаем», «прелести кусочек», «Кусочек Фильма», «Тривиальная повседневность», «НЕ ПОВЕРИШЬ!», «внутренний мир», «лжецам нужна хорошая память»; **контроль** – «Не беси», «Давай лучше дома посмотрим», «Стихи давно забытого поэта», «Подступы к стихам», «в раю искусства не будет», «мам ну не читай», «Короче» (новостной канал); **подавленность** – «ПОТЕРЯННЫЙ МИР», Дома не поймут, «веские поводы бросить универ», «отчислено», «анекдотов.net», «Хьюстон, у нас проблемы»;

2) для гипертима: **движение** – «Фабрика идей», «Мир креатива и вдохновения», «Повод выпить каждый день», «налейте женщине водяры», «Томск\куда пойти?», «сегодня на улице я услышала», «Письма со всего мира»; **оптимизм** – «Сохранённая дичь», «Сатирикон», «ИНТЕРЕСНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ», «Все самое интересное», «Академия Порядочных Девниц», «Действительно смешно», «Реально смешно»; **адаптация** – «Испанский для лентяев», «ОБРАЗ ЖИЗНИ| психология, отношения, общество| цитаты», «ИСКУССТВО ЖИТЬ», «Ты не поверишь! Первый познавательный».

Использование символического анализа страницы в социальной сети позволяет достаточно оперативно получить информацию о личности с тем, чтобы эффективнее установить психологический контакт и добиться результатов при проведении следственного действия.

Е.Р. Алимова

ВОСПРИЯТИЕ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ: ПСИХОТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Возможность выделения определенных черт личности, которые могут служить основанием для создания упорядоченной системы – классификации, остается актуальной по сей день. В настоящий момент достаточно фундаментальную ценность представляет комплексная классификация акцентуированных типов, описанная Р.Л. Ахмедшиным. Согласно данной классификации, акцентуированные типы подразделяются

на 5 экстравертных (чье внимание сконцентрировано вовне) и 5 интровертных (чье внимание направлено вовнутрь)¹.

Проведенное на базе общеобразовательного учреждения исследование, в котором приняли участие обучающиеся младшего школьного и подросткового возраста (11–13 лет) в количестве 57 человек, показало, что среди обучающихся в данной выборке преобладают лица с гипертимной, сензитивной и циклоидной акцентуацией. Акцентуированных типов, не представленных нами, оказалось в данной выборке недостаточно для того, чтобы делать выводы. В таблице представлены обобщенные данные исследования.

Гипертимы		Сензитивы		Циклоиды	
Восприятие	Воспроизведение	Восприятие	Воспроизведение	Восприятие	Воспроизведение
Речевое	Речевое	Речевое, письменное	Речевое, письменное	Речевое, письменное	Речевое, письменное

Гипертимы. Лица с гипертимной акцентуацией, будучи быстро увлекающимися и способными к продолжительной и напряженной работе, лучше усваивают информацию, поданную им на слух, в игровой и/или лекционной форме. Необходимость получать информацию самостоятельно (читать и конспектировать учебник) они воспринимают как тяжкую повинность, которую отрабатывают с трудом и нехотя. Допускают многочисленные ошибки и опiski в письменных описаниях. Устные ответы гипертимов объемны, но малосодержательны: гипертимы помнят «общую канву», но невнимательны к деталям, считают их лишними.

Сензитивы. Лица с сензитивной акцентуацией, обладая повышенной восприимчивостью и вниманием к собеседнику, очень хорошо воспринимают информацию на слух. Также, опасаясь получения негативной оценки их способностей, демонстрируют гораздо большее прилежание в процессе выполнения заданий по сравнению с циклоидами и гипертимами. Работа с наглядно представленной информацией (учебник) у них не вызывает сложностей, так как данный тип относится к интровертным, склонным к самостоятельным изысканиям.

¹ Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2024. 514 с.

Циклоиды. Лица с циклоидной акцентуацией, в отличие от гипертимов, «выхватывают суть», акцентируют внимание на отдельных деталях, при этом общая повествовательная направленность ответа мало содержательна. Иными словами, концентрируясь на чем-то одном, циклоиды склонны «упускать» детали, по их мнению, несущественные. При восприятии информации циклоиды склонны также акцентировать внимание на деталях, для них не имеет значения, как получать информацию – в устной или же письменной форме.

Р.Л. Ахмедшин

КРИМИНАЛИСТИКА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

Криминалистика – это наука о расследовании преступлений, одна из многих в пантеоне правовых наук. Конечно, в криминалистике не могут уникальным образом проявляться социальные закономерности, отличные от иных областей правовых знаний, поэтому мы будем говорить не об уникальности проявлений, а об их предельной выраженности.

Чем же отличается криминалистическое от иных видов правового знания? Первичное отличие в постулируемой установке на восприятие криминалистики как выраженной прикладной науки. Хотя по классификации научных дисциплин Биглена вся юриспруденция – это не фундаментальная, а прикладная наука. Она стала прикладной отойдя от средневековой схоластики, тем самым сформировав предпосылки для изменения отношения к юристам как к недоисследователям. Вспомним, как переживал Ганс Гросс, осознавая на тот момент справедливость обращения известного ученого к своему студенту: «Вы ничего не знаете, Вы ничего не понимаете, Вы ничего не делаете – Вам лучше стать юристом»¹.

Наука – это явление, опирающееся на технологию воспроизводимого, систематизируемого и социально контролируемого поведения. Системообразующим элементом выступает свойство воспроизводимости. Суждения мыслителей в значительной степени уникальны и многообразны, находясь в зависимости от личности их автора. В отличие

¹ Gross H. Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students. Boston : Little, Brown, and Company, 1911. P. 5.

от суждений знание не зависит от того, кто его получил, так как опыты дают один результат независимо от личности исследователя, поэтому «наука за пару сотен лет дала больше результатов, чем философия за предыдущие 2000 лет»¹.

Мы не отрицаем ценности иных форм знания, так как научные принципы не утверждают, что нет иных способов получения знаний. Если вы руководствуетесь не научными принципами, это не значит, что вы заблуждаетесь, это значит, что то, чем вы занимаетесь, не является наукой. Если ваша мысль основана на суждении, а не на закономерности она может быть истинна, но она не научна. Суждения легче всего культивировать при теоретизировании, но само по себе теоретическое знание также не отрицается наукой. Просто наука совершенно иначе использует теоретическое знание.

Структурно криминалистику правильнее понимать как академическое знание, использующее теорию для объяснения и базирующееся на суждениях, и как научную криминалистику, опирающуюся на выявляемые типовые закономерности. Нет прикладных наук, есть эфемерные области знания, теория которых не обладает таким свойством, как практикоориентированность.

Что характеризует современное криминалистическое знание? Прежде всего – громадное количество частных теорий и учений. В наши дни формируется очередной теоретический монстр – учение о технологии расследования, продолжая развивать традиции понятийного творчества и поиска сущности явлений. Подавляющее большинство частных теорий и учений имеют фактически нулевой уровень практикоориентированности. Во всех этих теориях исследуется «что это» вместо «как это использовать». Напомним, что основатель криминалистики отмечал, что данная тенденция, как и склонность к формулированию новых понятий, характерна для людей необразованных² или, добавим от себя, малоинтересованных в результатах своей деятельности, ритуализирующие их.

Еще ранний конвенционализм показал, что ученые не руководствуются только фактами, на их мнение влияют установки сообществ. Какие же социальные процессы влияют на развитие криминалистики как науки?

¹ Григорьев В.Е. Социология науки. М. : Проспект, 2024. С. 283.

² Gross H. Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students... P. 388–389.

– Слабая кадровая ротация в академической среде, свойственная рыночному обществу периферийного типа, предопределяет медленное проникновение новых идей.

– Свойственная отечественной криминалистике особенность, характерная для раннебуржуазного общества, – иллюзия существования национальной, как её называют, отечественной криминалистики, хотя все помнят, что А.П. Чехов говорил, что нет национальной науки, как нет национальной таблицы умножения.

– Уменьшилось количество исследователей-криминалистов как результат очередных маркетинговых новаций последних двух десятилетий в области деятельности диссертационных советов.

– Изменения в концепции академического образования. Идеал Гумбольдта – это концепция академического образования, возникшая в начале XIX в., основной идеей которой является целостная комбинация научных исследований и идей образования, единства исследования и преподавания. Сейчас академический курс по криминалистике сокращен, а как следствие – упрощен. Неудивительно, что в преподавании и исследовании криминалистики появился громадный пласт несовместимости. Сказанное подтверждает выявленный факт того, что связь между достижениями в исследованиях и преподавании – это «нулевая связь».

– Производство дешевых исследований или теоретических публикаций экономике не нужно. На дешевых или бесплатных исследованиях нельзя строить практику перераспределения финансовых средств. Но одиночка-исследователь не может провести масштабные исследования.

В целом вывод, который мы сделали, можно озвучить так: в силу социальных факторов сложилась стабильная система предпосылок разделения криминалистических знаний на академическую и научную криминалистику. Перебороть эту систему вряд ли удастся, но, понимая сказанное можно разработать алгоритмы взаимоинтеграции криминалистических знаний из одной области в другую, во всяком случае из академической психологии в научную.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕПРЕОДОЛИМОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ (ПСИХОТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Как принято в науке уголовного права, деяние, признаваемое преступным, должно быть сознательным и волевым. И если по обстоятельствам физического принуждения вопросов практически не возникает (так как в этом случае отсутствует волевой компонент), то к обстоятельствам принуждения психического такие вопросы есть. Если потерпевший подвергается физическому воздействию (чтобы, например, вынудить его нарушить правила безопасности на охраняемом объекте), то имеются признаки физического воздействия, преодолимость которого зависит от разных моментов. А если те же самые действия совершаются без нанесения увечий потерпевшему, т.е. при воздействии психическом? Как оценить, преодолимо ли было это воздействие или нет? Ведь от этого ответа будет зависеть, привлекаем ли мы лицо, которое все-таки было потерпевшим от угрозы, например, убийства или причинения вреда здоровью себе или близким / или другим людям, находившимся рядом; уничтожения имущества; потери репутации вследствие распространения сведений к уголовной ответственности, хоть и со смягчающими обстоятельствами?

Уберем более очевидный момент – угроза убийством. Здесь мы можем оценить эту угрозу как непреодолимую (хотя и безусловно). Вынося решение по делу, Верховный Суд РФ пояснил, что «обязательным признаком такой угрозы является ее реальность. Оценкой реальности угрозы является субъективный и объективный критерии. Субъективный критерий характеризуется намерением виновного осуществить угрозу и восприятием потерпевшим этой угрозы как опасной для жизни. При этом угроза должна быть очевидной для потерпевшего»¹. Другими словами, потерпевший осознает, что у него фактически **два выбора** – умереть или выполнить чужую волю. Можем ли мы наказывать человека за то, что он выбрал свою жизнь и «помог» преступнику?

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 № 82-УД21-7-К7.

В условиях морали современного общества – нет. Значит, при угрозе жизни посредством устных запугиваний психическое принуждение непреодолимо. Но здесь есть вопрос о других интересах. Что ценнее для индивида – собственная жизнь или безопасность его близких; безопасность близких или безопасность других людей и т.д. А какие приоритеты у следователя или у судьи, который будет рассматривать это дело? Это не имело бы значения, но ведь в ст. 17 УПК РФ сказано, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему **внутреннему убеждению**, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». А внутреннее убеждение относительно конкретного дела хотя и формируется в процессе его изучения, но закладывается все же задолго до него, в том числе на приоритетах, которые у того же судьи имеются.

Данные приоритеты индивида зависят не только от его свойств, сформированных воспитанием, принадлежностью к профессии и прочим социальным группам, но прежде всего от того, насколько он способен воспринимать те или иные установки, задаваемые изначально родителями и всеми теми, кого принято называть ближним и дальним кругом социального общения. Но хотя человек и становится личностью в процессе социализации, тем не менее в эту социализацию он не входит «чистым листом бумаги»: многие личностные свойства закладываются изначально, т.е. в процессе онтогенеза и последующей социализации индивид приобретает новые черты, которые «накладываются» на уже заложенные. Так, волевой компонент хоть и поддается корректировке в процессе жизнедеятельности, определяется во многом изначально имеющимися у индивида свойствами.

Говоря о волевом компоненте, играющем определяющую роль в поведении человека в момент психического принуждения, необходимо отметить, что чем сильнее воля отдельного индивида, тем более он способен сопротивляться принуждению. В ситуации принуждения мы получаем примерно следующую формулу: человек с развитыми волевыми потенциалами, следовательно, с развитой способностью к саморегуляции, в момент принуждения *будет способен* взять свое состояние (страх, тревогу, панику, гнев – все то, что лишает человека способности мыслить в критической ситуации *здорово*) под контроль и принимать решение не под влиянием эмоций, а под влиянием своих собственных внутренних *убеждений*. Здесь мы снова приходим к выводу

о необходимости учета приоритетов и самого сопротивляющегося (не сопротивляющегося) принуждению, и приоритетов тех, кто будет оценивать его деяния. Следовательно, мы приходим к выводу о разности преодолемости (непреодолимости) психического принуждения для разных лиц.

Принимая во внимание возможность использования психотипологического подхода для определения свойств, присущих тому или иному человеку, мы можем предположить, что разные типы¹ будут реагировать на процесс принуждения по-разному: к примеру, истероидный тип будет нацелен на сохранение целостности себя самого, и при условиях, угрожающих его жизни и здоровью, окажется в ситуации непреодолимости принуждения – для данного типа не существует выбора по типу «я – другие», для него всегда есть только «я». С другой стороны, для параноидного типа принуждение вполне может оказаться преодолемым, если параноида будут пытаться принудить совершить что-то, противоречащее его внутренним убеждениям. Разумеется, для каждого психотипа вариант выбора будет свой, но, учитывая ограниченный объем данного исследования, мы приводим как пример лишь два типа.

Ю.Л. Бойко, А.А. Мариупольский

О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ БАЗ ДАННЫХ МВД РОССИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ

На сегодняшний день в сфере следственной деятельности широко применяются компьютерные информационные системы и информационные технологии, которые приобрели основополагающее значение в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Собирать из различных источников криминалистически значимую информацию, правильно ее интерпретировать и анализировать, а затем использовать

¹ Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 499–511; Психология индивидуальных различий. Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 288–318; Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика, некоторые общие соображения и данные // Психология индивидуальных различий. Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 262–269.

ее – ключ к раскрытию преступлений. Использование данных криминалистических учетов имеет важное значение для раскрытия и расследования преступлений, так как именно в криминалистических учетах сконцентрирована важнейшая информация о лицах, объектах и следах. В основном данные учеты сосредоточены в информационных и экспертно-криминалистических подразделениях МВД РФ, в связи с чем от оперативного доступа к достоверной информации зависит эффективное и успешное раскрытие и расследование преступлений. В июле 2007 г. МВД РФ был издан приказ № 612 дсп, утвердивший «Наставление по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов органов внутренних дел Российской Федерации». Формирование и ведение вышеуказанных учетов осуществляется ГИАЦ и ИЦ на базе интегрированного банка данных федерального уровня (ИБД-Ф) и интегрированного банка данных регионального уровня (ИБД-Р), а также автоматизированных информационных систем (АИС) и автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС), право обращения к которым давалось практически всем правоохранительным органам, в том числе и следователям Следственного комитета Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В настоящее время информационные системы под названием «Интегрированный банк данных» (ИБД-Ф и ИБД-Р) находятся в исключительном ведении МВД, а следователи следственного комитета РФ (СК РФ), не имеющие прямого доступа к этим базам данных, вынуждены делать официальные запросы для получения криминалистически значимой информации о лицах, совершивших преступления, о способах совершения и об объектах учета, на что уходит время, которое жизненно необходимо для проведения неотложных следственных действий, недопущения продолжения преступных действий и сокрытия следов преступления. Поэтому следователю также необходимо иметь подключенную и полностью работоспособную систему ИБД-Регион, в которой отображаются актуальные важные данные, необходимые для принятия следственных решений¹. Кроме того, имеющийся в МВД России Сервис обеспечения охраны общественного

¹ Тюрина Е.Н. Интегрированные банки данных и сетевые каналы как особый объект правоотношений, возникающий в деятельности органов внутренних дел // Труды управления МВД России. 2012. № 2. С. 126–127.

порядка (СООП) предоставляет сотрудникам МВД важную информацию о субъектах, привлекаемых к административной ответственности, состоящих под административным надзором, о лицах, задержанных по подозрению в совершении преступлений, заключенных под стражу в изоляторах временного содержания, помещённых в специальные приемники для содержания лиц, арестованных в административном порядке. Информация из данного сервиса имеет для следователя прикладное значение, поскольку, согласно п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, на следователе как на стороне обвинения лежит обязанность доказывать обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Без полной характеристики личности обвиняемого следователю будет сложно осуществлять свою деятельность¹. Однако не только строго конкретные характеристики личности интересуют следователя в наши дни. Большой интерес для следователя, расследующего преступление, вызывают данные о конкретных людях, которые могли быть связаны с совершением преступления и которых необходимо найти, данные об их месте официальной регистрации, а также о транспортных средствах, которые принадлежат тем или иным людям и которые могли выступать орудием или предметом совершения преступления. Нередко следователю приходится осуществлять поиски преступника, который осуществляет перемещения по территории страны. Естественно, для того чтобы выйти на преступника, необходимо отследить маршрут его передвижения по стране. А сделать это можно с помощью автоматизированной информационной системы «Магистраль», которая находится в ведении МВД и иных транспортных служб и в которой имеются сведения о покупке человеком авиационных и железнодорожных билетов, билетов на водный и речной транспорт. К сожалению, как и в случае с ранее представленными электронными ресурсами, следователь не всегда способен оперативно получить нужные сведения из АИС «Магистраль», а органы внутренних дел могут не наметить для себя достаточно чёткий поисковый маршрут в отношении субъекта, о котором

¹ Крупина М.А. Административно-прикладные аспекты использования прикладных сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел // Вестник Нижегородского университета имени Лобачевского. 2023. № 2. С. 138.

уже собрана солидная обвинительная база¹. Таким образом, назрела серьёзная необходимость предоставить следователю СК РФ право прямого доступа в виде подключения автоматизированных рабочих мест следователей либо создания специализированных кабинетов в следственных подразделениях СК России к использованию важных информационных ресурсов, находящихся в ведении МВД РФ. Предоставление такого права отнюдь не означает передачу полномочий от МВД следственному комитету, а также ослабление статуса МВД России. Напротив, следственные органы СК России совместно с органами внутренних дел будут более слаженно осуществлять функции по борьбе с преступностью, а следователи не будут тратить лишнее время для получения информации через официальные запросы в МВД России.

А.А. Бондарева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Незаконная миграция является одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации. Вопросам противодействия незаконной миграции и снижению криминальной активности иностранных граждан и лиц без гражданства уделяется повышенное внимание со стороны государства.

Пресечение деятельности лиц, организующих незаконные въезд и пребывание мигрантов на территории России, имеет приоритетное направление в деятельности правоохранительных органов. Также следует сказать о том, что данную деятельность в сфере незаконной миграции все чаще стали осуществлять именно организованные группы в качестве стабильного теневого бизнеса.

¹ Черняков С.А. Возможности использования сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 4. С. 53–60.

Расследование организации незаконной миграции сопровождается рядом сложностей, прежде всего это связано с активным противодействием субъектов преступления расследованию.

Противодействие расследованию преступлений представляет собой специфический вид криминальной или тесно связанной с ней деятельности. Механизм противодействия расследованию преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства включает в себя следующие элементы: субъект, оказывающий противодействие расследованию; цель, мотив, противодействия расследованию; способ противодействия расследованию; время, место, обстановка противодействия расследованию; результат оказанного противодействия¹.

Одними из субъектов противодействия расследованию преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства являются сотрудники подразделений по вопросам миграции.

Так, 30 октября 2024 г. в ходе заседании коллегии Министром МВД России В.А. Колокольцевым отмечено, что почти в 2 раза за истекший период возросло количество преступлений в сфере незаконной миграции с участием сотрудников полиции, причастных к незаконной деятельности по легализации приезжих мигрантов; так, за 9 месяцев 2023 г. было выявлено 86 сотрудников, за 9 месяцев 2024 г. – 126².

Среди специфических признаков указанного субъекта следует отметить то, что он наделен служебными полномочиями принимать юридически значимые решения в миграционной сфере, что позволяет совершать незаконную деятельность по легализации мигрантов на территории РФ.

Также данный субъект является юридически грамотным и компетентным лицом (в особенности в сфере миграционного законодательства), понимает характер совершаемых им действий, их общественную опасность и противоправность, но вплоть до пресечения противоправной деятельности рассчитывает на достаточность принимаемых мер конспиративного характера.

¹ Головин А.Ю., Бибииков А.А. Некоторые особенности противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 26.

² Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное деятельности ведомства при организации работы в сфере миграции. URL: <https://мвд.рф/news/item/56665974/> (дата обращения: 13.01.2025).

Анализ эмпирических материалов позволил установить следующие случаи противодействия расследованию указанной категории преступлений:

- уничтожение архивных документов миграционного учета ранее установленного срока хранения;

- информирование должностным лицом остальных соучастников группы о предстоящих проверках сотрудниками правоохранительных органов по месту проживания / пребывания мигрантов;

- консультирование должностным лицом остальных соучастников группы об особенностях миграционного законодательства, позволяющих скрыть преступную деятельность;

- отказ от дачи показаний либо же непризнание вины;

- затягивание сроков расследования (заявление ходатайств, жалоб на действия следователя), сроков ознакомления с материалами уголовного дела;

- внесение должностным лицом в базу данных иных адресов регистрации по месту жительства / постановки на учет по месту пребывания мигранта, нежели указанных в заявлении.

Цель осуществления противодействия расследованию по рассматриваемой категории дел состоит в избегании уголовной ответственности.

Преодоление противодействия со стороны сотрудников подразделений по вопросам миграции во многом зависит от принятых мер следователем по пресечению и нейтрализации данного противодействия. Так, в целях пресечения противодействия следователю необходимо в ходе производства следственных действий применять тактические приемы, направленные на разоблачение ложных показаний подозреваемого (обвиняемого), предъявление доказательств подозреваемому (обвиняемому). Также необходимо использовать результаты оперативно-розыскной деятельности для получения информации о намерениях подозреваемых (обвиняемых) осуществить определенные действия, направленные на сокрытие следов преступления, и т.п.

Таким образом, в целях успешного преодоления противодействия расследованию преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства следователю необходимо использовать весь арсенал криминалистических, оперативно-розыскных средств и возможностей, что позволит повысить эффективность расследования преступлений указанного вида.

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В последние годы проблема преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних приобрела особую актуальность в свете увеличения числа таких правонарушений. Эти преступления наносят непоправимый ущерб не только жертвам, но и обществу в целом, подрывая основы моральных и этических норм. Оперативно-розыскная профилактика в данной сфере становится важным инструментом для предотвращения и раскрытия преступлений, направленных против уязвимой категории граждан – детей и подростков.

Оперативно-розыскное противодействие представляет собой деятельность оперативных подразделений ОВД, реализуемую в рамках установленных процедур и направленную на эффективное выявление и устранение негативных последствий криминальной деятельности отдельных лиц с фиксацией достоверных фактических данных на материальных носителях.

В ходе своей работы по предотвращению преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних подразделения уголовного розыска обязаны решать ряд ключевых задач, среди которых:

– централизованный учет лиц, склонных к совершению сексуальных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность детей и подростков, типичных мест посещения, порнографических информационных интернет-порталов для обеспечения своевременного использования возможностей оперативно-розыскной деятельности;

– приоритетное проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на воздействие на педофилов, с учетом индивидуальных особенностей этой категории преступников, для предотвращения их преступных действий в отношении несовершеннолетних;

– своевременное изучение всех факторов, способствующих преступным намерениям педофилов, и разработка комплекса мер по противодействию сексуальным преступлениям против несовершеннолетних.

Оперативные сотрудники, занимающиеся предотвращением преступлений, связанных с педофилией, должны обладать соответствующими знаниями и навыками, позволяющими им выявлять типичные свойства личности половых преступников рассматриваемой категории (в частности, их взглядов, интересов, привычек, особенностей характера).

Посредством обработки и анализа полученных сведений возможно обеспечение решения основных задач профилактической деятельности:

- выявление круга лиц, которые потенциально могут совершить половые преступления в отношении детей и подростков;
- разработка моделей типичных сценариев, в которых могут происходить эти преступления;
- выявление объективных факторов, которые в сочетании с ключевыми чертами личности возможных преступников могут стать непосредственной причиной преступлений;
- создание плана действий для снижения и устранения обнаруженных негативных факторов.

Одной из мер, направленной на оперативно-розыскное предупреждение половых посягательств в отношении несовершеннолетних, должно стать обучение сотрудников подразделений уголовного розыска, специализирующихся на данном направлении оперативно-розыскной деятельности, навыкам использования психолого-сексологических познаний, необходимых для эффективного выявления лиц, совершивших рассматриваемые посягательства.

Считаем целесообразным организовывать в школах и других учебных заведениях, на предприятиях (организациях) чтение лекций научно-просветительского и юридического характера на соответствующую тему, в том числе по вопросам виктимологии (с участием психологов, сексологов, юристов, сотрудников полиции и др.).

На наш взгляд, на сегодня семья не в полной мере способна объяснить ребенку и подростку все необходимые правила безопасности, поэтому целесообразно в образовательный процесс учебных заведений внести ряд изменений:

- внедрить в учебный процесс преподавание курса этики семейной жизни уже с начальных классов для формирования у школьников устойчивого неприятия семейного насилия, включая сексуальное насилие;
- ввести в процесс обучения в рамках курса основ безопасности жизнедеятельности изучение проблемы сексуальной преступности как угрозы социальной безопасности личности;

– в рамках школьной программы обучения физической культуре ввести занятия по основам самообороны.

Необходимо отметить, что ребенок, вовлеченный взрослыми в сферу детской порнографии, может даже не осознавать, что становится жертвой сексуальной эксплуатации. Это обстоятельство приводит к скрытности преступных действий. Также возможно, что несовершеннолетний скрывает факт преступления из-за страха перед психологическим давлением со стороны друзей, одноклассников или близких родственников. Кроме того, может возникнуть ситуация, когда несовершеннолетний, желая быстро заработать, добровольно предлагает сексуальные услуги, которые пользуются спросом у людей с сексуальными отклонениями.

В целях профилактики рассматриваемых преступлений на законодательном уровне необходимо в сети Интернет ограничить свободный доступ к обороту порнографических материалов для несовершеннолетних путем регистрации аккаунтов, а также иных путей входа на сайты (сайты знакомств) через паспортные данные.

В.С. Горшкова

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Деятельность сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел направлена на борьбу с преступностью, которая наносит серьезный урон не только жизненно важным сферам жизни человека, но и угрожает национальной безопасности государства. Использование собственных ресурсов службы, как и привлечение возможностей других подразделений полиции, позволяет оперуполномоченным устанавливать личность преступника, помогает раскрывать уголовно наказуемые деяния, создавать предпосылки формирования надежной доказательственной базы для привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности за совершенные противоправные деяния. Одним из подразделений, с которыми взаимодействуют сотрудники оперативных подразделений, является экспертиза подразделения ОВД.

Правовые акты, регламентирующие деятельность оперативных и экспертно-криминалистических подразделений полиции, содержат по-

ложения о формировании, ведении и использовании экспертно-криминалистических учетов (далее – ЭКУ) в раскрытии и расследовании преступлений. В учебной литературе выделяются оперативно-справочные, криминалистические и розыскные учеты органов внутренних дел, а экспертно-криминалистические учеты рассматриваются как часть криминалистических учетов¹ либо самостоятельный раздел криминалистической регистрации². Признавая наличие данных позиций исследователей с разработанной аргументацией по данному вопросу, стоит отметить важность анализа, накопления и предоставления в распоряжение заинтересованных сотрудников полиции (прежде всего оперативных сотрудников органов внутренних дел) информации о преступлении по определенным алгоритмам и правилам.

Ведомственный нормативный акт полиции детально регламентирует организацию работы с ЭКУ полиции³, т.е. процессы формирования, накопления, ведения и использования в правоохранительной сфере. К их ресурсам могут обращаться оперативные сотрудники полиции при назначении судебных экспертиз в рамках процессуальной проверки сообщений и заявлений граждан о преступлении (происшествии) или при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Объекты, изъятые в ходе процессуальных действий или оперативно-розыскных мероприятий, направляются на экспертные исследования (экспертизы), признаются пригодными для идентификации следообразующего предмета и подлежат постановке (с определением срока нахождения в картотеке) и проверке по массивам ведущихся ЭКУ полиции. Среди них: следы рук, трасологические следы (подошв обуви, орудий взлома, протекторов шин транспортных средств), документы с признаками изменения первоначального содержания, черепа неопознанных трупов людей, самодельное оружие, взрывные устройства и т.д.

Оперуполномоченные полиции с использованием ЭКУ получают сведения: о конкретном лице или использованном преступником определенных предметов материального мира, оставивших следы на месте

¹ Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Криминалистика : учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 617 с.

² Дударев В.А., Маевский С.С. Криминалистика : учебник. М. : Проспект, 2024. 432 с.

³ Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 // СПС «КонсультантПлюс».

преступления, об установлении отдельных характеристик объекта; о наличии сходства (тождества) между собой следов, изъятых с мест нескольких преступлений, т.е. «серийность» совершения уголовно наказуемых деяний.

Названный ведомственный нормативный акт содержит обязательный для ведения на местном, региональном и федеральном уровнях перечень объектов, который не является исчерпывающим. Несмотря на выделение в российских нормативно-правовых актах самостоятельного вида учетов – экспертно-криминалистических учетов и детальной регламентации отдельных его положений, остается вне рамок «правового поля» ряд вопросов. К ним относятся: порядок дополнения новыми объектами учета (например, учет самодельных зажигательных устройств¹; картотека красящих веществ – паст шариковых ручек, тонеров, штемпельных красок; используемых на крупных заводах и предприятиях материалов упаковок алкогольной продукции, сигарет); сбои в сборе, обработке и выдаче полученной информации по заданиям инициаторов; доступ для формирования и использования массивов ЭКУ полиции сотрудниками органов внутренних дел на транспорте и иных правоохранительных органов (например, Следственного комитета России).

Таким образом, предлагаем пути решения вышеуказанных проблем:

– нормативно-правовая регламентация необходимости предоставления в картотеку экспертно-криминалистического подразделения (федеральный и региональный уровни) производителями некоторых товаров (спиртосодержащие жидкости, алкоголь, табачные изделия) образцов продукции;

– формирование перечня ЭКУ полиции, ведущихся в инициативном порядке;

– создание единой информационной базы на платформе сервиса электронного документооборота полиции с предоставлением права использования строго ограниченного числа пользователей (аналог – организация работы с Федеральной базой данных геномной информации «Ксенон-2»).

¹ К вопросу о создании учета самодельных зажигательных устройств в МВД России / М.Ю. Гераськин, Л.В. Дашко, А.В. Довбня, Г.В. Плотникова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 104–114.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

В современных условиях социально-экономического развития России важность использования специальных знаний при расследовании хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, непрерывно возрастает. «Противодействие преступным посягательствам практически всегда сопровождается применением специальных знаний, которые в современном уголовном судопроизводстве интенсивно развиваются, чему в немалой степени способствует стремительное совершенствование науки и техники... Использование специальных знаний осуществляется посредством привлечения к расследованию экспертов и специалистов»¹.

Как отмечает Ю.П. Гармаев, «наиболее общественно опасна та преступная расхитительская деятельность, что реализуется в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе (и особенно) – при реализации национальных проектов (программ)»².

Результаты проверок, в которых содержится информация о должностных лицах, стремящихся завладеть или завладевших бюджетными средствами, предназначенными для реализации национальных проектов, являются первоначальным компонентом процесса расследования преступлений. «Полученная оперативная информация обычно содержит сведения о нецелевом расходовании и хищении бюджетных средств, о переводе безналичных денежных средств за рубеж в дочер-

¹ Бойко И.Н. К вопросу об использовании специальных знаний при расследовании хищений бюджетных средств, предназначенных для строительства и ремонта объектов социальной инфраструктуры // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 1 (29). С. 27.

² Гармаев Ю.П. Приоритеты государственной политики в контексте разработки и модернизации криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 104.

ние компании, о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем, о преднамеренном банкротстве бюджетополучателей, о коррупционных схемах при выделении и расходовании бюджетных средств должностными лицами, курирующими национальные проекты, о созданных фирмах-однодневках, об использовании различных виртуальных активов, в том числе криптовалют при легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем»¹.

Помимо процессуальной формы использования специальных знаний в расследовании преступлений, которая осуществляется посредством привлечения к расследованию экспертов и специалистов, имеет место непроцессуальная форма использования специальных знаний, которая выражается в использовании информации следователем самостоятельно без привлечения третьих лиц. Например, консультанты – эксперты, отраслевые специалисты часто привлекаются для планирования конкретных действий в ходе следствия. Помощь специалистов при проведении финансовых проверок и ревизий, проведение внесудебных экспертиз повышают эффективность расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации нацпроектов.

В целях повышения эффективности расследований по фактам хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, назначаются различные виды экспертиз: судебно-бухгалтерская, судебно-экономическая, строительно-техническая, почерковедческая. В результате судебно-бухгалтерских, судебно-экономических экспертиз по запросам следствия «ревизоры и эксперты-бухгалтеры рассчитывают размер причиненного ущерба, выявляют материально ответственных лиц, фиксируют степень искажения данных бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности»². В итоге почерковедческих экспертиз устанавливаются идентификации событий, к примеру, устанавливаются авторы рукописных текстов исследуемых документов, выявляются исполнители подписей.

По результатам технико-криминалистической экспертизы документов следствие получает информацию о способах изготовления документов, о фактах внесения изменений в первоначальные документы, о

¹ Малянова К.П. Актуальные вопросы раскрытия и расследования преступлений, связанных с хищением бюджетных средств при реализации национальных проектов // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 1 (108). С. 178.

² Там же. С. 179.

составах материалов, предметов и механизмов при изготовлении документации. По результатам трасологических экспертиз устанавливаются целостность документа по частям, принадлежность того или иного документа и его частей. Данная экспертиза назначается в типичных следственных ситуациях, когда известно, например, что у мошенника осталась часть документа. В ходе следствия «могут назначаться видеофоноскопические и автороведческие экспертизы, по результатам которых определяются принадлежности зафиксированного на видеоили аудиофрагменте изображения либо голоса тому или иному субъекту»¹. В типичных следственных ситуациях расследования часто требуется назначение компьютерно-технических экспертиз для установления подлинности цифровых следов, сведений о посредниках, о заключенных незаконных сделках, «фальсификаторах», о фиктивных услугах, связанных с получением выплат, которые содержатся на электронных носителях информации или в интернете.

Таким образом, специальные знания имеют важное значение в расследовании хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации нацпроектов, а высокую степень эффективности должностные лица правоохранительных органов достигают с проведением оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Р.Г. Дранезо

МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОЖАРОВ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ ПОЖАРНОГО ДЕЛА В РОССИИ

Нам удалось выделить порядка трех групп методик расследования криминальных пожаров в Российской Федерации. Первая группа методик направлена на оперативно-розыскное обеспечение выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия (ст. 2 ФЗ «Об ОРД») криминальных пожаров, включая ситуации обнаружения трупов со следами термического воздействия. В открытых литературных источниках подобных исследований мы практически не наблюдаем. Были исследования

¹ Чумаков А.В. Особенности использования специальных знаний по делам о хищениях в бюджетной сфере (на примере мошенничества при получении выплат) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1 (46). С. 17.

по разработке оперативно-разыскных и криминалистических методов раскрытия и расследования убийств, сокрытые поджогами¹. Однако имеются некоторые авторские наработки². В частности, нами типизированы часто встречаемые на практике оперативно-разыскные ситуации, в первую очередь направленные на выявление лиц, использующих огонь как орудие совершения или средство сокрытия следов преступления. Так или иначе исследования ведутся по двум направлениям: а) разработка оперативно-тактических методов и приемов при решении задач выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия криминальных пожаров; б) тактические особенности агентурных методов работы.

Вторая группа методик связана с разработками и совершенствованием экспертных методик. Это касается, в первую очередь, исследований новых тактических приемов и современных методов индикации горючих жидкостей в рамках пожарно-технической экспертизы, КЭМВИ и т.д. По этим видам экспертиз прослеживаются два направления исследования: а) индикация на месте пожарища сложно определяемых инициаторов горения, к примеру, жидкости для розжига мангала и, б) разграничение ложноположительных и ложноотрицательных результатов. Дело в том, что действие высоких температур может приводить к появлению комбинации химических соединений, которые характерны для горючих жидкостей, изъятых с места происшествия в образцах грунта (В.В. Овсянников и др.³).

Другие разработки направлены на совершенствование судебно-медицинского исследования следов на трупе и останках потерпевшего, образованных от действия высоких температур. К примеру, один из признаков (маркеров) прижизненного пребывания потерпевшего в атмосфере огня – копоть в дыхательных путях и сильные ожоги глотки и гортани. Однако если в качестве горючего вещества использовались

¹ Попов В.Л. Расследование убийств, сокрытых поджогами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1993. 25 с.

² Драпезо Р.Г. Выявление лиц, склонных к актам поджигательства, включая пироманов (судебно-медицинские, психологические и оперативно-разыскные аспекты) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7, № 2 (26). С. 240–249.

³ Шепель Н.В., Овсянников В.В. Использование возможностей отдельных видов экспертиз в раскрытии и расследовании преступлений, сопряженных с пожаром // Закон и право. 2018. № 9. С. 152–154.

горючие жидкости, например бензин, то последний из-за химической природы быстро прогорает. Основное термическое воздействие приходится на кожные покровы, а слизистые поверхности верхних дыхательных путей от действия высоких температур обгорают в меньшей степени. Это, в свою очередь, затрудняет идентификацию бензина. Однако по предположительным следам воздействия бензина и его паров на тело потерпевшего можно заключить, что преступник использовал именно горючие жидкости.

Все началось с диссертационного исследования Ю.М. Кубицкого¹ и других ученых, которые впервые экспериментально рассчитали теплоемкость и затрачиваемое время на полное уничтожение огнем трупа потерпевшего. Тем не менее исследования по-прежнему носят разрозненный, несистемный характер, работы ведутся в основном врачами-судмедэкспертами без привлечения к обсуждению результатов предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу.

Для получения независимой выборки и системных результатов мы запланировали на базе БСМЭ г. Кемерово изучить 60 заключений судебно-медицинских экспертиз погибших в ТРЦ «Зимняя вишня». Дело в том, что изучение подобных экстремальных ситуаций, возникающих на практике, позволяет более детально формулировать критерии разграничения таких групп обстоятельств, как убийство / самоубийство / несчастный случай / имитация несчастного случая / действие «наемного факела». По ТРЦ «Зимняя вишня» мы точно знаем, что действие высоких температур на тела потерпевших имели некриминальный характер, т.е. не убийство, не самоубийство и несокрытие следов преступления. Сравнив результаты судебно-медицинского исследования погибших с соответствующими результатами, полученными в рамках изучения уголовных дел по убийствам, мы сформируем набор маркеров, который покажет достоверные статистические изменения, характерные для несчастного случая и для убийства.

Третья группа методик представлена серией криминалистических методик. Но так или иначе имеющееся разнообразие методик удается сгруппировать в три подгруппы: 1) криминалистические методики, применяемые при осмотре места пожара; 2) методики установления

¹ Кубицкий Ю.М. Сожжение трупов с целью сокрытия следов убийства. М., 1941.

причины возгорания и механизма возникновения пожара; 3) методики, направленные на составление профилей личности поджигателей и преступников, использующих огонь как орудие убийства или способ сокрытия следов других тяжких преступлений (профайлинг). Результаты профайлинга применяются для решения поисковых, ориентирующих и тактических задач.

Таким образом, систематизация методик расследования криминальных пожаров, заимствование зарекомендовавших на практике средств и приемов из каждой методики и формирование на этой основе единого подхода к раскрытию и расследованию криминальных пожаров – выступит системообразующим фактором организации пожарного дела в России.

И.В. Иванов

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СВЕДЕНИЙ ОБ ОБСТАНОВКЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Вопросы обстановки совершения преступления как элемента криминалистической характеристики преступлений получили в специальной литературе весьма широкое освещение. При этом нередко обстановку понимают как основной элемент криминалистической характеристики, исходя из того, что вне материальной среды совершение преступлений попросту невозможно¹. Как отмечает в связи с этим О.А. Кудряшова, обстановка «выступает в качестве «несущего каркаса», который объединяет в единую систему и все элементы механизма преступного деяния, и соответствующие изменения в материальной и социальной среде как отражения противоправной или иной деятельности участников расследуемого события»². Эти положения остаются значимыми безотносительно к тому, совершается ли деяние традиционным способом либо преступное посягательство осуществляется

¹ См.: Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Элиста, 2017. С. 148.

² Кудряшова О.А. Криминалистическое значение обстановки совершения преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 27 (244). С. 49–50.

путем использования информационных технологий. И в последнем случае содержание обстановки, а главное – ее специфическая обусловленность дистанционным способом совершения преступления, должна учитываться как наукой, так и практикой.

Значение сведений об обстановке совершения преступления в контексте ее взаимосвязей с другими элементами криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, обусловлено, прежде всего, тем, что они «позволяют акцентировать внимание следствия на более эффективный поиск и установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания»¹ с учетом определенной специфики соответствующего вида преступлений. Между тем если М.В. Жижина и Л.В. Завьялова в монографическом исследовании, посвященном проблемам методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации, подчеркивают прикладную направленность сведений об обстановке, конкретизируемых через обстоятельства места и времени преступного события², то другие авторы, исследующие проблемы расследования преступлений, совершенных путем использования информационных технологий, в приоритетном порядке рассматривают вопросы, касающиеся способа совершения преступления, в то время как обстановка как элемент криминалистической характеристики не подвергается детальному рассмотрению³.

Опираясь на положение о системной природе криминалистической характеристики преступлений, заметим, что в ней, как в модели, отображаются связи, соответствующие связям, проявляющим себя при совершении самих преступлений. Сведения об обстановке совершения преступления получают свое полное раскрытие посредством связи с иными элементами криминалистической характеристики. Обстановка

¹ Поляков В.В. Обстановка совершения преступлений в сфере компьютерной информации как элемент криминалистической характеристики // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1 (78). С. 114.

² См.: Жижина М.В., Завьялова Л.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах. М., 2023. С. 43.

³ См.: Родивилина В.А., Коломинов В.В. Криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 21, № 1. С. 110–120.

включает те проявления объективной реальности (внешней среды), которые находятся в причинно-следственной и иной связи с личностью преступника, способом подготовки, совершения преступления и сокрытия его следов, а также предметом преступного посягательства, следовой картиной и др. Эти проявления реализуются, прежде всего, в пространственно-временных координатах, установление которых может представлять самостоятельную задачу в ходе расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. Так, установление времени совершения преступления может быть затруднительным в связи с фактическим нахождением преступника в ином по отношению к месту наступления преступного результата часовом поясе либо в связи с использованием нескольких устройств, также расположенных в различных часовых поясах, в том числе на территории разных государств. Таким образом, пространственные характеристики преступлений, в частности, место выполнения объективной стороны преступления и место наступления преступных последствий, могут различаться¹.

Сведения об обстановке совершения преступлений с использованием информационных технологий далеко не всегда сводятся к информации о конкретном месте и времени. Более того, для установления смысловых взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступлений таких сведений может быть недостаточно. На этом основании видится целесообразным осуществлять дифференцированный подход к сведениям об обстановке совершения преступлений в сфере информационных технологий, при котором применительно к обстановке принимается во внимание более широкий круг факторов, носящих организационный, технический, социально-психологический характер². В качестве примера такого рода факторов может выступать наличие свободного доступа преступника к программным продуктам определенного типа, позволяющим реализовать преступный замысел, а также скрыть следы преступления. В данном случае возможности маскировки следов преступления путем шифрования и

¹ См.: IT-справочник следователя / под ред. С.В. Зуева. М., 2019. С. 76–77.

² См.: Третьяков Г.М. Обстановка преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники, как элемент криминалистической характеристики, ее значение // Сацяльна-эканамічны і прававы даследаванні. 2022. № 4 (70). С. 129–133.

обезличивания компьютерной информации детерминируют, при необходимости, способ сокрытия следов преступления, что актуализирует связь способа и обстановки. Обстановка здесь представляет собой условия, упрощающие действия преступника, а способ сокрытия следов реализуется через действия, препятствующие установлению «следовой картины» преступления. И напротив, наличие сложных паролей, препятствующих свободному доступу к защищенной информации, и строгое соблюдение режима допуска к ней посторонних лиц – факторы, препятствующие сокрытию материальных и цифровых следов преступления.

Таким образом, дифференциация сведений о пространственных, временных и иных факторах обстановки совершения преступлений с использованием информационных технологий позволяет посредством установления связей между элементами их криминалистической характеристики более успешно осуществлять оценку следственной ситуации и избирать правильное направление дальнейшего исследования.

А.В. Климачков

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В последние годы количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств остается на довольно высоком уровне. Согласно официальным статистическим данным, представленным Министерством внутренних дел Российской Федерации, в 2023 г. было зарегистрировано 190 988 наркопреступлений (+7,5%), что составило 9,8% от общего числа зарегистрированных преступлений. В январе–сентябре 2024 года выявлено 145,6 тыс. наркопреступлений¹.

Данные статистики указывают на то, что актуальным вопросом противодействия преступности сегодня остается проблема наркопотребления и незаконного оборота наркотических средств. Одной из основных

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2024 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/56672721/>.

негативных тенденций, характеризующих данное явление, выступает увеличение числа несовершеннолетних, вовлеченных в сферу организованной преступности, занимающейся незаконным сбытом наркотических средств, в том числе сбытом наркотиков, осуществляемым через сеть Интернет (как правило, в качестве «курьеров» и «закладчиков»).

Проведенное исследование показало, что 21,7% школьников в возрасте от 14 до 17 лет получали предложения о заработке по размещению тайников-закладок с наркотическими средствами и психотропными веществами. Для этого вербовщиками использовались различные каналы связи: мессенджеры (50%), социальные сети (43,3%), личные контакты (5%) и другие источники (1,7%). При этом в 68,3% случаев их вводили в заблуждение относительно предмета наркосбыта, предлагая формирование закладок, якобы содержащих обычные курительные смеси, не запрещенные законодательством РФ¹.

Как показывает практика, одним из эффективных способов борьбы с преступностью является ее предупреждение. Предупреждение преступлений осуществляется по двум основным направлениям: общая профилактика и индивидуальная профилактика. Решение задачи предупреждения преступлений несовершеннолетних в целом и особенно в сфере незаконного оборота наркотических средств следует признать приоритетной по отношению к другим задачам оперативно-розыскной деятельности².

По нашему мнению, в целях эффективной профилактической деятельности по противодействию незаконному обороту наркотиков среди несовершеннолетних целесообразно осуществление комплекса следующих мероприятий:

– правовое просвещение представителей образовательных организаций и родителей, а также проведение лекций и бесед с учащимися по вопросам профилактики наркомании и наркопреступности;

¹ Исследование проводилось в рамках программы международной образовательной многопрофильной смены «Международная летняя детская деревня “Алтай”», реализуемой в условиях детского оздоровительного загородного лагеря в летний период в течение десяти дней.

² Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А.Е. Чечётина. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. С. 20–21.

– организация спортивных мероприятий профилактической антинаркотической направленности среди несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;

– организация и проведение специальных акций и комплексных профилактических операций;

– организация работы по выявлению и блокировке интернет-ресурсов, используемых для пропаганды незаконного потребления и распространения наркотических средств;

– установление лиц, склоняющих несовершеннолетних к потреблению наркотических средств;

– проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, предположительно совершающими правонарушения и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в том числе осуществление контроля за их поведением.

Таким образом, ситуация, связанная с преступностью несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств, требует комплексного подхода, который включает как правовые, так и социальные меры. Важным аспектом является не только борьба с преступностью, но и создание условий для формирования здорового образа жизни у молодежи, осознания его последствий потребления наркотиков и участия в незаконной деятельности. Реализация данных мер, по нашему мнению, будет способствовать снижению уровня рассматриваемых преступных деяний.

С.В. Клокова

О ПОНЯТИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Противодействие расследованию преступлений является одним из основных понятий криминалистической науки.

В процессе постепенного изменения общественных отношений преступность приобретает более организованный характер, становится способной противодействовать как расследованию отдельных преступлений, так и правоохранительной деятельности в целом.

Несмотря на то, что для криминалистики проблема противодействия расследованию преступлений является не новой, она по-прежнему имеет большую актуальность в силу своей теоретической и практической значимости.

Расследование преступлений – это многоэлементный процесс, состоящий из нескольких этапов, многочисленных следственных ситуаций, следственных действий, криминалистических комбинаций и операций, оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемый несколькими субъектами.

Кроме того, расследование преступлений представляет собой сложнейший вид деятельности, ее специфичность способствует возникновению у следователя психической напряженности, стрессового состояния. Зачастую такому состоянию предшествуют неудачи в расследовании уголовных дел, повышенная степень ответственности, сверхвысокая нагрузка. Наряду с этим влияние оказывают и личностные качества следователя, опыт, стрессоустойчивость, а также межличностные отношения в коллективе.

С целью избежать волокиты, усложнения следственной ситуации следователю важно повышать уровень развития личностных качеств, что позволит нивелировать сложности при расследовании уголовных дел на фоне существующего противодействия, нехватки времени и загруженности.

Состояние практики свидетельствует о наличии у уполномоченных органов трудностей, возникающих при расследовании преступлений любой тяжести, что вызвано не только отсутствием ряда методик расследования преступных посягательств, но и их несовершенством, связанным с недостаточным исследованием вопросов противодействия расследованию.

Процесс, направленный на противодействие расследованию преступлений, является сложным и многоуровневым, имеет тесную связь с деятельностью органов предварительного расследования, оказывает на нее исключительно негативное влияние.

Для теории противодействия расследованию преступлений характерно многообразие взглядов на его определение, в настоящее время среди ученых отсутствует единый подход. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Например, Р.С. Белкин использовал термин «воспрепятствование расследованию», которое «заключается в недопущении включения соответствующей доказательственной информации в сферу уголовного судопроизводства, ее использования в процессе расследования»¹.

Полагаем, что термин «воспрепятствование расследованию» является близким по значению, не противоречащим общепринятому.

С.Ю. Журавлев предлагает рассматривать противодействие раскрытию и расследованию преступления как «систему действий (или бездействия), направленную на достижение цели сокрытия преступлений путем недопущения вовлечения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их последующего использования в качестве судебных доказательств»².

Стоит отметить, что предложенный С.Ю. Журавлевым подход не способствует внесению ясности в понимание противодействия расследованию, так как помимо действий, связанных с сокрытием следов преступления, могут иметь место действия (бездействие), затрудняющие расследование, но при этом не связанные с таким сокрытием.

А.Ф. Волынский и В.П. Лавров противодействие расследованию преступлений рассматривают лишь как «совокупность незаконных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений»³.

В.Н. Карагодин противодействие предварительному расследованию обоснованно определил как «...умышленные действия (система действий), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по делу, достижению других целей предварительного

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 217.

² Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1992. С. 9–10.

³ Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы науч.-практ. конференции. М., 1997. С. 95.

расследования»¹. Приведенное определение, на наш взгляд, является одним из наиболее точных, позволяющих понять сущность противодействия расследованию преступлений.

При этом имеет место и уточняющая вышеизложенный подход точка зрения, в соответствии с которой важно различать противодействие расследованию конкретного преступления и противодействие работе правоохранительных органов².

С учетом изложенного предлагаем противодействие расследованию преступлений определять как противоправные действия, которые направлены на воспрепятствование правоохранительным органам в рамках установления обстоятельств произошедшего, анализа информации, имеющей отношение к расследованию преступления, целью которых является уклонение виновного лица от установленной законом ответственности.

А.С. Князьков

ПОДГОТОВКА И СОКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Одними из положений криминалистической науки являются положения о противодействии расследованию и его преодолении³. Их содержание находит свое выражение в организационных, тактико-криминалистических и методико-криминалистических вопросах, вопросах взаимодействия следователя с иными субъектами, прежде всего с должностными лицами органа, осуществляющего оперативно-розыск-

¹ Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 38.

² Головин А. Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 193.

³ См., напр.: Карагодин В.Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. 2013. № 4 (9). С. 241–252; Бабаева Э.У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

ную деятельность, и в определенной мере – в управленческих вопросах, когда наряду с противодействием расследованию конкретных преступлений идет речь о противодействии деятельности правоохранительным органам как элементам механизма государства¹.

В организационном плане противодействие расследованию, его формы и способы определяют степень криминалистической сложности расследования², вызывающей в определенных случаях необходимость производить расследование силами следственно-оперативной группы, действующей на постоянной основе, а также следственной группы.

В тактико-криминалистическом плане противодействие расследованию, например в форме скрывания подозреваемого или обвиняемого, «перестраивает» версию деятельности следователя, обязывая его выдвинуть розыскные следственные версии и приступить к следственному розыску лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование³. Кроме того, при планировании и производстве следственного действия фактор противодействия может оцениваться по-разному, что имеет большое значение для постановки тактико-криминалистических задач и принятия тактико-криминалистических решений. Так, точная оценка состоит в обоснованном выводе о реально проявившихся или отсутствующих признаках противодействия, в то время как неточная – в мнимой оценке его наличия либо в упущении из вида по причине невысокого профессионального уровня действительно существующего противодействия расследованию.

В методико-криминалистическом плане противодействие определяет, прежде всего, содержание вопросов о следственных ситуациях, в частности, о выделении специфических ситуаций противодействия расследованию, о моделировании следственных ситуаций при подготовке к производству отдельного следственного действия. Кроме того,

¹ Тишутина И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 18.

² Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 734–744.

³ Овсянников В.В. Криминалистическая теория и практика установления и следственного розыска причастного к совершению преступления лица по его внешнему облику : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2024. С. 127–130.

с позиций методико-криминалистических положений противодействие расследованию рассматривается как условие необходимости проведения тактико-криминалистической комбинации и тактико-криминалистической операции, и в этом случае можно говорить о том, что в числе видов тактико-криминалистической операции в специальной литературе называется операция по преодолению противодействия расследованию¹.

В плане осуществления взаимодействия следователя с иными субъектами противодействие расследованию обуславливает формы их совместной деятельности, которые, помимо такой продуктивной формы взаимодействия, как комплексные тактико-криминалистические средства, представлены процессуальными и непроцессуальными средствами совместной деятельности.

Такое разнообразие аспектов криминалистической деятельности, опосредованной необходимостью преодоления противодействия расследованию, ставит перед криминалистической наукой задачу точного структурирования противодействия, поскольку та или иная его сторона может быть успешно исследована лишь в том случае, когда она системно включена в соответствующее концептуальное построение, посвященное проблеме противодействия расследованию и его преодоления.

С позиции системности исследования названных проблем одним из дискуссионных является вопрос о границах противодействия. Содержание научных споров в этом случае определяется взглядами на следующие обстоятельства: включается ли в рамки противодействия расследованию деятельность по подготовке преступления, а также по сокрытию преступления, причем в дискуссию добавляется вопрос о том, не следует ли всю деятельность противодействующих расследованию преступлений лиц, во всех её формах и корреспондирующих им способах, рассматривать как сокрытие преступления.

В контексте вопроса о границах проявления противодействия расследованию необходимо оценить точку зрения о том, что противодействие расследованию начинается на этапе подготовки преступления. Прежде всего заметим, что в отношении критики данной точки зрения на том основании, что расследование начинается, с учетом уголовно-процессуальных положений, с момента возбуждения уголовного дела,

¹ Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. С. 310–311.

нужно говорить об условности понимания в криминалистике многих положений, содержащихся в отраслевых юридических науках, ярким примером которых является оперирование понятием «личность преступника»: в соответствующих работах делается с обязательная оговорка о том, что здесь учитывается положение Конституции Российской Федерации о моменте, с которого лицо, совершившее преступление, может считаться преступником. На наш взгляд, признавая точку зрения о том, что противодействие расследованию, с учетом обусловленности правоохранительной деятельности совершенным преступлением, начинается с подготовки к его совершению, нужно рассматривать вопрос, правильно ли будет говорить о том, что всякие действия, совершаемые на этапе подготовки преступления, направлены на сокрытие «следовой картины» преступления, либо часть из них направлена на сокрытие факта подготовки к совершению преступления. Полагаем, в этом случае нужно развести два понятия: понятие «подготовка к совершению преступления» и понятие «сокрытие подготовки к совершению преступления», поскольку сокрытие подготовки к совершению преступления имеет сопутствующий, отдаленный, не находящийся в причинно-следственной связи с выполнением объективной стороны деяния, характер.

Таким образом, перспективным для дальнейшего исследования в рамках проблематики противодействия расследованию и его преодоления являются два по сути взаимосвязанных вопроса. Первый из них касается проблемы *сокрытия подготовки совершения преступления*, разумеется, умышленного, поскольку неосторожное преступление исключает наличие способа подготовки как элемента криминалистической характеристики преступления. Второй вопрос выводит на исследование проблемы подготовки к сокрытию преступления, причем, как уже отмечено, сокрытие понимается и как фактор, проявившийся до начала уголовного судопроизводства (до получения сообщения о преступлении).

А.С. Коваленко

РОЛЬ ПЕДАГОГА (ПСИХОЛОГА) ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППОЙ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО В РАМКАХ КОМПЛЕКСНЫХ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В связи с особой значимостью защиты прав и законных интересов несовершеннолетних Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривается обязательное психолого-педагогическое сопровождение лиц до 16 лет, а также возможное участие педагога (психолога) для лиц старше 16, но не достигших 18 лет, во время производства отдельных следственных действий. Стоит отметить, что педагог (психолог) чаще всего привлекается для участия в производстве вербальных следственных действий, которые предполагают получение информации от отдельных лиц «...на основе речевого общения с ними, а также с помощью неречевых способов коммуникации»¹. Говоря о функциональном назначении участия педагога (психолога), можно сказать, что он создает условия для наиболее эффективного взаимодействия следователя и несовершеннолетнего: при необходимости оказывает помощь несовершеннолетнему в толковании вопросов и действий следователя, анализирует особенности личности несовершеннолетнего, обеспечивает достоверность и полноту фиксации информации в протоколе следственного действия. Некоторые авторы, признавая важность вышеназванных функций, осуществляемых педагогом (психологом), вместе с тем уточняют, что при производстве допроса несовершеннолетнего данный специалист следит за тем, чтобы не нарушались права несовершеннолетнего². Мы считаем спор-

¹ Егеров И.М. Особенности производства вербальных следственных действий. Иркутск, 2018. С. 249–252.

² Самулина Я.В. Отдельные проблемы привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 64.

ной позицию о правомочии педагога (психолога) контролировать соблюдение прав несовершеннолетнего, так как описываемая функция относится к содержанию роли защитника, прокурора, руководителя следственного органа, но никак не педагога (психолога).

Реализация функций данного специалиста приобретает особую важность при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, следственной группой. Вместе с тем если в ходе расследования применяются комплексные тактико-криминалистические средства, представляющие собой систему взаимосвязанных следственных действий, проводимых по плану, то роль педагога (психолога) не должна ограничиваться участием в производстве вербальных следственных действий.

Несовершеннолетний обвиняемый может участвовать при производстве осмотра места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, обыска и иных следственных действиях, являющихся элементами тактических комбинаций или тактических операций. По этой причине тактические результаты (например, установленный психологический контакт), полученные в рамках производства первого следственного действия, включенного в тактико-криминалистический комплекс, необходимо как минимум сохранить при производстве последующих следственных действий, включенных в этот комплекс, а как максимум – усилить эффективность этих тактических результатов для дальнейшего решения задач, стоящих, прежде всего, перед комплексным тактико-криминалистическим средством.

Педагог (психолог), который участвовал ранее, например, при производстве допроса несовершеннолетнего, будет выполнять в ходе производства обыска или осмотра те же функции. Установленный психологический контакт между следователем и несовершеннолетним требует поддержания в рамках невербальных следственных действий, так как они, на наш взгляд, вызывают не меньший дискомфорт и стресс у несовершеннолетнего. Вместе с тем необходимо учитывать, что при производстве невербальных следственных действий этот контакт может носить другой характер. Это вызвано тем, что при производстве таких следственных действий появляются новые «раздражители» для несовершеннолетнего. Некоторые авторы пишут о необходимости следователя осуществлять наблюдение за эмоциональным состоянием несовершеннолетнего при

производстве обыска¹, с чем следует согласиться, дополнив суждением о важности такого наблюдения в рамках иных следственных действий. Продолжая мысль, стоит отметить, что педагог (психолог) может помочь скорректировать реакцию подростка на обыск или осмотр во избежание противодействия их производству, а также травмирования его психики. Уже давно отмечалось, что недостаточный социальный опыт несовершеннолетнего может отражаться в неправильной оценке ситуаций, возникающих на предварительном следствии, в неверной оценке личности других людей². Так, отсутствие корректировки негативного восприятия подростком действий следователя при производстве одного следственного действия может отрицательно сказаться на эффективности участия подростка в производстве других следственных действий, включенных в тактико-криминалистический комплекс. Более того, участие специалиста-педагога (психолога) позволит следователю перенести полностью свое внимание на осуществление действий по обыску или осмотру, что, как нам кажется, благоприятно повлияет на эффективность их производства. В перспективе психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетнего обвиняемого одним и тем же педагогом (психологом) в ходе всего производства позволит добиться установления более устойчивого психологического контакта как средства получения криминалистически значимой информации. Тем более это особенно актуально, когда речь идет о расследовании следственной группой преступлений, совершенных несколькими несовершеннолетними.

Вместе с тем при таком виде участия педагога (психолога) создается вероятность противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц, которые захотят узнать информацию об обстановке и результатах расследования через воздействие на педагога (психолога).

¹ Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М., 2011. С. 188; Третьякова Е.И. Тактика производства обыска с участием несовершеннолетнего лица // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 4-2. С. 168.

² Ведерников Н.Т. Проблемы учета свойств личности несовершеннолетнего обвиняемого в процессе его допроса на предварительном следствии // Известия АлтГУ. 2014. № 2 (82). С. 108.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОПИРОВАЛЬНО-МНОЖИТЕЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ

В настоящее время подавляющее большинство объектов, поступающих для производства технико-криминалистической экспертизы документов, составляет защищенная полиграфическая продукция. В рамках исследования данных объектов решают в основном вопросы диагностического характера, связанные прежде всего с установлением способов изготовления поддельных денежных билетов и иных бланков полиграфической продукции. При этом особую сложность представляют именно идентификационные задачи, связанные с установлением тождества или общего источника происхождения как в отношении полиграфического оборудования, зачастую самодельного, так и копировально-множительных устройств. При имитации отдельных элементов защиты документов преступники зачастую используют наиболее доступные копировально-множительные устройства струйного и электрофотографического типа, которые при получении изображений на запечатываемом материале оставляют следы отдельных конструктивных узлов и механизмов, обусловленные наличием сбоев в их работе или дефектами, образующимися в процессе их изготовления, эксплуатации или ремонта.

Решение идентификационных задач в отношении каждого вида копировально-множительных устройств имеет свои особенности, связанные прежде всего с их функционированием. Электрофотографические печатающие устройства основываются на возможности некоторых веществ (фотополупроводников) удерживать на своей поверхности избыточный электростатический заряд, который впоследствии визуализирует тонер. При этом такие устройства состоят из следующих основных узлов и механизмов: фоторецептор, который входит в картридж, вал первичного заряда, узел проявления, который представляет собой в большинстве случаев магнитный вал, бумагопроводящая система, узел закрепления в виде прижимного и нагревательного вала. Каждый из перечисленных механизмов в процессе эксплуатации изнашивается, что не всегда влияет на качество печати, поэтому он не подвергается замене или ремонту, при этом увеличивается идентификационный период, в процессе которого на каждом документе будут отображаться

следы в виде окрашенных или пробельных полос, пятен, в том числе в поддельной защищенной полиграфической продукции. Наличие устойчивых, информативных признаков в сравниваемых документах позволяет эксперту сделать вывод о наличии или отсутствии тождества как в отношении самого печатающего устройства, так и отдельных конструктивных механизмов.

Струйные устройства состоят из меньшего количества узлов, которые непосредственно влияют на отображение идентификационно значимых признаков в документах. Основным слеодообразующим узлом струйных печатающих устройств является печатающая головка, состоящая из блоков форсунок, либо сам картридж, имеющий встроенную систему распыляющих форсунок¹. При забивании отверстий сопел форсунок, а также при сбоях в их работе в документе могут отображаться полосы повышенной окрашенности и неокрашенные участки, которые могут служить основанием для вывода о наличии или отсутствии тождества между сравниваемыми документами².

Таким образом, на современном этапе проведение идентификационных исследований в отношении документов, выполненных с использованием различного вида печатающих устройств, невозможно без знания основ процесса их функционирования, а также влияния основных узлов и механизмов на процесс и качество печати. Эксперт не всегда может дать категорический вывод о наличии или отсутствии тождества при отсутствии проверяемого копировально-множительного устройства, поскольку отдельные узлы и механизмы легко заменяемы, а также могут подвергаться ремонту. На наш взгляд, необходимо разработать электронные или натурные альбомы по основным узлам копировально-множительной техники, а также примеры отображения дефектов отдельных узлов и механизмов в документах, что позволит расширить

¹ Поляков Д.И. К вопросу о возможностях технологии криминалистической идентификации документов по идентификации копировально-множительных устройств // Инновационные тенденции развития российской науки : материалы XI Международной научно-практической конференция молодых ученых, Красноярск, 10–11 апреля 2018 года. Ч. II. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2018. С. 102–103.

² Бондаренко Р.В., Орлова Т.В. К вопросу о возможностях идентификации струйных печатающих устройств // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 228–232.

круг специальных знаний судебных экспертов, а также избежать экспертных ошибок при формировании выводов и отказов от решения поставленных вопросов.

Т.К. Кузугет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛОГИСТИКА – ОСНОВА ЦИФРОВИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Остается актуальным призыв В.В. Путина «не сидеть на одном месте ровно» в сфере цифровизации. Современная оцифрованная правовая информация¹, содержащая более 12 млн нормативных актов, в том числе налоговых², нуждается в доступном управлении. Суть криминалистической логистики заключается в управлении криминалистически значимыми информационными потоками (ключевые термины), используя логику применения методов сложения, интегрирования и дифференцирования правовых информаций.

Для цифровизации расследования преступлений необходимо выделить *ключевые термины (константы)*. Основной поток информации правоохранительных органов фокусирован на одно понятие «правонарушение», где сконцентрированы ключевые термины. В отношении их можно применить логику применения метода сложения и показать как математическое сложение в знаке сигма – Σ .

По налоговым правонарушениям поток информации формируется в результате логических операций³, проводимых налоговой инспекцией, последственной проверкой органами внутренних дел, расследованием

¹ Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции РФ. URL: <http://scli.ru> (дата обращения: 12.01.2025).

² Официальное опубликование ФНС РФ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/documents/block/foiv284> (дата обращения: 12.01.2025).

³ Термин «логическая операция» применяется на практике правоохранительных органов. См.: Нечаев А.А., Курилов С.И. Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России : учеб. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2021 124 с. URL: mvd.pf/upload/site120/folder_page/015/122/996/... (дата обращения: 12.01.2024).

следственным комитетом. Ключевые термины (их 17), с учетом особенностей этапов расследования, можно изложить в трех следующих информационных блоках: признаки преступления; элементы состава преступления; обстоятельства предмета доказывания.

По первому информационному блоку четыре признака преступления (обозначая их цифрами 1, 2, 3, 4) можно показать как сложение информации в цифрах со знаком сигма – ΣI и изложить по следующей схеме: $\Sigma I = 1+2+3+4$.

В данной схеме ΣI означает обобщенную информацию по признакам правонарушения, а цифры 1 – противоправность; 2 – общественную опасность; 3 – виновность; 4 – наказуемость (уголовное наказание, предусмотренное ст. 198–199.2 УК РФ¹). Знак «+» обозначает логическое сложение информации в определенном алгоритме, например, «признаки преступления».

Второй информационный блок представляют четыре элемента состава преступления. Информацию по ним, обозначая цифрами 5, 6, 7, 8, можно изложить в знаке сигма: $\Sigma II = 5+6+7+8$, где ΣII представляет общую информацию по составу налогового преступления, а цифры 5 – субъект преступления; 6 – субъективная сторона преступления; 7 – объективная сторона преступления; 8 – объект преступления (нарушаются поступления в федеральные, региональные и местные бюджеты).

Третий информационный блок можно рассмотреть как сложение информации (их 9), предусмотренных в ч. 1 и 2 ст. 73 УПК РФ, в цифрах (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17) в знаке сигма и указать по схеме: $\Sigma III = 9+10+11+12+13+14+15+16+17$.

В этом блоке ΣIII означает общую информацию по обстоятельствам доказывания, а цифры – 9 (событие) представляет информацию, указанную в ч. 1 п. 1 ст. 73 УПК РФ; 10 – соответственно, ч. 1 п. 2 ст. 173 УПК РФ; 11 – ч. 1 п. 3 ст. 73 УПК РФ; 12 – ч. 1 п. 4 ст. 73 УПК РФ; 13 – ч. 1 п. 5 ст. 73 УПК РФ; 14 – ч. 1 п. 6 ст. 73 УПК РФ; 15 – ч. 1 п. 7 ст. 73 УПК РФ; 16 – ч. 1 п. 8 ст. 73 УПК РФ; 17 – ч. 2 ст. 173 УПК РФ.

Если привести примеры интегрированных и дифференцированных логических связей *ключевых терминов*, то они таковы: в цифре 1 интегрировано понятие «противоправность» по налоговым преступлениям,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 г. Москва, 26 ноября 2019 г. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/28483/>

и это же понятие дифференцировано по ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ; в цифрах 1–8 интегрированы признаки преступления и элементов состава преступления, и в них отражены содержания повода и основания для принятия тактического решения о возбуждении уголовного дела; в цифре 9 интегрированы информации по цифрам 1–8 и 10–17 и др.

Следует отметить, что метод использования *ключевых терминов* (константы) применим при исследовании других правовых информаций.

Например, все собранные и проверенные информации должны пройти оценку достаточности, где *константами* являются: а) относительность; б) допустимость; в) достоверность.

При формировании налога *константами* являются восемь понятий: а) налогоплательщик; б) объект налогообложения; в) налоговая база; г) налоговый период; д) налоговая льгота; е) налоговая ставка; ё) порядок исчисления налога; ж) порядок и сроки уплаты *налога*.

Подводя итоги, можно сказать, что информацию по цифрам 1–17 можно показать как сложение по трем блокам в виде схемы: $\Sigma = \text{I}\Sigma + \text{II}\Sigma + \text{III}\Sigma$. Схему можно называть «логистической формулой следователя». Она отражает содержание ключевых терминов в обвинительном заключении и применима по всем уголовным статьям (по гражданским и административным делам тоже). Она читаема на языке технологии для создания алгоритмов логических связей естественного языка и юридических процессов в машиночитаемую форму, а также для использования в ИТ-системах. Например, в программе Excel можно составить электронные таблицы по ключевым терминам.

Таким образом, логический подход систематизации «ключевых терминов» играет важную роль в повышении эффективности следственных действий и стать основой при цифровизации обстоятельств доказывания.

В.В. Лавелина

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДНК

В области юриспруденции роль ситуационного подхода неоспоримо велика. Впервые данный метод был использован в криминалистике для анализа и разрешения следственных ситуаций. Впоследствии

в рамках этой науки сформировалась и получила свое активное развитие теория криминалистической ситуалогии¹, которая сегодня заняла достойное место среди частных криминалистических теорий, ситуационные научные подходы которой широко применяются учеными для повышения эффективности адресных криминалистических рекомендаций².

Однако потенциал использования ситуационного подхода в правоприменительной практике еще довольно высок. При этом сегодня, как справедливо отметила Т.С. Волчецкая, назрела необходимость интегрировать проводимые в различных юридических науках и отраслях права исследования в области юридически значимых ситуаций в рамках единого направления – юридической ситуалогии³.

И такого рода интеграция активно отражается в различных инновационных разработках, в том числе внедряемых в экспертную практику производства судебных экспертиз. Так, появившиеся в конце прошлого века технологии ДНК-анализа на сегодняшний день приобрели повсеместное привычное видение в решении идентификационных задач расследования преступлений⁴. В 2024 г., исходя из данных ЭКЦ МВД России, специалистами экспертных подразделений проведено около 70 тыс. исследований с использованием генетических методов изучения биологической информации, из них результативных – более 50 тыс.⁵, соответственно, эффективность использования специальных знаний, способствующих расследованию преступлений, превышает 70%.

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. Калининград, 1997.

² Волчецкая Т.С., Ренер Н.А., Макарова О.А. Развитие ситуационного подхода в юридической науке и дидактике // Современное право. 2017. № 12. С. 88.

³ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: современное состояние и перспективы // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 11.

⁴ Дронова О.Б., Сидоренко Д.Н. Институт экспертно-криминалистической деятельности в России: генезис и становление // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 3. С. 796.

⁵ По данным НТП ЭКЦ МВД России за 2024 г.

При этом, исходя из практического опыта¹, стоит отметить, что значительно увеличилось количество назначенных генетических экспертиз по исследованию так называемых «контактных» следов, основную массу которых составляют клетки кожного эпителия, сопутствующие потожиловому веществу тела человека. Такие объекты с экспертной позиции относятся к числу неоднозначных по результативности с точки зрения обнаружения, пригодности для исследования и дальнейшей интерпретации полученных данных, с учетом: во-первых, их специфической «невидимой» локализации на носителях, во-вторых, зачастую небольшого количества искомым ДНК-содержащих структур, в-третьих, значительной вероятностью получения смешанных генетических данных по исходу экспертного исследования, не всегда поддающихся конкретике в градации между генотипами сравниваемых людей.

В этом ключе значительную положительную динамику достижения желаемых результатов по итогу исследования имеет максимальная осведомленность эксперта о деталях как событийной, так и вещной обстановки в момент совершения преступления и в ходе производства осмотра его лицами, участвующими в расследовании. Здесь важную информационную функцию включают в себя способы и средства фиксации, применяемые специалистом. Полнота и всесторонность грамотного подхода в этом направлении существенно облегчают деятельность эксперта в лабораторных условиях. С нашей точки зрения, любое самое подробное описание локализации исследуемых объектов с учетом событийной обстановки осмотра места происшествия (ОМП) не может заменить возможность личного ознакомления эксперта с видеоматериалами данного следственного действия. Такой подход даёт возможность специалисту-генетику не только выяснить информативную значимость тех или иных предоставленных вещественных доказательств – возможных потенциальных носителей ДНК, но и предположить с большей степенью вероятности места максимально возможной локализации искомым биологических следов. К сожалению, на сегодняшний день стоит констатировать, что информированность генетиков в таком формате минимальна, если не сказать, что вообще сведена к нулю. Согласимся с мнением В.Н. Чулахова, который отмечает, что

¹ Автор имеет опыт экспертной практики по производству генетических экспертиз с 2006 по 2022 г. в ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

из всех видов информационных источников «вещная обстановка является наименее используемой на практике»¹.

Таким образом, ситуационный анализ поиска «контактных» биологических следов имеет прямую зависимость как от ситуационной (событийной), так и от вещной обстановки, с учетом установления достоверных мест максимально возможной локализации искомых объектов, что играет важную роль в получении результативных выводов экспертного исследования ДНК.

На сегодняшний день для получения максимально полной ситуационной картины лицами, участвующими в расследовании преступлений (к числу которых относятся и эксперты), уже недостаточно предоставить подробное описание (протоколирование) предоставляемых объектов в процессуальных документах, а стоит прибегать к помощи 3D-технологий, дающих возможность неограниченное количество раз изучать первоначальную обстановку, а с использованием очков виртуальной реальности эксперт может фактически «трансформироваться» на место события преступления для осуществления полноценных познавательных действий в отыскании нужных информационных следов.

О.Ю. Лу

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

По данным МВД России, в 2023 г. сохранилась тенденция прошлых лет к снижению количества зарегистрированных в пределах территории Российской Федерации преступлений. Если сравнивать статистику преступлений, зарегистрированных в 2023 г., с 2022 г., то можно обнаружить, что их стало меньше на 1%. При этом число преступлений против личности сократилось на 5,3%, в том числе убийств и покушений

¹ Чулахов В.Н. Причины малой эффективности выявления криминалистической информации из вещной обстановки преступления // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2024», Москва, 20 ноября 2024 г. М. : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 337.

на убийство – на 2,1%, случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – уменьшилось на 4%. Однако, несмотря на вышеуказанную статистику, количество таких преступлений остается значительным.

Одной из приоритетных экспертиз, назначаемых следствием в процессе раскрытия преступлений против личности, является судебно-медицинская экспертиза. Именно она ответит на такие важные вопросы, как

- время наступления смерти потерпевшего;
- локализация и механизм воздействия повреждающего фактора телесных повреждений;
- наличие и степень тяжести вреда здоровью и многие другие.

В соответствии с ч. 1 ст. 58 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», медицинской экспертизой является «проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина». Судебно-медицинская экспертиза регламентируется следующими основными документами: Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека», приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека», приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. № 491н «Об утверждении порядка проведения судебно-медицинских экспертиз». Назначение и производство судебно-медицинской экспертизы можно представить в виде этапов:

1. Назначение соответствующего вида судебной экспертизы с составлением постановления.
2. Определение наличия основания для назначения и формулирование вопросов, требующих разрешения.
3. Определение экспертного учреждения и подготовка объектов, подлежащих направлению на экспертное исследование.
4. Ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы заинтересованных лиц.

5. Направление постановления о назначении судебной экспертизы в экспертное учреждение; производство судебно-медицинской экспертизы; оформление выводов судебно-медицинской экспертизы в виде заключения эксперта и отправления его следователю;

6. Ознакомление с заключением судебно-медицинской экспертизы заинтересованных лиц.

Судебно-медицинская экспертиза проводится в Бюро судебно-медицинской экспертизы.

Объектами, направляемыми на экспертное исследование в рамках экспертизы, выступают трупы, живые лица, вещественные доказательства биологического происхождения и материалы экспертизы (протокол осмотра места происшествия, амбулаторная карта, история болезни и другие медицинские документы).

При производстве судебно-медицинской экспертизы необходимо сформулировать вопросы, которые находятся в компетенции судебно-медицинского эксперта и не имеют правового характера. Это отмечается в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28: «недопустимо задавать эксперту правовые вопросы, связанные с оценкой действий, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора или суда».

При вынесении постановления о назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы следователь обязательно указывает:

- основания назначения судебно-медицинской экспертизы, в которых кратко излагает обстоятельство, содержание которых говорит о необходимости применения специальных знаний;

- наименование экспертного учреждения, в котором должна быть проведена судебно-медицинская экспертиза, и (или) фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, стаж, квалификация;

- вопросы, поставленные перед судебно-медицинским экспертом для разрешения.

В заключение следует отметить, что знание сотрудниками правоохранительных органов процессов организации, назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы человека позволит направить их усилия на оптимизацию своей работы и успешно, оперативно и эффективно расследовать и раскрывать преступления.

Е.С. Мазур, С.А. Фрейдман

РОЛЬ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

На современном этапе раскрытие и расследование преступлений по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников как в криминалистике, так и в судебной медицине остается весьма актуальной темой. В условиях реорганизации системы здравоохранения и изменений законодательства при разрешении вопросов при расследовании данной категории дел значение судебно-медицинской экспертизы возрастает¹.

Традиционно судебная медицина понимается как отрасль медицины, разрабатывающая формы и способы применения медико-биологических знаний в деятельности правоохранительных и судебных органов в процессе раскрытия и расследования преступлений, а также параллельно решающая сходные с ними проблемы в системе здравоохранения².

Опыт показывает, что в процессе раскрытия и расследования преступлений по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников перед правоохранительными органами возникают вопросы, решить которые можно только путем использования специальных медицинских знаний. В ходе производства судебно-медицинской экспертизы решается чаще всего вопрос о причине смерти, характере и степени вреда, причиненного здоровью человека (ст. 196 УПК), а также другие подобные ему вопросы.

Многие вопросы, возникающие в рамках раскрытия и расследования преступлений по делам о профессиональных правонарушениях ме-

¹ Габай П.Г. Неосторожная преступность при оказании медицинской помощи и ее предупреждение. М., 2024. С. 3–5.

² Лавриненко А.А., Волчечкая Т.С. Ятрогенные преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних: особенности расследования и профилактики. М., 2023. С. 3–9.

дицинских работников, решаются судебной медициной путем использования познаний медико-биологического характера, накопленных соответствующими науками.

Кроме того, с учетом задач, стоящих перед судебно-медицинской службой, можно отметить и то, что судебно-медицинская экспертиза играет не последнюю роль и в общей профилактической работе с населением как правоохранительных органов, так и органов здравоохранения при оказании медико-санитарной помощи.

Так, данное направление деятельности судебных экспертов для правоохранительных органов включает в себя:

- помощь в раскрытии и расследовании преступлений против личности, в том числе по уголовным делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников;

- экспертизу случаев внезапной смерти, позволяющую выявить предпосылки и факторы, которые влияют на формирование у конкретных лиц патологических состояний вследствие неправильного использования клинических медицинских рекомендаций и стандартов;

- выявление ошибок в организации оказания медицинской помощи гражданам.

Для системы здравоохранения вышеуказанное направление деятельности проявляется в оказании существенной помощи в повышении качества профилактических и лечебно-диагностических мероприятий путем выявления профессиональных правонарушений медицинских работников и определения степени их влияния на течение и исход патологического процесса у больного.

Таким образом, судебно-медицинская экспертиза в раскрытии и расследовании преступлений по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников играет роль своеобразного научно-практического посредника между правом и огромными объемами информации медико-биологического плана, а также является способом применения этих специальных медицинских знаний в профилактике такого рода правонарушений¹.

¹ Мазур Е.С., Ахмедшин Р.Л., Александрова Я.Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 220–225.

О ПРИМЕНЕНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТУ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

Осмотр места происшествия по факту незаконной охоты является одним из наиболее важных следственных действий и, как правило, проводится на этапе проверки сообщения о преступлении. Н.П. Яблоков определяет осмотр места происшествия как «неотложное следственное действие, важнейшей задачей которого является получение процессуально закрепленной информации (фактических данных) об обстоятельствах происшедшего события, объектах и лицах, имеющих к нему отношение, их связях и взаимодействиях»¹. Следует уточнить, что с точки зрения криминалистики решение этой задачи осуществляется путем изучения обстановки места происшествия, заключающегося в анализе «следовой картины» и установления иных обстоятельств, связанных с событием преступления.

Зачастую следователь при осмотре места происшествия по факту незаконной охоты сталкивается с рядом трудностей. Дело в том, что местом происшествия по рассматриваемой категории дел чаще всего являются труднодоступные отдаленные участки местности, где отсутствуют точно установленные ориентиры: в лесных массивах, полях, горах, на водных объектах. Как известно, одним из тактических требований при осмотре места происшествия является установление границ осмотра, т.е. точного пространственного определения участка, на котором, возможно, отображаются следы подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Для получения более полной картины о месте происшествия и лицах, причастных к совершению преступления, п. 6 ст. 164 УПК РФ регламентирует применение технических средств и способов фиксации следов преступления при производстве следственных действий. Спе-

¹ Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. С. 431.

циальный закон «О полиции» повторяет это правило, позволяя сотрудникам полиции использовать достижения науки и техники в своей профессиональной деятельности. Как известно, научно-технический прогресс способствует разработке новых средств, в том числе средств, которые могут быть использованы для совершенствования деятельности правоохранительных органов. Одной из таких разработок являются беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА). Их применение при производстве следственных и иных процессуальных действий, имеющих поисково-познавательный характер, набирает все большую популярность. БПЛА является новейшим стремительно развивающимся техническим средством¹, управление которым осуществляется удаленно, т.е. без физического присутствия человека на борту воздушного судна.

О положительных результатах использования БПЛА в ходе осмотра места происшествия, находящегося в труднодоступной местности, говорят отдельные авторы². На наш взгляд, именно при осмотре места происшествия по факту незаконной охоты необходимо использовать рассматриваемые инновационные научно-технические средства. Их применение позволит одновременно охватить место происшествия в максимально возможных его границах, не искажая при этом пространственные взаимосвязи между объектами, находящимися на месте происшествия. Это, в свою очередь, дает возможность получить полную и объективную информацию о факте незаконной охоты применительно к конкретным условиям местности. В полной мере решение этой задачи возможно в тех случаях, когда БПЛА оснащены камерами видеofиксации с высоким разрешением, что позволит производить фото- и видеofиксацию хода и результатов следственного действия, фиксировать размеры отдельных объектов, представляющих криминалистический интерес, а также расстояния между ними. В дальнейшем при оформлении фототаблицы к протоколу осмотра места происшествия в

¹ Пилюгин И.П. Проблемные вопросы применения беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3 (69). С. 83–90.

² Бегалиев Е.Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 163–173.

пояснительном тексте к изображению необходимо отразить координаты точки съемки и расстояние от земли¹, которое будет равно высоте нахождения БПЛА.

Учитывая интерес криминалистической науки к возможностям искусственного интеллекта, перспективным является вопрос о дальнейшей возможности использования искусственного интеллекта для работы БПЛА, в том числе и при осмотре места происшествия.

Д.В. Негодин, О.А. Негодина

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ С УЧЕТОМ ИЗМЕНЕНИЙ В ст. 78.1 УК РФ

Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УК РФ добавлена ст. 78.1, устанавливающая механизм освобождения от уголовной ответственности в отношении обвиняемых (или подсудимых), призванных на военную службу либо заключивших контракт о прохождении военной службы.

Следом изменения коснулись и УПК РФ, в статьях которого определяются основания и порядок принятия судом решений о приостановлении производства по уголовным делам на основании ходатайства командования воинской части (учреждения) об отмене меры пресечения, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении указанной категории обвиняемых (подсудимых). Данный правовой механизм распространяется и на осужденных, приговор в отношении которых постановлен, но не вступил в законную силу, в том числе на стадии апелляционного производства по уголовному делу.

Рассмотрим, как данные изменения повлияли на процесс расследования преступлений. Как известно, основу каждой частной криминалистической методики составляют криминалистическая характеристика преступлений и этапы расследования преступлений.

¹ Архипова Н.А., Горшкова В.С. Тактические особенности производства осмотра места происшествия по факту незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 19, № 3. С. 51–61. doi: 10.24412/2587-9820-2021-3-51-61

В области криминалистической характеристики преступлений такие ее элементы, как обстановка совершения преступления, личность потерпевшего, способ совершения преступления, механизм совершения преступления, существенным изменениям не подвергаются. Происходит это благодаря тому, что они максимально связаны с событием преступления в прошлом, и новации законодателя не могут повлиять на них в настоящем и будущем. Исключением из этого положения можно посчитать ситуацию в прошлом, когда преступник, выбирая способ и механизм совершения преступления, руководствовался знанием изменений в ст. 78.1 УК РФ и поэтому специально применил более изощрённый вариант своих действий при совершении преступления, понимая, что он сможет избежать уголовной ответственности.

А вот личность преступника как элемент криминалистической характеристики явно требует более широкого круга устанавливаемых параметров. Так, при изучении личности преступника, подпадающего под новые основания освобождения от уголовной ответственности, необходимо выявление следующих дополнительных сведений:

1) отсутствие у лица медицинских противопоказаний к прохождению военной службы¹. Установление факта отсутствия данных противопоказаний происходит посредством прохождения военно-врачебной комиссии с итоговым получением её положительного заключения;

2) согласие лица на данные процессуальные действия. Оно оформляется протоколом разъяснений норм УПК РФ;

3) наличие либо отсутствие у лица судимостей. Обязательно проводится проверка лица по учетам Информационного центра УМВД России, поскольку не подлежат освобождению от уголовной ответственности по указанным выше основаниям лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Перечень данных преступлений установлен законодателем в ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской

¹ См.: Приказ Министра обороны РФ от 07.08.2023 № 506 «Об утверждении Перечня заболеваний, при наличии которых гражданин (иностранец) признанный ограниченно годным к военной службе, не может быть принят на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2025).

Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹.

Можно выделить две категории лиц, определяющих содержание элемента «личность преступника»: 1) находящиеся в связи с избранием меры пресечения в виде изоляции об общества. В этом случае сотрудники военного комиссариата взаимодействуют с лицами в связи с призывом на военную службу в Вооруженные Силы РФ; 2) лица, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с изоляцией от общества. Указанные лица самостоятельно взаимодействуют с сотрудниками военного комиссариата.

В вопросе этапов расследования преступлений можно выделить следующие особенности при применении ст. 78.1 УК РФ:

1) реализация данного права для гражданина возможна на любой стадии предварительного расследования: на первоначальном и последующем этапах;

2) разъяснение лицу применяемых норм оформляется протоколом;

3) появляются новые субъекты взаимодействия со следователем – это военный комиссариат и командование воинских частей;

4) выражая согласие на данную процедуру, лицо фактически «идет на сделку с государством» и освобождается от уголовной ответственности за общественно полезное поведение при расследовании совершенного преступления, оказывая содействие следователю.

Таким образом, указанные изменения в ст. 78.1 УК РФ влияют на методику расследования преступлений, деятельность сотрудников правоохранительных органов при расследовании преступлений с участием данных лиц. Между тем данные новаторства появились относительно недавно, и поэтому имеются неурегулированные моменты, требующие уточнения и совершенствования данной процедуры в дальнейшем.

¹ Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.01.2025).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

С точки зрения оперативно-розыскной деятельности¹, на наш взгляд, основополагающим нормативно-правовым актом, регламентирующим использование её результатов в процессе предварительного следствия, является Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об ОРД». Однако анализировать его не совсем целесообразно ввиду очевидности представленных в данном нормативно-правовом акте положений. Отметим лишь тот факт, что результаты ОРД не являются доказательствами в уголовном процессе.

Специфика стадии возбуждения уголовного дела заключается в правильном выборе момента реализации материалов оперативного учета, за исключением тех случаев, когда такие моменты строго определены законом (например, наличие результатов проведённых исследований о том, что изъятая алкогольная продукция не соответствует установленным требованиям в совокупности с результатами её товароведческой оценки, когда сумма достаточна для возбуждения уголовного дела).

Оперуполномоченному подразделению экономической безопасности важно своевременно начать взаимодействие со следователем. Согласование и координация деятельности оперативного подразделения со следователем, для начала, по составлению плана совместных действий (для оперуполномоченного – оперативно-розыскных мероприятий²) по проверке поступивших материалов – первый шаг на пути к успешному возбуждению уголовного дела и направлению его, в перспективе, в суд.

Одной из целей проверки сообщения о преступлении является, согласно ст. 144 УПК РФ, поиск и фиксация признаков состава преступления. Посредством овладения сведениями о личности фигурантов,

¹ Далее – ОРД.

² Далее – ОРМ.

особенностями выстроенных между ними отношений, иной информацией, имеющей отношение как непосредственно к преступлению, так и к проведению следственных действий, достигается полное погружение следователя в объем содержащейся в результатах ОРД информации.

Суть деятельности оперативных подразделений, в том числе до момента возбуждения уголовного дела, заключается в получении достаточного объема информации посредством проведения ОРМ. То есть по результатам проведения ОРМ оперативником должен быть получен такой объем информации, который, в идеальной ситуации, не должен вызывать у следователя каких-либо сомнений в том, что преступление действительно совершено. Более того, в случае качественного выполнения своей работы оперативным сотрудником у следователя не должно возникнуть сомнений и в количестве фигурантов, месте, времени совершения преступления и т.д.

В то же время безосновательное увеличение числа следственных действий на этапе проверки сообщения отнимает много времени у оперативников, сопровождающих то или иное уголовное дело. На сегодняшний день достаточно распространена практика многократных повторных осмотров изъятой алкогольной продукции следователями, в большинстве случаев по указанию руководителя следственного органа. Учитывая специфику сопровождения дел о незаконном обороте алкогольной продукции, это всегда большие объёмы изъятого, а значит, и много впустую потраченного времени (осмотры изъятой алкогольной продукции на специализированных складах могут продолжаться неделями). В свою очередь, за счёт ограниченного бюджета времени впоследствии страдает не только качество проведения следственных действий – страдает значительно и качество выполнения отдельных поручений оперуполномоченными.

Важно отметить, что ещё до возбуждения уголовного дела необходимо осуществлять планирование и координацию взаимодействия следователя и оперативного сотрудника. В дальнейшем это позволит обеспечить качественное проведение комплекса именно ряда необходимых ОРМ, а их результаты удовлетворят следователя. Таким образом, оперативный сотрудник сразу будет понимать, на чём акцентировать своё внимание при проведении ОРМ, а результаты впоследствии возможно будет в ходе расследования по уголовному делу преобразовать в доказательства.

Итак, наличие возможностей у оперативных сотрудников получать информацию такими негласными способами, недоступными следователям, как использование конфиденентов, специальных технических

средств и ряда других, позволяет использовать результаты ОРД уже на стадии возбуждения уголовного дела. Однако стоит ещё раз напомнить о том, что результаты ОРД не являются доказательствами.

В результате обобщения вышеуказанной информации можно выделить формы взаимодействия оперативных подразделений и следователей:

1) полный обмен информацией как ориентирующего, так и доказательственного значения, находящейся в распоряжении субъектов взаимодействия;

2) выдвижение как следственных, так и оперативно-розыскных версий;

3) планирование проведения совместных процессуальных действий;

4) «оценка следователем достаточности представленных оперативными подразделениями сведений»¹;

5) совместная деятельность в составе следственной группы.

А.М. Сажаяев

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 356 и 357 УК РФ

Долгое время преступления, предусмотренные ст. 356 УК РФ – «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», и 357 УК РФ – «Геноцид», относили к категории «спящие», так как их совершение и, естественно, расследование, по мнению законодателя, было возможно только в период военных действий². И действительно, первое уголовное дело по ст. 356 УК РФ было возбуждено в 2010 г. – применение реактивных систем запахового огня в отношении мирного населения г. Цхинвали в период грузино-южноосетинской войны 2008 г. Однако после 2014 г. практика расследования уголовных дел данной категории начала набирать обороты. Это было связано с двумя факторами: а) события на Украине и проведение СВО; б) установление

¹ Гришина Е.П. Взаимодействие следователя и лиц, обладающих специальными познаниями (методологические и правовые проблемы) // Российский следователь. 2013. № 15. С. 4.

² Алои А.Н. Геноцид как тягчайшее преступление против человечества // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 99–103.

и расследование фактов массового террора в годы Великой Отечественной войны в отношении мирного населения и военнопленных.

Обобщение опыта расследования дел данной категории позволяет утверждать, что процесс их расследования имеет свои особенности как в организации данной работы, так и в тактике отдельных следственных действий.

К числу особенностей организационного порядка можно отнести: а) большой разрыв во времени с момента совершения преступления до его обнаружения; б) неустановление виновных или общие сведения о них (военнослужащие ВСУ, СБУ, националисты); в) ограничение возможностей работы на месте происшествия (заминировано, неразорвавшиеся боеприпасы, завалы); г) работа только в специальной экипировке; д) отсутствие или минимальное наличие свидетелей.

При производстве отдельных следственных действий необходимо учитывать следующие особенности¹.

Осмотр места происшествия. Большое количество мест для осмотра, к числу которых относятся: а) места проживания (поселения) группы потерпевших; б) массовых убийств; в) причинения вреда здоровью; г) захоронений, том числе массовых; д) незаконного содержания потерпевших в местах пыток; е) террористического акта; ж) жизнедеятельности подозреваемых; з) дислокации экстремистских организаций (офисы, штабы и т.п.).

При сокрытии следов геноцида преступниками могут использоваться различные средства, препятствующие свободному доступу к объектам осмотра (расположение их в труднодоступных местах с использованием естественных элементов местности, глубокие шахты, овраги и т.п.; минирование их или подходов к ним; используя средства уничтожения трупов и их останков: сжигание и т.п.).

Особенность заключается и в подборе понятых, а также операторов строительной техники, которые должны обладать устойчивой психикой при откапывании и транспортировке трупов или их останков.

При осмотре иных объектов, связанных с совершением геноцида, необходимо приглашать военных специалистов. Негативное влияние на результаты и продолжительность осмотра места происшествия, ко-

¹ Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 3: Криминалистическая методика / под ред. В.В. Бычкова, С.В. Харченко. М. : Проспект, 2021. 664 с.

которые подлежат обязательному учету при подготовке, оказывают следующие неблагоприятные факторы: близость позиций противника, артиллерийские и минометные обстрелы, действия снайперов, враждебное отношение местного населения и т.п.

Освидетельствование. В ходе производства освидетельствования подозреваемых по уголовным делам о геноциде необходимо уделить особое внимание наличию татуировок на теле (особые приметы для опознания лица в будущем), а также шрамов, возможно, полученных в результате ранений, причиненных во время участия в боевых действиях. При этом освидетельствуемому необходимо предложить объяснить значение татуировок, время их нанесения, а также обстоятельства получения ранений и шрамов¹.

Предъявление лица и трупа для опознания. По уголовным делам о геноциде, с одной стороны, не возникает сложностей при подборе лиц по причине большого количества военнослужащих, сходных по внешним данным, однако есть в этом и минус – достаточно широкий круг знакомых среди военнослужащих может привести к ситуации, когда среди лиц, которые предъявляются совместно с опознаваемыми, могут оказаться знакомые опознающего.

Целесообразно до начала опознания предъявить статистам фотографию опознающего с целью выяснения факта знакомства между ними, чтобы избежать того, что в числе статистов будут лица, ранее знакомые с опознающим².

Труп предъявляется для опознания в единственном числе. Предъявление трупа для опознания по фотографии не рекомендуется; так, предъявление фотографий трех трупов является серьезным нарушением этических норм.

В ходе расследования геноцида следователь может столкнуться с тем, что лица боятся опознавать подозреваемых, опасаясь за жизнь и

¹ Григорян Г.М. Особенности производства допроса военнослужащих противоборствующей стороны вооруженного конфликта при расследовании военных преступлений // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 1. С. 88–98.

² Стукалин В.Б. Отдельные аспекты производства опознания живых лиц при расследовании преступлений против военной службы // Сборник материалов криминалистических чтений. 2021. № 18. С. 72–74.

здоровье свое и своих близких. В этом случае рекомендуется проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего.

В заключении необходимо отметить, что успешное расследование преступлений, предусмотренных ст. 356 и 357 УК РФ возможно только при использовании знаний об их особенностях.

Д.Н. Слепухин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В современном обществе должностные преступления по-прежнему занимают особое место в уголовно-правовом законодательстве, так как они причиняют существенный вред государственным и общественным интересам, подрывают доверие населения к институтам власти. Все составы должностных преступлений объединены в гл. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, посвящённой посягательствам на общественные отношения в области государственной и муниципальной службы.

Одним из наиболее часто встречающихся данной категории преступлений является превышение должностных полномочий, которое, как и другие составы должностных преступлений, предполагает наступление определенных неблагоприятных последствий. Квалифицируя деяние как преступное, законодатель в диспозиции ст. 286 УК РФ в общем виде определил: «...повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»¹. Именно наличие последствий и верное их определение являются ключевым фактором как на этапе документирования, так и на этапе расследования уголовного дела.

Актуальной проблемой документирования рассматриваемого вида преступлений в современном правоприменении является дифференци-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ация состава преступления и дисциплинарного проступка. Данное обстоятельство непосредственно влияет на принятие решений субъектами оперативно-розыскной деятельности относительно проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В комментариях к УК РФ указывается, что «преступление окончено с момента наступления последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; кроме того, требуется установить причинную связь между деянием и наступившими последствиями. При отсутствии последствий содеянное образует, как правило, дисциплинарный проступок»¹.

Иными словами, несмотря на имеющиеся законодательные нормы и процедуры, в процессе документирования преступлений оперативные сотрудники сталкиваются с такой проблемой, когда налицо все признаки умышленного преступного деяния, а последствий как таковых нет.

Приведем типичную ситуацию, которая складывается в подразделениях по борьбе с незаконным оборотом алкогольной и табачной продукции. Сотрудник, являющийся должностным лицом и занимающий должность заведующего комнатой (складом) хранения предметов и вещей (далее – ТМЦ), изъятых из гражданского оборота по решению суда (таких, как алкоголь, табак), путем изготовления фиктивных документов присваивает их для последующей реализации и получения материальной выгоды.

Следственная практика по таким делам показывает, что органы предварительного следствия не усматривают состава преступления по ст. 286 УК РФ, так как ущерб никому не причинен и потерпевшего, соответственно, нет. Последние, ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда, утверждают, что наличие совокупности необходимых признаков является обязательным для квалификации деяния как преступления.

В связи с этим возникает своего рода коллизия. Если дисциплинарный проступок – это неисполнение или ненадлежащее исполнение по

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. «КонсультантПлюс».

вине работника возложенных на него трудовых обязанностей¹, то в приведенном выше примере речь идет об умышленных целенаправленных действиях должностного лица, в том числе направленных на сокрытие совершаемого им хищения. К таким действиям можно отнести подделку (фальсификацию) соответствующих документов, инсценировку хищения, введение в заблуждение соответствующих должностных лиц (например, членов комиссии).

Полагаем, что наличие умысла на совершение преступления со стороны должностного лица в данной ситуации должно образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ. Данная инициатива, на наш взгляд, окажет положительное влияние как на практику работы розыскных органов, так и на следственно-судебную практику.

На основании вышеизложенного можно заключить, что в настоящее время существует настоятельная необходимость в принятии постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающегося квалификации превышения должностных полномочий с учетом современных реалий. Приведенный пример иллюстрирует, что должностные лица, обладая знанием о существующей законодательной несовершенности, могут использовать ее в целях уклонения от уголовной ответственности. Это подчеркивает важность внесения ясности в данную правовую категорию.

И.С. Фоминых

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОМЕНДАЦИИ (ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Криминалистическая рекомендация, являясь конечной «...“продукцией” криминалистики применительно к практике уголовного судопроизводства и других видов судопроизводства»², традиционно привлекает внимание исследователей в основном своей содержательной сто-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.

² Князьков А.С. Проблемы разграничения тактического приема и тактической рекомендации // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 2 (38). С. 55.

роной. Тем не менее действенность криминалистической рекомендации с точки зрения дидактического подхода во многом определяется формой её подачи, в конечном итоге – её структурой.

Обращаясь к вопросу структуры криминалистической рекомендации, В.П. Бахин и А.Э. Жалинский определили её следующим образом:

- фактическое обоснование рекомендации;
- чётко выраженный алгоритм действий;
- указание ситуаций, в которых применима рекомендация;
- необходимые для её осуществления средства;
- потребное для реализации рекомендации время;
- ожидаемый эффект;
- затруднения, которые могут возникнуть при осуществлении рекомендации;
- соотношение с иными аналогичными рекомендациями¹.

Спустя пятнадцать лет, Р.С. Белкин, в «общих чертах» соглашаясь с их мнением, отмечал, что «...большинство криминалистических рекомендаций может содержать эти элементы в “свернутом”, так сказать, подразумеваемом виде. Обязательными же для всякой криминалистической рекомендации будут второй, третий и четвертый из названных этими авторами элементов; практически невозможно выразить пятый элемент, и едва ли нужен последний – соотношение с иными аналогичными рекомендациями»².

Полагая неслучайным порядок структурных элементов в приведённом выше перечне, считаю, что с дидактической точки зрения он должен быть несколько иным.

При поиске совета, каковым и является криминалистическая рекомендация, субъект тактико-криминалистической и иной деятельности исходит, в первую очередь, из проблемной ситуации, в которой он оказался. Именно поэтому указание на следственную ситуацию, в которой применима данная рекомендация, должно быть первым в её структуре.

Следующим структурным элементом должен идти «чётко выраженный алгоритм действий», т.е. главный содержательный элемент рекомендации.

¹ Бахин В.П., Жалинский А.Э. Рекомендации как средство внедрения достижений науки в практику борьбы с преступностью // Труды Омской высшей школы милиции. 1972. Вып. 12. С. 41.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М. : Юристъ, 1997. С. 246.

«Ожидаемый эффект» представляется обязательным элементом структуры, несмотря на некоторый скептицизм Р. С. Белкина в его отношении. Любая рекомендация выбирается из числа подобных как раз из-за ожидаемого, конкретизируемого применительно к криминалистической задаче эффекта от её применения.

Далее следуют, если так можно выразиться, «технические» моменты, к которым можно отнести необходимые для выполнения рекомендации средства и «потребное для реализации рекомендации время». И то и другое в большинстве случаев не является определяющим при выборе рекомендации, поскольку и средства, и время при необходимости можно изыскать, в том числе даже тогда, когда требуется безотлагательное производство следственных действий.

Потенциальные затруднения, могущие возникнуть в ходе реализации рекомендации, на взгляд автора, обязательно должны быть названы. Помимо этого, не будет излишним указание на возможные отрицательные, побочные эффекты как результат появления в следственной ситуации случайных факторов.

Фактическое обоснование рекомендации может быть структурно приведено в самом её конце. Следовательно, как правило, с точки зрения интересов расследования более всего интересуют самые первые структурные пункты, и он всегда исходит из презумпции научной обоснованности рекомендации, не вдаваясь особенно в детали процесса её аргументации.

«Соотношение с иными аналогичными рекомендациями» как структурный пункт представляется избыточным, тем более, что охватить весь спектр таковых не представляется возможным.

А.А. Шмидт

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В соответствии с данными Главного информационно-аналитического центра МВД России, в период с января по ноябрь 2024 г. в Рос-

сийской Федерации было зарегистрировано 1 763,9 тыс. преступлений¹. Однако судить об истинных размерах преступности только на основании официальных данных является не вполне верным. Как известно, реальный объем преступности состоит из двух частей: преступления, получившие официальную регистрацию в правоохранительных органах, и преступления, информация о совершении которых в правоохранительные органы не поступала (латентная, скрытая).

В литературе различные аспекты латентной преступности исследуются достаточно активно, и многие авторы обращают внимание на то, что фактическая преступность превышает зарегистрированную в несколько раз². В результате этого достаточно большое количество лиц, совершивших преступления, остаются безнаказанными, что исключает реализацию такого принципа уголовного права, как неотвратимость наказания.

Безнаказанность за совершенное преступление влечет за собой продолжение преступной деятельности, вовлечение в нее новых участников, в том числе и несовершеннолетних. Латентная преступность является одним из условий дальнейшего совершения формирования и последующего существования всех форм организованной преступности. В связи с этим выявление латентных преступлений на сегодняшний день является объективной необходимостью.

Осознавая это, законодатель в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее – Закон об ОРД) закрепил одну из задач этой деятельности, которую сформулировал как «выявление... преступлений, а также выявление... лиц, их подготавливающих, совершающих либо совершивших». При более детальном рассмотрении деятельности оперативных подразделений можно сделать вывод о том, что действительно без работы по выявлению преступле-

¹ Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/59951540> (дата обращения: 22.01.2025).

² Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 135; Сухарев А.Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 46; Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 61–62.

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. № 160.

ний сегодня не представляется возможным эффективно бороться с незаконным оборотом наркотиков, оружия, взрывчатых веществ, боеприпасов и др. в силу их высокой латентности.

Однако при анализе положений Закона об ОРД, регламентирующих основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 7) (далее – ОРМ), можно сделать вывод о том, что самым ранним этапом, с которого возможно начало проведения ОРМ, является получение информации, содержащей признаки преступления, либо о лице, его подготавливающем.

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация, когда оперативный сотрудник должен проявлять только пассивное поведение, т.е. он даже не может осуществлять наблюдение с целью установления лиц и фактов, которые могут представлять оперативный интерес. Аналогичный вывод был сделан ранее Н.С. Железняком¹.

Однако в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел активно используются такие методы, как личный сыск, оперативный поиск, одной из основных целей которых является решение задачи ОРД «выявление преступлений».

Таким образом, уже давно назрела необходимость в приведении в соответствие между собой задач ОРД и оснований для проведения ОРМ как одного из инструментов по решению указанных задач. В качестве решений рассматриваемой нами проблемы нам представляются два варианта.

Первый был предложен Н.С. Железняком, в соответствии с которым в качестве нового основания для проведения ОРМ необходимо указать «оперативное обслуживание объектов и территорий, относящихся к категории криминогенных»².

Вторым вариантом решения рассматриваемого вопроса представляется дополнение ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД пп. 1.1 следующим предложением: «выявление сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших».

¹ Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 136.

² Там же. С. 141.

Полагаем, что использование законодателем одного из предложенных решений будет способствовать совершенствованию оперативно-розыскного законодательства и приведению деятельности оперативных подразделений в соответствие с законом.

С.В. Шошин

ИННОВАЦИОННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вопросы использования достижений цифровых технологий при поиске следов преступлений, их раскрытии и расследовании традиционно привлекают внимание исследователей. На монографическом уровне в этом отношении можно, например, назвать работу В.А. Семенцова и В.В. Глимейда¹. На уровне диссертационного исследования указанной проблематикой, в частности, интересовалась Н.И. Старостенко². Тем не менее говорить сегодня о полном исследовании всех без исключения проблемных вопросов, связанных с криминалистическим и оперативно-розыскным применением самых разнообразных цифровых технологий, на наш взгляд, довольно преждевременно.

Для укрытия от налогового контроля и от внимания правоохранительных органов и специальных служб криминальных доходов, полученных при транснациональном наркотрафике, как показывает практика, зачастую применяются криптовалюты. Для оборота таких квазисредств платежа иногда оказываются используемыми и криптобиржи. С учетом нахождения всех этих транзакций сугубо в цифровом пространстве отследить их без применения инновационных цифровых технологий и комплексного взаимодействия с правоохранительными и иными компетентными органами иностранных государств становится

¹ Семенцов В.А., Глимейда В.В. Особенности использования технических средств и технологий при производстве следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2025. 159 с.

² Старостенко Н.И. Первоначальный этап расследования хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 29 с.

крайне сложно. Практика производства обысков и иных следственных действий на территории Российской Федерации, при которых были предприняты попытки обнаружения и изъятия криминальных криптовалют, весьма наглядно иллюстрирует, что традиционные сыскные (поисковые) мероприятия во многом при таких операциях оказываются отягощены их нахождением в цифровом пространстве. Примечательно, что разнообразные режимы санкций, применяемых сегодня к отдельным российским участникам подобных транзакций, оказывают двоякое влияние на результативность выявления, раскрытия и расследования таких транснациональных деликтов.

Весьма позитивным при выявлении и раскрытии указанных преступлений в современных российских условиях способно стать использование данных реестра контролируемых лиц. Под контролируемыми лицами (в аспекте содержания ст. 31.2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О правовом положении иностранных граждан в РФ» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)) здесь следует понимать иностранных граждан, находящихся на российской территории и не имеющих надлежащих документов, подтверждающих легальность такого пребывания. Развитие потенциала портала Госуслуги.ру в современных условиях предоставляет возможность в режиме реального времени пользователю произвести поиск в реестре контролируемых лиц. Аналогичным образом такая информация может быть проверена и на портале МВД РФ в разделе сервисов по вопросам миграции. По итогам подобных проверок становится возможным выявление, раскрытие и расследование некоторых транснациональных преступлений. При этом актуальной становится давно известная тактическая схема действий как в криминалистике, так и в оперативно-розыскной деятельности: «от лица – к событию»¹. Традиционно в подавляющем большинстве случаев следователи и оперативные работники действуют по иному алгоритму из следственной тактики: «от события – к лицу». Для многих из них подобное внесение изменений в алгоритмы их работы может иметь серьезный конструктивный характер. Подобные траектории совершенствования деятельности

¹ Давыдов С.И. Ситуационные основы разработки рекомендаций по раскрытию преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsionnye-osnovy-razrabotki-rekomendatsiy-po-raskrytiyu-prestupleniy> (дата обращения: 10.03.2025).

следственных и оперативно-розыскных структур вполне достойны стать предметом анализа в рамках курсов повышения квалификации как соответствующих руководителей правоохранительных и иных силовых структур, так и непосредственно исполнителей подобных мероприятий.

Вероятность состояния на официальном миграционном учете физических лиц, так или иначе оказавшихся причастными к криминальному бизнесу, далека от показателя в 100%. Еще меньшей можно считать вероятность состояния таких мигрантов в официальных трудовых отношениях с соответствующим российским работодателем, которое сопровождалось бы уплатой установленных налогов и неналоговых платежей.

С учетом режима некоторых санкций, введенных в отношении целого ряда физических и юридических лиц и фактически сегментов экономики России, инновационной может являться и организация взаимодействия российских правоохранительных и иных силовых структур с иностранными коллегами по максимально возможному применению инновационных достижений цифровых технологий. Ограничения, распространяемые на поставку на территорию России компьютерной техники и технологии, требующейся для выявления, раскрытия и расследования ряда транснациональных деликтов, не всегда действуют на территории иностранных государств. Более того, с учетом ведущихся уже на протяжении целого ряда лет споров о юрисдикции отдельных сегментов сети Интернет, подобные плоскости международного сотрудничества с коллегами из иностранных государств способны приобрести новый импульс своего конструктивного развития. В данном аспекте, вероятно, может быть существенно расширен и потенциал структур Интерпола.

Т.В. Шутемова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ПРОКУРОРА: ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРА

В общей психологии мышление определяется как психический познавательный процесс отражения существенных связей и отношений; к операциям мышления отнесены синтез, анализ, сравнение, абстрагирование, обобщение, конкретизация, к формам мышления – понятие,

суждение, умозаключение, к способам мышления – индукция и дедукция¹. Все эти положения проявляются в профессиональном мышлении, свойственном представителям разных юридических профессий, в том числе и прокурору. Как форму профессионального мышления стоит рассматривать криминалистическое мышление, хотя по содержанию понятия «криминалистическое мышление» пока нет единства мнений². Выполняя свои профессиональные обязанности по уголовному преследованию, надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и поддержанию государственного обвинения, прокурор неизбежно вынужден применять криминалистические знания, навыки и умения. На это, в частности, нацеливает прокурорских сотрудников приказ Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» № 544 от 17.09.2021, обязывая уделять особое внимание наряду с тактикой и методикой прокурорского надзора изучению тактики и методики расследования отдельных видов преступлений» (п. 2.2)³.

Ранее мы отмечали: «Если для следователя при расследовании преступления главными являются вопросы: “Что сделать? Как сделать?”, то для прокурора... важными становятся вопросы: “Что сделано, как сделано, все ли сделано? Что и как можно сделать дополнительно?”». Такая постановка проблемы позволяет говорить об оценочно-поисковой деятельности прокурора, в основе которой должно быть именно криминалистическое мышление прокурора⁴. Отсутствие личного следственного опыта у большинства работников прокуратуры, в том числе у руководящего состава, влияет не только на качество изучения ими материалов уголовного дела, но и может привести к формально-бюрократическому подходу к осуществлению надзорных функций.

¹ Крысько В.Г. Общая психология в схемах и комментариях. СПб. : Питер, 2004. С. 137–138.

² Шутемова Т.В. Криминалистическое мышление прокурора // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 4, т. 2. С. 206–207.

³ Приказ Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» № 544 от 17.09.2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2025).

⁴ Шутемова Т.В. Криминалистическое мышление прокурора // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 4, т. 2. С. 208.

Владение криминалистическим мышлением дает возможность государственному обвинителю в сложных условиях судебного следствия быстро принимать необходимое решение по тактике представления доказательств и поиску новых доказательств. Особенности прокурорской деятельности обуславливают особенности и структуру его криминалистического мышления, которые проявляются в сочетании криминалистических знаний с логическими основами мышления при изучении материалов уголовного дела и в сочетании криминалистических знаний, умений и навыков с творческо-поисково-прогностическими основами мышления.

Признание необходимости криминалистического мышления для прокурора влечет необходимость решения вопроса об обучении прокурора такому мышлению. Мы поддерживаем мнение А.В. Холопова о том, что «формирование профессионального (криминалистического) мышления является лишь в какой-то части результатом обучения, а во многом происходит в процессе практической работы и получения опыта судебно-следственной и криминалистической деятельности»¹. Обучение криминалистическому мышлению должно проходить на занятиях, в основном, на криминалистических полигонах вузов, институтов (факультетов) повышения квалификации с использованием как современных методик технологии обучения криминалистическому стилю мышления² (например, Нижегородская академия МВД России), так и методик советской школы криминалистики, разработанных В.С. Бурдановой, Л.Г. Видоновым, А.А. Густовым, И.М. Лузгиным, Л.А. Соя-Серко и др. Этому послужит и единая концепция криминалистического мышления, к созданию которой призывал Н.П. Яблоков³.

¹ Холопов А.В. Системное мышление в криминалистике // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 245–246.

² Журавлев С.Ю. Криминалистический стиль мышления : методическое содержание и соотношение с квалификационным пониманием расследуемых событий // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 127–132; Он же. Формирование криминалистического стиля мышления: научно-методический и дидактический аспекты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 371–379.

³ Яблоков Н.П. Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня // Криминалистика – прошлое, настоящее и будущее: достижения и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 60-летию

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (VR) В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Технология виртуальной реальности уже прочно вошла в повседневную жизнь и процент тех, кто уже на собственном опыте знаком с ней, вполне вероятно, будет только расти ввиду роста ее доступности, в первую очередь, как средства досуга. Вместе с тем данная технология нашла повсеместное применение в образовательном процессе: существуют виртуальные тренажеры для подготовки водителей, пилотов и т.д. В ряде вузов технология виртуальной реальности при реализации отдельных компонентов курса «Криминалистика» уже известна: Казанский федеральный университет (2020 г.)¹, Южно-Уральский государственный университет (2021 г.)², Тюменский государственный университет (2022 г.)³.

Рассматривая текущее состояние применения технологии виртуальной реальности в криминалистике через призму академического, прикладного и исследовательского аспектов, нужно отметить, что данный вопрос более проработан при его использовании в образовательном процессе, о чем свидетельствует существенно большее количество доступных публикаций. Сложнее обстоят дела с вопросами внедрения технологии виртуальной реальности в практическую деятельность, поскольку возникает целый ряд вопросов, связанных с признанием собранных таким образом доказательств относимыми, допустимыми и достоверными. Что касается изучения личности в виртуальной среде с использованием технологий виртуальной реальности, то в настоящее время такие исследования все еще находятся в сыром виде: ученые-

образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.). М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 119–120.

¹ URL: <https://kpfu.ru/itis/pochuvstvuj-sebya-sledovatelem-v-ochkah-401591.html> (дата обращения: 30.01.2025).

² URL: <https://www.susu.ru/ru/news/2021/01/05/virtualnaya-realnost-pomozhet-v-raskrytii-prestupleniy> (дата обращения: 30.01.2025).

³ URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/pulse/novosti/32426/> (дата обращения: 30.01.2025).

психологи продвинулись значительно дальше в этом направлении, ученые-криминалисты на данный момент отстают. Причин этому, как представляется, как минимум четыре: во-первых, дороговизна оборудования VR-технологий (к примеру, «Коробочное VR-решение по криминалистике для вузов и СПО» обойдется в сумму от 600 тыс. руб.)¹; во-вторых, наличие трудностей в освоении использования соответствующего оборудования, поскольку на это требуются отдельные компетенции, время и затраты на обучение соответствующих сотрудников; в-третьих, высокая потребность в качественной коллаборации специалистов из области криминалистики и области разработки приложений и прочего программного обеспечения соответствующей направленности в криминалистике; в-четвертых, как следствие предыдущих трех пунктов – низкая распространенность исследовательских площадок, а значит, ограниченный доступ к сбору эмпирической базы. Последний пункт не упирается исключительно в количество работающих заведений-клубов виртуальной реальности (в г. Томске, по данным 2ГИС, на конец 2024 г. действовало около 15 таких заведений), очень важен набор достаточного числа испытуемых для проведения исследований.

Криминалистическая наука изначально сформировалась как наука, опирающаяся на исследования, полученные эмпирическим, а не теоретическим путем, и это не повод для дискуссий о том, какой путь лучше: так исторически сложилось, следовательно, широкое внедрение технологий виртуальной реальности не должно остаться вне поля зрения исследователей-криминалистов в части изучения личности через ее деятельность в виртуальной среде.

Гипотетически можно выделить следующие направления таких исследований:

1. Установление взаимосвязи между типовыми моделями поведения и поведением в виртуальной реальности (анализ форм и способов адаптации, движений, речи, реакции, стратегий поведений и принимаемых решений во взаимосвязи, к примеру, с акцентуированными типами при предварительной диагностике с помощью ТомГОЛ).

2. Выявление закономерностей отражения идеальных следов в среду виртуального пространства (оговорки, реакция на те или иные события, возможность и особенности восприятия, взаимодействие с

¹ URL: <https://varwin.com/ru/vr-development/projects/vr-resheniye-po-kriminalistike-dlya-vuzov-i-spo/> (дата обращения: 30.01.2025).

предметами и другими участниками уголовного судопроизводства, помощь в воспоминании забытого, дополнительное средство для установления психологического контакта, проверки показаний, предъявления для опознания и т.д.).

3. Перспективы разработки виртуальных пространств для изучения и проверки следственных версий на основе позиции, действий и взаимодействия лиц, вовлеченных в расследуемое преступное событие.

Основные преимущества исследований личности с использованием технологий виртуальной реальности:

1. Обширные возможности для создания необходимых расследованию пространств и сценариев (экономия на транспортных расходах, нет нужды в закупке материальных ценностей и др.).

2. Физическая безопасность участников, обеспечиваемая проектированием труднодоступных мест и(или) мест с опасными внешними условиями.

Недостатки исследований личности с использованием технологий виртуальной реальности:

1. Необходимость учитывать индивидуальные особенности реакций, восприятия и адаптации к использованию технологии виртуальной реальности, поскольку при длительном использовании или слабой подготовке пользователь может испытать дезориентацию, тошноту, головокружение и т.д.

2. Высокие требования к изучению специфики адаптации личности к виртуальной среде.

Несмотря на это, уже сегодня использование технологии виртуальной реальности в криминалистическом изучении личности целесообразно проводить для потенциального расширения возможностей следствия.

Ю.М. Ярославцева

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОВЕРШИВШЕГО УБИЙСТВО, КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время преступность, связанная с совершением убийств несовершеннолетними, является актуальной проблемой. Количество правонарушений, совершенных лицами моложе восемнадцати лет, уменьшилось более чем в два раза. Эксперты утверждают,

что почти каждый десятый случай правонарушений происходит, когда подросток находится под влиянием сильного алкогольного опьянения. В результате этого несовершеннолетние стали чаще нарушать закон, совершая серьезные и крайне опасные преступления.

При анализе характеристик убийств, совершённых лицами моложе восемнадцати лет, ключевое значение приобретает индивидуальность несовершеннолетнего преступника, поскольку именно этот аспект содержит главную специфику криминалистического анализа таких преступлений.

Личность преступника – это совокупность социально-психологических качеств человека, черт характера, мировоззренческих установок и ценностей, которые способствуют совершению преступлений¹. Это главный и важный элемент всего механизма преступного поведения, так как каждая личность уникальна.

Характеристика личности несовершеннолетнего правонарушителя, совершающего убийство, включает несколько различных подгрупп особенностей:

– социальные, в которые входят: пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий, уровень материальной обеспеченности, наличие судимости и т.п.;

– психологические, включающие нравственно-психологические, например, взгляды, жизненные стремления, потребности, мировоззрение, увлечения, степень эмоциональной возбудимости, интересы и цели;

– физические, нейропсихологические или биологические (запах, генетические факторы, группа крови и т.д.);

– уголовно-правовые, например, направленность и мотивация преступных действий; длительность, интенсивность преступной деятельности и наличие судимостей за нее; ролевое участие в конкретном преступлении; степень подготовленности к преступлению; отношение к его последствиям.

Нельзя забывать о том, что на поведенческие привычки и проявления, культуру поведения и наружный облик современной молодежи значительное воздействие оказывают формирования общественного

¹ Асташов М.А., Ярославцева Ю.М. Личность несовершеннолетнего, совершающего убийство, как значимый элемент криминалистической характеристики преступлений // Эксперт-криминалист. 2024. № 3. С. 9–12.

мнения, а также общедоступные сведения в глобальной сети, включая информацию о социальных течениях дестабилизирующего характера. Подростки для убийства стали чаще использовать информационно-коммуникационные технологии.

В настоящее время в интернет-ресурсах действуют социальные течения (сообщества), направленные на распространение среди детей суицидальных идей, такие как «Разбуди меня в 4:20», «f57», «50 дней до моего...», «Синий кит», «Тихий дом», «Море китов», «Мертвые души» и т.д.¹ Целью данных течений через социальные сети и приложения является: пропаганда и призывы молодежи к самоубийствам, склонить подростков к суициду, выполняя смертельные задания и челленджи. Не стоит забывать о субкультуре «Колумбайн» (скулшутинг), когда несовершеннолетние массово убивают одноклассников и учителей – заранее готовят и воплощают в жизнь преступления². Особенности данной группы несовершеннолетних убийц являются следующие: психические заболевания, социальная изоляция или травмы; влияние медиа и культурных стереотипов, которые идеализируют насилие и агрессию (например, в играх, музыке или кино); легкость доступа к оружию; сообщества, которые поддерживают или оправдывают насилие, что может подстегнуть их к совершению экстремальных действий; мотивация, связанная с желанием привлечь внимание, найти свою идентичность или отомстить за обиды; признаки поведения, которые могут предшествовать насильственным поступкам (увлечение насилием, агрессивное поведение, написание манифестов); поддержка или подстрекательство со стороны друзей.

Несовершеннолетние действуют под влиянием различных мотивов и целей при совершении преступлений. Таковыми являются следующие:

1. Убийство с целью сокрытия другого преступления.
2. Убийство из личной неприязни.
3. Убийство из корыстных или хулиганских побуждений.

¹ Центр психологии онлайн «Синий кит и другие группы смерти: как уберечь детей». URL: <https://7spsy.com/blog/siniy-kit-i-drugie-gruppy-smerti-kak-uberech-de-tey>

² Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг) как делинквентная субкультура // Актуальные проблемы расследования преступлений: перезагрузка: лекции / под ред. А.И. Бастрыкина. М. : Проспект, 2023. С. 118–127.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод, что личность преступника несовершеннолетнего в особенности нуждается в изучении. Убийства, совершаемые несовершеннолетними, представляют собой одни из самых опасных уголовных преступлений. Несмотря на общее снижение преступности среди несовершеннолетних, доля таких преступлений остается высокой. Теоретико-прикладные исследования подростков, совершивших убийство, способствуют улучшению методов борьбы правоохранных органов с преступностью среди несовершеннолетних в целом. Преступность среди молодежи служит показателем социальных проблем в обществе. Подходы к воспитанию детей изменяются, новые поколения сменяют предшествующие. Тем не менее проблемы, требующие решения сотрудниками правоохранных органов, продолжают существовать.

НАШИ АВТОРЫ

Аветисян Диана Паркевовна – аспирант Института права Российско-Армянского университета.

Агабекян Алла Липаритовна – доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Алексеева Татьяна Александровна – доцент кафедры ГПДиПД ЮФ ТУСУРа, кандидат юридических наук, доцент.

Алимова Елена Рашидовна – магистрант ЗСФ РГУП, психолог МАОУ СОШ 33 г. Томска.

Арефьев Никита Алексеевич – преподаватель кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы.

Ахмедшин Рамиль Линарович – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Ахмедшина Наталия Владимировна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности ТУСУРа, кандидат юридических наук.

Батищева Мария Николаевна – адъюнкт Академии управления и права ФСИН России.

Беларева Ольга Александровна – доцент, зав.кафедрой уголовно-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Белюсова Анна Николаевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Белякова Арина Вячеславовна – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Бойко Юрий Леонидович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Болкунова Екатерина Викторовна – преподаватель ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России.

Бондарева Анастасия Анатольевна – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.

Бондаренко Наталья Сергеевна – судья Свердловского районного суда города Красноярска.

Боровцова Евгения Васильевна – мировой судья судебного участка № 2 Крапивинского района Кемеровской области; соискатель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Брянская Елена Васильевна – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Бубербаев Нурлан Дюсентаевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД Республики Казахстан; соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Бурков Никита Владимирович – адъюнкт адъюнктуры БЮИ МВД России.

Бурмагин Сергей Викторович – профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук.

Валеев Марат Тагирович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Васеловская Александра Викторовна – доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Васильская Анастасия Романовна – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

Вельтмандер Алексей Тимурович – председатель Зырянского районного суда Томской области, кандидат юридических наук.

Веснина Екатерина Павловна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета.

Воронин Олег Викторович – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Глазков Михаил Борисович – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России; адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России.

Глазкова Евгения Игоревна – ведущий юрист-консульт правового управления Национального исследовательского Томского государственного университета.

Головачук Ольга Сергеевна – доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук.

Горбова Варвара Вячеславовна – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности юридического факультета Воронежского института МВД России, кандидат философских наук.

Горшкова Вера Сергеевна – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.

Грищенко Алёна Владимировна – помощник судьи Томского областного суда.

Гусельникова Ольга Владимировна – аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Денисов Евгений Александрович – аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета РФ имени А.Я. Сухарева, заместитель руководителя Балахнинского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, капитан юстиции.

Долматов Александр Олегович – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Драпезо Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета.

Дудко Нина Алексеевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Евлоев Апти Ахмедович – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Ермакова Ольга Владимировна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ефименко Александр Александрович – доцент кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент, майор внутренней службы.

Зайцева Елизавета Владиславовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Иванов Игорь Владимирович – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; аспирант кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева.

Каракулов Тимофей Геннадьевич – председатель Чаинского районного суда Томской области.

Карелин Дмитрий Владимирович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии ЮИ ТГУ, кандидат юридических наук.

Киселев Михаил Валентинович – доцент кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.

Климачков Александр Вячеславович – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России.

Климов Вячеслав Викторович – адвокат Адвокатского бюро города Москвы «Астериск» (Адвокатская палата города Москвы).

Клокова Светлана Васильевна – старший помощник прокурора Советского района г. Томска Томской области.

Князьков Алексей Степанович – заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Ковалев Николай Сергеевич – старший преподаватель кафедры организации режима федерального казенного образовательного учреждения высшего образования Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

Коваленко Александра Сергеевна – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Коглина Виктория Александровна – старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, капитан полиции.

Константинова Виктория Александровна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.

Корнаков Иван Игоревич – младший научный сотрудник Лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, аспирант.

Кравченко Ирина Олеговна – доцент кафедры уголовного права и криминологии института юстиции Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кривошеев Сергей Иванович – начальник апелляционного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Томской области, младший советник юстиции.

Крысина Наталья Рафиковна – доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, кандидат юридических наук, доцент.

Кужугет Таан-оол Кашпынаевич – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Тувинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кузнецов Михаил Юрьевич – адвокат Коллегии адвокатов г. Новокузнецка Кемеровской области № 42/48.

Лавелина Валерия Владимировна – преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Лазаревич Вероника Вячеславовна – адъюнкт адъюнктуры Восточно-Сибирского института МВД России.

Лантух Наталия Викторовна – профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Левкин Евгений Владимирович – аспирант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Ли Ольга Юрьевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Пермского научно-исследовательского университета, кандидат медицинских наук, доцент.

Лисаускайте Валентина Владо – профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Мазур Екатерина Сергеевна – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Малетина Мария Александровна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Мариупольский Александр Андреевич – магистрант заочного отделения Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Маричева Ольга Викторовна – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Амурского государственного университета.

Марковичева Елена Викторовна – профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент.

Матвейчук Марина Сергеевна – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.

Медведева Валерия Валерьевна – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.

Мингалимова Марьям Фердинандовна – доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Моисеенко Кристина Андреевна – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.

Мосс Фируза Асифовна – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Нарядчиков Владимир Николаевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса юридического института Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Негодин Дмитрий Владимирович – ассистент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Негодина Олеся Анатольевна – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Нейман Роман Андреевич – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Барнаульского юридического института МВД России.

Никитина Ирина Александровна – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Носкова Елена Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Овсянников Юрий Васильевич – доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Овчинников Сергей Николаевич – ведущий научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат социологических наук.

Огарь Юрий Анатольевич – преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ольховик Николай Владимирович – заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Павленко Андрей Анатольевич – доцент кафедры Томского ИПКР ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Петрушин Артем Игоревич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Писаревский Илья Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Плаксина Татьяна Алексеевна – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук.

Плотников Дмитрий Андреевич – преподаватель кафедры СБИТСП, ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.

Плохова Валентина Ивановна – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Погорелова Ксения Руслановна – адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России.

Пропостин Андрей Александрович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии ЮИ ТГУ, кандидат юридических наук.

Пучнина Маргарита Юрьевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук.

Пшеничкина Нина Николаевна – доцент кафедры судебной, административной и прокурорской деятельности Алтайского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук.

Рудницкий Владислав Александрович – ведущий научный сотрудник отделения пограничных состояний НИИ психического здоровья Томского НИМЦ РАН, профессор кафедры фундаментальной психологии и поведенческой медицины СибГМУ, доктор медицинских наук.

Сажаев Алексей Михайлович – доцент кафедры криминалистики Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Семенов Илья Александрович – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.

Сидельцев Владислав Станиславович – старший оперуполномоченный оперативного отдела УФСИН России по Камчатскому краю.

Ситников Анатолий Евгеньевич – аспирант Байкальского государственного университета.

Скороходова Александра Сергеевна – преподаватель-методист отделения планирования, методического обеспечения и контроля образовательного процесса учебного отдела ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний».

Слепухин Дмитрий Николаевич – преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России.

Смирнов Владимир Евгеньевич – аспирант Центра уголовного и уголовно–процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Смылова Вера Николаевна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института (МЮИ).

Соболев Антон Валентинович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Соколов Андрей Константинович – преподаватель кафедры ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России.

Стародубцева Мария Александровна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Степура Василий Павлович – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Ступина Светлана Александровна – доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.

Сутурин Михаил Александрович – доцент кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Суханова Лидия Геннадьевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета.

Тепляшин Павел Владимирович – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Тихонова Валерия Вадимовна – младший научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета.

Ткач Александр Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Трофимов Дмитрий Олегович – сотрудник АНО «Диалог Регионы».

Туршин Андрей Иванович – аспирант Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева.

Тыняная Мария Александровна – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Уваров Олег Николаевич – профессор кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Усеев Ренат Зинурович – начальник факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Уткин Александр Александрович – старший преподаватель кафедры ИННЛС ПОД УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.

Уткин Андрей Владимирович – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Уткина Светлана Сергеевна – судья Томского областного суда.

Федоров Александр Федорович – профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

Филиппова Ольга Валерьевна – заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат юридических наук, доцент.

Фоминых Илья Сергеевич – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Фрейдман София Александровна – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Холзода Умед Хол – адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России.

Чабукиани Оксана Алексеевна – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Чаднова Ирина Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Чекулаев Дмитрий Петрович – доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

Чубраков Сергей Валерьевич – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Шадрина Екатерина Геннадьевна – доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент; адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга.

Шалагина Зинаида Андреевна – преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России.

Шеслер Александр Викторович – профессор ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, доктор юридических наук.

Шеслер Софья Сергеевна – доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, кандидат юридических наук.

Шинкевич Дмитрий Валерьевич – доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Шкуренко Иван Александрович – старший преподаватель кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, майор внутренней службы.

Шмидт Александр Альбертович – начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Шошин Сергей Владимирович – доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент.

Шутемова Тамара Васильевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Волжского университета им. В.Н. Татищева.

Юань Владимир Лишиньевич – старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права ЗСФ РГУП им. В.М. Лебедева, кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности ЮФ ТУСУРА.

Ярославцева Юлия Михайловна – преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Воронежского института МВД России.

Ясельская Вероника Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Аветисян Д.П. Особенности взаимосвязи конституционного и уголовного права	3
Ахмедшина Н.В., Алимова Е.Р. Определение непреодолимости физического и психического принуждения (психотипологический аспект)	5
Беларева О.А. Возможность исправления с применением мер воспитательного воздействия: критерии оценки	8
Бондаренко Н.С. Проблемы оценки добровольности при явке с повинной в современном уголовном праве	11
Бурков Н.В. Сложности выделения форм соучастия в теории уголовного права	14
Васеловская А.В. Принудительные меры медицинского характера по Уголовному кодексу РСФСР 1960 года	16
Вельтмандер А.Т. Общественная опасность преступления и наказание: актуальные проблемы	19
Веснина Е.П. О некоторых вопросах пенализации преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	21
Глазкова Е.И. О некоторых проблемах определения предмета незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции	22
Ермакова О.В. Оценка законодательных решений по вопросам регламентации IT-преступлений	25
Каракулов Т.Г. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград в системе наказаний и иных сходных мер принуждения	28
Кравченко И.О. Проблемы индивидуализации наказания за экологические преступления	31
Лисаускайте В.В. Особенности характеристики общественно опасного деяния мародерства по ст. 356.1 УК РФ	34
Малетина М.А. Проблемы регламентации и толкования последствий в составе превышения должностных полномочий	36

Маричева О.В. Влияние международных стандартов на назначение уголовных наказаний в условиях военного положения	39
Медведева В.В. Малозначительность составного преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации	41
Моисеенко К.А. Социальные предпосылки возникновения института давности в уголовном праве	44
Никитина И.А. Финансовое мошенничество в России	46
Плаксина Т.А. Уголовно-правовые последствия мелких хищений с административной преюдицией: парадоксы правоприменения	50
Плохова В.И. Соблюдение принципов определённости и соразмерности при закреплении и толковании признаков преступлений, предусмотренных ст. 207.1-2 УК РФ	52
Ситников А.Е. Правовое регулирование отсрочки отбывания наказания: сравнительный анализ норм уголовного законодательства России и Китая	55
Скороходова А.С. Полномочия комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъекта применения принудительных мер воспитательного воздействия	57
Ступина С.А. Квалификация действий соучастников преступлений, совершенных с применением насилия	60
Тихонова В.В. Труд как один из инструментов пробации	63
Трофимов Д.О. «Военное время» как особое военное обстоятельство, закреплённое в Уголовном кодексе Российской Федерации	66
Тыняная М.А. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по двубъектным составам преступления	68
Уткина С.С. Смягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ: закон и практика	70
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Преступление, совершенное с применением насилия, как признак побоев, предусмотренных ч. 2 ст. 116.1 УК РФ	74

КРИМИНОЛОГИЯ

Агабекян А.Л. Особенности реализации исполнительной пробации в отношении несовершеннолетних	77
--	----

Белоусова А.Н. Проблемы профилактики посягательств на интересы несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационных технологий	80
Бубербаев Н.Д. Цифровизация – криминогенный фактор преступности крупного города (на примере г. Астана)	82
Долматов А.О. Социально-ролевая характеристика личности несовершеннолетнего преступника как специального субъекта пробации ...	85
Карелин Д.В. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних в Бразилии	86
Корнаков И.И. Проблематика выделения криминологических школ и теорий	90
Мосс Ф.А. Об исследовании эффективности освобождения от уголовной ответственности по ст. 75–76.2 УК РФ	93
Ольховик Н.В. Нуждаемость «клиента» пробации как криминологическая категория	95
Пучнина М.Ю. Детерминанты преступлений экстремистского характера в России	98
Смыслова В.Н. Деструктивный контент в информационно-коммуникационном пространстве: влияние на радикализацию и формирование протестной активности населения (криминологический аспект)	100
Стародубцева М.А. Основные черты криминологической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, совершенных учащимися образовательных организаций профессионального и высшего образования	103
Сутурин М.А. Преступность несовершеннолетних и молодежная преступность. Соотношение понятий	106
Федоров А.Ф. Современное состояние преступлений, связанных с незаконным оборотом документов, совершаемых мигрантами	108
Филиппова О.В. К вопросу о формах профилактики рецидива преступлений	110

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Арефьев Н.А. «Девальвация» мер поощрения осужденных: мифы и реальность	113
Батищева М.Н. Постпенитенциарный контроль за освобожденными из мест лишения свободы со стороны общественных организаций	116

Болкунова Е.В. К вопросу о привлечении осужденных к лишению свободы к материальной ответственности	118
Валеев М.Т. Инфляция как фактор пенализации общественно опасных деяний	121
Васеловская А.В. Установление индивидуальной нуждаемости лица как условие применения исполнительной пробации	123
Глазков М.Б. Последствия признания осужденного, отбывающего обязательные работы, злостным нарушителем порядка отбывания наказания	126
Ефименко А.А. Особенности ценностных ориентаций несовершеннолетних осужденных	128
Киселев М.В. Роль оперативно-розыскной деятельности в процессе исправления осужденных в местах лишения свободы	131
Ковалев Н.С. Содержание принципа равенства осужденных перед законом: международно-правовой аспект	133
Овчинников С.Н. Правовые новеллы в институте условно-досрочного освобождения от пожизненного лишения свободы: новый повод для дискуссии	136
Павленко А.А. Систематизация заболеваний, препятствующих достижению целей лишения свободы	139
Плотников Д.А. Проблемные вопросы определения понятия «рецидив преступлений» в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	141
Пропостин А.А. Проблемы понимания реальной опасности работы или услуги при квалификации деяния, предусмотренного ст. 238 УК РФ	144
Сидельцев В.С. Практические аспекты профилактики распространения идеологии экстремизма при исполнении наказания в виде лишения свободы	146
Соколов А.К. Правовые вопросы воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными	148
Степура В.П. О зарубежном опыте применения электронного мониторинга в уголовно-исполнительной системе Скандинавских стран (на примере Швеции и Дании)	150
Тепляшин П.В. Правовая основа регулирования общественных отношений в сфере пробации: конкуренция норм уголовно-исполнительного законодательства и права социального обеспечения	152

Ткач А.С. Особенности уголовно-исполнительных сроков в регламентации исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества	154
Уваров О.Н. К вопросу о сущности уголовного наказания	156
Усеев Р.З. Конвоирование осужденных к лишению свободы: объект исследования и правоприменение (новое в подзаконном регулировании)	159
Уткин А.А. Правовое регулирование труда осужденных к принудительным работам	161
Уткин А.В. Некоторые аспекты системного анализа взаимосвязей отраслей «криминального» цикла	164
Чубраков С.В. Цели наказания и уголовно-исполнительное регулирование	167
Шкуренко И.А. Развитие наказания в виде принудительных работ к период 1917–1922 гг.	171

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Боровцова Е.В. Рассмотрение мировыми судьями вопроса о замене уголовного наказания в случае злостного уклонения от его отбывания	174
Брянская Е.В. К вопросу формальной и фактической силы доказательств в уголовном судопроизводстве России	179
Бурмагин С.В. Анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ о практике применения ст. 237 УПК РФ	182
Васильская А.Р. Некоторые процессуальные аспекты деятельности следователя по защите имущественных прав потерпевших от хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	185
Воронин О.В. О постановлении прокурора как отдельном поводе к возбуждению уголовного дела и возвращении прокурору права возбуждения уголовных дел	187
Головачук О.С. Актуальные проблемы участия прокурора в уголовном судопроизводстве	191
Грищенко А.В. Баланс между непосредственностью и обеспечением безопасности участников уголовного процесса: зарубежный опыт	193
Денисов Е.А. Процессуальное оформление представителей умерших участников уголовного судопроизводства	197

Дудко Н.А. О суде с участием присяжных заседателей в Кыргызской Республике	200
Евлоев А.А. Особенности доказывания по делам о киберпреступлениях	203
Зайцева Е.В. Гарантии обеспечения защиты имущества в уголовном судопроизводстве	208
Климов В.В. Исключения из принципов уголовного процесса	210
Константинова В.А. Производство по делам частного обвинения: актуальные законопроекты	214
Кривошеев С.И. Нарушение права на защиту подсудимого в связи с расхождением позиции с защитником	217
Крысина Н.Р., Левкин Е.В. Квалифицированная юридическая помощь адвоката в стадии возбуждения уголовного дела	220
Кузнецов М.Ю. Сравнительный анализ возможностей доказывания по уголовному делу следователем (дознавателем), оперуполномоченным и адвокатом-защитником	222
Лазаревич В.В. Проблемы доказывания по уголовным делам о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	224
Лантух Н.В. Субъекты процессуального руководства предварительным расследованием	227
Марковичева Е.В. Уголовное преследование лица с психическим расстройством: законодательные и правоприменительные проблемы	231
Мингалимова М.Ф. Использование цифровых технологий при поддержании государственного обвинения в суде	234
Нарядчиков В.Н. К вопросу о времени ознакомления адвоката-защитника с материалами уголовного дела	242
Носкова Е.В., Белякова А.В. О важности универсализации требований, предъявляемых к содержанию ходатайств в уголовном процессе	245
Овсянников Ю.В. Интерес правоприменителя в уголовном судопроизводстве	250
Огарь Ю.А. Начало уголовного преследования	252
Петрушин А.И. Коллизия правового регулирования отношений представительства на этапе возбуждения уголовного дела в порядке частного и частно-публичного обвинения	254
Писаревский И.И. Возбуждение дела: поиск идеальной модели на стыке уголовной и административной юрисдикций	257

Погорелова К.Р. Применение восстановительного правосудия при расследовании краж, совершаемых лицами, находящимися за границей бедности	260
Пшеничкина Н.Н. К вопросу о необходимости дискреционного подхода при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон судом апелляционной инстанции	263
Рудницкий В.А., Ясельская В.В. Формирование навыков разрешения конфликтных ситуаций у студентов-юристов в процессе обучения в вузе	266
Самарин В.И. Конвенция ООН против киберпреступности 2024 г. и совершенствование уголовно-процессуальной формы	269
Семенов И.А. Гарантия обеспечения права частной собственности в уголовном процессе	272
Смирнов В.Е. Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу	274
Соболев А.В. Правовое регулирование заявления и разрешения ходатайства командования воинской части (учреждения) о приостановлении предварительного расследования нуждается в совершенствовании	277
Суханова Л.Г. Защита прав и законных интересов граждан по делам частного обвинения	279
Туршин А.И. Обеспечение достоверности электронных доказательств при помощи электронного уголовного дела	281
Холзода У.Х. Учёт следователем национальных особенностей в уголовном судопроизводстве как способ разрешения конфликтов при выборе ограничений и запретов	284
Чабукиани О.А. Роль следственной власти в укреплении уголовной политики Российского государства	286
Чаднова И.В. Уголовно-процессуальная регламентация представления интересов потерпевшего, умершего в ходе производства предварительного расследования	289
Чекулаев Д.П. Возможные направления уголовно-процессуальной политики России при осуществлении судопроизводства в условиях особых правовых режимов	292
Шадрина Е.Г. Некоторые особенности представления доказательств государственным обвинителем в свете реализации функции прокуратуры	299

Шалагина З.А. О некоторых аспектах сущности доступа к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса	301
Шинкевич Д.В. Проблемные вопросы обеспечения возмещения ущерба по уголовным делам о хищениях, совершенных в информационно-телекоммуникационной сфере	304

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Алексеева Т.А. Анализ гипотимного и гипертимного психологических типов личности в цифровой среде (на примере социальной сети «ВКонтакте»)	307
Алимова Е.Р. Восприятие и воспроизведение информации: психотипологический подход	309
Ахмедшин Р.Л. Криминалистика в системе социальных факторов	311
Ахмедшина Н.В., Алимова Е.Р. Определение непреодолимости физического и психического принуждения (психотипологический аспект)	314
Бойко Ю.Л., Мариупольский А.А. О проблемах использования информационных баз данных МВД России при расследовании преступлений следователями Следственного комитета РФ	316
Бондарева А.А. Некоторые особенности противодействия расследованию преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства	319
Горбова В.В. Особенности оперативно-розыскной профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних ..	322
Горшкова В.С. К вопросу об использовании экспертно-криминалистических учетов в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел	324
Гусельникова О.В. Особенности использования специальных знаний при расследовании хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов	327
Драпезо Р.Г. Методики расследования криминальных пожаров как системообразующий фактор организации пожарного дела в России	329
Иванов И.В. Дифференциация сведений об обстановке совершения преступлений с использованием информационных технологий	332
Климачков А.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств	335

Клокова С.В. О понятии противодействия расследованию преступлений	337
Князьков А.С. Подготовка и сокрытие преступления в контексте противодействия расследованию и его преодоления	340
Коваленко А.С. Роль педагога (психолога) при производстве следственной группой невербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого в рамках комплексных тактико-криминалистических средств	344
Коглина В.А. Отдельные вопросы идентификации копировально-множительных устройств	347
Кужугет Т.К. Криминалистическая логистика – основа цифровизации расследования налоговых преступлений	349
Лавелина В.В. Ситуационный подход в экспертной практике исследования ДНК	351
Ли О.Ю. Значение судебных экспертиз в расследовании преступлений против личности	354
Мазур Е.С., Фрейдман С.А. Роль судебно-медицинской экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников	357
Матвейчук М.С. О применении беспилотных летательных аппаратов в ходе осмотра места происшествия по факту незаконной охоты	359
Негодин Д.В., Негодина О.А. Особенности процесса расследования с учетом изменений в ст. 78.1 УК РФ	361
Нейман Р.А. Некоторые особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по делам о незаконном обороте алкогольной продукции	364
Сажаев А.М. О некоторых особенностях расследования преступлений, предусмотренных ст. 356 и 357 УК РФ	366
Слепухин Д.Н. Актуальные проблемы документирования превышения должностных полномочий: вопросы квалификации	369
Фоминых И.С. К вопросу о структуре криминалистической рекомендации (дидактический аспект)	371
Шмидт А.А. Некоторые вопросы соотношения задач оперативно-розыскной деятельности и оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий	373
Шошин С.В. Инновационные цифровые технологии в процессе выявления, раскрытия и расследования транснациональных преступлений	376

Шутова Т.В. Криминалистическое мышление прокурора: особенности и структура	378
Юань В.Л. Использование технологии виртуальной реальности (VR) в криминалистическом изучении личности	381
Ярославцева Ю.М. Характеристика личности несовершеннолетнего, совершившего убийство, как важный аспект криминалистического анализа преступлений	383
Наши авторы	387

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 101

Сборник статей

Редактор В.Г. Лихачева
Компьютерная верстка А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 11.01.2026 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,7. Тираж 500 экз. Заказ № 6724.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-908040-44-0

9 785908 040440 >